

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ В СУДЬБАХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ

**К 90-летию со дня рождения
профессора Александра Ивановича Борозняка**

Материалы Международной научной конференции

Липецк, 3 февраля 2023 г.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛИПЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ П.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО»
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
Центр германских исторических исследований
ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ В СУДЬБАХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ

**К 90-летию со дня рождения
профессора Александра Ивановича Борозняка**

Материалы Международной научной конференции

Липецк, 3 февраля 2023 г.

УДК 930.1(09)
ББК 63.1.я431
Р 76

Печатается по решению
кафедры отечественной и всеобщей истории
ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.
Протокол № 2 от 28 октября 2022 г.

Россия и Германия в судьбах российских историков. К 90-летию со дня рождения профессора ЛГПУ Александра Ивановича Борозняка: Материалы Международной научной конференции. Липецк, 3 февраля 2023 г. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. – 301 с.

Информация о материалах сборника представлена в систему РИНЦ по договору № 2214–10/2014 К

ISBN 978-5907655-25-6

Сборник воспоминаний и статей посвящен известным историкам-германистам, прошедшим войну, послевоенному поколению. Избрав своей профессией изучение российско-германских отношений, они воспитали целую когорту исследователей. Их ученики внесли ощутимый вклад в современную историографию по проблемам международных отношений, персоналиям, страницам истории Второй мировой войны, исторической памяти.

Издание рекомендуется специалистам-историкам, преподавателям, аспирантам, студентам, учителям средней школы, а также широкому кругу лиц, интересующихся историей российско-германских отношений.

УДК 930.1(09)
ББК 63. 1.я 431
Р 76

Ответственный редактор:

Н.Э. Вашкау, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

Рецензенты:

Н.В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории РГГУ, директор Российско-германского учебно-научного центра РГГУ (г. Москва)

Ю.Н. Тихонов, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (г. Липецк)

ISBN 978-5-907655-25-6

©ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», 2023

Александр Иванович Борозняк (1933 – 2015)

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово.....	5
--------------------------	---

Раздел I. ПОРТРЕТЫ ИСТОРИКОВ-ГЕРМАНИСТОВ

1. ПОКОЛЕНИЕ ИСТОРИКОВ-ФРОНТОВИКОВ

<i>Божик К.Б.</i> Илья Семенович Кремер: солдат Победы, ученый, педагог....	7
<i>Хавкин Б.Л.</i> Александр Соломонович Бланк.....	11
<i>Талашова В.А.</i> Александр Соломонович Бланк: каким я его знала.....	21
<i>Хавкин Б.Л.</i> Лев Александрович Безыменский.....	32
<i>Дамье В.В.</i> Воспоминания о Якове Самойловиче Драбкине.....	43
<i>Черноперов В.Л.</i> Штрихи к биографии Израиля Яковлевича Биска – воина, преподавателя и ученого (1921 – 2009).....	52
<i>Стрелец М.В., Карнович О.В. Радькова О.В.</i> Григорий Маркович Трухнов: портрет ученого и педагога	64
<i>Стрелец М.В., Малашук П.В.</i> Лев Михайлович Шнеерсон.....	71
<i>Евдокимова Т.В.</i> Владимир Александрович Козюченко – создатель волгоградской школы германистики.....	73

2. ПОСЛЕВОЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

<i>Уваров Г.В.</i> О том, кто учил думать и искать.....	78
<i>Кожевникова А.М., Клёнышева Н.Д.</i> «Душа обязана трудиться...».....	84
<i>Nolte H.-H.</i> Zur Erinnerung: Alexander Ivanovich Boroznjak.....	92
<i>Wette Wolfram.</i> Mein Russischer Freund – Historiker Alexander I. Borosnjak	98
<i>Некрылова О.Г.</i> Россия и Германия на изломах истории. Памяти профессора В.А. Артемова.....	107
<i>Ермаков А.М., Канинская Г.Н.</i> Михаил Егорович Ерин – основатель школы исторической германистики в Ярославле.....	113
<i>Ватлин А.Ю.</i> Ученый на сломе эпох: Александр Иванович Патрушев....	120
<i>Кузьминых А.Л.</i> Виктор Борисович Конасов: педагог, ученый, человек.....	135
<i>Терехов О.Э.</i> История Германии как призвание: памяти учителей Ю.В. Галактионова, Л.Н. Корневой.....	146
<i>Зубачевский В.А.</i> Мой учитель – Николай Сергеевич Черкасов.....	152
<i>Михайленко В.И.</i> «Книги, опередившие время» (о творчестве В.А. Буханова).....	158
<i>Григорьева В.З.</i> «Прошлое, которое не уходит».....	163

Раздел II. РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ В АКТУАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Талашова В.А.</i> Деятельность Комиссии историков СССР и ГДР как фактор содействия развитию сотрудничества историков-германистов.....	179
<i>Ищенко В.В., Коршунов Ю.М.</i> Четверть века совместной работы: к юбилею Комиссии историков России и Германии.....	185
<i>Петелин Б.В.</i> Отечественная германистика в лицах, конференциях, исследованиях: вторая половина XX века.....	200
<i>Вашкау Н.Э., Хавкин Б.Л.</i> Александр Иванович Борозняк: историк и его время.....	210
<i>Стрелец М.В.</i> Александр Иванович Борозняк о проблемах формирования культуры исторической памяти.....	224
<i>Алленов С.Г.</i> Фашизм как европейский феномен в освещении немецкой публицистики и историографии: к 100-летию изучения.....	235
<i>Артамошин С.В.</i> Консервативная революция и кризис Веймарской республики.....	253
<i>Тимофеева Н.П.</i> Память о погибших в нацистской Германии советских гражданах (1941-1945): проблемы и перспективы изучения.....	260
<i>Ермаков А.М.</i> Узники совести: католическое духовенство в концентрационном лагере Дахау.....	265
<i>Смирнов Д.А.</i> Исторические взгляды Вальтера Беньямина в работах российских авторов в 2010-х годов.....	279
<i>Образцова Е.В.</i> Семья как фактор ресоциализации работников принудительного труда после возвращения в СССР....	287
<i>Добровольский Е.С.</i> Трансформация идеологической платформы ХДС ГДР в начале 1950-х гг.	291
Сведения об авторах.....	297

Уважаемые читатели!

Этот сборник воспоминаний и научных статей задумывался как возможность раскрыть сухие строки биографий историков, которые помещены в энциклопедиях и справочниках, например «Историки XX века».

Мы, студенты 1970-х-1980-х годов, учились на книгах этих авторов, представляя их классиками историографии, седовласыми корифеями, поднявшимися до заоблачных академических высот. Но корифеи были просто людьми, со своими характерами и судьбами. Авторам этой книги посчастливилось не только учиться у представителей первого поколения советских германистов, слушать их захватывающие лекции, но и беседовать за рамками учебной дисциплины, задавать острые вопросы, которые по умолчанию невозможно было обсудить в широкой аудитории.

Многие из учителей и наставников после окончания университетов и институтов или со студенческой скамьи ушли на Великую Отечественную войну, сражались с фашизмом с оружием в руках, были спецпропагандистами и военными переводчиками, работали в Советской военной администрации в Германии, участвовали в создании органов власти в ГДР. Возмужавшими, с прекрасным знанием немецкого языка, жизненным опытом они продолжили свою работу в германистике, становились молодыми учеными – историками и филологами. Очерки учеников о своих наставниках показывают высокое осознание интеллигенцией военного времени своей гуманитарной миссии.

Отступает на десятилетие то поколение ученых, кто родился перед войной, испытал тяготы эвакуации и голодные послевоенные годы. Поколение, напоенное ветрами хрущевских перемен 1960-х годов, смело смотрело в будущее, ниспровергало вчерашние догмы, предлагало свой новый взгляд на главные вопросы истории XX века.

У всех авторов этого сборника научная судьба была связана с Германией. 60-70-е годы XX в. были временем налаживания международных связей с историками ГДР и частично ФРГ. Темы кандидатских и докторских диссертаций, монографий учеников под влиянием Учителей выводили на новые вопросы: роль рабочего класса, экономическое развитие, истоки и корни фашизма, движение Сопротивления в Германии, многопартийная система послевоенной Германии, роль СССР в формировании политики и экономики стран Восточного блока как примера построения социализма.... Создание Комиссии СССР-ГДР в 1957 году и ее деятельность показывает, какие темы были востребованы, как развивалась наука в прокрустовом ложе официально возможного, как использовались архивы. Какие завязывались научные связи, переходящие в человеческую дружбу, проверенную временем.

Начиная с 1990-х годов, проходили многочисленные международные конференции в ИВИ РАН, ИРИ РАН в Москве, в Волгограде, Вологде, Воронеже, Кемерово... Внимание лидеров государств к историческим реалиям позволило открыть Германский исторический институт в Москве, создать Российско-германскую комиссию историков нового формата. Четверть века работы Совместной комиссии историков России и Германии демонстрируют возмож-

ности научной кооперации и использования архивов обеих стран. Результатом этой работы стали десятки опубликованных документов, коллективных монографий, многотомных изданий сборников, оцифровка архивов МО, МИД. Были созданы и активно включились в работу Центры германских исторических исследований в регионах, привлекаются к научной работе студенты и аспиранты исторических факультетов.

Во второй части сборника представлены результаты научных изысканий учеников, которые стали известными учеными, преподают в университетах, работают в академических институтах. Эти статьи поднимают острые дискуссионные вопросы, которые интересны профессиональным историкам, студентам, учителям школ, они расширяют и углубляют знания, выходят за страницы учебников.

Личные научные связи помогли российским историкам осуществить ряд совместных проектов: приглашение германских ученых на лекции и семинары в российские вузы; работа в архивах и библиотеках, дискуссии российских историков в германских университетских аудиториях...

В полной мере это относится к Александру Ивановичу Борозняку, который свою любовь к истории Германии, ее языку, культуре пронес через всю жизнь. Отдав 50 лет преподаванию в Липецком педагогическом институте (университете), он стал ученым международного уровня. Энциклопедические знания, которыми он щедро делился со студентами и аспирантами, книги, международные конференции, «Копелевские чтения», публикации актуальных статей на острые темы в главных исторических журналах, оппонирование диссертаций – все это позволило А.И. Борозняку обрести в глазах коллег и учеников высокий научный и личный авторитет. «Он – лучшая часть эпохи, которая на глазах уходит», – сказала историк Т.В. Филиппова на Международной конференции его памяти в феврале 2017 года.

90-летию со дня рождения профессора А.И. Борозняка посвящается этот сборник. Свобода мысли, обсуждение острых вопросов, поиск общей точки зрения на непростые вехи истории российско-германских отношений сумели передать ученые старших поколений следующей когорте историков. Наша задача – продолжать движение в этом направлении.

Ответственный редактор сборника
доктор исторических наук,
профессор ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

Н.Э. Вашкау

Раздел I. ПОРТРЕТЫ ИСТОРИКОВ-ГЕРМАНИСТОВ

1. ПОКОЛЕНИЕ ИСТОРИКОВ-ФРОНТОВИКОВ

К.Б. БОЖИК

ИЛЬЯ СЕМЕНОВИЧ КРЕМЕР: СОЛДАТ ПОБЕДЫ, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ

28 января 2022 г. российскому общественному деятелю, историку международных отношений, фронтовику Великой Отечественной войны Илье Семёновичу Кремеру (1922-2020 гг.) исполнилось бы 100 лет.

Илья Кремер родился в еврейской семье в городе Гомеле (Белоруссия); с отличием окончил школу и поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета. Затем он перевёлся на истфак Московского государственного университета (МГУ), где его однокурсниками стали будущие известные историки Сигурд Шмидт, Александр Каждан, Михаил Гефтер, Александр Некрич.

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. В августе 1941 г. третьекурсник МГУ Илья Кремер вместе с товарищами-студентами был направлен на строительство Двинского оборонительного рубежа. Об этих днях Илья Кремер вспоминал: *«Одним из ярких впечатлений августовских дней 1941 г. был провод через село группы из 30-40 немецких пленных, сброшенных на парашютах и захваченных нашими солдатами. В касках, аккуратно одетые, загорелые и сытые, они спокойно шли под охраной трех или четырех конных конвоиров. Ни мы, ни сельские жители не произносили ни одного слова, никак не реагировали на это событие. Война только начиналась и ещё не произвела того ожесточения в душах, которое пришло позже. Мимо нас шли даже не враги, а противники, потерпевшие этой ночью неудачу. Интересно сравнить эти чувства с тем, что я испытывал в первые дни мая 1945 г. в Берлине, когда оставленный один ночевать в центре города, в бывшей немецкой казарме (в зенитном бункере), я дрожал от ночного холода, но не мог заставить себя укрыться немецким солдатским одеялом, которые там лежали десятками. В это время «немецкое» означало – фашистское, грязное, оскверненное, вызывавшее брезгливость»¹.*

По возвращении в Москву Илья Кремер, продолжая учиться в МГУ, работал на заводе «Красная Пресня», где устанавливали «Катюши» на грузовики «ЗИС». Он записался в студенческий лыжный батальон, уходивший на защиту Москвы, но был оставлен в тылу из-за сильной близорукости; по мобилизации работал токарем на авиазаводе. В 1943 г. Кремера призвали в Красную армию; он был направлен в школу младших командиров зенитной артиллерии.

С лета 1944 г. Илья Кремер служил на 1-м Белорусском фронте в должности командира зенитного орудия. В составе 5-го корпуса ПВО 1-го Белорусско-

¹ Кремер И.С. Дело «дипломатического словаря» // Новая и новейшая история. 2018. №5. С. 182.

го фронта командир орудия старший сержант Кремер прошел Польшу и Германию, дошёл до Берлина.

Из событий мая 1945 г. И.С. Кремер вспоминал такой эпизод: 3 или 4 мая ему было приказано занять пустую башню ПВО в центре Берлина. Он прошел по этажам башни и осмотрел ее. Ничего подозрительного не обнаружил и устроился на ночлег. На рассвете его разбудил стук в дверь. За дверью стоял пожилой немец-лифтер, который аккуратно пришел на работу. Старик сообщил, что возле здания собрались несколько сотен голодных берлинцев. Они просят отдать им хлеб, который, по их убеждению, был в башне в солдатском буфете. Советский сержант и немецкий лифтер отправились в буфет и нашли там, в картонных коробках несколько сотен буханок черного хлеба, аккуратно завернутых в целлофан. Илья Кремер предложил немцу вынести на улицу стол, позвать 4-5 мужчин помоложе, уложить коробки на улице рядом со столом. Сам он вышел на улицу, предложил толпе создать очередь и начал раздавать хлеб. Через несколько минут рядом остановился «Виллис». Генерал подозвал Кремера и спросил, что происходит. После объяснений он сказал: «Правильно делаешь, сержант. Молодец!»

Илья Кремер с детства хорошо знал немецкий язык. Командование часто привлекало его к переводу трофейных немецких документов. Он был переводчиком в составе оперативной группы штаба 5-го зенитно-артиллерийского корпуса в Берлине, переводил допросы пленных офицеров противовоздушной обороны Берлина, включая командующего силами ПВО Берлина полковника Веллермана. В приказе о награждении Кремера медалью «За боевые заслуги» отмечается, что его переводы были точными, вопросы – «остроумными». В 1945 г. Кремер начал работать над историей 5-го зенитно-артиллерийского корпуса.

Кремер был включен в качестве переводчика в группу советских специалистов, собиравших и изучавших документацию по немецкой ракете «Фау-2». Со знакомства с отобранными при участии переводчика Кремера документами начались работы советских конструкторов под руководством С.П. Королёва, проложивших дорогу в космос.

Осенью 1945 г. Илья Кремер в звании лейтенанта запаса был демобилизован. Вернувшись в Москву, он совмещал обучение в МГУ с работой в должности редактора «Дипломатического словаря», о чём позже написал в воспоминаниях: *«Однажды, весной 1947 года, пригласили меня зайти в редакцию «Дипломатического словаря». Здесь со мной беседовали две дамы – Эмилия Исаковна и Вера Семеновна Соловьева. Я пришел на эту беседу бедным студентом, подрабатывавшим на жизнь в информационном агентстве, а вышел счастливым обладателем постоянной работы – должности редактора «Дипломатического словаря». Была, правда, одна сложность – посещение лекций для студента 4-го курса истфака МГУ было делом обязательным. Как это можно было совместить со штатной должностью, я не знал. Но свет не без добрых людей. Староста моей студенческой группы, Аллочка Губанова, успокоила меня: «Соглашайся на работу, у тебя семья. Не беспокойся, я тебя прикрою». Я благополучно совмещал работу с учебой до самого окончания МГУ в*

1948 г. В редакции меня тоже не угнетали и я свободно ходил на важные для меня семинары, зачеты и экзамены».

Со временем он стал крупным специалистом по истории Германии и международных отношений. Доктор исторических наук И.С. Кремер – автор более 150 научных работ, опубликованных на русском, английском, немецком и датском языках (в том числе, один из авторов 13 томной «Всемирной истории» и английского издания «Всемирная история в 100 выпусках»); автор учебников для высших учебных заведений: «История новейшего времени стран Европы и Америки» (в соавторстве с Л.С. Белоусовым, И. В. Григорьевой), «Очерк истории внешней политики СССР 1917-1963 гг.» (в соавторстве с академиком А. О. Чубарьяном), «История международных отношений в XX – начале XXI века» (в соавторстве с А.А. Сагомоняном и А.М. Хазановым).

И.С. Кремер был членом Московского Союза журналистов, Советского комитета за европейскую безопасность, полвека отдал работе в Советском комитете ветеранов войны и Российском союзе ветеранов. Уже известным учёным-международником он стал членом его Президиума. При этом Илья Семёнович принципиально отказывался от повышения в воинском звании, считая, что этого достойны другие люди с большим фронтовым опытом и иными заслугами.

С 70-х годов XX в. И.С. Кремер был представителем Советского комитета ветеранов войны в руководстве Международной Федерации борцов Сопротивления – Союз антифашистов (ФИР СА); в 1990-е годы избран Генеральным секретарем этой организации, а с 2004 г. – членом её Почетного президиума. И.С. Кремер участвовал во многих конгрессах ФИР СА, в конгрессах за европейскую безопасность, Всемирном конгрессе ученых за мир. По поручению ФИР СА и Советского комитета ветеранов войны (Российского союза ветеранов) он многократно выезжал в Австрию, Германию, Швейцарию, США и Израиль с целью развития сотрудничества между антифашистскими, антивоенными и пацифистскими организациями этих стран и России.

В Германии друзьями профессора Кремера стали люди, немалую часть своей жизни посвятившие исцелению ран, нанесённых миру нацизмом: бывший федеральный канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, помощник канцлера Вилли Брандта Эгон Бар, основатель благотворительного фонда «Контакты» и большой друг России Эберхард Ратцувайт, называвший Илью Семёновича своим духовным отцом. В 2016 г. благодаря усилиям И.С. Кремера и Э. Ратцувайта Бундестаг ФРГ принял решение приравнять советских военнопленных к политическим жертвам нацистского режима. В Израиле дружбу с Ильёй Кремером многие годы поддерживал председатель Союза воинов и партизан – инвалидов войны Авраам Коэн.

И.С. Кремер стремился к тому, чтобы участие России в этой организации не угасло вместе с поколением фронтовиков, чтобы их наследники и учёные-историки, исследователи Второй мировой войны и Сопротивления нацизму занимали активную, ответственную и независимую общественную позицию.

Илья Семенович награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, «Знак Почёта», Дружбы народов; медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы»; Почётной медалью Совета Мира, а также почётным дипломом памяти М. Ванденборга (героя европейского Сопротивления); отмечен множеством других наград.

В мае 2021 г. в стенах Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), которому Илья Семёнович посвятил последние 27 лет своей творческой и преподавательской деятельности, состоялась встреча памяти учёного с участием представителей науки, высшей школы, дипломатии и общественных организаций России и других стран. Участники встречи пришли к выводу, что достойная встреча 100-летия И.С. Кремера принесёт большую пользу российскому научному сообществу, послужит точкой отсчёта для многих конструктивных начинаний.

Илья Семенович Кремер, большая часть жизни которого пришлась на советскую эпоху, оставил нам в наследство образец честного научного творчества в области истории и политологии. Научные работы, мемуары, интервью профессора Кремера – это не только сокровищница знаний и научной эрудиции, но и нравственный камертон, образец для подражания, как для зрелых людей, так и для молодёжи.

И.С. Кремер – фронтовик, расписавшийся в мае 1945 г. на Рейхстаге – остался в нашей памяти как скромный и мудрый человек, до последних своих дней говоривший о важности борьбы за мир.

И.С. Кремер. 1940-е годы

АЛЕКСАНДР СОЛОМОНОВИЧ БЛАНК

Среди старшего поколения советских историков-германистов, в основном фронтовиков Великой Отечественной, Александру Соломоновичу Бланку (1921-1985 гг.) принадлежала особая роль: он был одним из основных участников процесса становления и развития советской (а значит и современной российской) исторической германистики 40-80-х годов XX в., первооткрывателем таких направлений отечественной историографии как история и идеология фашизма и национал-социализма, роль антисемитизма в идеологии и политике гитлеровского рейха, немецкое антигитлеровское Сопротивление, история немецких военнопленных в СССР¹.

А.С. Бланк родился 3 июля 1921 года в Одессе в семье юриста Соломона Лазаревича Бланка и его жены Сары Анисимовны, учительницы иностранных языков. Алик, как называли его домашние и друзья, владел немецким с детства, знал французский и английский языки. Увлекался техникой и литературой, историей и музыкой.

В 1938 г., окончив с отличием среднюю школу, Александр Бланк поступил в Политехнический институт, но вскоре ушел из него и стал студентом исторического факультета Одесского государственного университета. Александр интересовался новейшей историей, занимался в научном кружке под руководством профессора К.П. Добролюбского, выступал на научных студенческих конференциях. Его работа о революционном подъеме в Чили в 30-х годах XX в. была отмечена на конференции в университете. В 1939 г. студент-историк Александр Бланк стал внештатным сотрудником одесских областных газет «Большевицкое знамя» и «Молодая гвардия», где регулярно публиковались его статьи.

Но учеба Александра в университете, как и мирная жизнь всех советских людей, была прервана 22 июня 1941 г. Германия и ее сателлиты напали на СССР. Спустя четыре дня после начала Великой Отечественной войны в Одессе был сформирован студенческий добровольческий истребительный батальон НКВД. Одним из первых в него вступил студент исторического факультета Одесского университета Александр Бланк. Вместе с другими бойцами и командирами он защищал город, на который наступали немецкие и румынские войска. После тяжелого ранения красноармеец Бланк был эвакуирован морем и направлен в госпиталь в Саратове. Юноше ампутировали пробитое легкое, из-

¹ Бланк А.С. Национальный комитет «Свободная Германия» – центр антифашистской борьбы немецких патриотов. Вологда, 1963; *его же*. КПГ в борьбе против фашистской диктатуры. М., 1964; *его же*. Лёвель Б. Наша цель – свободная Германия. Из истории антифашистского движения «Свободная Германия». М., 1969; *его же*. В сердце «третьего рейха». М., 1974; Бланк А.С., Борозняк А.И., Талашова В.А. Историография новой и новейшей истории: учебное пособие для студентов исторических факультетов. Вологда, 1975; Бланк А.С. Из истории раннего фашизма в Германии. Организация. Идеология. Методы. М., 1978; *его же*. Старый и новый фашизм. М., 1982; *его же*. Неонацизм - реваншизм. Мифы «психологической войны». М., 1985; Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М., 1990.

влекли осколки (один осколок, засевший в ноге, оставался в его теле всю дальнейшую жизнь). Медкомиссия признала Александра Бланка негодным для дальнейшей военной службы. Едва оправившись от ранения, Александр экстерном окончил университет, эвакуированный в Майкоп. В августе 1942 г. он получил диплом историка.

2 февраля 1943 г. полной победой советских войск завершилась Сталинградская битва. В плен попали почти 100 тыс. вражеских офицеров и солдат. Для работы с ними срочно и в большом количестве понадобились переводчики. В феврале 1943 г. Александр Бланк, молодой историк, знающий немецкий язык, получил разрешение вновь вернуться в строй.

В 1943-1945 годах лейтенант Бланк – политработник и военный переводчик Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД. В 1944 г. он возглавлял отдел контрразведки Суздальского лагеря №160, где тогда насчитывалось 60 тысяч военнопленных офицеров – немцев, австрийцев, итальянцев, румын, венгров, хорватов, сербов, финнов.

Молодому советскому офицеру, имевшему фронтовой опыт и знавшему язык противника, была доверена ответственная работа с самым сложным контингентом пленных – генералами и старшими офицерами вермахта. Александр Бланк отдавал все силы решению нелегкой задачи – убедить вчерашних «верных солдат фюрера», что национал-социализм так же пагубен для Германии и ее народа, как и для тех стран, которые они пытались завоевать. Соратниками в этом нелегком деле были немецкие политэмигранты из Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ) Вальтер Ульбрихт, Эрих Вайнерт, Герман Матерн, Вилли Бредель, Фридрих Вольф. На документальных кадрах кинохроники, рассказывающей об учредительной конференции НКСГ 12-13 июля 1943 г. в подмосковном Красногорске, запечатлен и Александр Бланк².

В биографии лидера немецких коммунистов Вильгельма Пика (с 1949 г. до своей смерти в 1960 г. он был первым и единственным президентом ГДР) упоминается советский офицер Александр Бланк, сопровождавший его в поездках по лагерям немецких военнопленных.

С военнопленными работала вся семья Бланк: переводчиками были его мать Сара Анисимовна и младший брат Юрий; начальником госпиталя для военнопленных служила жена Александра Соломоновича – Валентина Тимофеевна Миленина, капитан медицинской службы.

В июне 1944 г. в поселке Камешково Владимирской области, где находился лагерь для военнопленных, Сара Анисимовна Бланк и ее сыновья Александр и Юрий организовали литературный пушкинский вечер. Стихи Пушкина исполнялись военнопленными по-немецки. Стихотворный перевод был выполнен семьей Бланк. На вечере прозвучали фрагменты из «Капитанской дочки» и «Метели», любители-артисты подготовили инсценировки «Моцарта и Сальери» и «Цыган». Премьера прошла столь успешно, что командование лагеря органи-

² Хавкин Б.Л. Против фашизма старого и нового. К 100-летию со дня рождения советского историка Александра Бланка // Независимое военное обозрение. 15.7.2021.

зовало «гастрольные поездки» необычного театрального коллектива в другие лагеря для военнопленных³.

После войны А.С. Бланк посвятил себя науке и педагогической деятельности. Работал преподавателем, заведующим кафедрой и деканом исторического факультета во Владимирском и Череповецком педагогических институтах. Под его руководством была учреждена кафедра всеобщей истории в Вологодском пединституте. В Вологде доктор исторических наук, профессор А.С. Бланк создал научную школу по истории фашизма (прежде всего – германского нацизма) и антифашистской борьбы, руководил научной работой более 30 аспирантов (одним из них, самым молодым, был я), возглавлял Проблемный совет по германской истории при Министерстве просвещения РСФСР.

Имя профессора А.С. Бланка было широко известно в нашей стране и за ее пределами: перу ученого принадлежит более ста работ. Его книги издавались в СССР, ГДР, ФРГ, Австрии, Болгарии, Чехословакии и других странах. Фундаментальная монография А.С. Бланка, в которой автор изучал исторический опыт борьбы компартии Германии против фашистской диктатуры⁴, на десятилетия определила развитие одного из направлений советской исторической германистики. «Эта книга, – отмечал видный деятель германского и международного рабочего движения Макс Рейман, – помогает нам в борьбе против фашизма, реваншизма и агрессивных сил»⁵.

А.С. Бланк был первооткрывателем темы «Красная Капелла» в советской историографии. Берлинскую группу Шульце-Бойзена – Харнака историк рассматривал как основу немецкого антигитлеровского народного фронта в подполье⁶.

Несмотря на ограниченность источников, коммунистический пафос и идеологическую пристрастность, труды А.С. Бланка отличала последовательная антифашистская позиция. В «застойные годы» историк дал свое, новаторское определение фашизма: «фашизм – не только кровавая и террористическая диктатура наиболее реакционных кругов монополистической буржуазии (определение VII Конгресса Коминтерна, принятое Сталиным и утвердившееся в советской историографии), но и одновременно уникальная по характеру система создания противоречащих интересам народа ложных «национальных единств», особый механизм формирования социально-психологических настроений, основывающихся на негативной, деструктивной базе»⁷.

А.С. Бланк рассматривал фашизм и его разновидности не только как террористическую диктатуру, но и как общественно-политическое движение, политическую идеологию, которая при помощи тотальной пропаганды легко овладевает массами. Фашизм, учил А.С. Бланк, сложен и многолик; он обладает

³ Серпер Ю. Негасимый свет // Вестник Online. № 12(297). 12.06. 2002. – URL: www.vestnik.com/issues/2002/0612/koi/serper.htm (дата обращения 31.01.2022).

⁴ Бланк А.С. КПГ в борьбе против фашистской диктатуры.

⁵ Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. С.102.

⁶ Бланк А.С. В сердце "третьего рейха"; Blank A. Rote Kapelle gegen Hitler / Alexander S. Blank, Julius Mader. Berlin, 1979.

⁷ Бланк А.С. Старый и новый фашизм. С. 85-86; Хавкин Б.Л. Фашизм и нацизм как системы ложных единств // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 4. С. 196–212.

удивительной способностью к мимикрии; он как вирус легко приспосабливается к изменившимся условиям, мутирует во времени и пространстве.

Историк отмечал, что в публицистике научное понятие «фашизм» нередко превращается в пропагандистское клише, используемое в актуальных политических целях. Это понятие с 20-30-х годов XX в. заняло промежуточное место между теорией и политической практикой; оно до сих пор активно используется в политической риторике, тем самым теряя научный смысл.

А.С. Бланк учил различать понятия «фашизм» и «национал-социализм». В Германии гитлеровцы признавали серьезное воздействие итальянского фашизма на формирование нацистской партии. Однако немецкие нацисты никогда не называли себя фашистами: в Германии в 1933-1945 гг. была попытка построить национальный социализм, то есть спаянное единой идеологией арийское национальное государство, создать германское «народное сообщество», которое с помощью военной силы тоталитарного режима завоюет для себя «жизненное пространство», освободив его от «неполноценных» рас и народов. Национал-социализм – это «социализм» (социальное государство) для «избранной нации»⁸.

При этом индикатором, «лакмусовой бумажкой» на нацизм всегда является крайний агрессивный антисемитизм. Ученый убедительно доказал, что уничтожение евреев, наряду с завоеванием жизненного пространства для «высшей расы», было одной из главных целей развязанной нацистами Второй мировой войны.

Проблема нацистского антисемитизма занимает особое место в творчестве историка. А.С. Бланк был одним из немногих советских ученых, сумевших доказать, что антисемитизм лежит в основе идеологии и политической практики фашизма. Антисемитизм выступал и как внутренний фактор, и как (по определению польского поэта Юлиана Тувима) «международный язык фашистов»⁹. «Биологизированный антисемитизм в самой крайней форме, не признающий никакого другого способа решения «еврейского вопроса», кроме поголовного истребления всех евреев, был неотъемлемым элементом фашистской расовой теории», – писал А.С. Бланк¹⁰.

Ученый убедительно доказал, что уничтожение евреев, наряду с завоеванием жизненного пространства для «высшей расы», было одной из главных целей развязанной нацистами Второй мировой войны, в частности, агрессии против СССР. Советский Союз отождествлялся нацистами с еврейством, захватившим власть в России и готовящим «мировую революцию». Цель «еврейского заговора», по Гитлеру, – создание всемирного государства под контролем евреев, что грозит суверенитету других стран, в особенности Германии, нуждающейся в расширении жизненного пространства. Отсюда – использование геополитической теории жизненного пространства как аргумента в пользу завоевательных

⁸ См.: *Хавкин Б.Л.* Виновники величайшей трагедии XX века. Об определении понятий «фашизм» и «нацизм» // Независимое военное обозрение. 21-27.1.2022.

⁹ См.: *Хавкин Б.Л.* А.С. Бланк о нацизме и антисемитизме// Научно-информационный бюллетень «Холокост». 2021. № 90(2). С. 14.

¹⁰ *Бланк А.С.* Из истории раннего фашизма в Германии. С. 127.

войн и установления «мирового господства» «высшей арийской расы» с целью освобождения мира «от еврейско-христианско-марксистского учения».

Главным орудием завоевания «мирового господства» в руках Гитлера стал вермахт – германские вооруженные силы, возглавляемые такими военачальниками, как Фридрих Паулюс.

Тема Паулюса – одна из главных в творчестве А.С. Бланка. Историк мечтал подробно рассказать о судьбе Паулюса, прежде всего своим соотечественникам. Однако впервые книга «Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса» вышла в Болгарии и Чехословакии. Историк продолжал работать над советским вариантом этого издания. Единственной, написанной в Советском Союзе, но опубликованной на немецком языке в ФРГ работой по истории немецких военнопленных в СССР была монография А.С. Бланка¹¹. Несмотря на то что в ней отражались многие пропагандистские стереотипы советской историографии, важнейшие положения этой книги удалось издать в нашей стране на русском языке лишь во времена гласности и перестройки¹².

В основе книги о Паулюсе – воспоминания и дневник Александра Бланка. Обратимся к его записям: «Глубоко в прорези обветшалой подкладки полевой сумки – единственной вещи, оставшейся у меня со времен войны, – я нашел несколько смятых страничек из самодельной записной книжки... Беглые, поблекшие от времени неразборчивые заметки ... Заметок много... Эти заметки – «рабочие планы» на предстоящий день – были понятны мне одному. Они были сделаны в 1943 году в стенах Спасо-Евфимьева монастыря в городе Суздале, тогда еще Ивановской области. Здесь, в лагере для военнопленных, находился в ту пору генералитет и офицерский корпус группировки фашистского вермахта, взятой в плен. Мне, молодому офицеру, предстояло работать с ними, жить среди них»¹³.

А.С. Бланк отмечал, что работа с военнопленными была чрезвычайно важным боевым участком. В плен попадало немало носителей важной информации – военной (стратегической и тактической), политической, экономической, технической. Среди них были люди, еще вчера служившие в генеральном штабе, министерстве иностранных дел, в гестапо и СД, работавшие на военных заводах и в государственном аппарате, но в силу самых разных обстоятельств оказавшиеся на фронте, а затем и в плену. Изучение этих пленных и их связей, получение, проверка и обработка информации составляли первостепенную задачу политической и военно-стратегической разведки. Успешно выполнять ее могли люди, имеющие необходимый уровень компетентности и интеллекта.

Была и другая задача. Она заключалась в том, чтобы освободить вчерашних солдат и офицеров вражеской армии от духовного плена фашизма, убедить их в его античеловеческой сущности. Помочь им в этом должны были советские люди, работавшие в лагерях, – ведь с другими людьми военнопленные контактов не имели.

¹¹ Blank A. Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. Köln: 1979.

¹² Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М., 1990.

¹³ Там же. С. 52.

С Паулюсом Бланку довелось общаться ежедневно и подолгу. Об этом свидетельствуют, в частности, две записи в его блокноте: «газ. с П. 8.04.43» – чтение газет Паулюсу и «бес. с П.» – беседы с ним. Бланк вспоминал, что в лагере Паулюс вел строго регламентированный образ жизни. Утренняя зарядка, прогулки в одиночестве, несколько часов работы в небольшом фруктовом саду, окружавшем двухэтажный дом, где жили генералы (сейчас этого дома нет, его снесли), беседы с генералами и своим адъютантом полковником Адамом, наиболее близким ему человеком.

Бланк вспоминал, что Паулюс много времени проводил за чтением. По просьбе фельдмаршала ему достали «Капитал» Карла Маркса на немецком и французском языках. Он долгие часы занимался тем, что переводил Маркса с французского на немецкий язык, а затем сверял сделанный им перевод с немецким оригиналом и радовался, когда достигалось совпадение текстов или когда его перевод приближался к оригиналу. Но «Капитал» интересовал фельдмаршала не только как материал для перевода. Он тщательно его изучал. В апреле или начале мая, помнится, он попросил достать ему также «Диалектику природы» и «Анти-Дюринг» Фридриха Энгельса на немецком языке, а однажды попросил указать ему ленинские работы, в которых приводится оценка прусского военного теоретика Карла фон Клаузевица.

Нацистская пропаганда скрывала от немецкого населения факт сдачи фельдмаршала и других генералов сталинградской группировки в советский плен. Родные и близкие считали их погибшими, и продолжительное время не имели о них вообще никаких известий. Разумеется, генералы и офицеры, находившиеся в плену, также ничего не знали о близких людях. Письма, которые в соответствии с конвенцией о военнопленных посылались в Германию через Международный Красный Крест, задерживались гитлеровской цензурой и не доставлялись адресатам.

Советское командование предприняло необходимые меры, чтобы доставить жене фельдмаршала Паулюса Елене Констанции письмо от мужа и получить от нее ответ. Можно представить себе – и фельдмаршал, опытный военачальник, хорошо понимал это, – какие трудности пришлось преодолеть советским разведчикам, работавшим в рейхе, чтобы осуществить столь сложную и небезопасную акцию! И вот фельдмаршала приглашают в кабинет начальника лагеря полковника А.С. Новикова. Присутствуют Новиков, несколько советских генералов и старших офицеров и переводчик лейтенант Бланк.

«У нас есть для вас сюрприз, – говорит один из присутствующих. – Узнаете почерк? – спрашивает он, передавая в руки Паулюса конверт. Фельдмаршал надел очки, внимательно посмотрел на конверт. Его руки, обычно спокойные и неторопливые, стали заметно дрожать. Но он сдержал себя, не вскрыл конверт тут же, а поблагодарив, спрятал его в карман кителя и продолжал несколько минут вести беседу. Закончив ее, он вышел из кабинета и направился к себе. Только там он прочитал письмо. В этот день Паулюс ни с кем не разговаривал и

допоздна гулял в одиночестве. Наутро он вошел в свой обычный бытовой ритм»¹⁴.

Александр Соломоновичу запомнился весьма примечательный разговор с пленным фельдмаршалом. Паулюс завел тогда речь о советских людях, о том, что они живут в бедности и под вечным страхом, и потому, мол, легко расстаются с жизнью. Цитируем воспоминания Бланка: «Не вам, господин фельдмаршал, говорить о страхе и несправедливости, – ответил я. – Ваш рейх – гигантский концлагерь, где каждый боится другого, где даже за крамольную мысль бросают в застенки. Возможно, вам известна фамилия Брехт. Так вот, у нас в лагере в библиотеке есть его книга, а в ней стихотворение «Ужасы режима». Прочитайте его, прежде чем судить о страхе и несправедливости. – Я слышал о Брехте и знаю, что он пишет дурные пьесы и бездарные стихи. И вообще, я не читаю красных поэтов, не слушаю красную пропаганду, герр лейтенант. Или, может быть, вы предполагаете, что в следующий раз я буду приветствовать вас вот так? – с сарказмом спросил Паулюс, вскинув левый кулак в приветствии красных фронтовиков «Рот фронт». – Мы не собираемся делать из вас коммуниста, господин фельдмаршал. Наши взгляды прямо противоположны по всем вопросам. Вряд ли мы с вами когда-либо будем думать одинаково, – сказал я. – Это только на первый взгляд, – возразил мой собеседник. – Если присмотреться и вдуматься, ваши порядки очень похожи на наши. У нас – фюрер, у вас – товарищ Сталин. И так же, как у нас, генералами командует партия и тайная полиция. Разве немцы уничтожили ваших лучших генералов: Тухачевского, Блюхера, Якира, Егорова? Я оказался в очень трудном положении. Никому из нас, простых советских людей, тогда не была известна правда о Сталине, о преступлениях Ежова, Берии и их подручных. Мы, офицеры НКВД, работавшие с военнопленными, ничего не знали о дьявольской кухне этого ведомства. До XX съезда КПСС надо было еще прожить долгих и трудных 13 лет... А то, что известно о Сталине и сталинизме сегодня, в конце 80-х годов, было просто немыслимо в то время»¹⁵.

А.С. Бланк, рассматривая гитлеризм и сталинизм в их исторической взаимосвязи, не мог не заниматься сравнительным анализом обеих диктатур и личностей германского и советского вождей. Однако этот сравнительный анализ найдут в книгах историка лишь те читатели, которые владеют столь развитым в советское время умением читать «между строк»: писать об этом открыто в советской печати, даже научной, было невозможно. Размышления А.С. Бланка о Сталине были опубликованы в Германии через 14 лет после смерти историка¹⁶.

Для историка-фронтовика, сражавшегося с фашизмом винтовкой и пером, были особенно нетерпимы проявления антисемитизма в Советском Союзе. В написанных в годы брежневского «застоя» воспоминаниях А.С. Бланка, так и не опубликованных полностью, есть глава «О несуществующем вопросе» Име-

¹⁴ Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М., 1990. С. 74.

¹⁵ Там же. С. 75-76.

¹⁶ Фрагмент мемуаров А.С. Бланка был опубликован в немецком журнале «Форум»: Aleksandr Blank. Nachdenken über Stalin. Mit einem Vorwort von Boris Chavkin// Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte, 3. Jahrgang, 1999, Heft 2, S. 71-115.

ется в виду еврейский вопрос, которого официально в СССР не существовало. Как писали в «Золотом теленке» Илья Ильф и Евгений Петров, «евреи есть, а вопроса нету». А.С. Бланк разделял «стихийно-народный» антисемитизм «снизу» и организованный государством антисемитизм «сверху». До конца 1930-х годов антисемитизма «сверху» в СССР не было, а за проявления антисемитизма «снизу» вполне можно было получить тюремный срок. Ученый отмечает небольшое оживление антисемитских настроений «сверху» в 1939-1940 гг. Оно было связано с заключением советско-германского пакта о ненападении и прекращением антифашистской пропаганды в СССР. Несколько ожил и антисемитизм «снизу»: среди «врагов народа» было много евреев, что создавало почву для антисемитских настроений.

«В годы Великой Отечественной войны, в особенности до победы Красной армии под Сталинградом, антисемитизм в СССР, естественно, не мог проявиться ни «сверху», ни «снизу», – писал А.С. Бланк. – Зоологическая и неприимая враждебность к евреям была краеугольным камнем нацистского мировоззрения, а геноцид в отношении евреев – основой карательной политики гитлеровцев. Кроме того, евреи честно и самоотверженно сражались на фронте против нацистов. В Великой Отечественной войне участвовало 500 тыс. советских евреев, 200 тыс. из них погибли. 160 тыс. евреев-фронтовиков были награждены орденами и медалями, 157 человек получили звание Героя Советского Союза. Заслуги евреев в войне в первые послевоенные годы еще признавались, хотя и не подчеркивались. С годами об этом перестали говорить. На братских могилах воинов Красной армии, на пепелищах гетто, на местах массовых казней евреев – мирных граждан нигде и никогда не указывалось, что здесь сражались и погибали воины или мирные граждане-евреи. Обычно говорилось: «советские люди». Но и в годы войны имели место проявления антисемитизма «снизу» («Иван воюет в окопе – Абрам торгует в коопе (кооперативном магазине) – Б.Х.), «все евреи на Ташкентском фронте»), а также после Сталинграда – «сверху»: запрет на прием евреев в дипломатическую школу, годом-двумя позже – в Высшую партийную школу, Академию общественных наук при ЦК КПСС, Высшую школу госбезопасности. «Директивный» антисемитизм питался как личными предрассудками Сталина, так и настроениями высшей и средней бюрократии сталинского призыва. Переломным моментом, ознаменовавшим переход антисемитизма на высший этап, к новым открытым формам, стал 1949 г. – компания борьбы против космополитизма. Следующий этап – конец 1952 г.: впервые называются как враги и шпионы сионисты, правда, сначала в Чехословакии (дело Р. Сланского), затем арест группы кремлевских врачей – «вредителей, шпионов и убийц в белых халатах». Хотя после смерти Сталина прозвучала команда «отбой», «директивный» антисемитизм 1949-1953 годов оставил неизгладимый след в сознании партийно-номенклатурных «кадров». Никого из тех, кто травил «космополитов», не осудили, не исключили из партии и даже с постов не потеснили. В жертву был принесен следователь Рюмин и еще два-три человека из аппарата МГБ. Хотя на гребне антисталинской кампании второй половины 50-х начала 60-х годов антисемитские проявления бы-

ли тщательно завуалированы, никакие запреты прежних лет сняты не были. В эти годы немного полегчало с аспирантурой, докторантурой, продвижением по хозяйственной линии и в области литературы и искусства. Совсем немного и ненадолго. Отпущенная на один-два витка гайка была снова довернута до упора через несколько лет. Антисемитизм «директивный» (под видом антисионизма) и «стихийно-народный» все теснее сливались воедино, особенно после победы Израиля в Шестидневной войне в июне 1967 г.», – писал А.С. Бланк¹⁷.

А.С. Бланк не был диссидентом: он был не инакомыслящим, но свободно мыслящим. Однако с точки зрения партийных властей он все равно был «неблагонадежным» – не таким, как все: Бланк издавал свои книги в столице и за границей (по официальным каналам), говорил по-немецки по телефону (который прослушивался) с государственными деятелями и историками ГДР; ему звонили известные в Советском Союзе люди, в частности, «папа Штирлица» писатель Юлиан Семенов, историк Лев Безыменский. И Бланк, и Безыменский во время войны работали с Паулюсом – эта тема объединяла их.

В Вологде ходили слухи о родстве Александра Соломоновича с семьей В.И. Ленина (мать Ленина, Мария Александровна Ульянова, в девичестве носила фамилию Бланк. Ее дедом, прадедом Ленина, был купец-еврей Мойше Бланк, в крещении получивший имя Дмитрия). Слухи о своем дальнем родстве с основателем советского государства Александр Соломонович воспринимал с улыбкой: его забавляло, как советские партийные чиновники-антисемиты скрывали еврейские корни Ленина, в то время как в ГДР об этом писали и говорили открыто...

Анализ нацизма и сталинизма неизбежно выводил историка на противостояние с брежневско-сусловской командно-административной системой. Обслуживающая ее партноменклатура чувствовала, что А.С. Бланк покушается на ее неприкосновенность и сделала все возможное, чтобы сломить ученого.

А.С. Бланка, одного из светил советской германистики, в Вологде держали «под колпаком». Многочисленные приглашения на работу из Москвы и Ленинграда блокировались в обкоме партии. Партийные начальники тщательно подсчитывали количество евреев среди участников организуемых Бланком научных конференций, чтобы не допустить образования «сионистского гнезда» на Вологодчине.

«Я стал ощущать растущее противодействие своим начинаниям. Они шли из обкома, – отмечает А.С. Бланк в воспоминаниях. – Аргументы были не новые: говорилось, что заниматься историей фашизма дело не наше, не для Вологды это, отвлекает научные силы от первоочередных проблем, например, от истории Вологодского молочного животноводства.... Если это нужно Бланку, – кричал на одном из заседаний зав. отделом науки и вузов Махин, – то пусть он один этим и занимается!»¹⁸.

Инвалиду войны, жившему с 1942 г. с одним легким, вологодские «начальники» медленно перекрывали кислород. Александр Соломонович зады-

¹⁷ Бланк А.С. Воспоминания. (Рукопись) // Личный архив Б.Л. Хавкина.

¹⁸ Бланк А.С. Воспоминания. (Рукопись) // Личный архив Б.Л. Хавкина.

хался не только от холода, но и от удушающей обстановки провинциального застоя. 20 января 1985 г. он умер, не дожив до весны, принесшей с собой оттепель перестройки.

Свои взаимоотношения с властью историк характеризовал как «реакцию отторжения» – так называется глава его так и не изданных полностью воспоминаний. «По крайней мере, тридцать пять лет из моих шестидесяти я представлял собой отторгаемую, несовместимую часть организма: долгое время я хотел – меня не хотели. Затем перестал хотеть и я»¹⁹, – с горечью писал А.С. Бланк за три года до смерти.

Воспоминания А.С. Бланка начинаются такими словами: «Мемуары пишутся обычно в мажорном ключе. В этих заметках гораздо больше о другом – ошибках, неудачах, заблуждениях. В них и горе от разочарований и запоздавших прозрений, и грусть от того, что почти ничего невозможно исправить. И если я все же решил написать эти заметки, то лишь потому, что в жизни, как в науке, цена отрицательного результата ничуть не меньше, чем положительного»²⁰ ...

Но хранители и охранители мертвой идеологии не добились победы над мужественным человеком. Они так и не дождалась его смирения и послушания. Система, слепо подавлявшая и уничтожавшая критически мыслящих и непокорных, не смогла противостоять ходу истории.

Симпозиум 1971 года. Вологда.
Второй ряд в середине А.С. Бланк и А.И. Борозняк

¹⁹ Бланк А.С. Воспоминания. (Рукопись) // Личный архив Б.Л. Хавкина.

²⁰ Там же.

АЛЕКСАНДР СОЛОМОНОВИЧ БЛАНК: КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛА

«Обыкновенный фашизм»

28 января 2021 года в программе телеканала «Культура» значилась передача Андрея Максимова «Наблюдатель». Хотела посмотреть чуть-чуть, но, увидев тему, не могла оторваться. Она была посвящена 120-летию со дня рождения Михаила Ромма. Разговор шел и о фильме «Обыкновенный фашизм»...

Сразу вспомнились первые годы моей преподавательской деятельности в ВГПИ: заканчивая аспирантуру по кафедре истории КПСС, я должна была начать читать курс новейшей истории на кафедре всеобщей истории, куда пришел из Череповецкого педагогического института мой научный руководитель Александр Соломонович Бланк. Было начало 1970-х годов... А.С. Бланк «поставил» меня на «новейшую». Я-то думала, что курс будет читать он, но все темы по программе были, вероятно, неинтересны, и он согласился прочитать только одну тему «Германия 1918-1939». Я еще не видела, да и не знала об «Обыкновенном фашизме» Ромма, а Александр Соломонович разрабатывал спецкурс по фашизму. Два часа лекции он посвятил характеристике основных черт фашистского режима. Я с интересом слушала его лекцию, спокойно фиксируя для себя эти черты – единая идеология с ее особенностями, складывание однопартийной политической системы, единые общественные, спортивные, молодежные, детские организации...

В аудитории явно нарастал шум и стал слышен шепот студентов. Александр Соломонович продолжал... Я наблюдала за аудиторией, за глазами и лицами студентов. Я ведь знала, что у КГБ есть интерес к А.С., а то, что на факультете есть осведомители, еще не предполагала. Но среди студентов были дети достаточно высоких партийных руководителей области (тогда в области это был единственный исторический факультет), и содержание лекции могло стать им известно. С нарастающим внутренним страхом я думала, как же он закончит лекцию...

Прозвенел звонок, аудитория молчала. А.С. Бланк закончил лекцию фразой: «но фашизм есть диктатура крупного монополистического капитала, а в нашей стране все подчинено интересам советского народа». Потом в ВГПИ вышло пособие к спецкурсу для студентов исторического факультета в трех частях¹. Было это в первой половине 70-х годов и когда уже в начале XXI века в разговоре с И.А. Альтманом (НПО «Холокост») я сказала, что мы в 70-е со студентами говорили и о Холокосте (не используя, конечно, этот термин), он мне ответил: «Да кто вам это разрешал...», а мы как-то и не спрашивали...

«Обыкновенный фашизм» был впервые показан на факультете в рамках спецкурса А.С. Бланка «Германский фашизм и западногерманский неонацизм

¹ Бланк А.С. Германский фашизм и западногерманский неонацизм: Спецкурс для студентов исторического факультета в 3 частях. Вологда. 1971. Ч.1. 148 с.; Вологда, 1973. Ч. 2. 168 с.; Вологда, 1974. Ч. 3. 124 с.

1919-1969 гг.» в 1973-74 учебном году, а потом, уже когда я читала курс новейшей истории Запада сама, мы обязательно смотрели его в теме «Германия 1918-1939», сначала заказывая в кинотеатре «Салют», а когда появились видеомagneтофоны и кассета с фильмом, – в аудитории. Сегодня эта кассета хранится в моей домашней видеотеке.

Эпизод 1. Аспирантура – появление в моей жизни А.С. Бланка

В 1968 году после окончания исторического факультета Вологодского педагогического института я получила рекомендацию для поступления в аспирантуру. Ее научным руководителем стал доктор исторических наук, профессор кафедры марксизма-ленинизма Череповецкого пединститута А.С.Бланк. К этому времени уже вышла его монография «КПГ в борьбе против фашистской диктатуры»², по которой он защитил в Ленинградском университете докторскую диссертацию. Для поступления в аспирантуру мне нужно было написать реферат. При первой встрече, а это был июль 1968 года, А.С. спросил, что я знаю о войне в Испании 1936-39 гг. и об отношении к ней в СССР. Знала я о ней совсем мало, но именно по этой теме мне было предложено написать реферат. Архивов по такой теме в Вологде не было, и основой для реферата стала литература. Но её тоже было очень мало, и я обратилась к периодике. Благо, опыт кое-какой у меня уже был. Шапочки- испанки, стихи М. Светлова «Гренада, Гренада...», имена Долорес Ибаррури и Хосе Диаса, демонстрации в поддержку Испании как в стране в целом, так и в Вологде и скупые заметки о приезде испанских детей в СССР дали возможность почувствовать значимость темы. Реферат у меня А.С. принял, но я так до конца его жизни и не расспросила о работе вожатым в детском доме для испанских детей в Одессе, где прошли его довоенные годы.

Тему диссертационного исследования мы обозначили так, чтобы она имела отношение к истории КПСС и международному коммунистическому движению. Звучала она так: «КИМ и ВЛКСМ в организации помощи республиканской Испании в годы гражданской войны 1936-1939 гг.». Именно Александр Соломонович научил меня продумывать до десяти формулировок темы, названий параграфов, каких-то определений, чтобы, обсуждая (или размышляя), приходиться к тому, что я хочу этим сказать. Это был первый урок моего нового преподавателя, который стал моим ПЕРВЫМ УЧИТЕЛЕМ В НАУКЕ и ОТНОШЕНИИ К НАУКЕ. Во время бесед он делился секретами научной работы историка. Рассказывая о работе в архивах, советовал: «хорошо бы с некоторых важных документов по теме «под копирочку» копию делать, совершенно секретного тебе все равно ничего не дадут, а для дела полезно». Свой архив он начал собирать еще в военные годы, когда работал в Суздале.

В конце 1969 года Александр Соломонович переехал в Вологду. В институте создали кафедру всеобщей истории под его руководством. Началось комплектование новой кафедры, на которой мы проработали вместе до его последнего дня...

² Бланк А.С. Коммунистическая партия Германии в борьбе против фашистской диктатуры. 1933-1945. М. : Мысль. 1965. 397 с.

Эпизод 2. А.С. Бланк и научные конференции

Важнейшей частью жизни А.С. была научная работа и объединение историков-германистов. Организация конференций, семинаров и общение с людьми, связанными единой темой (это могла быть история Германии в целом, фашизм как проблема, история антифашистского Сопротивления, неонацизм и реваншизм...) занимали большую часть жизни ученого.

Огромный уникальный личный архив и библиотека, прекрасное знание немецкого (и не только) языка, широкие связи с историками нашей страны и ГДР давали ему возможность работать над этими темами вдали от научных центров. Самым видимым результатом этой работы А.С. были его книги. За «вологодский период» жизни А.С. Бланка (а это всего 15 лет) только в СССР вышли 9 монографий и десятки статей в центральных издательствах и журналах страны. В вологодском издательстве вышли два учебных пособия – спецкурс «Германский фашизм и западногерманский неофашизм», три части которого вскоре стали библиографической редкостью, и «Историография новой и новейшей истории»³, которая стала едва ли не первым учебным пособием по введенному только что в программу педвузов курсу историографии новой и новейшей истории. Я не берусь в своих воспоминаниях анализировать научную составляющую его творчества, это лучше меня делают его книги и коллеги, которые часто обращались и обращаются к творчеству А.С. Бланка.

Я остановлюсь на второй творческой составляющей его деятельности, в которой принимала непосредственное участие, – научных конференциях, которые он сумел провести в Вологде.

В декабре 1969 года в ВГПИ прошла Вологодская научная конференция по историографии и источниковедению под эгидой Археографической комиссии АН СССР. Организаторами были также Министерство просвещения РСФСР, ВГПИ, Северное отделение Археографической комиссии АН СССР. К этому времени в нашем институте уже стали складываться определенные традиции изучения участия вологжан в Великой Отечественной войне, начиналась работа по сбору писем с фронта и на фронт.... По итогам этой конференции был издан Северный археографический сборник «Материалы по истории Европейского Севера СССР». В этот сборник вошла и статья «Ленинское наследие и некоторые вопросы истории Вологодчины»⁴, авторами которой были А.С. Бланк и В.А. Сазонова. Для него эта конференция стала стартовой площадкой создания объединения по германской истории.

Не прошло и двух лет, как в Вологде прошла первая встреча историков-германистов. Только перечисление конференций, которые готовил в Вологде А.С. Бланк за годы работы в ВГПИ, говорит само за себя. И это при том, что заведующим кафедрой он был только с 1970 по 1975 гг., а далее занимал должность профессора, а потом и профессора-консультанта.

³ Бланк А.С., Борозняк А.И., Талашова В.А. Историография новой и новейшей истории». Учебное пособие для студентов исторического факультета. Вологда, 1974. 196 с.

⁴ Материалы по истории Европейского Севера СССР // Северный археографический сборник: Труды вологодской научной конференции по историографии и источниковедению. Декабрь 1969 г. Вологда, 1970. Выпуск 1. С. 21-34.

1971 год – первый симпозиум по германской истории в Вологде. Этот симпозиум прошел с 15 по 17 октября 1971 года. На него были представлены 18 докладов по истории Германии от периода Средневековья до современности. Можно смело сказать, что в Вологде тогда собрался весь цвет исследователей германской истории. Более 30 сообщений, заслушанных на секциях симпозиума, продемонстрировали весь спектр проблем, находящихся в поле внимания молодых советских исследователей германской истории. Подобная возможность обсуждения и личных встреч историков, занимающихся общей для всех тематикой (история Германии), была чрезвычайно важной. Да и создание в 1957 году Комиссии историков СССР и ГДР способствовало таким встречам. Все это было отражено в Рекомендациях симпозиума «Проблемы германской истории». Участники симпозиума отметили значимость подобных встреч для развития советской германистики, подчеркнули важность регулярных встреч специалистов, занимающихся историей Германии, и поддержали инициативу ВГПИ о создании Проблемного объединения по германской истории⁵.

Этот симпозиум показал широту научных контактов Александра Соломоновича, которые были многообразны: сектор германской истории ИВИ АН СССР; Центральный институт истории АН ГДР; Комиссия историков СССР – ГДР; редакция Ежегодника германской истории; Государственная публичная историческая библиотека РСФСР; а также историки – германисты, работавшие не менее, чем в 12 городах страны. К концу жизни связи расширились более чем до пятидесяти вузов страны. Он был связан и с широким кругом историков, работавших в академических институтах в Москве и Ленинграде под руководством академиков В.М. Хвостова и П.Н. Поспелова, член-корр. АН П.А. Жилина, доктора исторических наук А.С. Ерусалимского.

С Я.С. Драбкиным, Д.С. Давидовичем, Г.Н. Горошковой, Л.И. Гинцбергом, М.И. Семирягой, О.А. Ржешевским и многими другими историками-германистами он поддерживал личные связи, многие из них приезжали в Вологду на наши симпозиумы и конференции.

1973 год – второй симпозиум по германской истории в Вологде.

На гребне внимания к деятельности молодого научного объединения удалось провести в мае 1973 года второй симпозиум «Проблемы германской истории». Он получил поддержку ИВИ АН СССР и Министерства просвещения РСФСР. Работали пять секций, было заслушано 85 докладов и сообщений по различным аспектам истории Германии, начиная со Средневековья и до истории ГДР. Ученые из 30 вузов страны смогли представить и обсудить результаты своих исследований с коллегами. А вот с изданием материалов второго сим-

⁵ Проблемы германской истории: Материалы симпозиума, состоявшегося в Вологде 16-17 октября 1971 г. Вологда, 1973. Выпуск 2. 464 с. С. 456-457.

позиума уже начались проблемы. Материалы пришлось сгруппировать по темам и издавать небольшими проблемными сборниками⁶.

Вторая половина 70-х оказалась очень непростым временем. На планировавшиеся в 1975 и в 1978 году конференции разрешения получить не удалось. С большим трудом удалось провести третью встречу. Научная конференция «Начало коренного поворота в Великой Отечественной и Второй мировой войне и начало нового этапа антифашистского движения Сопротивления в оккупированной Европе и фашистской Германии» прошла 19-21 ноября 1981 года. Только масштаб подготовки в стране к 40-летию разгрома фашистов под Москвой позволил вписаться в этот план. Конференция собрала рекордное количество участников. Семь докладов на пленарном заседании, 23 сообщения на трех секциях конференции позволили участникам всесторонне обсудить проблемы первого этапа Великой Отечественной войны. Информацию об этой конференции опубликовали газета «Правда» и журнал «Новая и новейшая история» № 4 за 1982 год⁷.

Широкий резонанс научной конференции 1981 года в Вологде дал возможность добиться проведения в мае 1983 года республиканского координационного совещания на тему «Прогрессивные революционные, демократические, антифашистские традиции в германской истории». Это решение, прежде всего, поддержало Министерство образования РСФСР, поскольку было заинтересовано в осуществлении первоначальной идеи проблемного объединения – сплотить и дать возможность участия в широких научных дискуссиях всем историкам-германистам, работающим в педагогических вузах. Координационное совещание собрало около 150 участников из 49 городов страны, в том числе из 50 педагогических вузов⁸. Успех координационного совещания 1983 года способствовал принятию решения о подготовке в Вологде очередного симпозиума по германской истории, тем более что страна шла к 40-летию Великой Победы. Был определен срок очередного симпозиума – конец мая 1985 года

Но конференция 1983 года стала последней конференцией Александра Соломоновича Бланка. 20 января 1985 года его не стало.

⁶ В Вологде опубликованы: Проблемы германской истории. Вологда. 1971. Выпуск 1. (Ученые записки / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена); Проблемы германской истории. Вологда, 1973. Выпуск 2. Материалы Симпозиума, состоявшегося в Вологде 15-17 октября 1971 г. Вологда. 1973; Проблемы германской истории. Вологда, 1975. Выпуск 3.; Социалистическое строительство в ГДР. Рабочее и демократическое движение в новейшее время. Германское рабочее и демократическое движение в новейшее время. Вологда, 1976. Выпуск 4. Республиканский сборник; Германское рабочее и демократическое движение в новейшее время. Вологда, 1977. Выпуск 5. Республиканский сборник; Германское рабочее и демократическое движение в новейшее время. Вологда, 1978. Выпуск 6. Республиканский сборник; Германское рабочее и демократическое движение в новейшее время. Вологда. 1979. Выпуск 7. Республиканский сборник. К 30-летию ГДР; Проблемы германской истории. Вологда, 1982. Выпуск 8.

⁷ *Талашова В.А.* Провал блицкрига под Москвой. Научная конференция в Вологде // Новая и новейшая история. 1982. № 4. – С. 212-213; . Самойлов Д. Историческое значение разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. // Ежегодник германской истории. 1982. М.: Наука. 1983. С. 221-223.

⁸ *Вишнёв О.В.* Республиканское совещание в Вологде. // Ежегодник германской истории. – 1984. М.: Наука. 1986. С. 219-220.

А.С. Бланк принимал участие в самых различных конференциях и собраниях научного сообщества историков: Волгоград, Москва и Тбилиси... Он был участником XIII Международного конгресса исторических наук 1970 года в Москве, активно сотрудничал с Комиссией историков СССР – ГДР, создавал возможности участия и его учеников в конференциях в нашей стране – так мне удалось быть на двух конференциях этой Комиссии в 1975 году в Москве (к 100-летию со дня рождения В. Пика) и в Тбилиси (к 30-летию ГДР). За рубежом А.С. Бланка «выпускали» далеко не всегда, хотя его приглашали, его книги знали, переводили, они были предметом политических дискуссий... Но даже в ГДР он смог побывать только раз...

Эпизод 3. Проблемное объединение по германской истории в ВГПИ

Важнейшей идеей Александра Соломоновича как организатора стало создание Проблемного объединения по германской истории. Видимым результатом деятельности этого проблемного объединения стали конференции и издание Вологодским пединститутом в 1970-1983 годах сборников «Проблемы германской истории». Сборники издавались под разными названиями, но они получили право издаваться как выпуски единой серии. Вышло 8 изданий сборников. Бессменным редактором был А.С. Бланк. Последнее издание Проблемного объединения вышло официально под редакцией нового заведующего кафедрой Ю.К. Некрасова, и были это уже только тезисы к совещанию 1983 года, всю подготовку к которому проводил профессор Бланк⁹. А.И. Борозняк принимал участие во всех конференциях Проблемного объединения, входил в состав Совета и в редколлегию всех сборников. По любому вопросу, связанному с работой Проблемного объединения, А.С. говорил: «...нужно посоветоваться с Борозняком...». Они оба очень хорошо понимали, какую пользу может дать объединение историков. А ситуация с развитием исторической науки в стране открывала для историков-германистов новые перспективы.

Все эти годы работал Совет Проблемного объединения по германской истории при Вологодском педагогическом институте. В него, кроме ученых из Вологды, вошли ученые из 12 педагогических вузов и университетов страны. Был широко представлен ИВИ АН (Г.Н. Горошкова, Я.С. Драбкин, Ю.Л.Бессмертный и Н.И. Салехов). Первый опыт его деятельности проанализирован в статье А.С. Бланка¹⁰.

В 1973 году Александр Соломонович предложил мне стать ученым секретарем Проблемного объединения (которое так и не получило официального статуса и работало все эти годы на общественных началах). Я с большим интересом включилась в работу по созданию объединения историков-германистов. Переписка с вузами страны, формирование программы предстоящих конференций, вся «черновая» работа по проведению довольно масштабных для провин-

⁹ Проблемы германской истории. Материалы симпозиума, состоявшегося в Вологде 16-17 октября 1971 г. Вологда, Выпуск 2. 1973. 464 с. С. 458-459; Тезисы республиканского координационного совещания на тему «Прогрессивные революционные, демократические, антифашистские традиции в германской истории», прошедшего в Вологде в мае 1983 года Вологда: ВГПИ, 1983. 77 с.

¹⁰ Бланк А.С. Проблемное объединение по германской истории в Вологодском педагогическом институте. // Проблемы германской истории. Вологда. 1975. Выпуск 3. 235 с. С. 5-9.

циального города встреч историков, которые начинали приобретать международный уровень, проводилась с помощью всех аспирантов Бланка, но большая часть технической работы ложилась на меня. Я была «под рукой»: жила в Вологде, уже защитилась, работала на кафедре, мне всегда можно было просто позвонить. Сам А.С. не любил долго быть на кафедре. Дом А.С. был рядом, там был прекрасный кабинет, в котором было удобно и ему, и тем, кого он приглашал к себе поработать.

Так, в годы работы Проблемного объединения, созданного благодаря энергии и огромной трудоспособности А.С. Бланка, сложились две основные ипостаси его деятельности, которые отнимали уйму времени, но без этого он жить не мог: подготовка, организация и проведение конференций и встреч историков-германистов страны, издание тематических сборников по различным проблемам германской истории. Это давало ему возможность быть в гуще событий, «кабинетным ученым» он не был.

Никакого симпозиума в 1985 году не было проведено и Проблемное объединение на кафедре всеобщей истории ВГПИ перестало существовать...

Эпизод 4. Проблемы ученого

Активность ученого из периферийного вуза не всем нравилась как в Москве, так и в Вологде. Серьезные осложнения в отношении с отделом германских исследований ИВИ АН СССР вызвала оценка активной деятельности Вологодского объединения в периодической печати СССР и ГДР¹¹, где не раз отмечалось, что Вологда становится центром изучения германской истории. Несмотря на дружеские отношения с А.С., отдавать Вологде пальму первенства в объединении историков-германистов не хотелось. Инициативы и активность Бланка стали притормаживаться.

К тому же и на месте, в Вологде, инициативы этого непонятного для Вологды объединения стали отодвигаться на второй план. На первое место стало постепенно выходить объединение по аграрной истории, созданное при кафедре отечественной истории профессором П.А. Колесниковым. Тут все было понятным: и актуальность для Вологодской области, и возможности архивных фондов, и тематика исследований. Хотя деятельность А.С. Бланка показала, что значит для престижа вуза активная научная жизнь. Жизнь не для себя, а для других, объединенных одной темой исследований. Для аспирантов, для публикаций, для студентов, которые естественно втягивались в научную жизнь, получали огромный опыт общения с крупнейшими учеными, могли увидеть и услышать крупнейших представителей науки страны, для вуза, который стал еще более известным. Активная жизнь объединения по германской истории на кафедре всеобщей истории как бы втянула в эту активную жизнь и соседнюю кафедру, показав ей путь развития. Противостояния открытого на факультете не было, но всем было очевидно – будущая поддержка не за «инородной» для Вологды темой, пусть этим занимается Москва, а для Вологды перспективное направление развития науки было найдено!

¹¹ *Кашин Р.Г.* Опередивший время. М.: Граф-пресс. 2006. С. 151.

До середины 70-х годов ситуация вокруг А.С. Бланка в Вологде осложнялась все больше. Он уже не был заведующим кафедрой, а был только профессором-консультантом кафедры. Разбирательства по партийной линии, отстранение от жизни кафедры, созданной им, фактически закрытие Центра изучения германской истории в провинциальном вузе, хотя Проблемное объединение исследователей германской истории продолжало жить на базе личных связей и встреч в других вузах. Министерство просвещения РСФСР, высоко оценивая деятельность А.С. Бланка по объединению историков-германистов, работающих в педагогических вузах страны и по развитию научных исследований в вузах, создало при МО РСФСР Проблемный совет по германской истории, председателем которого был назначен А.С. Бланк. Это во многом способствовало тому, что в начале 80-х годов удалось вновь провести две конференции в Вологде, но показателем имеющихся ограничений стало то, что в 1983 году разрешили проводить только «координационное совещание преподавателей педагогических институтов РСФСР».

Коллеги-германисты всячески поддерживали начинания А.С. Бланка. Так широкие связи сложились и поддерживались со вторым центром встреч историков-германистов, которым в то время был Волгоградский пединститут, где кафедру возглавлял профессор В.А. Козюченко. Мы были на конференциях, по крайней мере, два раза. Очень хорошо помню, как Александр Соломонович повел нас в центральный универмаг. Именно там он, как переводчик, во время Великой Отечественной войны был представлен Паулюсу. Конечно, в подвалы нас не пустили, сказав, что там все перестроено, но эта встреча с юностью была для него, вероятно, очень важна. Во вторую поездку А.С. вызвали во время заседания, его долго не было на конференции. Потом он нам рассказал, что саперы нашли очередную невзорвавшуюся авиабомбу, у которой во взрывателе была вложена записка на идиш, ее не могли расшифровать и, узнав, что в Волгоград на конференцию приехал специалист, знающий идиш, попросили его помочь. Это был привет от евреев-антифашистов военных лет...

Меня в Вологде считали ученицей Бланка (и не напрасно), но даже внимание к моим научным интересам было «специфическое». Когда вышла наше совместное с А.С. Бланком и А.И. Борозняком пособие для студентов «Историография новой и новейшей истории», меня долго и настойчиво спрашивали, кто поручил мне написать раздел по историографии Чехословакии. В ней я, как оказалось, на основе советских исторических журналов 50-60-х годов, назвала имена всех лидеров Пражской весны... Когда вместе со студентами мы решили написать по просьбе руководства ДОСААФ историю этой организации, у меня допытывались, кто поручил мне собрать данные об имеющихся у ОСОВИАХИМа винтовках, я с трудом поняла, что речь идет о деревянных муляжах винтовок, с которыми проходило обучение курсантов этой организации. А в начале 80-х, когда мы начали со студентами поиск вологжан, попавших в плен в годы Великой Отечественной войны и сумевших вернуться из фашистского плена, чтобы записать их воспоминания, мне просто запретили это делать. Я тогда не придавала значения тому, что в Кельне в 1979 году вышла книга А.С. о

немецких военнопленных в СССР, которая до сих пор так и не опубликована в нашей стране и ее нет на русском языке...

Эпизод 5. Просто человек...

Для Вологды масштаб А.С. Бланка и его тематика оказались не поняты и не востребованы. Он не был инакомыслящим, не был диссидентом, как пишет о нем его ученик Б.Л. Хавкин, «он был свободномыслящим»¹². С ним было интересно говорить и у него всегда были собеседники – на вечерних прогулках, в институте, дома. Пройдя школу работы кафедры «по Бланку», я потом не смогла привыкнуть к другим правилам: он всегда начинал обсуждение вопросов на кафедре с выслушивания точек зрения каждого члена кафедры (отсидеться было невозможно), начиная с младшего (ассистентов или аспирантов) и только потом обобщал, умело ссылаясь на каждого, подводил нас к решениям, которые он задумал. При других заведующих, с которыми мне пришлось работать, мнение заведующего «оглашалось» первым и потом нужно было только соглашаться и поддерживать.

Он трепетно относился к своей маме, после смерти отца в 1938 году она одна воспитывала двух сыновей, с А.С. жила до ее последних дней (в Суздале-Камешково, во Владимире и в Череповце). Он даже поздравления с Днем рождения не принимал после ее смерти 3 июля – это стал для него день ее памяти, а поздравления со своим днем рождения принимал уже 4 июля. У него была любящая и преданная жена, которая всю жизнь проработала врачом и была его надежной опорой. Он был хорошим отцом, хотя Володя его не всегда радовал... Тот учился на нашем историческом факультете, и я была его преподавателем по новейшей истории. Было страшно читать этому курсу в мой первый преподавательский год, видя перед собой молодого Бланка, – он был очень похож на отца. Но он так и не стал продолжателем его дела. А Юра (старший сын) жил уже в Ленинграде, и А.С. помогал ему писать диссертацию на какую-то чисто техническую авиационную тему.

Он был очень работоспособным человеком и мог писать везде, где для этого выдавалась минутка, на партсобрании в 95 аудитории, сидя на ступеньках, в актовом зале на подлокотнике кресла. Он всегда садился в стороне, отдельно и так, чтобы мог выйти из аудитории в любое время, пользуясь своим правом инвалида войны, сославшись на нехватку воздуха. Он был действительно больным человеком, я помню, как на одной из предзащит в 54 аудитории он начал падать в обморок во время объявления результатов голосования – ему явно не хватало воздуха. Мы его с трудом подхватили и усадили. Эта «память о войне» (удаленное легкое) всегда была с ним...

Бланка не стало в январе 1985 года, а весной 1985 года в СССР началась «перестройка». Не случайно Р.Г. Кашин назвал свою книгу о Бланке «Опередивший время»¹³. Сколько было задумано, но не осуществлено этим ученым, остается только догадываться. Остался архив, несколько черновиков, наброски

¹² Хавкин Б.Л. А.С. Бланк о нацизме и антисемитизме. // Научно-информационный бюллетень «Холокост». 2021. №90 (2) октябрь С. 14.

¹³ Кашин Р.Г. Опередивший время. М.: Граф-пресс, 2006. 208 с.

будущих работ. Александр Соломонович часто говорил мне о книге по фашизму, которую он пишет, считая ее главным своим трудом. Он говорил: если ее удастся издать – читатели ахнут... Что он хотел сказать этой книгой, остается только домысливать.

Я была польщена, когда в 1973 году он предложил мне вместе с А.И. Борозняком подготовить пособие для студентов по историографии новой и новейшей истории. Я понимала, что мне «сбросили» тему, которая им самим была неинтересна (историография социалистических стран), но одно то, что я уже в 1974 году стала соавтором Бланка и Борозняка, было для меня очень значимо.

Мы так много говорили о делах, что я совсем ничего не спрашивала о его жизни, о войне. Вообще в те годы это было не принято, Я даже о жизни и работе папы и о своих дедах почти ничего не знала... Только раз я спросила у Александра Соломоновича про «еврейский вопрос». А он спросил меня: а ты замечала, что евреи разные – есть рыжие, а есть темные и начал говорить об особенностях истории евреев, но, как всегда, разговор прервал телефонный звонок, и больше мы к этому вопросу так и не вернулись. Для меня же «еврейский вопрос» был решен папой в раннем детстве – когда маленькие подружки во дворе спросили, почему я дружу с еврейкой, и я прибежала с этим вопросом к папе. Он сказал: «важно, чтобы человек был хороший, а кто он – разве это важно...». Жалею только о том, что так и не довелось мне услышать, как он поет одесские песни, о чем рассказывала потом Юлия Викторовна Бабичева, профессор кафедры литературы ВГПИ. Она стала для А.С. Бланка своеобразной отдушиной для профессорского общения (к сожалению, 23 февраля 2021 года пришла скорбная весть о ее смерти на 91 году жизни). У них было много общего в интересах (интерес к творчеству Бабеля, история детских домов для испанских детей – ее отец был директором интернационального детского дома в Иваново) и осмелюсь сказать, что они стали друзьями.

Александр Соломонович всегда интересовался и радовался успехам своих аспирантов (а их у него было около 30 человек), поддерживал советами, консультациями, подключал к своим проектам (как бы теперь сказали). Дело, которое начинал в Вологде Александр Соломонович и которое было продолжено в Волгограде, Липецке – в городе, где работал один из самых преданных друзей и коллег А.С. Бланка – Александр Иванович Борозняк, после его смерти продолжает Нина Эмильевна Вашкау... Как здорово, что, несмотря на все трудности и преграды, дело, начатое в Вологде Александром Соломоновичем, продолжает жить!

В 90-е годы роль центра изучения проблем истории Второй мировой и Великой Отечественной войны попытался играть Вологодский институт развития образования (ВИРО), в котором я работала с 1989 года, после ухода с кафедры исторического факультета ВГПИ. Ректором ВИРО в 1991 году был назначен В.В. Судаков (бывший при А.С. Бланке ректором ВГПИ), проректором по науке стал В.Б. Конасов (молодой исследователь истории военного плена). В 1995 году в Вологде была проведена конференция «Уроки и проблемы изучения истории Второй мировой войны». Мне удалось добиться включения в программу секции к

10-летию со дня смерти А.С. Бланка и сделать ее. В конференции участвовали и Р.Г. Кашин, А.Б. Цфасман и А.И. Борозняк¹⁴. Был сделан первый буклет о А.С. Бланке с краткой биографией и библиографией и все...

Не удалось изменить отношение к памяти А. С. Бланка и на конференции 1997 года – мое выступление о роли А.С. Бланка в изучении истории плена было заслушано на пленарном заседании, но его в сборнике не опубликовали...¹⁵

В 2018 году ученики А.С. Бланка добились установки на здании ВГПИ памятной доски. В 2021 году, в год 100-летия со дня рождения профессора А.С.Бланка, новое руководство Вологодского государственного университета поддержало и приняло план проведения памятных мероприятий.

Научная конференция «А.С. Бланк и современная российская германистика», прошедшая в Вологодском государственном университете 1-2 октября 2021 года, была посвящена 100-летию со дня рождения ученого¹⁶. Участие в ней коллег, бывших аспирантов и студентов Александра Соломоновича, молодых исследователей, магистрантов и студентов из 11 городов России и ФРГ подтвердило, что работы и научные идеи ученого продолжают оставаться востребованными, получают развитие и остаются предметом научных дискуссий.

Кафедра всеобщей истории ВГПИ. 1973 год.

Первый ряд слева направо: лаборант кафедры Н.В. Беспалова, доцент В.И. Савицкая, В.А. Талашова, ст. преподаватель. *Второй ряд слева направо:* ассистент Р.А. Кашин, доцент Ю.К. Некрасов, зав. кафедрой всеобщей истории ВГПИ, профессор А.С. Бланк

¹⁴ Уроки и проблемы изучения истории Второй мировой войны: Тезисы научно-практической конференции. Вологда, 1995. 192 с.

¹⁵ Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции. 22-25 октября 1997 г. Вологда, 1997. Часть 1. 206 с.; часть 2. Вологда: Изд. Вологодского ИПК и ППК, 1997. 266 с.

¹⁶ Исследования Русского Севера. Координаты времени. Итоги и перспективы: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Вологда. 1-2 и 19-21 октября 2021. Правительство Вологодской области [и др.]; под общей редакцией Н. К. Максутовой. Вологда : ВОУНБ, 2021. 211 с.: ил., табл. Секция «Координаты времени. Памяти ученого». С. 171-211.

ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕЗЫМЕНСКИЙ

Лев Безыменский (1920-2007) родился в Казани в семье советского поэта Александра Безыменского (автора русского перевода немецкой песни «Вперед, заре навстречу» – «Смелей вперёд и твёрже шаг, и выше юношеский стяг! Мы – молодая гвардия рабочих и крестьян») и его жены Рахили Захаровны.

Лев рос на даче отца под Москвой на Николиной горе в поселке работников науки и искусства (РАНИС). Здесь каждую субботу проходили музыкальные вечера, которые организовывали дачники – звезды классической музыки. Кроме того, Безыменские регулярно ходили на концерты в консерваторию. Поэтому не удивительно, что у Льва с детства развился абсолютный слух; из мальчика вполне мог бы получиться музыкант. Во всяком случае, так утверждали соседи по РАНИС скрипач Леонид Коган и пианист Эмиль Гилельс.

Но музыкантом Лев Безыменский не стал. Александр Безыменский писал о своем сыне: «Задумался Львенок. Не тронется сын. Стоит меж Талмудом и Марксом [...] Окрепшей ногой попирая Талмуд, он Маркса – на голову поднял». Чтобы «поднять Маркса», Лев после окончания школы в 1938 г. поступил на философский факультет Московского института философии, истории и литературы (ИФЛИ). В институте Лев Безыменский вместе с другими студентами под руководством профессора Б.С. Чернышева переводил с немецкого работу Георга Вильгельма Фридриха Гегеля «Феноменология духа». Таким образом, он не только изучал философию, но и совершенствовал немецкий язык.

С товарищами по ИФЛИ, изучавшими немецкий язык, – историком Анатолием Черняевым (офицером-фронтовиком Великой Отечественной войны, в 1986-1991 гг. помощником Генсека и Президента СССР М.С. Горбачева по международным делам) и писательницей (во время войны военной переводчицей) Еленой Ржевской Лев Безыменский дружил всю жизнь.

Занятие немецкой классической философией «естественно заставляло обращаться к сегодняшней Германии, ее прискорбному фашистскому бытию. Это было тем проще, – вспоминал Л.А. Безыменский, – если учесть, что в ИФЛИ преподавали многие политэмигранты – в их числе Дьердь Лукач, Арност Кольман. Бывали у нас Вилли Бредель, Фридрих Вольф, Эрих Вайнерт. ... Спорили о судьбе Германии, о том, как скоро немецкий рабочий класс свергнет Гитлера, о том, *как быстро* в случае нападения Германии на Советский Союз немецкие солдаты – «рабочие и крестьяне в солдатских шинелях» – повернут оружие против своих классовых врагов. Да, именно как быстро, а не вообще – повернут или нет? Спорили об этом даже в июне и июле 1941 года»¹.

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия, нарушив пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. и договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г., напала на СССР. В августе 1941 г. студент 3-го курса ИФЛИ Лев Безыменский был призван в Красную армию. Служил рядовым 6-го запасного инженерного пол-

¹ *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000. С. 9.

ка. Но армии нужны были военные переводчики. Лев Безыменский, знавший немецкий язык, был направлен в город Орск на курсы военных переводчиков. По окончании курсов он продолжил обучение в Военном институте иностранных языков, который тогда находился в Ставрополе.

С мая 1942 г. лейтенант Безыменский служил на Юго-Западном фронте в радиоразведке. Спустя полгода переведен в разведывательный отдел штаба Донского фронта; был переводчиком, заместителем начальника информационного отделения разведотдела штаба фронта. Принимал участие в допросах плененных в Сталинграде немецких генералов и фельдмаршала Паулюса. Но кроме допросов, было и интервью с Паулюсом.

Фельдмаршал Ф. Паулюс и переводчик Л. Безыменский.
4.02.1943. Сталинград

Лев Александрович вспоминал: морозным солнечным утром 4 февраля 1943 г. к домику на окраине хутора Заварыгин, где поместили пленного фельдмаршала, «подошли журналисты и расположились полукругом около крыльца. Представителей прессы сопровождали советские офицеры. Мне было приказано попросить фельдмаршала выйти. Через несколько минут Паулюс – он был в огромной меховой шапке и серой шинели на меху – появился на крыльце. Губы его были крепко сжаты. Он старался смотреть либо в сторону, либо вверх голов стоявших перед ним людей. Было условлено, что вопросы Паулюсу будет задавать по-русски Александр Верт – известный английский журналист, кото-

рый превосходно владел русским языком. Я переводил на немецкий язык. Верт: Как ваше имя? Паулюс: Фридрих Паулюс. Верт: Каково ваше воинское звание? Паулюс: Генерал-фельдмаршал немецких вооруженных сил. Верт: Сколько Вам лет? Паулюс: Пятьдесят два. Тут Паулюс повернулся и ушел в дом. Журналисты еще несколько минут безмолвно стояли перед крыльцом... Сегодня, много лет спустя, можно с полным основанием сказать: еще никогда три таких коротких ответа не были столь весомы. Ведь для того, чтобы Фридрих Паулюс ответил на эти три вопроса, Советской Армии надо было остановить гитлеровские полчища и добиться перелома в ходе Второй мировой войны»².

В 1943-1945 гг. Л.А. Безыменский служил в разведотделах штабов Центрального, 1-го Белорусского фронтов, в разведуправлении Группы советских войск в Германии. 1 мая 1945 г. он переводил для маршала Г.К.Жукова письмо Геббельса и Бормана, в котором они сообщали о смерти Гитлера. Безыменский был в составе следственной группы, допрашивавшей в июне 1945 г. главных немецких военных преступников Геринга, Кейтеля, Йодля, Деница.

Л.А. Безыменский демобилизовался в октябре 1946 г. в звании гвардии капитана. В 1948 г., окончив философский факультет МГУ, он стал сотрудником журнала «Новое время», где проработал более полувека.

В 1972 г. Л.А. Безыменский защитил кандидатскую диссертацию по истории плана «Барбаросса»; в 1995 г. он был избран профессором Академии военных наук РФ; был членом Совета Центра германских исторических исследований при Институте всеобщей истории РАН.

Книги Льва Безыменского «Германские генералы с Гитлером и без него» (1961), «Особая папка «Барбаросса»» (1972), «Конец одной легенды» (1972), «Разгаданные загадки третьего рейха» (1984), «Укрощение «Тайфуна» (1987), «Тайный фронт против второго фронта» (1987), «Человек за спиной Гитлера» (2000), «Гитлер и Сталин перед схваткой» (2000) стали классикой советской и российской историографии Второй мировой войны.

Всего Лев Безыменский написал два десятка историко-документальных исследований, в которых сумел распутать немало загадок истории Третьего рейха. Например, в книге «Человек за спиной Гитлера» историк, используя многие ранее недоступные архивные материалы, сумел воссоздать картину агонии Третьего рейха, поведать читателям тайну жизни и смерти его лидеров, разоблачить многие нацистские мифы. В 1965 г. в руки Льва Безыменского попала записная книжка, на первой странице которой стояли имя и адрес: «Мартин Борман, Оберзальцберг». Это был дневник Бормана. Последняя запись в этой записной книжке датирована 1 мая 1945 г. Накануне, 30 апреля рейхсканцлер Германии Адольф Гитлер, находясь в своем бункере, покончил жизнь самоубийством. Жена Гитлера Ева Браун разделила участь своего мужа. По свидетельствам очевидцев, Борман присутствовал при выносе трупов. Этот день в дневнике Бормана отмечен лаконично – Адольф Гитлер, Ева Г. Напротив каждого из имен стоит рунический знак, обозначающий смерть.

² *Безыменский Л.А.* Разгаданные загадки Третьего рейха. 1941-1945. М., 1984. С. 199-200.

В книге «Гитлер и Сталин перед схваткой» Безыменский обращается к истории последних предвоенных лет и, в частности, к вопросам взаимоотношений СССР и Германии. Опираясь на богатые документальные материалы, автор прослеживает, как развивались отношения между двумя странами в 1939-1941 гг. В этой книге Л.А. Безыменский не только раскрыл «тайну» секретных протоколов к пакту Молотова-Риббентропа, но и подчеркнул его принципиальное отличие от договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.: «Чем этот договор отличался от договора 23 августа? Различие огромное. 23 августа Германия еще не напала на Польшу, и формально Советский Союз мог с ней заключать такой пакт, не становясь соучастником, – повторяю, формально, ибо знал о предстоящем нападении на Польшу. 28 сентября все было иначе: Германия была агрессором, и СССР заключал с ней договор о дружбе! Впоследствии Сталин в специальном (и позорном) сообщении ТАСС 29 октября даже подтвердил, что, по его мнению, не Германия, а Франция и Англия начали войну! С агрессором Сталин собирался дружить, хотя и не без корысти», – подчеркивал Л.А. Безыменский³. Сталин, отвечая на поздравления Гитлера и Риббентропа по случаю своего 60-летия, писал: «дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной»⁴.

В 1988 г. во время беседы канцлера ФРГ Г. Коля с советским лидером М.С. Горбачевым зашла речь о секретных протоколах к пакту Молотова-Риббентропа. Коля (очевидно оговорившись или посчитав хранившиеся в архивах ФРГ копии этих документов оригиналами), сказал, что в руках боннских архивистов находятся не только копии, но и оригиналы секретных приложений к пакту.

Оговорка Коля стала поводом для организованной помощником Горбачева А. С. Черняевым при поддержке члена политбюро и секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева «полудиبلوماسية-полунаучной» поездки Л.А. Безыменского в Бонн с целью официального получения от архивной службы ФРГ документов, о которых говорил Коля. Это были не оригиналы, а копии, с которых для Безыменского были сняты копии, привезенные им в СССР.

По результатам поездки в ФРГ Л.А. Безыменским был написан нижеследующий документ:

«СПРАВКА

о происхождении фотокопий секретных протоколов к договору от 23.8.1939 г. и микрофильмах из личного бюро Риббентропа («коллекция фон Лёша»)

1. Согласно данным, полученным в Политическом архиве МИД ФРГ, а также по материалам Государственного архива Англии («Паблик рекорд оффис»), фотокопии секретных протоколов имеют своим источником немецкие микрофильмы, захваченные англо-американской розыскной группой в Тюрингии в апреле 1945 г. Эти микрофильмы впоследствии получили условное

³ *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. С. 311.

⁴ Правда. 25. XII.1939.

наименование «коллекция фон Лёша» – по имени сотрудника личного бюро Риббентропа Карла фон Лёша, который вывез микрофильмы из Берлина, и вместо того чтобы уничтожить их согласно полученному приказу, передал англо-американской розыскной группе.

Микрофильмы были изготовлены по указанию Риббентропа, данному после того, как в 1943 г. начались интенсивные бомбежки Берлина. Микрофильмирование проводилось по тогдашней технике на неперфорированные негативные фильмы.

2. «Коллекция» состоит из 20 негативных микрофильмов, которые были сняты с документов личного бюро министра иностранных дел Германии, причем ряд из них относится к концу XIX – началу XX в. Однако основную часть составляют документы с 1933 г. до лета 1944 г.

Заполучив эти фильмы, розыскная группа перевезла их на сборный пункт трофейной документации в Марбург, а затем в Лондон, где их обработкой ведали специалисты Министерства авиации. Были изготовлены позитивные копии и начато их изучение, в ходе чего были обнаружены материалы по советско-германским переговорам 1939 г. Об этом в ноябре 1945 г. был составлен специальный доклад на имя Черчилля, хранящийся в Государственном архиве Англии под сигнатурой ПРЕМ 8/40. Обнаружены были и кадры с секретным протоколом. В германском делопроизводстве фильмы носили обозначение «F-20». Впоследствии при обработке в Национальном архиве США они получили сигнатуру «T-120» (ролики 605–625). Оригинальные пленки ныне переданы в МИД ФРГ.

3. Во время беседы в МИД ФРГ мне были показаны эти ролики и переданы несколько фотокопий. Однако представлялось необходимым более подробно ознакомиться с характером самих микрофильмов. Это удалось сделать, получив некоторые из них в других архивах. Ознакомление показало:

а) на каждом ролике умещалось примерно 500-600 документов;

б) качество микрофильмирования весьма различно, что свидетельствует о поспешности;

в) документы снимались в весьма случайном порядке, без предварительной сортировки (также свидетельство поспешности); на одном и том же ролике можно встретить документы разных лет и принадлежности;

г) что касается секретного протокола от 23.8.39, то он оказался на ролике 624 (немецкое обозначение F-19), между текстом испано-германского соглашения 1937 г. и разрозненными страницами документа без подписи по поводу «московских процессов». Затем следуют немецко-югославские соглашения.

Текст самого договора от 23.8., к которому относился протокол, оказался в другом ролике (F-16), причем опять же в соседстве с документами иного рода.

4. Фальсификация кадров секретного протокола представляется невероятной по следующим соображениям:

а) вся коллекция состоит из исторически важных документов, затрагивающих отношения Германии со многими государствами; едва ли возможно, что

с целью фальсификации одного лишь протокола было затеяно все микрофильмирование тысяч документов;

б) документы, соседствующие с протоколом, не вызывают сомнения в своей подлинности;

в) если в некоторых опубликованных на Западе копиях подписи Молотова и Риббентропа расплывчаты, то на фильме они вполне отчетливы; под русским текстом (ролик 624) подпись Молотова – русскими, под немецким – латинскими буквами; этот порядок не должен вызывать подозрений, поскольку и под двумя основными официальными текстами пакта о ненападении (ролик 616) Молотов сделал свои подписи таким же образом;

г) кроме текста протокола на обоих языках на ролике 624 при просмотре обнаружен еще один текст протокола, отпечатанный на так называемой «пишущей машинке фюрера» со специальным крупным шрифтом (для близорукого Гитлера, который не любил надевать очки); к тексту прилагалась сопроводительная записка Риббентропа;

д) секретные протоколы к договору от 28 сентября 1939 г. находятся в ролике 2 (немецкое обозначение).

5. По сообщению зам. начальника Политического архива МИД ФРГ Геллинга, оригиналы протокола погибли в марте 1944 г. во время очередной бомбежки. Архив располагает в оригинале лишь ратификационными грамотами и делами посольства Германии в Москве за 1939 г. В этих делах секретные протоколы неоднократно упоминаются (см. приложение).

Политический обозреватель журнала «Новое время» Л. Безыменский⁵.

Так благодаря Л.А. Безыменскому немецкие копии «официально» попали в СССР и сразу же угодили в водоворот большой политики. В мае 1989 г. на Первом Съезде народных депутатов СССР по настойчивому требованию трех, тогда еще советских, прибалтийских республик была создана Комиссия по политической и правовой оценке советско-германского договора 1939 года. Ее председателем и стал академик А.Н. Яковлев, прекрасно понимавший важность и сложность этой задачи. В комиссию вошли 20 человек, среди которых был и Безыменский.

23 декабря 1989 г. на Втором Съезде народных депутатов СССР комиссия А.Н. Яковлева ввела в официальный обиход «Секретный дополнительный протокол о границе сфер интересов Германии и СССР» от 23 августа 1939 г.⁶ В постановлении съезда отмечалось, что подлинники протокола не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Однако экспертизы копий, карт и других документов, соответствие последующих событий содержанию протокола подтверждают факт его подписания и существования⁷. Документ гласил: «6. Съезд констатирует, что переговоры с Германией по секретным протоколам велись Сталиным и Молотовым втайне от советского народа, ЦК ВКП (б) и всей пар-

⁵ *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. С. 18-20.

⁶ Второй съезд народных депутатов СССР 12-24 декабря 1989 г. Стенографический отчет. М., 1990. Т. IV. С. 256-279, 378-381.

⁷ Постановление съезда народных депутатов СССР «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года» // Там же. С. 612-614.

тии, Верховного Совета и Правительства СССР, эти протоколы были изъяты из процедур ратификации. Таким образом, решение об их подписании было по существу и по форме актом личной власти и никак не отражало волю советского народа, который не несёт ответственности за этот сговор. 7. Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания «секретного дополнительного протокола» от 23 августа 1939 года и других секретных договоренностей с Германией. Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания»⁸.

Полемику по проблеме советско-германских секретных документов 1939-1941 гг. осложняло отсутствие до 1992 г. в научном и общественно-политическом дискурсе советских оригиналов этих документов. Комиссия А.Н. Яковлева установила, что после войны Сталин и Молотов «заметали следы» существования секретного протокола⁹, но обнаружить, куда ведут эти следы, не смогла.

Л.А. Безыменский изучил эти следы: они вели в Москву, на Старую площадь, 4, в ЦК КПСС, где хранились секретные документы. Причем степень их секретности была различной: «секретные», «совершенно секретные», «особой важности», или документы ОП – «особой папки». Собственно говоря, папок как таковых не существовало – это было просто обозначение высшей степени секретности для особо важных решений Политбюро ЦК КПСС. Однако мало кто знал, что существовала еще одна, самая высокая, степень секретности. Она называлась «закрытый пакет». Это действительно был большой пакет с соответствующим номером, который проставлялся от руки. «Закрытый пакет» опечатывался или заклеивался в так называемом Общем отделе ЦК КПСС тремя или пятью печатями и обозначался буквой «К» («конфиденциально»)¹⁰.

Именно в таком «закрытом пакете» под № 34 в Общем отделе ЦК КПСС были запечатаны оригиналы секретных протоколов вместе с подробным описанием их «архивной судьбы». Оказалось, что оригиналы секретных протоколов в апреле 1946 г. были изъяты из архива МИД и переданы в личный архив В.М. Молотова. 30 октября 1952 г. документы были переданы в «Общий отдел» ЦК КПСС. Почему именно в это время? Звезда сталинского министра иностранных дел закатилась: еще до смерти Сталина доверия к нему уже не было, внешним знаком чего был арест супруги Молотова П.С. Жемчужиной.

В VI секторе Общего отдела ЦК документы получили архивную сигнатуру: фонд № 3, опись № 64, единица хранения № 675-а, на 26 листах. В свою очередь эта «единица хранения» была вложена в «закрытый пакет» № 34, а сам пакет получил номер 46-Г9А/4-1/ и заголовок «Советско-германский договор 1939 г.». Внутри пакета лежала опись документов, полученных из МИД СССР, – всего восемь документов и две карты: 1) секретный дополнительный протокол «о границах сфер интересов» от 23 августа 1939 г.; 2) разъяснение к нему от 28 августа (включение в разграничительный рубеж р. Писса); 3) доверительный

⁸ Документы XX века. – URL: <http://doc20vek.ru/node/3261> (дата обращения - 20.01.22).

⁹ Правда. 1989. 24. XIII.

¹⁰ *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. С. 23.

протокол от 28 сентября о переселении польского населения; 4) секретный протокол «об изменении сфер интересов» от 28 сентября; 5) такой же протокол «о недопущении польской агитации» от 28 сентября; 6) протокол об отказе Германии «от притязаний на часть территории Литвы» от 10 января 1941 г.; 7) заявление о взаимной консультации от 28 сентября 1939 г.; 8) обмен письмами об экономических отношениях (той же даты).

Долгие годы «закрытые пакеты» № 34 и 35 (в 35-м находились большие географические карты раздела Польши) никто не открывал. В 1975 г., в эпоху Генсека Л.И. Брежнева, копии оригиналов посылались на имя заместителя министра иностранных дел И.Н. Земскова (он ведал архивами) для информации министра иностранных дел А.А. Громыко. Находились они в министерстве иностранных дел с 8 июля 1975 г. до марта 1977 г., затем вернулись в ЦК и были уничтожены. 21 ноября 1979 г. эта процедура повторилась, копии вернулись и были уничтожены 1 февраля 1980 г. Но эти «путешествия» не имели последствий. Попытка Земскова убедить Громыко в необходимости изменить официальную позицию успеха не имела. Тогда-то и сказал министр свою знаменитую фразу: «Нас никто уличить не сможет»¹¹.

10 июля 1987 г. пакет № 34 был вскрыт новым заведующим Общим отделом ЦК КПСС В.И. Болдиным. В свою очередь, заведующий VI сектором Общего отдела Л.А. Мошков получил от него два строгих указания: «держат под рукой» и «без разрешения заведующего пакет не вскрывать». А.Н. Яковлеву пакет №34 не показывали даже после того, как заработала комиссия под его председательством. Член комиссии Л.А. Безыменский вспоминал, как «в дни работы комиссии Яковлев не раз с раздражением говорил, что Болдин ему не давал никаких документов и в сердцах ругал «владыку архивов», подчинявшегося только Горбачеву»¹².

Отметим, что в воспоминаниях М.С. Горбачева его публичному заявлению об отсутствии оригинала секретного протокола не нашлось места, хотя он и вынужден был признать (задним числом) существование секретных соглашений СССР с нацистской Германией¹³.

Если от Горбачева такой команды в отношении секретных советско-германских документов не последовало, то от Ельцина такая команда поступила. В 1992 г. в соответствии с Указами Президента России Ельцина началось рассекречивание архивов КПСС и КГБ и передача их фондов в состав Государственной архивной службы России (ныне: Федерального архивного агентства – Росархива)¹⁴.

«Политика отмежевания от советского прошлого, которую вел президент Борис Ельцин, дала возможность увидеть свет тысячам документов, хранившимся до той поры под семью печатями... Коммунизм рухнул, но оставил после себя огромное архивное наследство, которое впервые можно было подверг-

¹¹ Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. С. 26.

¹² Там же. С. 27.

¹³ Горбачев М.С. Жизнь и реформы: в 2 кн. М., 1995. Кн. 1. С. 511.

¹⁴ См. об этом: Козлов В.П. Проблемы доступа в архивы и их использования // Новая и новейшая история. 2003. № 5.

нуть систематической научной рефлексии. И хоть, к сожалению, это время длилось недолго, советская историография сумела прекрасно воспользоваться им», – отмечает польский историк С. Дембски¹⁵.

В процессе изучения секретных фондов бывшего архива ЦК КПСС (ныне – Архив Президента Российской Федерации) историком Д.А. Волкогоновым, вскрывшим «закрытый пакет» №34, были обнаружены тексты советских оригиналов советско-германских документов 1939-1941 гг. О находке Волкогонов сразу же доложил Ельцину. Ельцин позвонил Яковлеву и сказал, что секретные протоколы, которые «искали по всему свету, лежат в Президентском архиве и что Горбачев об этом знал»¹⁶.

Как отмечал Л.А. Безыменский, и на финальном этапе «дела о протоколах» оно оставалось «жертвой внутривластной борьбы, а не предметом беспристрастного научного анализа. Но игра кончилась 27 октября 1992 г., когда по указанию Б.Н. Ельцина была проведена специальная пресс-конференция»¹⁷. Советские оригиналы рассекречены накануне советско-германских документов 1939-1941 гг. были представленным общественности и затем, наконец, изданы в России. Первая публикация этого исторического раритета состоялась в журнале «Новая и новейшая история» и была подготовлена академиком Г.Н. Севостьяновым и автором этой статьи¹⁸.

Особое место в творчестве Л.А. Безыменского занимала еврейская тема. Примером может служить его книга «Будапештский мессия», посвященная спасителю венгерских евреев Раулю Валленбергу. Ученый завершает свое исследование такими словами: «Рауль Валленберг не виновен в том, что помимо своей воли попал в жернова истории XX века, где столкновение государственных и идеологических интересов перемалывало судьбы миллионов людей. Сначала Валленбергу повезло: спасая в Будапеште тысячи жертв нацистского геноцида от верной смерти, он доказал, что и один человек может внести свой вклад в дело борьбы с машиной нацистского варварства. Но он потерпел поражение, когда ему в Москве противостояла другая варварская машина – машина сталинского государства. Урок для нас двойной»¹⁹.

В годы «перестройки и гласности» Л.А. Безыменский одним из первых изучил советскую источниковую базу истории Холокоста. Он обратил внимание на странный факт: составители официальных советских документов избегали употреблять слово «еврей». Началось это с акта Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (ЧГК) о злодеяниях нацистских оккупантов в Киеве.

¹⁵ Дембски С. Между Берлином и Москвой. Германо-советские отношения в 1939-1941 гг. М., 2017. С. 5-6.

¹⁶ Яковлев А.Н. Омут памяти, М., 2001. С. 284.

¹⁷ Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. С. 27.

¹⁸ Советско-германские документы 1939-1941 гг. из архива ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1993. № 1; см. также: Советско-германские документы 1939-1941 гг. из архива ЦК КПСС. Публикация Г.Н. Севостьянова и Б.Л. Хавкина // Новые документы по новейшей истории. М., 1996. С.151-156.

¹⁹ Безыменский Л.А. Будапештский мессия: Рауль Валленберг. М., 2001. С. 190.

В декабре 1943 г. был готов проект сообщения ЧГК по Бабьему Яру. В проекте содержался такой абзац: «Гитлеровские бандиты произвели массовое зверское истребление еврейского населения. Они вывесили объявление, в котором всем евреям предлагалось явиться 29 сентября 1941 года на угол Мельниковой и Доктеревской улиц, взяв с собой документы, деньги и ценные вещи. Собравшихся евреев палачи погнали к Бабьему Яру, отобрали у них все ценности, а затем расстреляли». 25 декабря 1943 г. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР председатель ЧГК Н.М. Шверник направил текст на согласование кандидату в члены ЦК ВКП(б), начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову. Текст находился у Александрова до 2 февраля 1944 г., после чего был возвращен Швернику с просьбой «учесть редакционные замечания». После правки Александрова из документа исчезло всякое упоминание о евреях. Новый текст гласил: «Гитлеровские бандиты согнали 29 сентября 1941 года на угол Мельниковой и Доктеревской улиц тысячи мирных советских граждан. Собравшихся палачи повели к Бабьему Яру, отобрали у них все ценности, а затем расстреляли». Получив от Александрова «новую версию», Шверник 2 февраля 1944 г. направил текст на согласование члену Политбюро ЦК ВКП(б), наркому иностранных дел В. М. Молотову, который запросил мнение секретаря ЦК ВКП(б), начальника Совинформбюро, начальника Главного политуправления Красной армии А.С. Щербакова. Другими «редакторами» стали член ЦК ВКП(б), 1-й секретарь ЦК ВКП(б) Украины Н.С. Хрущев и член ЦК ВКП(б), замнаркома иностранных дел А.Я. Вышинский. Текст визирировали писатель Алексей Толстой и украинские литераторы Максим Рыльский и Павло Тычина.

25 февраля 1944 г. Шверник снова обратился к Молотову: «По Вашему поручению я согласовал проект сообщения с тт. А. Щербаковым и Н.С. Хрущевым. Прошу Вас разрешить опубликование в печати». Молотов передал документ своему заместителю Вышинскому. 28 февраля 1944 г. секретарь Молотова И. Лапшов послал Швернику записку: «Тов. Швернику. Можно дать в печать. И. Лапшов». В тот же день Шверник отправил текст в Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС).

Таким образом, проследив путь сообщения ЧГК по Бабьему Яру по «высоким кабинетам» партийно-государственного руководства СССР, Л.А. Безыменский документально установил «рождение» на уровне ЦК ВКП(б) официальной версии упоминаний (точнее, неупоминаний) о Холокосте. Совинформбюро, ТАСС, газеты, радио писали и говорили только о «мирных советских гражданах» или, как это было сказано в акте ЧГК по Освенциму, опубликованному лишь в мае 1945 г., «гражданах стран Европы». О том, что это были евреи, советская пропаганда предпочитала не упоминать.

Заслуги Л.А. Безыменского, борца с фашизмом и историка, велики и неоспоримы. Президент СССР М.С. Горбачев называл Льва Безыменского «нашим главным германистом». В канун 85-го юбилея Л.А. Безыменского президент России В.В. Путин направил ему поздравительную телеграмму: «Выда-

ющийся писатель, историк и публицист, Вы создали произведения, получившие заслуженное признание не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Особое место в Вашем творчестве занимает тема Великой Отечественной войны, трудными дорогами которой Вам довелось пройти».

Л.А. Безыменский награжден орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Отечественной войны II степени, орденами Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», медалью «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», медалью «За мужество на поле боя» (Польша) и многими другими.

Я знал Льва Александровича в конце XX – начале XXI вв.: редактировал его статьи в журнале «Новая и новейшая история»²⁰, встречался с ним на научных конференциях, бывал у него в гостях в писательском доме в Москве у метро «Аэропорт», выполнял, как мог, некоторые поручения, связанные с подготовкой его книг к печати. Одну из своих книг Лев Александрович шутливо подписал мне так: «Борису Хавкину – самому большому знатоку книжного дела от автора, который всегда сноски путает. Л. Безыменский, 3.I.2000».

Что касается изучения Второй мировой и Великой Отечественной войны, которому посвятил свою жизнь Л.А. Безыменский, то, как писал историк, «едва ли нынешнее поколение – не говоря уже об уходящем военном поколении – будет в состоянии сказать исчерпывающее слово в этом процессе познания. Нам же остается самое малое – собственная память, собственное горе потерь и собственная радость Победы»²¹.

²⁰ *Безыменский Л.А.* Тайная дипломатия принца Гогенлоэ // Новая и новейшая история. 1980. №1; *его же.* К истории заключения советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 года (документальный обзор) // Там же. 1989. № 6; *его же.* Визит В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. В свете новых документов // Там же. 1995. №6; *его же.* Советско-германские договоры 1939 г. Новые документы и старые проблемы // Там же. 1998. №3; *его же.* О "Плане Жукова" от 15 мая 1941 г. // Там же. 2000, № 3; *его же.* Новые документы о последних днях и смерти Гитлера // Там же. 2001. № 3.

²¹ *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. С. 505.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЯКОВЕ САМОЙЛОВИЧЕ ДРАБКИНЕ

С Яковом Самойловичем Драбкиным, своим будущим наставником в науке, я познакомился в далеком 1981 году. Только-только закончивший Московский государственный историко-архивный институт, я пришел в Институт всеобщей истории АН СССР, который размещался тогда в здании на улице Дмитрия Ульянова, чтобы узнать, как можно поступить в аспирантуру. Там меня и представили человеку, о котором до этого мне доводилось только слышать. Ну и, разумеется, я читал его работы, даже не предполагая, что когда-нибудь доведется встретиться вживую с ученым такого масштаба. А уж о том, чтобы вместе работать с ним – о таком молодом выпускнике вуза даже мечтать не приходилось. Но, к величайшему удивлению, меня встретил вовсе не высокомерный небожитель, но живой, умный, внимательный и очень приветливый человек, готовый выслушать и помочь.

Конечно, мне тогда он казался человеком весьма пожилым. Ирония жизни: мне, пишущему эти строки, сейчас столько же, сколько ему было тогда. Годы шли, но они, казалось, Якова Самойловича не брали. Только становились снежно-белыми, удивительно красивого цвета, его волосы, усы и борода, делая похожим на настоящего библейского патриарха. Но никто бы не мог сказать, сколько ему лет на самом деле, такой молодостью, силой и непритворным интересом ко всему вокруг сияли его глаза, и такая жизненная энергия прямо лучилась из него – и не только благодаря светлому уму и многолетним тренировкам по системе любимой им йоги. Нужно было быть таким человеком, как он – обладать его характером, его жизнелюбием, его оптимизмом...

Поговорив со мной, Яков Самойлович согласился стать моим научным руководителем, если я поступлю в аспирантуру Института. Так и произошло. Тогда я еще не знал, что мне доведется быть первым его аспирантом за долгие и долгие годы. И не потому что он этого не хотел. Очевидно, власть имущие предпочитали не доверять ученому работу с молодым поколением. Слишком уж он был строптивым, самостоятельно мыслящим и готовым открыто отстаивать свои взгляды, несмотря на резкие одергивания из высоких кабинетов.

Работать с ним мне, сознаюсь, было нелегко, но невероятно интересно. С самого начала он сказал мне фразу, которую я запомнил на всю жизнь и которой с тех пор стараюсь неукоснительно следовать в науке: «Вы можете придерживаться любых концепций, я ничего вам не навязываю. Но настаиваю на одном: все, что вы утверждаете, вы должны не просто декларировать, но обязательно доказывать и уметь это обосновать». И как руководитель диссертации он требовал научной строгости. Помню, как он раз за разом безжалостно «черкал» приносимые мною куски диссертации, выбрасывая то, что считал чрезмерным увлечением публицистикой и «дурной литературщиной». Я полагавший тогда нужным писать «разговорным языком», ворчал про себя, но приносил новый вариант... Характерная черта: Яков Самойлович отказывался «пра-

вить» или самостоятельно изменять мой текст; он всегда повторял: «Это ваша работа, и писать должны Вы». Я и писал...

Уважение к свободе мнений, к взглядам других людей – это позиция любимой героини его книг – Розы Люксембург – была близка Якову Самойловичу. И он неукоснительно придерживался ее в своей научной деятельности. Я имел счастливую возможность оценить эту черту. Хороший учитель всегда учит методу, а не зубрежке.

В ученом и человеке Якове Драбкине не было ни грана высокомерия или чувства превосходства. Никакого пресловутого «сэнсэйства», желания ткнуть ученика носом в его ошибки или недоработки, заставить его почувствовать себя ничтожеством, чтобы тот полностью и безраздельно подчинился и повинился. Думаю, что это отсутствие стремления к господству и власти над другими людьми так в нем подкупало. Даже в общении с начинающим исследователем он умел выстраивать горизонтальные отношения, на равных, без подавления или панибратства. Он относился ко мне, молодому аспиранту, еще ничего не сделавшему тогда в науке, с живым интересом и почти отеческой теплотой. С ним всегда можно было обсудить любые проблемы, получить совет, а если надо – то и помощь. Позднее, даря мне свою книгу «Четверо стойких», он надписал ее «молодому другу», «первому читателю и критику». Верю, что это были не только вежливые слова, но и выражение действительного отношения: Якову Самойловичу никогда не было свойственно кривить душой.

В те аспирантские годы мы, конечно же, много общались с Яковом Самойловичем. И вскоре наши беседы стали выходить далеко за пределы делового обсуждения будущей диссертации. Он живо интересовался, как я живу, о чем думаю... Нередко приглашал меня остаться на чай, кофе или даже пообедать. Никогда не забуду и теплое отношение его жены, Ирины Платоновны, с которой он прожил практически всю жизнь. Они познакомились еще перед войной, когда учились в Московском университете, и судьба подарила им гармонию и счастье.

Мало-помалу Яков Самойлович начал рассказывать и о себе, о своей жизни и своей непростой судьбе. Конечно, это не было чем-то вроде интервью или надиктованных воспоминаний. Мне до сих пор жалко, что он так и не написал и не издал своих мемуаров. Это было бы настоящее свидетельство века, которое запечатлело бы целую эпоху, по существу, всю сложную историю Советского Союза. Причем, учитывая безусловные литературные способности автора, еще и прекрасно читаемое. Но... Чего нет, того нет. Пришлось довольствоваться отрывочными рассказами, иногда – вскользь брошенными репликами или комментариями к книгам из его библиотеки на разных языках, которые Яков Самойлович показывал мне, когда мы сидели в его просторном кабинет-библиотеке. Картина для меня представляла «по крупницам», из отдельных фрагментов. А о каких-то деталях или подробностях я узнал уже после кончины Якова Самойловича, когда редакция журнала «Новая и новейшая история» попросила меня написать некролог моему ушедшему учителю.

Я знал, что Яков Самойлович родился в Киеве в 1918 г. Как историк, я прекрасно понимал, что это было за время: разгар Гражданской войны, особенно кровавой на Украине. Можно было только представить себе, с какими невзгодами могла в те страшные годы столкнуться трудовая еврейская семья, оказавшаяся в самой пучине событий... О том, что выпало тогда на долю семьи инженера Самуила Драбкина, Яков Самойлович мне не говорил никогда. Так что я не знаю этого до сих пор. Лишь позднее мне удалось узнать, что отец скончался в 1922 году, а мать намного пережила его, работала в торговле, потом в библиотеке и умерла в 1957 году. Яков учился в «немецкой» школе: так был сделан первый шаг к стране, изучению которой он позднее посвятил жизнь. Это время пришлось на годы страшного голода 1932-1933 гг., когда, как вспоминал друг Якова Самойловича, писатель Лев Копелев, тела умерших лежали под городскими мостами... Конечно, рассказывать о таком не хотелось.

Из бесед с Яковом Самойловичем я знал, что он получил историческое образование в Московском государственном университете и что у него были блестящие учителя и интересные товарищи по учебе. Позже, читая его интервью и воспоминания еще одного друга Драбкина, Михаила Яковлевича Гефтера, который в те годы также учился в МГУ, я смог представить себе, как это было. Яков пошел работать сразу после школы, поступил на вечернее отделение рабфака, а затем, заинтересовавшись историей, отправился поступать в московский Институт философии, литературы и истории (ИФЛИ). Но в итоге он подал документы на исторический факультет МГУ, с блеском сдал экзамены и поступил в «главный» университет страны. И хотя он был молодым человеком своего времени, общественная жизнь и бурные комсомольские дискуссии его привлекали мало. Возможно, это спасло ему жизнь в страшном 1937 году, когда чистки и аресты захватили и университетскую среду. Зато именно в это время учебы в университете Яков Драбкин сделал первые шаги в науке, с самого начала и на всю жизнь определив круг своих главных интересов: история Германии и история социальных движений. Написанная им в 1940 г. статья была посвящена событиям Крестьянской войны в Германии в 1525 г.

Все это, повторяюсь, я узнал уже позже... А вот о чем Яков Самойлович упоминал, так это о том, как в начале 1940 года он отправился на печально знаменитую «зимнюю войну», как тогда говорили, с «белофиннами». Сражения шли в заснеженных лесах Карельского перешейка, и армии требовались лыжники. Молодой студент был отличным спортсменом, и он вместе с друзьями вызвался добровольцем в формируемый комсомольский батальон. Их направили обучаться на базу под Серпуховым, но от самых тяжелых боев судьба уберегла, и он смог вернуться к учебе...

Впрочем, впереди у Якова Самойловича была другая, куда более страшная война, которая разразилась в июне 1941 года, как раз когда он закончил университет. Прекрасно знавший немецкий язык, он работал с военнопленными, составлял агитационные материалы для солдат противника, вел пропаганду по радио. После победы в мае 1945 г. «культур-офицер» Драбкин сотрудничал в системе Советской военной администрации в Германии и внес важный вклад в

дело денацификации... Интересно, что об этом – ключевом – периоде жизни Якова Самойловича мы с ним почти не разговаривали. Но он много рассказывал о человеке, с которым познакомился и подружился во время военно-пропагандистской работы, – о Льве Копелеве. Жизнь его сложилась непросто: ему пришлось пройти и через лагеря, и через правозащитно-диссидентскую деятельность, потом – эмигрировать... Их контакты с Яковом Самойловичем в полном объеме возобновились уже после конца 1990-х гг., и они активно и с удовольствием сотрудничали в деле популяризации «Вуппертальского проекта» – настоящей инициативы «дипломатии снизу», в рамках которой выпускались книги, посвященные истории развития российско-немецких духовных, культурных, человеческих контактов и связей. Помню, как однажды, во время одной из поездок в Германию я по просьбе Якова Самойловича заходил в дом к Копелеву, чтобы передать для него книгу...

Возвратившись после службы в Германии, Драбкин смог, наконец, заняться любимой наукой и в 1953 г. защитить кандидатскую диссертацию об образовании Веймарской республики в 1918 г. О том, какие споры вызвала эта работа, Яков Самойлович мне рассказывал не раз. Вопрос, как нередко бывало в те годы, носил не только научный, но и политический характер. Классифицируя Германскую революцию 1918 года как «буржуазно-демократическую», молодой историк вступал в конфликт как со сталинским «Кратким курсом», где революция расценивалась как «буржуазная», так и с учеными из ГДР, считавшими ее «пролетарской, но потерпевшей поражение». В ходе споров в 1956-1957 гг. в адрес новатора звучали даже политические упреки! Ведь, в конечном счете, «пролетарский» характер событий связывался в первую очередь и преимущественно с деятельностью Коммунистической партии Германии, а потенциальное обвинение в «недооценке роли компартии» всегда висело, как дамклов меч, над любым ученым и, тем не менее, Драбкину удалось отстоять свою формулировку, закрепить ее в докторской диссертации 1968 г. о Ноябрьской революции и в своих книгах.

Но тогда, в 1950-х гг., хотя в стране уже наступила «оттепель», бросать вызов устоявшимся авторитетам было делом рискованным, требовало от ученого и гражданина немалой смелости. Однако Яков Самойлович и в тот раз, и в последующем неоднократно показывал, что готов отстаивать свою точку зрения, невзирая на возможные и даже вполне реальные неприятности.

У меня уже во время разговоров с Яковом Самойловичем начинал смутно вырисовываться несколько иной подход, отличный от традиционного советского подхода в духе анализа «революции в одной стране». Мне казалось, и кажется более правильным говорить о том, что германские события 1918-1919 гг. были частью разворачивавшейся в 1917–1923 гг. мировой революционной волны, в которой перемешивались и социалистические, и демократические, и антиколониальные, и антифеодальные и многие другие элементы. Но все это отнюдь не мешало мне понимать и ценить смелость и реальную научную ценность исследований моего учителя. Тем более что с ним вовсе не обязательно было со-

глашаться. Как я уже говорил, он всегда ценил чужие мнения – когда они были аргументированы!

Не менее интересными были и рассказы Драбкина о драматической истории вокруг «сектора Гефтера». В 1960-х гг. Яков Самойлович, опираясь на изучение германской революции, стал все больше задумываться над более широкими проблемами социальной истории – вопросами революций и общественных трансформаций вообще. В 1966 г. он выступил с докладом «Нерешенные проблемы социальных революций» на расширенном публичном заседании сектора методологии истории Института истории АН СССР – знаменитого «сектора М.Я. Гефтера», который в те годы считался своего рода бастионом антиортодоксии. Драбкин говорил не только о таких «рискованных» темах, как возможность, в определенных ситуациях, смены социального строя без насильственной революции, путем реформ или «революции сверху», или вопрос о «цене революции», но и сформулировал совсем уж «крамольное» для сталинских идеологов положение о всемирности революционного процесса в начавшуюся с 1917 г. «эпоху мировой социалистической революции». От этого уже пахло чуть ли не троцкизмом! Доклад вызвал оживленную дискуссию; в 1969 г. подвергшийся цензуре текст доклада и материалы дискуссии были опубликованы в академическом сборнике, причем во вступительной статье М.Я. Гефтер подчеркнул направленность книги на «новое прочтение исторической концепции Маркса, Энгельса, Ленина». Для партийных консерваторов и охранителей это было уже слишком! Последовала мощнейшая кампания травли: разгромная статья в газете «Советская Россия» с обвинениями в отступлении от марксизма-ленинизма, а затем и другие «разоблачения» в партийной печати. Как вспоминал Яков Самойлович, инициатором кампании был лично заведующий Отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезников. В ходе неоднократных дискуссий авторы объясняли свою позицию, но все было предрешено. Отделение истории АН СССР осудило «ошибки» книги; сектор М.Я. Гефтера был расформирован. Драбкину, как и ряду других участников дискуссии, запретили общаться с западными историками; на ряд лет ему запретили выезжать из страны – даже в ГДР, куда его неоднократно приглашали. В 1973 г. подготовленная Яковым Самойловичем большая монография «Ленинская концепция мировой революции» была отвергнута тогдашней дирекцией Института всеобщей истории АН СССР, а самому Драбкину объявлен выговор...

Когда я впоследствии размышлял над рассказами Якова Самойловича о той «дискуссии», мне казалось вполне допустимым проследить определенные параллели между научными поисками Я.С. Драбкина и других историков «круга Гефтера» в Советском Союзе и дискуссиями в международных левых кругах второй половины 1960-х гг., где в этот период (в том числе, и на фоне знаменитого «1968-го года») оживленно обсуждались самые разные концепции, порывавшие с марксистско-ленинской «ортодоксией»: от «демократии Советов» в противовес модели партийной диктатуры до теории «реформ, преодолевающих систему», в качестве пути к социалистическому обществу. Это было время, когда и в ряде зарубежных коммунистических партий заговорили об «обновлении

социализма» и теории. Неудивительно, что зарубежные левые с интересом отнеслись к мыслям, высказанным прогрессивными советскими историками и обществоведами. Сборник 1969 г. подвергся травле и разгрому в Союзе, но опубликованную в нем статью Я.С. Драбкина охотно переводили и издавали в других странах, прежде всего там, где в компартиях были сильны настроения, которые затем получили название «еврокоммунизма» – в Италии и Франции. Сборник 1969 г. попал даже в далекую Мексику, где его решили опубликовать на испанском языке полностью, указав на обложке в качестве единственного автора Я.С. Драбкина. Сам он ничего не знал об этом издании, пока книга не была ему передана. Помню, как уже в 1980-х гг. Яков Самойлович показывал мне ее как настоящий раритет. Он не стал уточнять, какие неприятности могли ему грозить за несогласованное с властями издание его работы за границей (шутка ли, по тем временам!). Но и на сей раз пронесло...

Несмотря на все обвинения, Яков Самойлович отнюдь не был противником марксизма. Он всегда позитивно отзывался не только о своих любимых героях германской революции – «четверых стойких» (Розе Люксембург, Карле Либкнехте, Франце Меринге и Кларе Цеткин), но и о В. И. Ленине. Разумеется, он отвергал сталинизм и «догматический ленинизм», но по своим взглядам оставался скорее «шестидесятником» – сторонником гуманного «социализма с человеческим лицом». Но при этом всегда был терпим к убеждениям других людей. Прекрасно зная о моих интересах и симпатиях к леворадикальной и анархистской мысли – совсем не разделяя их – он никогда не пытался всерьез меня переубедить. Более того, он во многом помог моему «идейному» развитию в эту сторону. Еще в ту пору, когда «спецхраны» были закрыты (или открыты, только если исследователь мог доказать, что требуемые им материалы действительно непосредственно связаны с одобренной темой), Яков Самойлович подарил мне имевшиеся у него книги на эту тему на немецком языке. Помню, с какой жадностью читал я книгу лидера немецких «новых левых» Руди Дучке «Попытка поставить Ленина на ноги», с каким головокружительным увлечением я переводил и записывал от руки эту работу, полную уничтожающей критики в адрес большевизма.

И хотя мы уже тогда, да и позднее могли придерживаться различных идейных взглядов и позиций, это никогда не наносило ущерба нашему взаимному уважению, дружбе и плодотворному сотрудничеству. Более того, полагаю, Яков Самойлович вполне учитывал мои симпатии и убеждения, когда во второй половине 1980-х гг. ввел меня, совсем еще молодого кандидата наук, в круг видных историков, социологов и обществоведов страны и пригласил к участию в симпозиумах по обсуждению теории и практики мирового революционного процесса, которые проводились в ООН и ИОН. Мнения тогда высказывались самые разные – и неудивительно, что уже в 1990-х пути участников этих встреч и «мозговых штурмов» далеко разошлись...

Особенно интересовала Якова Самойловича в 1980-х гг. работа «Междисциплинарного центра по сравнительному изучению революций» в Лейпциге, который возглавлял академик Манфред Коссок. Сотрудничая с ним, Драбкин рас-

считывал способствовать продвижению нового проекта – коллективного труда о роли революций в мировом историческом процессе. В нем должны были участвовать ведущие советские обществоведы. Однако проект так и не состоялся.

Зато чрезвычайно интересными оказались открытые теоретические семинары в ИВИ по проблемам «Революции и социальный прогресс» и «Тоталитаризм и демократия», на которые приглашались ведущие специалисты по социальным наукам. Вдохновителем и душой этих обсуждений был Яков Самойлович, а я помогал ему в их подготовке и организации. Они задавали направление работе нашего небольшого коллектива социальных историков во второй половине 1980-х и 1990-х гг. Одним из ее итогов стала публикация общей монографии о новых социальных движениях на Западе – первой в своем роде в нашей науке: Я.С. Драбкин возглавлял группу авторов и написал для книги предисловие и заключительную главу.

Ликвидация прежней идеологической монополии в стране позволяла российской науке выйти на новый уровень изучения социальной истории. В то же время на этом пути появились новые, ранее непредвиденные трудности: социальная история оказалась «немодной»; круг историков, занимающихся проблемами общественных трансформаций, сузился. Слишком у многих эти темы ассоциировались с «коммунизмом». Более того, стали появляться статьи и книги, авторы которых пытались доказывать, что любая революция, любой общественно-политический радикализм, любые активные массовые движения сторонников глубинных преобразований неминуемо ведут к установлению жесточайших диктатур. Это было время популярности знаменитого тезиса Ф. Фукуямы о «конце истории», и приверженцы таких взглядов опирались на теорию тоталитаризма в том виде, как она истолковывалась некоторыми зарубежными политологами (З. Бжезинским, К.И. Фридрихом и др.). Основываясь на признаках сходства в организации и функционировании политических режимов, отличных от модели представительной демократии, сторонники теории, по существу, отождествляли общества, находившиеся в различных исторических ситуациях. При подобном подходе не только сужался смысл понятия тоталитаризма и игнорировался вопрос о более широких тоталитарных тенденциях в современной индустриальной цивилизации, но и сам термин превращался в политический и идейный инструмент, используемый для того, чтобы заведомо исключить всякую возможность нетоталитарной альтернативы системе либеральной демократии. Соответственно, любые критики либерализма и представительной системы власти оказывались в тоталитарном «лагере».

Яков Самойлович, детально изучавший революционные движения и по-человечески симпатизировавший искренности людей, боровшихся за свободу и справедливость, разумеется, не мог согласиться с попытками поставить знак равенства между идеями социального освобождения и антигуманными теориями фашизма и национал-социализма. Об этом мы с ним беседовали неоднократно. Помимо антиисторичности оценки различных обществ на основе чисто политологических критериев, его отталкивала и имплицитная тенденция своего рода косвенного «оправдания» нацизма как некоего ответа на ужасы револю-

ции и большевизма. Дабкина возмущал тезис Эрнста Нольте о «причинном сродстве» между коммунизмом и нацизмом.

Все эти проблемы обсуждались на семинаре «Тоталитаризм и демократия», который был организован Я.С. Дабкиным в Институте всеобщей истории РАН, на российско-германских симпозиумах, которые по его инициативе состоялись в 1992 г. в Берлине (среди тех, с кем нам пришлось дискутировать, был и Э. Нольте). Итогом задуманных Яковом Самойловичем исследований стала первая в России *научная* работа о тоталитаризме в Европе в XX веке. Руководили ею Я.С. Дабкин и Н.П. Комолова, выдающийся специалист по истории Италии в XX веке, возглавлявшая в ИВИ РАН наш сектор, который занимался изучением социальных движений. Это был по-настоящему новаторский коллективный труд, участников которого объединяла рабочая гипотеза, не требовавшая от них, однако же, единомыслия и согласия по всем вопросам. Яков Самойлович сам написал главу о Гитлере и Сталине, мы вместе с ним заключили монографию последней, итоговой главой «Феномен тоталитаризма», в которой затронули, в частности, такие вопросы как возможности и пределы самого понятия «тоталитаризм», взаимосвязь между возникновением тоталитаризма и проблемами модернизации, идеологические и политические парадигмы рассматриваемого явления, пути преодоления тоталитарно-авторитарных режимов, о парламентской и самоуправленческой альтернативах тоталитаризму.

В 2000-х годах получилось так, что наше сотрудничество с Яковом Самойловичем стало менее интенсивным. Мы все больше занимались разными темами и проектами: он продолжал исследования в области германистики и одновременно активно работал над публикацией и изучением материалов по истории Коминтерна, я же погрузился в историю мирового анархистского и анархо-синдикалистского движения. Дабкина, конечно, расстраивало то, что я отошел от сюжетов, связанных с германской историей, столь ему близких. Но он по-прежнему живо интересовался всем, что я делаю, читал мои работы и отзывался о них с неременной симпатией.

Кончина Якова Самойловича 10 октября 2015 года была для меня трагической неожиданностью. Конечно, умом я понимал, что мой дорогой учитель не молодеет, что рано или поздно... И всё же – не верилось. Слишком жизнерадостным и энергичным казался он мне всегда, и облик его никак не ассоциировался с уходом из жизни. Но неотвратимое произошло. Остались память, теплая благодарность, воспоминания... И горькие сожаления о том, что недообщались, недоговорили, недоспорили, не успели поделиться важным. Но, как сказано,

*Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были.*

Я. Дабкин, А. Борозняк, А. Галкин. Санкт-Петербург. Июль 2011 года

**ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ИЗРАИЛЯ ЯКОВЛЕВИЧА БИСКА –
ВОИНА, ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И УЧЕНОГО (1921-2009)**

29 ноября 2021 года исполнилось 100-лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора, ветерана Великой Отечественной войны Израиля Яковлевича Биска. Эта дату родственники, друзья и коллеги отмечали по-разному. Одни в узком кругу за столом, другие приняли участие в научной конференции, посвященной И.Я. Биску как основателю германистики на Ивановской земле. Форум в он- и офлайн форматах собрал около 30 ученых из Бреста, Брянска, Волгограда, Воронежа, Иванова, Москвы, Кемерово, Костромы, Липецка и Тамбова¹. Настоящая статья – расширенный вариант доклада на указанной конференции.

Израиля Яковлевича в стенах исторического факультета Ивановского государственного университета я впервые увидел в октябре 1982 года, когда наш курс вернулся «из колхоза» – обязательных сентябрьских сельскохозяйственных работ, через которые прошла львиная доля студентов советского времени. Запомнилось, как в аудиторию вошел невысокий, полный человек в строгом костюме с галстуком (внешнему виду, особенно воротничку рубашки и галстуку И.Я. Биск всегда уделял самое серьезное внимание). Заняв место за кафедрой, он негромко, но внятно сообщил, что будет вести у нас дисциплину «Введение в специальность историка». Затем обозначил план и начал лекцию. Точнее, начал «беседовать по душам» об истории как науке, о ее месте в жизни людей, об историках, плагиате как преступлении и т.д. Содержание «беседы» лично меня буквально заворожило.

До первой встречи я с Израилем Яковлевичем был уже знаком, правда, заочно. Руководителем моей группы «в колхозе» была его аспирантка Н.В. Исеева (Беликова) – ныне заведующий кафедрой на юридическом факультете ИвГУ, которая немало рассказывала о руководителе и его научных изысканиях. Именно тогда меня серьезно заинтересовала история Германии.

Наше сближение с И. Биском прошло в несколько этапов. На первом курсе он отметил мой ответ по своей дисциплине. Кроме того, обо мне ему рассказала преподаватель загадочного и утонченного Древнего Востока Алла Захаровна Чернышева, которую И. Биск ценил очень высоко. Ведь она была выпускницей его Alma-mater – Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Он делал максимум возможного для привлечения в ИвГУ выпускников Московского или Ленинградского госуниверситетов. Кроме того, поощрял направление в аспирантуры этих вузов, а также в аспирантуры или докторантуры столичных академических институтов (Института Латинской Америки, Института Азии и Африки, Института всеобщей истории) талантливых выпускников ИвГУ. При этом следил за тем, чтобы они после защит воз-

¹ Программа Национальной научной конференции «И.Я. Биск: человек, ученый, педагог. К 100-летию со дня рождения», Иваново 3 декабря 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т. 2021. 12 с.

вращались в Иваново. Иногда это приводило к конфликтам, так как не все уехавшие, напитавшись «столичных воздушных», желали возвращаться. Особенно, если получали заманчивые предложения о работе в одной из столиц. Узнавая об этом, И. Биск реагировал обычно резко, писал письма руководству с требованием вернуть потенциального(ую) беглеца(ку), подчеркивая, что на его(ее) подготовку были потрачены государственные средства. Вопрос о компенсации затраченных госсредств Биск ставил также в том случае, если аспирант/докторант прерывал обучение или в течение полутора лет после аспирантуры, докторантуры или пребывания в старших научных сотрудниках не представлял на кафедру диссертацию. Но вернемся к А.З. Чернышевой в 1983 год. Она рассказала Биску не только о моем ответе по ее предмету, но и о задатках исследователя, которые она разглядела как руководитель моей курсовой работы о социально-экономическом развитии государства Элам.

На втором курсе я получил от Израиля Яковлевича первое взыскание или «урок жизни». История такова. Занимаясь в научном кружке, которым руководила упоминавшаяся выше Н.В. Исаева (Беликова), я подготовил доклад о пропаганде национал-социалистов в годы Веймарской республики, который включили в программу студенческой научной конференции по секции «Новая и новейшая история». Однако с этим сообщением я не выступил. Мой доклад прозвучал по другой теме и в другой секции – секции дореволюционной истории России. Попал я туда во многом благодаря сложившейся системе образования.

В дни моего студенчества в ИВГУ при подготовке курсовых работ существовала жесткая «привязка» обучающихся на первом и втором курсах к определенным кафедрам. На первом курсе все писали труды по кафедре истории Древнего мира и Средних веков, на втором – по кафедре дореволюционной истории России. И только с третьего курса у студента появлялась возможность писать курсовые работы по кафедрам истории СССР и новой и новейшей истории. О желании распределиться на одну из четырех кафедр студенты в конце второго курса сообщали в заявлении на имя заведующего кафедрой. Таковое подготовил и я. Мой выбор пал на кафедру новой и новейшей истории, которой руководил И.Я. Биск. Но наше сотрудничество могло начаться только с будущего учебного года. На втором же курсе я писал курсовую работу по кафедре дореволюционной истории России, конкретно о решении аграрного вопроса при Николае I. По ее результатам подготовил доклад. Руководитель моей курсовой включил его в программу секции по отечественной истории. Таким образом, оба мои доклада оказались заявленными на студенческую научную конференцию, и возникла дилемма – в какой секции выступать? Победил прагматизм – доклад на секции по дореволюционной истории России повышал шанс на отличную оценку за курсовую работу. Выступил я удачно и даже получил грамоту за научные достижения. Обрадованный и гордый вышел из аудитории и в коридоре встретил И. Биска, разговор с которым быстро переменял мое настроение. Израиль Яковлевич, во-первых, сообщил, что ждал моего доклада, заявленного в программе по секции новой и новейшей истории, и был разочарован, не услышав его. При этом отметил, что выступлению помешала не болезнь (что

оправдывало бы студента), а выступление в другой секции. Во-вторых, И. Биск указал, что профессионализм или отсутствие такового определяется выполнением взятых человеком обязательств. Выступление с докладом, указанным в распечатанной программе, полностью укладывается в этот постулат. В-третьих, Биск напомнил, что я написал заявление о желании с третьего курса специализироваться по кафедре новой и новейшей истории, и оно было поддержано (при конкурсе до 4 человек на место), в том числе, им лично. Таким образом, кафедра и сам Биск поверили мне и ожидали подтверждения правильности принятого решения, что стало бы понятным из моего доклада о национал-социалистической пропаганде в Веймарской республике. Но этого не произошло. Сказанное И.Я. Биском весной 1984 года запомнилось навсегда.

В связи с рассказанной историей замечу: Израиль Яковлевич всегда стремился к тому, чтобы кафедра новой и новейшей истории была на истфаке *первой* во всех компонентах, включая популярность у студентов. Поэтому обычно ревностно реагировал на интерес, проявляемый студентами к другим кафедрам. Особенно это стало заметно с началом «горбачевской перестройки», когда у учащихся вырос интерес к истории советского периода. Преданность Биска новой и новейшей истории иной раз приводила к курьезам: он не укладывался в лимиты времени в докладах на научных конференциях преподавателей истфака ИвГУ. Сам И. Биск оправдывался желанием познакомить коллег с новыми результатами, но, прямо скажем, не все это принимали. Правда, на форумах вне ИвГУ, на которых я видел Биска, он всегда строго придерживался временных рамок, отведенных докладчику.

На третьем и четвертом курсе мои курсовые проекты выполнялись под руководством Израиля Яковлевича. Причем в источниковедческом ключе. И за это я И. Биску благодарен особенно. Он как автор одного из первых учебных пособий по источниковедению новой и новейшей истории² глубоко знал предмет и помог многим, включая меня, разобраться в нем.

На наших многочисленных встречах у Израиля Яковлевича было несколько тем воспоминаний. Первая – о детстве и юности. Позже эта тема переросла у Биска в желание подготовить книгу о своем школьном классе. Решая задачу, он встречался с оставшимися в живых однокашниками, переписывался с ними, посетил родные места, поработал в архивах родного Житомирского края, изучил местную прессу. Итогом стала книга «Наш школьный класс как зеркало поколения 1929-1939», которую Израиль Яковлевич посвятил супруге и соученице Берте Исааковне Биск³. При чтении трактата хорошо виден не только Биск-мемуарист, но и Биск-историк. Верный профессии он вписал свой труд в микро-историю – направление, набравшее популярность на рубеже XX-XXI столетий.

И. Биск родился на Украине селе Махновка (с 1935 по 2016 – Комсомольское) Винницкой области в семье служащих. Вскоре родители переехали в Житомир. Здесь он получил образование. Класс, в котором учился И. Биск с

² Биск И.Я. Курс лекций по источниковедению новой и новейшей истории. Тамбов: Пролетарский светоч. 1971. 176 с.

³ *Его же*. Наш школьный класс как зеркало поколения 1929 – 1939. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001. 91 с.

1929 по 1939 год, был по-своему удивительным: из 29 учеников – 4 украинца и 25 евреев (17 мальчиков и 12 девочек)⁴. Национального вопроса в классе и школе, по воспоминаниям И. Биска, «не было для нас вовсе»⁵. Школа была украинской, вне ее говорили по-русски⁶. Все были атеистами, хотя, как выяснилось через десятилетия, некоторые родители в глубокой тайне совершали над ребятами религиозные обряды⁷. Класс был дружный, драк не было и если два мальчика влюблялись в одну девочку, то никогда не ходили к ней поодиночке, только вместе – «по рыцарски»⁸. Трое (в том числе Израиль Яковлевич) женились на одноклассницах. Не чужда соученикам И. Биска была и общественная жизнь⁹. Учились почти все на «отлично» и позже поступили в ведущие вузы СССР¹⁰.

Вспоминая о школьных годах, И. Биск иногда (не часто) говорил о голоде 1930-х, охватившем значительные районы Украины, а также о периоде репрессий. Позже он в разговорах с учениками и в своих работах мучительно искал ответ на вопрос об ответственности своего поколения за политический террор конца 1930-х гг. («Если знали о массовых преступлениях – почему молчали?») ¹¹ Нашел ли? Не знаю. Сам И. Биск вспоминал об этом так: «Знали ли мы? <...> Кое-что знали, но знали не картину происходящего, а лишь крупицу правды, не имея представления о масштабах репрессий... Если арестовывали человека, в невиновности которого мы были убеждены, то считали это ошибкой, в целом же не сомневались, что враги есть, что они вредят и поэтому их арестовывают. <...> молчали и потому, что невооруженным взглядом видно было: определенные успехи все же имелись <...>: ликвидация неграмотности и развитие образования вширь, ликвидация национального неравноправия, ускоренная индустриализация. Да и материальное положение во второй половине 30-х годов стало лучше, чем в их начале. <...> Царил оптимистический настрой, мы были уверены, что и «жизнь хороша, и жить хорошо»... Жизненные перспективы казались нам, заканчивавшим десятилетку и твердо надеявшимся на поступление в высшие учебные заведения, самыми благоприятными»¹². Схожие настроения сохранились и в довоенные студенческие годы: «Сомнения, «трещины в душе» возникали в связи с фарсами политических процессов и репрессиями 30-х годов, исключениями из комсомола наших товарищей, отказывавшихся признавать арестованных родителей «врагами народа». Но все эти озарения были единичны»¹³.

⁴ Биск И.Я. Наш школьный класс как зеркало поколения 1929 – 1939. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001. С. 16, 17.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 19.

⁸ Там же. 17, 23 – 24.

⁹ Там же. С. 49 – 53, 57 – 59.

¹⁰ Там же. С. 22 – 23.

¹¹ Биск И.Я. Преступления тоталитаризма. Проблема вины пассивных современников // Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии: тез. докл. участников Межд. науч. конф., посвящ. 10-летию объединения Германии. Кемерово, 9 – 22 сентября 2000 г. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т. 2000. С. 33-34.

¹² Его же. Наш школьный класс... С. 70 – 74.

¹³ Биск И.Я. Мой XX век: Записки историка. Иваново: Иван. гос. ун-т. 2003. С. 185.

В школе у И. Биска оформилось стремление стать историком. В 1939 году Израиль Яковлевич подал заявление в легендарный Московский институт истории, философии и литературы (МИФЛИ) имени Н.Г. Чернышевского и, выдержав конкурсные испытания (13 человек, обладавших похвальными грамотами, на место), был зачислен на исторический факультет. Мечта становилась явью. Но студенческая жизнь продолжалась недолго...

Вторая тема воспоминаний И.Я. Биска была связана с армией и Великой Отечественной войной. Он говорил об этом славном и трагическом времени в многочисленных интервью¹⁴ и ежегодно 9 мая, когда в квартире Бисков за богато накрытым столом (несмотря ни на какие финансовые сложности) собиралась большая компания родственников, друзей и учеников. Застолье обычно начиналось с «топографии стола» – рассказе хозяина о блюдах и их расположении. Иногда также о напитках.

В первый раз в Красную армию И. Биска призвали через месяц после начала занятий в МИФЛИ, в октябре 1939 года, и направили в костромскую полковую школу младшего командного состава, в составе которой он поучаствовал в «демонстрации советской военной силы» во время присоединения к СССР Литвы. Служба шла неплохо, исключая «огненную подготовку». Как рассказывал Биск, в мишень он упорно не попадал, хотя все команды выполнял правильно. Начавшееся расследование выявило неизлечимую болезнь глаз. В итоге в октябре 1940 года Израиль Яковлевич демобилизовали с «белым билетом». В ноябре он вернулся к учебе. Но вновь на короткое время...

22 июня 1941 года в истории нашей страны и жизни И. Биска – дата переломная, разделившая время «до» и «после». Со слов Израиль Яковлевича ответ на вопрос: «Где ты был и что делал во время войны?» стал для него «критерием не то что патриотизма, но просто порядочности»¹⁵.

19-летний И. Биск, как и многие его сверстники, подал заявление об отправке добровольцем на фронт. Ему по причине выявленной болезни глаз отказали. Он будет повторять попытки, получая каждый раз один и тот же ответ: «Призыву не подлежит». Только в сентябре 1941 года, когда враг подошел в Москве, Сокольнический райвоенкомат зачислил его на курсы военных переводчиков при 2-м Московском институте иностранных языков. С декабря начались фронтовые будни.

И. Биск начал службу в 16-й армии Западного фронта, продолжил в 1099 стрелковом полку и 326 стрелковой дивизии 10-й армии. С октября 1943 года Биск служил в 3-й ударной армии, с которой дошел до Берлина и в которой прошел путь от переводчика до помощника начальника 2-го отдела разведывательного отдела штаба армии.

Военные годы были связаны большей частью с разведкой, агентурной и пропагандистской деятельностью. Сам И. Биск круг своих обязанностей описал

¹⁴ В памяти фронтовика: интервью // Ивановский университет. 11. 06. 1985; В прошлое – ради будущего: интервью // Ивановская газета. 31. 01. 1991; Трагедия и подвиг: интервью // Рабочий край. 22. 06. 1991 и др.

¹⁵ Биск И.Я. Мой XX век... С. 103.

на страницах мемуаров в разделе «Армейский переводчик на войне»¹⁶. Помимо допросов пленных или перевода трофейных документов «офицеру разведки» приходилось изучать и обобщать материалы о противнике, предоставлять командованию предположения и прогнозы. По долгу службы Биск не раз бывал на передовой. В частности, летом 1943 года для прослушивания телефонных разговоров два месяца провел в боевых порядках штрафной роты.

Для И. Биска и его супруги, которая после окончания медицинского вуза в 1943 году находилась в действующей армии¹⁷, память о войне была священна. В их доме на видном месте стояла фотография, на которой Израиль Яковлевич с однополчанами запечатлен на фоне Бранденбургских ворот поверженного Берлина. О боевых заслугах воина свидетельствуют награды: ордена Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медали «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и другие.

С большим трудом в середине 1945 года И.Я. Биск в звании майора демобилизовался. Вчерашний офицер приступил к учебе, но теперь уже на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Его учителями были ведущие ученые своего времени – Е.В. Тарле, А.С. Ерусалимский, Н.Е. Застенкер, И.С. Звавич, Л.И. Зубок, С.Б. Кан, Б.Ф. Поршнев, И.М. Рейснер и др. Израиль Яковлевич всегда с удовольствием вспоминал особенности их лекторского мастерства, эрудицию, научный метод. В стенах МГУ определился его интерес к истории нового и новейшего времени. Но не только учебой и научными изысканиями были заполнены студенческие годы. Приходилось постоянно искать подработку. А все свободные часы И. Биск использовал для посещения театров. Эту любовь он сохранил на всю жизнь. В Москве Израиль Яковлевич вновь встретил соученицу БERTУ Исааковну. Молодые люди создали семью.

Отдельная тема воспоминаний И. Биска – 1949 год – последний год обучения в МГУ и время очередной политической компании. Теперь «борьбы с безродными космополитами», девять десятых которых были евреями. Биска – убежденного интернационалиста и коммуниста, получившего партбилет на фронте в августе 1943 года, наблюдаемое в стране и на партсобраниях шокировало. Позже он постоянно будет искать любую возможность для восстановления доброго имени оклеветанных или осужденных¹⁸. В частности, на Ивановской земле¹⁹. Не забывал Израиль Яковлевич и проводников тех компаний.

¹⁶ Биск И.Я. Мой XX век... С. 117-139.

¹⁷ Под. см.: Ратыни А.И., Назаренко О.А. Поклонимся великим тем годам... URL: <https://ivgma.ru/attachments/5057> (дата посещения: 10.11.2021) (авторы – дочь и внучка И.Я. Биска).

¹⁸ Биск И.Я. Наш школьный класс... С. 66-70 (разделы «Наши соученики – «Враги народа», «арест отца Васи Плискевича», «Трагедия Изиды Высоцкой»).

¹⁹ *Его же*. Мой XX век. С. 391-397 (раздел «Лидия Владимировна Венкстерн (1914-2000)»; Бельшев И.С., Биск И.Я. Преследование и гибель историка Н.И. Разумовской. 1949 г. // Археографический ежегодник за 2005 год. М.: Наука, 2007. С. 473 – 487.

С двумя из них судьба свела его в стенах ИвГУ²⁰.

В начале февраля 1949 года И. Биска пригласили в сектор новой и новейшей истории АН СССР для поступления в аспирантуру²¹. Казалось, перед перспективным исследователем открывается мир большой науки, но «борьба с космополитизмом» перечеркнула все надежды. А ведь уже была семья, родилась дочь. В это сложное время, как постоянно подчеркивал Биск, его поддерживали друзья и близкие, особенно супруга Берта Исааковна, по которой антисемитская волна ударила тремя годами ранее. В 1946 году Берта Биск, на «отлично» сдав «экзамены в аспирантуру столичного Института туберкулеза, получила ... справку о зачислении, но не была допущена к занятиям: ей открытым текстом объяснили, что процентная норма в аспирантуру для евреев заполнена»²². Берта Исааковна до конца жизни будет верной и надежной спутницей Израиля Яковлевича, ради мужа оставит научную карьеру, раздав коллегам материалы практически готовой кандидатской диссертации, и будет с женской мудростью прощать супругу некоторые слабости (а кто из нас не без греха). Мы с женой часто вспоминаем трогательное и душевно-чувственное обращение Бисков друг к другу: «Изя и Беба».

Не могу сказать, что антисемитская компания 1949 года и история с аспирантурой супруги бесследно прошли для И. Биска. Глубокий след в его душе они оставили, и он, мягко скажем, не «раскрывал объятий» замеченным в антисемитизме. В то же время, многолетнее общение с И. Биском позволяет утверждать: «еврейский вопрос» не стал для него определяющим в отношениях с людьми. В подтверждение приведу отрывок из воспоминаний моего однокурсника, ныне директора Ивановского государственного историко-краеведческого музея имени Д.Г. Бурылина Сергея Конорева, с которым 9 мая мы не единожды оказывались за щедрым столом в гостеприимной квартире Израиля Яковлевича: «В День Победы в 1992 году я и Александр Семененко (сейчас – директор государственного архива Ивановской области) пришли к Бискам, чтобы поздравить их с праздником. Купили цветы, немного выпили для храбрости и настроения и пришли. Израиль Яковлевич был приятно удивлен, и мы не успели опомниться, как оказались за богато накрытым столом в большой и теплой компании. Было весело, гости произносили тосты, поднимали бокалы, шутили. Общая атмосфера охватила и нас, мы совсем перестали смущаться, включились в разговор. После очередного анекдота, рассказанного кем-то из нас, я заметил некоторое напряжение в лицах гостей и с ужасом сообразил, что анекдот был про евреев. Но тут раздался громкий смех хозяина, и сам Израиль Яковлевич продолжил тему, отмочив солено-перченый анекдот из еврейской жизни (он их

²⁰ Биск И.Я. Мой XX век... С. 200-201, 247-248; Тихонов В.В. Как «маленькие люди» творили большую историю: феномен «маленького человека» и его роль в послевоенных идеологических компаниях в советской исторической науке // История и историки: историографический вестник. М.: ИРИ РАН, 2013. № 1 (2011-2012). С. 117 -120.

²¹ Телеграмма П.П. Бушева И.Я. Биску. 15.02.1949 (копия). Папка: Кандидатские хождения по мукам // Архив автора.

²² Биск И.Я. Наш школьный класс... С. 83 – 84.

знал очень много). Уже спустя несколько лет я, смущаясь, вспомнил о том случае, а Израиль Яковлевич махнул рукой и сказал: «Прийти в гости в еврейскую семью и рассказывать анекдоты про евреев может или сумасшедший, или человек, для которого национальный вопрос никогда не существовал. Но Вы не сумасшедший. И да, антисемит на такое не способен. Я сделал вывод, что Вы человек порядочный»²³.

Новокузнецк, Томск и Тамбов – еще одна линия воспоминаний, которыми делился И. Биск в частных разговорах и на страницах воспоминаний. В 1949 году он принял приглашение ректора далекого от Москвы Новокузнецкого (в те годы Сталинского) педагогического института в Кемеровской области. Здесь на разных должностях он проработал двенадцать лет. С увлечением преподавал. Причем не только в вузе, но и в средней школе. На первый взгляд, жизнь входила в нормальный ритм. Но это только на первый взгляд.

В Новокузнецк И. Биск приехал с женой, тещей и новорожденной дочкой. Ему дали место на кафедре и две комнаты в студенческом общежитии, но «борьба с космополитами» дотянулась до них и здесь. Руководство вуза сумело отстоять Биска на преподавательской должности, но его семью «уплотнили». Всех поселили в одной комнате. Израиль Яковлевич и Берта Исааковна часто вспоминали следующий эпизод: дочь-малышка Алла не засыпала, поэтому к лекциям И. Биску приходилось готовиться лежа с настольной лампой под столом, покрытым длинной скатертью. Позже Израилю Яковлевичу удалось договориться со сторожем учебного корпуса, который впускал его в аудиторию на вечер или даже на всю ночь. Бытовые вопросы разрешились лишь через несколько лет.

В Новокузнецке у Биска укрепилось кредо, которое он сам, перефразировав В.О. Ключевского, сформулировал так: чтобы быть хорошим преподавателем, «надо любить и знать свой предмет и своих слушателей»²⁴.

В Кемеровском крае у семьи Бисков появилось увлечение, которое они пронесли через всю жизнь, – путешествия и туризм. Супруги в походах и экскурсиях побывали в самых разных уголках СССР. Причем специалисты в сфере туризма, изучив маршруты, пройденные И. Биском по горам и рекам таежной Шории, выставили им вторую категорию сложности²⁵.

В Новокузнецке окончательно определились научные интересы И. Биска – источниковедение Веймарской республики. В частных беседах он так обосновывал свой выбор. Во-первых, почему Веймарская республика? Биску еще на фронте хотелось понять, почему в Германии, давшей миру образцы высочайшего гуманизма, к власти смогли прорваться нацисты. Во-вторых, почему источниковедение? Источниковедение как автономная дисциплина позволяла минимизировать вмешательство идеологии в исследовательский процесс и главное – давала возможность воспитать у студентов критическое мышление, причем не только при анализе источников.

²³ Конорев С.В. Наша дружба началась неожиданно... // Рабочий край. 29.11.2021.

²⁴ Биск И.Я. Мой XX век... С. 240.

²⁵ Комиссарова И.А. Туризм – увлечение, пронесенное И.Я. Биском через всю жизнь (доклад на Национальной научной конференции «И.Я. Биск: человек, ученый, педагог. К 100-летию со дня рождения» (Иваново, 3 декабря 2021 г.).

Израиль Яковлевич никогда не обучался в аспирантуре, не был он и в докторантуре или в старших научных сотрудниках. Все приходилось делать, совмещая написание диссертаций с учебной, просветительской и общественной работой. В июне 1961 года пришел первый успех. В Ленинградском государственном педагогическом институте имени А.И. Герцена защищена кандидатская диссертация по мемуаристике Веймарской республики²⁶. Правда, насладиться победой сразу не получилось.

В частных беседах Израиль Яковлевич иногда вспоминал о перипетиях защит и прохождения своих диссертаций через ВАК. На моей памяти для него это были, пожалуй, наименее любимые темы разговоров, хотя в мемуарах он их описал, причем «в лицах»²⁷. Более обстоятельно эти истории позволяют реконструировать две объемные папки, в которых И. Биск собирал документы, связанные с диссертациями, и которые озаглавил «Кандидатские хождения по мукам» и «Докторская эпопея». В настоящее время обе папки находятся в моем архиве. В случаях с кандидатской и докторской ВАК направлял работы Биска «черным оппонентам», их по сути приходилось защищать заново. Наиболее драматичной была история с кандидатской.

«Черным оппонентом» выступил В.Д. Кульбакин, предоставивший 10- страничный «зубодробительный» отзыв²⁸. Чтение этой рецензии убеждает в том, что автор не уловил главного – источниковедческого характера рассматриваемого труда. Отзыв был перегружен оценками, характерными скорее для сталинского периода, чем «хрущевской оттепели». «Руку В.Д. Кульбакина» в отзыве сразу узнал близкий И. Биску Гедалий Вениаминович. Кацман, которого Израиль Яковлевич считал один из самых талантливых германистов СССР. Кацман успокоил Биска: дело завершится благополучно хотя бы потому, что накануне обсуждения диссертации в ВАКе в журнале «Коммунист» – главном идеологическом рупоре ЦК КПСС (1962. № 3) – вышла статья, в которой критиковалась недооценка мемуаров как исторических источников. ВАК, – подчеркнул Г. Кацман, – такое замечание, в ТАКОМ журнале должна обязательно учесть. Биск «услышал» друга и в 14-и страничном ответе на замечания рецензента отдельно остановился на статье в «Коммунисте»²⁹. Продуманные разъяснения, представленные Израилем Яковлевичем, особенно в свете новейших историко-политических веяний, убедили экспертов в несостоятельности замечаний по диссертации. 9 июня 1962 года Президиум ВАК СССР присудил ему степень кандидата исторических наук. Неизвестный автор (предположительно Кацман) на следующий день написал Биску: «Очень рад решению экспертов ВАКа. Хорошо, что там сидят люди знающие, а главное – любящие историю, умеющие быстро распознать единове́рца. Что касается бедолаги-анонима, то

²⁶ Биск И.Я. Немецкая мемуарная литература как источник по истории Веймарской республики (11.08.1919 – 30.01.1933): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: [б. и.], 1960. 18 с.

²⁷ Биск И.Я. Мой XX век... С. 373-377, 406-408.

²⁸ Рецензия на кандидатскую диссертацию И.Я. Биска «Немецкая мемуарная литература как источник по истории Веймарской республики». ЛГПУ им. А.И. Герцена. 1960 г. (машинопись). Папка: Кандидатские хождения по мукам // Архив автора.

²⁹ Речь И.Я. Биска в ВАКе (машинопись). 1962. 22.05.// Там же.

ему уже и Экспертная комиссия не поможет. Ни знаний, ни совести. Случай, как говорят, необратимый»³⁰.

Научный успех серьезно укреплял положение Биска в вузе, но к этому времени в Новокузнецком пединституте истфак закрыли. Для сохранения верности профессии нужно было искать новое место. Израиль Яковлевич подал документы в пединституты Липецка и Тулы. Однако там его не избрали по конкурсу³¹. Готовы были взять в Великих Луках, но до этого города Биск не доехал. В марте 1962 года заведующий кафедрой новой и новейшей истории Томского государственного университета Станислав Сильвестрович Григорцевич предложил Израилю Яковлевичу подумать о переходе к ним³². Биск подал документы на конкурс и 12 июня 1962 года получил телеграмму, из которой следовало, что с 1 сентября его принимают старшим преподавателем на кафедру новой и новейшей истории ТомГУ³³.

Биск до конца жизни очень высоко ценил Томский госуниверситет. Особенно его достижения в историографии. Полюбил он и сам город. Приведу такой факт. В сентябре 2000 года мы с Израилем Яковлевичем в рамках культурной программы научной конференции, организованной Кемеровским госуниверситетом, посетили Томск. Здесь Биск с воодушевлением рассказывал мне об университете, улицах города и резных деревянных домах (особенно о наличниках). При этом с нескрываемой печалью обратил внимание на то, что деревянные постройки плохо сохраняются.

В начале работы в Томске у Биска продолжились «хождения по мукам с кандидатской диссертацией» – теперь он более полгода не мог получить оригинал диплома, о чем сохранилась по своему драматическая переписка³⁴. Кстати, отсутствие оригинала диплома приносило не только моральные переживания, но и сказывалось на заработной плате. Но даже получив документ, И. Биск в ТомГУ не закрепился. Главной причиной стало отсутствие ясных перспектив в получении жилья. Пришлось вновь рассылать заявления в вузы в поисках вакансии (Калуга, Новосибирск, другие города). Наконец из Тамбовского пединститута пришла телеграмма: «Вы избраны конкурсу выезжайте работу – ректор Винокуров»³⁵. Так в 1963 году Биски переехали в Тамбов. Здесь И. Биск проработает 15 лет и всегда с теплотой будет вспоминать об этом времени. В Тамбове была опубликована его первая книга «Курс лекций по источниковедению новой и но-

³⁰ Письмо неизвестного [подпись неразборчива (Г.В. Кацмана?)] И.Я. Биску..1962. 10.06 (рукопись) // Там же.

³¹ Телеграмма Н.И. Шмараква И.Я. Биску. ?.07.1961 (копия); Уведомление В. Трухачева И.Я. Биску. 21.10.1961 (оригинал) // Там же.

³² Письмо С.С. Григорцевича И.Я. Биску. 30.03.1962 (рукопись) // Там же.

³³ Телеграмма С.С. Григорцевич И.Я. Биску. 12.06.1962 (оригинал) // Там же.

³⁴ Письмо З.М. Коканиной И.Я. Биску. 18.07.1962 (оригинал); Письмо З.М. Коканиной И.Я. Биску (оригинал). 27.08.1962; Заявление И.Я. Биска на имя ректора ЛГПИ им. А.И. Герцена от 05.10.1962 (копия); Телеграмма З.М. Коканиной И.Я. Биску. 23.10.1962 (оригинал); Телеграмма И.Я. Биска З.М. Коканиной. 31.10.1962 (копия); Телеграмма И.Я. Биска З.М. Коканиной. 13.01.1963 (копия); и др. // Там же.

³⁵ Телеграмма С.В. Винокурова И.Я. Биску. 31.08.1963 (оригинал) // Там же.

вейшей истории» (1971 г.)³⁶. Здесь же появился первый аспирант³⁷. Во время работы в Тамбове Биск без докторантуры подготовил и в 1974 г. в Томске защитил докторскую диссертацию по источниковедению прессы Веймарской Германии³⁸. Именно в Тамбове окрепло преподавательское мастерство ученого.

Студенты, посещавшие его лекции и позже сами добившиеся степеней и званий, отмечали в лекциях Биска логику, глубокое проникновение в материал, изящество формы, блестящую эрудицию и мягкий юмор³⁹. Все это Израиль Яковлевич сохранил и после переезда в Иваново в 1978 году. В местном государственном университете, который формировался на базе пединститута, он 10 лет будет руководить кафедрой всеобщей истории, а после ее разделения – кафедрой новой и новейшей истории.

И. Биск решение переехать в ИвГУ обычно объяснял тремя причинами: он 1) всегда хотел трудиться в университете; 2) мечтал создать на базе кафедры из своих аспирантов школу по изучению Веймарской республики; 3) работать относительно недалеко от Москвы, чтобы иметь возможность регулярно выезжать в столичные библиотеки и на научные конференции. На закате жизни Биск иногда сокрушался, что всего достичь не удалось. Пертурбации в стране и вузе рубежа XX-XXI столетий не позволили сохранить ни кафедру новой и новейшей истории, ни ее германистский костяк. Из семи аспирантов-ивановцев, защитившихся у И. Биска, сегодня на кафедре работают только я. Изменившиеся же цены на билеты и проживание в гостиницах воздвигли «золотой барьер» на пути поездок в Москву.

С высоты прошедших лет мне представляется, что сетования И. Биска в немалой степени отражали одну из черт его характера. Он был максималистом и не желал мириться с тем, что какие-то обстоятельства могут помешать осуществлению его стратегических планов. Решительно противостоял тем, кто мирился с соединением слова «провинциальный» не только с местоположением, но и уровнем преподавания в ИвГУ⁴⁰. Сожаления, высказываемые Биском, не вполне состоятельны и потому, что современная кафедра всеобщей истории и международных отношений Ивановского госуниверситета, пришедшая на смену кафедре новой и новейшей истории, – во многом его детище. Она почти полностью укомплектована либо бывшими аспирантами и студентами Израиля Яковлевича (д.и.н. В.Л. Черноперов и к.и.н. И.А. Буданова), либо приглашенными им выпускниками МГУ или академических институтов (д.и.н. Д.И. Польшванный и д.и.н. С.М. Усманов). К

³⁶ Биск И.Я. Курс лекций по источниковедению новой и новейшей истории (рецензии: Кривогуз И.М. // *Вопр. истории* 1972. № 4. С. 160-163; Попова Е.И. Новая и новейшая история. 1973. № 1. С. 180-182).

³⁷ Баев В.Г. Парламентские документы как источник по истории Веймарской республики : дисс. ... канд. ист. наук. Томск: [б. и.], 1980. 180 с.

³⁸ Биск И.Я. Пресса Веймарской республики как исторический источник: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Томск: [б. и.], 1974. 37 с.

³⁹ Блохина И.Р. Об ученом и учителе: К 80-летию И.Я. Биска // *Вестник Тамбовского университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2000. Вып. 3. С. 116-118.

⁴⁰ Биск И.Я. В помощь первокурснику. О качествах историка // *Ивановский университет*. 09.03.1982; Его же. В помощь первокурснику. Из школьного класса в студенческую аудиторию // Там же. 29.10.1982; 02.11.1982; Его же. Нужны ли лекции при наличии учебников // Там же. 28.12.1982.

тому же часть дисциплин, закрепленных за кафедрой, по договорам преподают его ученики к.и.н. В.Ю. Садовская и д.и.н. Д.А. Смирнов.

В период моего студенчества И. Биск помимо читал «Новую историю стран Европы и Америки», «Методологию исторической науки», спецкурсы и вел спецсеминары. Большая часть лекций в его исполнении представляла собой небольшое законченное исследование. После их прослушивания возникало желание пойти в библиотеку и найти новые работы по изучаемому периоду. Все лекции Биск печатал на машинке и на полях хронометрировал. Правда, при чтении в листы заглядывал редко. Биск обычно не стоял за кафедрой, а ходил по аудитории в проходах между столами. И лишь в солидном возрасте, когда стало трудно передвигаться, оставался за кафедрой или сидел за столом.

При чтении лекций он строго выдерживал два правила: 1) лекции не должны повторять учебник и 2) включать новейшие достижения авторитетных исследователей, занимающихся изучаемой темой. Это налагало дополнительные труды – лекции постоянно дорабатывались и через несколько лет перепечатывались. Чтобы быть в курсе новейших тенденций в науке, И. Биск регулярно переписывался с ведущими учеными России⁴¹ и выписывал практически все ведущие исторические журналы страны. Приучал к их регулярному чтению также учеников.

Своими методическими и научными достижениями И. Биск щедро делился в статьях и на страницах книг, подготовленных в ИвГУ и получивших признание научной общественности в России и за рубежом⁴². Отдельную группу составили воспомяная «Наш школьный класс» (2001) и «Мой XX век: Записки историка» (2003). В этих книгах Биск отразил жизнь «поколения, на долю которого выпали как репрессии, войны, борьба с «измами», так и грандиозные свершения, героизм, любовь к жизни и глубокая вера в то, что абсолютное большинство жителей Земли – *люди порядочные*. Вообще [Биск] всегда делил людей только на эти две категории – порядочные и непорядочные»⁴³.

⁴¹ См., напр.: Черноперов В.Л. А.И. Борозняк и ивановские германисты: краткая история отношений и некоторые результаты совместной работы // Преодоление прошлого в Германии и России... С. 30-38.

⁴² Биск И.Я. История исторической мысли в новое время: (Западная Европа: XVIII в. – 90-е гг. XIX в.): учеб. пособие. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1983. 84 с. (рецензии: Борозняк А.И. // Новая и новейшая история. 1986. № 4. С. 175; Григорцевич С.С. // Там же. 1985. № 5. С. 202-203; Гроссман А.С. // Вопр. истории. 1985. № 1. С. 148; Неманов И.Н. // Новая и новейшая история. 1986. № 2. С. 173); Биск И.Я. История повседневной жизни населения в Веймарской республике: учеб. пособие. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1990. 155 с. (рецензии: Артемов В.А., Борозняк А.И. // Новая и новейшая история. 1992. № 5. С. 239-240; Черкасов Н.С. // Вопр. истории. 1993. № 3. С. 184-185); Биск И.Я. Пресса Веймарской Германии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1995. 231 с. (рецензии: Баев В.Г. // Вопр. истории. 1997. № 1. С. 175; Nolte H.-H. // Vierteljahresschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte. 1990. Bd. 86. N. 1. S. 56-57); Биск И.Я. Введение в писательское мастерство историка: литературная форма исторического труда: учеб. пособие. Иваново: Иван. гос. ун-т. 1996. 142 с. (рецензии: Пушкарева Л.Н. // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 242-243; Фарсобин В.В. // Вопр. истории. 1997. № 12. С. 153-155; Фрейденберг М.М. Очерки истории балканского еврейства. Я – историк. Тель-Авив, 1998. С. 113); Биск И.Я. Размышления о преподавании истории. Тамбов: Центр-пресс, 1999. 159 с. (рецензия: Петрова А.А., Евдокимова Н.П. // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 207-209); Биск И.Я. Методология истории: курс лекций. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007. 234 с. (рецензия: Калимонов И.К. Сlio Moderna: альманах зарубежной истории и историографии. 2008. № 6. С. 169-171).

⁴³ Черноперов В.Л. Израиль Яковлевич Биск (1921-2009). Памяти Учителя, Педагога, Воина // Веймарская республика: история, историография, источниковедение: мезвуз. сб. науч. тр / отв. ред. В.Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. Вып. 5. С. 12.

**М.В. СТРЕЛЕЦ
О.В. КАРПОВИЧ
О.В. РАДЬКОВА**

ГРИГОРИЙ МАРКОВИЧ ТРУХНОВ: ПОРТРЕТ УЧЕНОГО И ПЕДАГОГА

С именем доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Григория Марковича Трухнова связаны серьезные исследования в области исторической германистики, подготовка огромного количества высококвалифицированных кадров для системы исторического образования Белоруссии, активное участие в пополнении научного сообщества новыми лицами.

Жизнь Григория Марковича была отмечена героическими и драматическими страницами отечественной истории, столкновением с тоталитарной системой, существовавшей в бывшем СССР, событиями Великой Отечественной войны, гибелью миллионов соотечественников. В этих непростых условиях только целеустремленный, чрезвычайно настойчивый человек, человек с феноменальной работоспособностью, человек смелый и стойкий по натуре, смог самореализоваться и заявить о себе.

Г.М. Трухнов родился 2 (15) октября 1908 года в селе Шамки Борисовского повета, первоначально входившего в Халопеницкий район, а ныне находящемся в Крупском районе Минской области¹, в еврейской семье. Его отец был сельским кузнецом. Юный Григорий начал свою жизнь в стране, где антисемитизм был возведен в ранг государственной политики, в которой со времен Екатерины II было введено изначально позорное ограничение на поселение евреев. Власти всегда искали повод, чтобы еще и еще раз разыгрывать антисемитскую карту. Временное правительство отменит черту оседлости, но кардинальных изменений в отношении властей к евреям не произойдет. Когда в России произошла Октябрьская революция 1917 года, Григорию Марковичу было всего 9 лет и, конечно, его становление как личности, формирование мировоззрения будущего ученого и педагога происходило в советское время.

Придя к власти, большевики-ленинцы внесли очевидные коррективы в подход государства к еврейскому вопросу, что, конечно, придало силы вступившим в самостоятельную жизнь представителям этого этноса. Их вдохновляла свобода профессионального выбора.

Сделав четкий выбор в пользу образования, Г.М. Трухнов рано начал преподавать. В 1929-1931 гг. после окончания Советской партийной школы (1929 г.) работал учителем истории в Дубровенском рабфаке (г. Дубровно, Витебская область). В 1931 году поступил на социально-экономический факультет Минского государственного педагогического института имени А.М. Горького,

¹ Бараноўскі, П. Трухноў Рыгор Маркавіч / П. Бараноўскі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 6. Кн. 1: Пузыны – Усяя / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш.; Маст. Э.Э. Жакевіч. Мн.: БелЭн, 2001. С. 525.

который окончил в 1934 году по специальности политэкономия и история. Следующие пять лет Григорий Маркович преподавал историю и географию учащимся техникума и газетной школы в Борисове. Параллельно он готовился к аспирантуре, уделяя большое внимание изучению иностранных языков.

С 1939 года талантливый юноша успешно учился в аспирантуре при кафедре новой истории БГУ. Он начинает свой путь в науку, убежденный, что живет в самой счастливой и свободной стране, где, как в известной песне, «так свободно дышит человек». Юноша был одержим верой в светлое будущее. Григорий Маркович постепенно формировался как советский ученый, не видевший альтернативы марксистско-ленинской методологии научных исследований. Аспирант Г.М. Трухнов принадлежал к поколению, которому приходилось жестко адаптировать свои выводы и оценки к схемам, навязываемым исследовательскому корпусу идеологами сталинского режима. Окончание аспирантуры совпало с началом Великой Отечественной войны, что помешало защите диссертации. Аспирантуру в биографии Григория Марковича сменила эвакуация в Узбекистан. С июля по октябрь 1941 г. Трухнов преподавал новую историю в Узбекском государственном университете.

В октябре 1941 года началась фронтовая биография Григория Марковича. Он принадлежал к тому поколению молодежи, которые добровольно отправились воевать за независимость Родины. Г.М. Трухнов воевал в рядах РККА против немецкого вермахта до последнего дня войны. Сначала служил в противотанковом батальоне 213-й стрелковой дивизии, затем с 1942 года – переводчиком разведотряда 14-й гвардейской кавалерийской дивизии, а с 1944 по 1945 год – переводчиком 7-го гвардейского кавалерийского корпуса. Григорий Маркович стал капитаном армейской разведки в столице «Третьего рейха» – Берлине. В этом чине был демобилизован в 1946 году. Война была отмечена для него как прямым отношением к Великой Победе, правительственными наградами (орденами Отечественной войны 1 и 2 степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За победу над Германией», «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина»), так и впечатлениями от посещения мест нацистского геноцида, осознанием страшной трагедии своего народа – Холокоста. На всю оставшуюся жизнь фронтовик запомнил картину, которую застал после освобождения частью, в которой он служил, печально известного концлагеря Майданек. Ученый и педагог до конца своей жизни ставил вопрос о том, что ни один палач, совершивший зверства в этом концлагере, не избежал наказания. Его возмущало то, что представители западногерманской Фемиды часто думали иначе.

С 1946 года и до конца жизни Григорий Маркович работал на одном месте – на кафедре новейшей и новейшей истории Белорусского государственного университета. Доктор исторических наук, профессор Д.Б. Мельцер вспоминает: «В 1946 году, когда я учился на первом курсе, на историческом факультете появился новый преподаватель – Трухнов Григорий Маркович. С первых дней молодой педагог полностью посвятил себя порученному делу. Он очень серьезно относился к каждой встрече со студентами. В своих лекциях по истории Но-

вого времени Григорий Маркович на простом публицистическом языке рассказывал о событиях и фактах. Заведующим кафедрой новой и новейшей истории был Лев Михайлович Шнеерсон, у которого было чему поучиться. Григорий Маркович был достоин своих учеников. Г.М. Трухнов очень внимательно относился к студентам и аспирантам».

Вспоминает выпускник исторического факультета начала 1980-х годов, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Белорусского государственного университета Сергей Пуйман: «Григорий Маркович Трухнов – преподаватель кафедры истории нового и новейшего времени. Сколько легенд сложено об этом удивительном и запоминающемся человеке! Ветеран войны, он прошел ее от начала до конца, посвятил историческому факультету почти сорок лет своей жизни. Авторитет Г.М. Трухнова был настолько велик, что порой он позволял себе довольно смелые для того времени суждения. К его словам прислушивались ученые, руководители, преподаватели факультета и даже университета. Его меткие, ироничные фразы, «приправленные» юмором, рожденные на ходу, произносились без тени усмешки, но при этом попадали в «десятку», улавливались студентами и передавались дальше будущим поколениям. Жалко, что никто не записал эти гениальные выражения, ставшие известными на факультете.

На первый взгляд, в Трухнове не было ничего сверхъестественного. Необычайно скромный человек, ни в коем случае не выставлявший напоказ свои заслуги (а они были немалые!) – так остался в памяти коллег и учеников ученым и педагогом. Но как заметно оживала любая публика, зная, что теперь будет звучать что-то необычное, нетрадиционное для того времени. И надо было видеть, насколько искренним, неподдельным смехом на шутки Трухнова отвечали окружающие! Столь же нестандартный и непредсказуемый был на экзамене Григорий Маркович, он легко мог ударить незнающего студента одной ироничной фразой, от которой многие нерадивые студенты краснели»².

Григорий Маркович очень плодотворно руководил молодыми учеными. Об этом свидетельствует высокое качество диссертаций под его руководством. В них всегда присутствовала научная новизна. Так, Г.А. Космач обратился к практически неисследованным аспектам истории Коммунистической партии Австрии. В.А. Космач провел блестящую реконструкцию германо-советских научно-технических и культурных связей в 1922-1932 годах. А.М. Бобков сформулировал принципиально новую концепцию в ходе тщательного изучения германской оккупационной политики в Беларуси в годы Первой мировой войны. По новому оценила отношение германской молодежи к этой войне на всём её протяжении М.А. Беспалая. Л.В. Лойко впервые проследил роль польского рабочего класса в индустриализации своей страны. Е.Н. Космач очень успешно восполнила пробелы, которые имелись на предмет исследований советско-британских культурных связей, относящихся к межвоенному периоду. Д.С. Климовский всесторонне проанализировал все аспекты германо-польского

² Пуйман С.А. Путь к мастерству/ С.А. Пуйман. Минск: УП «ИВЦ Минфин», 2006. С. 10-11.

договора 1934 года. С.И. Филипенко провел комплексное исследование взаимоотношений Германии и Лиги Наций в 1919-1926 гг. Т.А. Кургуныян (Недорецова) сформулировала ряд новых выводов и положений по вопросам германо-чехословацких отношений межвоенного периода. Диссертация В.С. Смирнова была посвящена изучению участия Белорусской ССР в деятельности ООН против колониализма (1960-1970 гг.). Большинство из этих аспирантов стали докторами исторических наук, профессорами, вошли в элиту отечественной исторической науки. Например, Смирнов получил ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла, возглавил советские дипломатические миссии сначала в Пакистане, а затем в Бангладеш.

Г.М. Трухнов много лет был членом совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Белорусском государственном университете, и соискатели, прошедшие через этот совет, с благодарностью вспоминают внимание и доброжелательное отношение к ним. Кандидаты исторических наук, доценты А.С. Ляднева, Т.Г. Бобкова, доктора исторических наук, профессора Н.И. Палетаева, В.Е. Снапковский, Н.С. Сташкевич А.А. Чалядинский относят Григория Марковича Трухнова к числу ученых, повлиявших на формирование их исторического мировоззрения³.

На протяжении всего послевоенного периода Григорий Маркович активно зарекомендовал себя в научном сообществе как крупный исследователь европейской истории первой трети XX века. Заслуги Г. Трухнова в этой области прослеживаются по следующим позициям.

Во-первых, он сформулировал принципиально новую концепцию, стремясь снять проблемные комплексы, связанные с историей Балканских войн. Есть основания выделить такие этапы исследований Г.М. Трухнова по этому вопросу: I этап (конец 1930-х – середина 1970-х); II этап (середина 1970-х – середина 1980-х гг.).

На первом этапе были рассмотрены стратегические планы Германии на Балканах. Этот этап включает в себя работу над кандидатской диссертацией, которая была защищена в 1948 году⁴. Анализируя дипломатические документы, автор пришел к выводу, что Германия, требуя для себя «открытых дверей» на Балканах, пыталась установить неделимое господство над странами Балканского полуострова. В статьях, опубликованных по данной теме, Г.М. Трухнов изучил позицию Германии на Лондонской конференции послов, которая проходила с 17 декабря 1912 г. по 3 февраля 1913 г., и не разрешила спорных вопросов; проанализировал деятельность европейской дипломатии во время Второй балканской войны и провокационную роль Германии, которая еще больше усилила ее «дранг нах остен» в попытке организовать новый гер-

³ Корзенко Г.В. Историки Беларуси в начале XXI столетия: библиогр. справ. Минск: Беларус. наука, 2007. С. 220, 37, 301, 363, 377, 419.

⁴ Трухнов Г.М. Германская империалистическая политика на Балканах в период первой Балканской войны. 18 октября 1912 – 30 мая 1913: Дисс.... на соискание учёной степени канд. истор. наук. Минск, 1948.

манский блок на Балканах⁵. Он также отметил, что германо-австрийские круги стремились использовать малейший разрыв в отношениях между балканскими странами и затем превратить его в пропасть, не думая, что это «может вызвать новый пожар войны»⁶.

На втором этапе ученый проанализировал состояние германской историографии межвоенного периода по проблеме Балканских войн. Он предположил, что немецкие историки того периода изображали германское руководство как правительство, которое выступило с «оливковой ветвью» во время Балканских войн, хотя на самом деле – «с открытым забралом тевтонского рыцаря»⁷.

Во-вторых, впервые в белорусской историографии ученый обратился к событиям Ноябрьской революции 1918 г. в Германии, провел системную реконструкцию внутривнутриполитической жизни Германии 1918-1923 гг., всесторонне охарактеризовал в ней все субъекты политического процесса страны в этот период, убедительно выявил причинно-следственные связи в освещении следующих событий: революционные сражения зимой и летом 1919 г., гражданская война в Германии, мартовские бои в Центральной Германии в 1921 г., острое противостояние в Саксонии, Тюрингии, Гамбурге осенью 1923 г., нетрадиционно проанализировал идеологию и политику других реакционных сил в период от образования Веймарской республики до начала периода временной частичной стабилизации капитализма, охарактеризовал внутреннюю политику первого и второго кабинетов Штресемана⁸. Анализируемое направление исследований заняло приоритетное место в научной деятельности Г.М. Трухнова во второй половине 1950-х– 1960-х гг.

В-третьих, Григорий Маркович был основоположником направления белорусской историографии, которое напрямую связано с английским и французским векторами внешней политики Веймарской республики в 1919-1924 годах. Он на высоком уровне осветил все аспекты, имеющие отношение к обсуждению германского вопроса на Лондонской конференции по репарациям в 1924 году. Успешным получился анализ борьбы между Англией, Францией и Германией по вопросу репараций в 1919-1923 годах, поведения официального Лондона и Парижа во время Рурского кризиса. Ученый привел веские аргументы при анализе внутрифранцузских и внутригерманских последствий подписания Лондонского протокола, при выявлении его соответствия национальным интересам Германии. Блестяще используя историко-сравнительный метод, Григорий Маркович убедительно показал существенные различия в понимании проблематики Лондонской конференции между Англией

⁵ Трухнов Г.М. Политика германо-австрийского империализма на Балканах в период второй балканской войны (июль 1913) // Учёные записки БГУ. Минск, 1955. Вып. 23.

⁶ Трухнов Г.М. Второй этап первой балканской войны и германская политика в феврале – марте 1913 г. // Учёные записки БГУ. Минск, 1955. Вып. 30. С.197.

⁷ Трухнов Г.М. К вопросу о германской историографии первой балканской войны между двумя мировыми войнами // Веснік БДУ – 1977. – №2. С. 28.

⁸ Трухнов Г.М. Революционный подъём в Германии (конец 1918 – сер. 1921 г.). Минск, 1964; *его же*: Революционный подъём в Германии (конец 1918 – сер. 1921 г.): Дисс... на соискание учёной степени доктора исторических наук. Минск, 1964; *его же*: Классовая борьба в Германии в 1922-1923 годах. Минск, 1969.

и Францией, с одной стороны, и СССР, с другой, и пришел к выводу, что из всех основных игроков на международной политической арене только Советский Союз занял позицию, которая могла удовлетворить Берлин⁹. В связи с тем, что анализируемая проблематика была тесно связана с внутривосточной жизнью Германии в 1919-1924 годах, она изучалась ученым параллельно с этой темой, то есть во второй половине 1950-х–1960-х гг.

В-четвертых, Г.М. Трухнов внес большой вклад в изучение советско-германских отношений в 20-е годы прошлого века. Ему удалось проследить путь Москвы и Берлина до Рапалло, показать важность Рапалльского договора для нормализации отношений между двумя странами, скрупулезно проанализировать позиции политических акторов, влиятельных немецких политиков и общественных деятелей по этому вопросу. Ученый был прав, когда отметил, что практическая реализация Рапалльских договоренностей положительно сказалась на развитии экономик Германии и Советской России, способствовала расширению добрососедских отношений¹⁰. Обращаясь к периоду 1922-1926 гг. в истории анализируемых отношений, ученый всесторонне охарактеризовал Московское советско-германское торговое соглашение, Берлинское советско-германское соглашение о нейтралитете¹¹. Он сопоставил их с периодом, когда реваншистские круги Германии готовили почву для прихода нацистов к власти¹². Представляется логичным постоянное стремление Григория Марковича Трухнова рассматривать эти отношения в контексте международного положения этих государств. В этой связи он отслеживает поступательный ход политического, экономического, культурного, научного сотрудничества между двумя странами в проведении политики Рапалло, которая сорвала планы по созданию единого фронта западных держав, направленного на блокаду СССР и изоляцию Германии¹³.

Г.М. Трухнов впервые в белорусской науке затронул роль народной дипломатии в советско-германских отношениях 1920-х годов, а также их историографический аспект. Тщательное изучение этих отношений составило основное содержание последнего этапа научной биографии Григория Марковича в 1970-1986 годы.

Ученый в своих исследованиях опирался на чрезвычайно широкую источниковую базу. Он активно использовал документы и материалы, имеющиеся в архивах СССР, ГДР, опубликованные документы международных организаций, государственных органов, политических партий, общественных движений, мемуары, периодические издания, работы коллег по исследовательскому корпусу.

⁹ Трухнов Г.М. Германский вопрос на Лондонской репарационной конференции. Минск, 1959.

¹⁰ Трухнов Г.М. Из истории советско – германских отношений (1920-1922). Минск, 1974.

¹¹ Трухнов Г.М. Поучительные уроки истории. Три советско-германских договора (1922-1926). Минск, 1979.

¹² Трухнов Г.М. Рапалло в действии. Из истории советско-германских отношений. 1926-1929. Минск, 1982.

¹³ Трухнов Г.М. Поучительные уроки истории. Три советско-германских договора (1922-1926). Минск, 1979.

Конечно, с высоты сегодняшнего времени ряд тем, затронутых Григорием Марковичем, воспринимается иначе. Это связано с тем, что, во-первых, кардинально изменились условия работы отечественных ученых и, во-вторых, существенно расширилась источниковая база, на которую могут опираться исследователи.

До последних дней жизни Григорий Маркович активно занимался научной работой, участвовал в научных конференциях историков-германистов, проводимых в Москве, Ленинграде, Вологде, Волгограде и других городах Советского Союза, а также за границей. Он посетил Китайскую Народную Республику в составе специализированной группы ученых Советского Союза в декабре 1958 – январе 1959 гг. и Германскую Демократическую Республику в 1974 году в качестве участника научной конференции.

Кульминация признания научным сообществом заслуг Г.М. Трухнова в области исторической германистики – получение степени доктора исторических наук в 1966 году на основании защиты диссертации на тему «Революционный подъем в Германии (с 1918 г. до начала оккупации Рура в 1923 г.)» и ученого звания профессора в 1967 г.¹⁴.

За долгие годы плодотворной работы в БГУ ему в 1982 году было присвоено звание заслуженного работника высшей школы БССР. Заслуги Григория Марковича в образовательной и научной сферах отмечены Почетной грамотой Верховного Совета БССР, 4 Почетными грамотами Министерства высшего и среднего образования БССР, многими грамотами БГУ.

Большое внимание Трухнов уделял популяризации научных знаний на страницах авторитетных справочников, периодических изданий, плодотворно сотрудничал с редакцией Белорусской советской энциклопедии. Читатели этого издания имеют возможность ознакомиться со статьями, посвященными балканистике, германистике, востоковедению. В этих очерках органично сочетаются незаурядные способности популярного изложения исторических событий с высоким научным и теоретическим уровнем.

Григорий Маркович очень серьезно относился к общественной работе. Ученый и педагог читал лекции студентам, населению Минска, других городов и районов республики, вел патриотическую работу среди молодежи, был парторгом кафедры. (Вступил в партию на фронте в 1944 году.)

Ученый и педагог всегда считал свою семью прочным тылом. Все непростые годы жизни его сопровождала верная спутница – жена Бергер Рахиль Аркадьевна. Она преподавала музыку в Белорусской государственной консерватории. Большое внимание Григорий Маркович уделял заботе о своей дочери Трухновой Любви Григорьевне. Дочь тоже была преподавателем музыки. Будучи меломаном, Григорий Маркович всегда был в курсе музыкальных новинок в стране. Внук Борис пошел по стопам деда, стал историком. Г.М. Трухнов скончался 26 ноября 1986 года в возрасте 78 лет. И мы с полным правом можем сказать – Человек и ученый прошел с честью свою жизненную дорогу.

¹⁴ Бараноўскі, П. Трухноў Рыгор Маркавіч / П. Бараноўскі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 6. Кн. 1: Пузыны – Усяя / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш.; Маст. Э.Э. Жакевіч. Мінск: БелЭн, 2001. – С. 525.

ЛЕВ МИХАЙЛОВИЧ ШНЕЕРСОН

В истории отечественной высшей школы значительное место занимает имя выдающегося учёного, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки БССР Льва Михайловича Шнеерсона. Выпускники Белорусского государственного университета конца 1930-х – начала 1990-х гг., коллеги профессора единодушны в его оценке как классика исторической науки, которой он беззаветно служил свыше шести десятилетий. Будущий учёный и педагог родился 13 декабря (26 декабря по новому стилю) 1910 года в российском городе Челябинске. С юных лет проявлял интерес к знаниям, что привело его в Ленинградский институт истории, философии, литературы и лингвистики, где Лев Михайлович обучался с 1930 по 1934 гг. 1934-1937 гг. отмечены новой ступенькой в его образовательных университетах: аспирантурой Ленинградского университета. После окончания аспирантуры Л.М. Шнеерсон стал осваивать педагогические университеты.

Дебютируя в качестве преподавателя Белорусского государственного университета в 26-летнем возрасте, он обеспечивал учебный процесс в этом вузе до 1994 года, то есть целых 57 лет. Вовлечение Льва Михайловича в данный процесс было многоплановым.

Во-первых, он совсем небольшой промежуток времени исполнял обязанности ректора, был и на должности проректора. Во-вторых, Л.М. Шнеерсон 51 год (!) весьма успешно возглавлял кафедру новой и новейшей истории. В-третьих, учёный и педагог входил в состав Совета исторического факультета, заседания которого использовал для постановки важных вопросов на предмет повышения эффективности учебного процесса. В-четвёртых, Лев Михайлович читал блестящие лекции по курсу новой истории, а также увлекательные авторские спецкурсы по истории международных отношений. В-пятых, под руководством Л.М. Шнеерсона студенты писали курсовые, дипломные работы, делали первые шаги в науку. Педагог скрупулёзно вникал в каждую работу, что в итоге предопределяло конечный результат. В-шестых, учёный и педагог написал также ряд весьма удачных учебно-методических пособий¹. Следует также иметь в виду, что Лев Михайлович в военные 1941-1943 гг. он проявил высокие организаторские способности в качестве заместителя директора Нижнетагильского учительского института.

Как учёный Л.М. Шнеерсон был сконцентрирован на проблемном комплексе, связанном с первым объединением Германии в 1871 году, а также месте и роли бисмарковской Германии в системе международных отношений соответствующего периода. Львом Михайловичем осуществлена системная рекон-

¹ Мельцер Д.Б., *Шнеерсон Л.М.* США, Англия, Франция после второй мировой войны. Минск: БГУ, 1959.

струкция дипломатической истории австро-прусской войны 1866 г.², франко-прусской войны³, Союза трёх императоров⁴. Отлично владея несколькими иностранными языками, профессор основательно изучал на языке оригинала разнообразные источники, большинство из которых ранее не вводилось в научный оборот. Это придавало убедительную достоверность выводам и оценкам, содержащимся в его книгах, в которых освещались названные проблемы. Коллеги – историки привлекали оригинальная авторская концепция, научная смелость, структурированность, чёткость изложения, безукоризненный стиль. До сих пор на эти книги ссылаются учёные многих стран.

Лев Михайлович проявил себя и как великолепный организатор научных исследований. Он неоднократно был руководителем авторских коллективов, редактировал сборники научных трудов⁵. Лев Михайлович производил неизгладимое впечатление своим преподавательским мастерством, своими мудрыми высказываниями. В этой связи есть смысл привести следующий отрывок из воспоминаний выпускника истфака БГУ 1961 года, доктора исторических наук, профессора Э.Г. Иоффе: «Лев Михайлович любил говорить так: «Конечно, историк должен отлично знать исторические факты и даты. Это аксиома. Но кроме этого историк должен осознавать и знать причинно-следственные связи между этими фактами, должен понимать ход исторических событий в их динамике. Не забывайте, что 99% событий имеют причины и следствия. Если вы этого не поймете, вы никогда не станете настоящими историками».

Студенты считали Льва Михайловича самым справедливым преподавателем. Сегодня трудно даже сказать, как это ему удавалось: не завышать оценок, но и не занижать.

Прошло уже более шестидесяти лет, как один из авторов очерка сдавал экзамены Льву Михайловичу, как сдавали ему экзамены мои однокурсники. Что запомнилось? Шнеерсон старался не перебивать студента, не останавливать произвольно его ответ, а давал возможность высказаться. В тех случаях, когда студент затруднялся с ответом на тот или иной вопрос экзаменационного билета, Лев Михайлович старался его взбодрить и задавал наводящие вопросы. И когда студент находил правильный ответ или в результате наводящего вопроса приходил к самостоятельному правильному выводу, Лев Михайлович испытывал нескрываемое удовлетворение.

² Шнеерсон Л.М. Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав (из истории «германского вопроса»). Минск: БГУ, 1962.

³ Шнеерсон Л.М. В преддверии франко-прусской войны. Минск: БГУ, 1969; его же: Франко-прусская война и Россия. Из истории русско-прусских и русско-французских отношений в 1867-1871 гг. Минск: БГУ, 1976.

⁴ Шнеерсон Л.М. На перепутье европейской политики: Австро-русско-германские отношения (1871-1875 гг.). Минск: БГУ, 1984.

⁵ Великая Победа и мировой революционный процесс / Л.М. Шнеерсон [и др.]; под ред. Л.М. Шнеерсона. Минск: БГУ, 1983; Рабочее и освободительное движение в странах зарубежной Европы и Америки в новое и новейшее время / Л.М. Шнеерсон [и др.]; под ред. Л.М. Шнеерсона. Минск: БГУ, 1986.; Против буржуазной и реформистской идеологии / Л.М. Шнеерсон [и др.]; под ред. Л.М. Шнеерсона. Минск: БГУ, 1972.

Учёный и педагог создал свою школу. Ряд известных специалистов в области исторической науки писали под его руководством кандидатские и докторские диссертации. Он повлиял на мировоззрение многих ученых, и не только историков. В известном библиографическом справочнике «Историки Беларуси в начале XXI столетия» много страниц отведено его ученикам. Что является ярким примером научного долголетия их Учителя⁶.

Жизнь и деятельность этого учёного и педагога, ушедшего из жизни в 1999 году, являются отличным примером для современной молодёжи. 100-летие и 110-летие со дня рождения Льва Михайловича Шнеерсона стояли в ряду значимых событий для научного и образовательного сообщества Республики Беларусь.

Т.В. ЕВДОКИМОВА

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЗЮЧЕНКО – СОЗДАТЕЛЬ ВОЛГОГРАДСКОЙ ШКОЛЫ ГЕРМАНИСТИКИ

Владимир Александрович Козюченко принадлежит к плеяде лучших отечественных ученых-германистов. Он является ярким представителем волгоградской исторической науки, посвятившим свою жизнь изучению истории Германии.

Его биография достаточно проста и обычна для представителя советской интеллигенции, вышедшей из народа. Владимир Александрович родился в 1909 г. в крестьянской семье в деревне Гривы Смоленской губернии. В 1927 г., после завершения обучения в Велижском педагогическом техникуме, поступил в Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена, который закончил в 1930 г. Он начал трудовую деятельность в качестве преподавателя новой истории в Средневолжском краевом Коммунистическом университете в г. Куйбышеве (Самара), а затем работал на кафедре всеобщей истории Мордовского областного коммунистического университета и в Высшей коммунистической сельскохозяйственной школе в Саранске. В 1936-1939 гг. Владимир Александрович учился в аспирантуре на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова; с 1939 по 1942 гг. заведовал кафедрой всеобщей истории Мордовского государственного педагогического института (МГПИ). В марте 1942 г. был призван в ряды Красной армии, но в связи с тяжелой болезнью в октябре 1942 г. отозван и направлен на работу в МГПИ на должность заведующего кафедрой марксизма-ленинизма.

В 1947 г. защитил кандидатскую диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук в Академии общественных наук при ЦК ВКП (б). В 1952 г. был переведен в Сталинградский государственный педагогический институт на должность заведующего кафедрой всеобщей истории,

⁶ Корзенко Г.В. Историки Беларуси в начале XXI столетия : библиогр. справ. Минск: Беларус. наука, 2007. – 470 с.

которой заведовал до сентября 1985 г. В 1967 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора исторических наук. В 1968 г. получил ученое звание профессора.

Владимир Александрович, являясь эрудитом в области зарубежной истории, обладал большим интеллектом и высоким профессионализмом. Он занимал марксистские позиции в своих работах; стремился следовать принципам историзма и научной объективности. И при этом был искренен в своих высказываниях¹. Именно он руководил методологическим семинаром по актуальным проблемам истории на историческом факультете.

Объектом научно-исследовательской работы Владимира Александровича являлось германское рабочее движение; предметом – германская социал-демократия в годы Первой мировой войны и революция в Германии 1918-1919 гг. Именно данной проблематике посвящены его кандидатская диссертация («Германский социал-шовинизм и центризм в годы Первой мировой войны (август 1914 – июль 1917 г.)») и докторская диссертация («Рабочий класс и социал-демократия Германии в Ноябрьской революции 1918 г.»).

Когда сейчас читаешь названия этих работ, то понимаешь масштаб эволюции исторического сознания и трансформации исторического знания о германской социал-демократии в отечественной исторической науке: германскую социал-демократию уже не называют однозначно социал-предателями; германский Ноябрь 1918 г. не стал российским Октябрем 1917 г.; современная периодизация революции и ее характер интерпретируются по-разному, в зависимости от подходов, и т.д.

Это – сейчас, а в 1940-х гг. существовала марксистско-ленинская методология исторических исследований, которая рассматривала все события через призму классовой борьбы; имелись так называемые «верные» взгляды и подходы к оценке революционных процессов и рабочего движения в Германии, устоявшиеся стереотипы относительно германской социал-демократии, заложенные в «Кратком курсе ВКП (б)» И.В. Сталиным. Это было табу, которое нарушать запрещалось. Да, Владимир Александрович не избежал догматических установок в оценках германской социал-демократии и ее лидеров, писал строго в рамках дозволенного цензурой², но, тем не менее, используемая им источниковая база, опиравшаяся на огромный фактический материал, с которым он работал тщательно и скрупулёзно, все же позволяла внимательному читателю сделать несколько иные выводы, чем те, которые существовали в рамках устоявшейся концепции. Этому в определенной степени способствовали политические изменения в стране в 1950-1970-х гг.

¹ Блосфельд Е.Г. Слово о В.А. Козюченко // Демократия и общественное движение в новое и новейшее время: история и общественная мысль: межвузовский сборник материалов III исторических чтений, посвященных памяти профессора В.А. Козюченко – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 3-7.

² Макаренко П.В. Германская социал-демократия в научных трудах В.А. Козюченко // Демократия и общественное движение в новое и новейшее время: история и общественная мысль: межвузовский сборник материалов III исторических чтений, посвященных памяти профессора В.А. Козюченко Волгоград: Перемена, 1998. С.11-17.

Владимир Александрович выдвигал новые проблемы в истории германской социал-демократии и пытался решить их отлично от официальной точки зрения. В частности, среди революционных процессов в послевоенной Германии его интересовали революционные события в Рейнско-Вестфальской области и Бременская советская республика, то есть те темы, которые до сих пор практически не изучены в отечественной историографии.

Преданность избранному ремеслу историка, отсутствие конъюнктуры и приспособленчества органически соответствовали его натуре исследователя; приверженность порядку и следование дисциплине складывались не без влияния немецкой тематики и немецкого «порядка»; осторожность в высказываниях и поступках стали следствием сложного жизненного пути, включившего в себя три эпохи.

Профессор В.А. Козюченко пользовался заслуженным уважением в научном сообществе. Он был членом Специализированного Совета по защите докторских диссертаций при Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского; выступал оппонентом на защите кандидатских и докторских диссертаций; выезжал в другие вузы, например, Вологодский педагогический институт для чтения своего спецкурса на историческом факультете. Его выступления на международных конференциях, проводимых на базе отделения истории АН СССР Научным Советом по проблемам «История исторической науки», «Основные направления современного изучения истории исторической науки в социалистических странах» вызывали неизменный интерес.

На последнем этапе своей научно-исследовательской деятельности Владимир Александрович занимался больше западногерманской историографией германского рабочего и коммунистического движения. Как историк, умудренный жизненным опытом, с тревогой наблюдал за процессом перестройки, гласности и открытости, предчувствуя неизбежные теоретико-методологические дискуссии в новом историческом времени и пространстве.

В период руководства кафедрой Владимир Александрович заложил прекрасную научную традицию: начиная с 1967 года и до конца 1980-х гг., Волгоградский государственный педагогический институт превратился в своеобразный центр советской исторической германистики, где регулярно проводились конференции с участием ученых из Института истории АН СССР, региональных вузов страны (Вологда, Иваново, Саратов, Липецк, Воронеж, Днепропетровск, Луганск, Ставрополь, Челябинск, Кемерово и др.). Неизменным соратником его был кандидат исторических наук, доцент кафедры Виктор Николаевич Попов.

Сложно перечислить имена тех советских ученых-германистов, которые приезжали в Волгоград: Я.С., Драбкин, А.И. Борозняк, И.Я. Биск, Б.А. Туполев, Г.Н. Сапожникова, Б.В. Петелин, Ю.И. Егоров, А.Б. Цфасман и другие. Главными темами конференций являлись вопросы германского рабочего движения, истории Германской Демократической Республики, Социалистической единой партии Германии, историографии истории Германии, ФРГ, ГДР. Время диктовало методологическую базу исследования, подходы к изучению проблем. Вме-

сте с тем богатый фактический материал, нашедший отражение в ряде сборников, до сих пор остается актуальным. Пленарные и секционные заседания отличались высоким профессиональным уровнем выступлений, наличием дискуссий, душевной атмосферой.

Авторитет Владимира Александровича способствовал складыванию научных связей кафедры с советскими и зарубежными вузами. Так, преподаватели кафедры участвовали в реализации плана Института всеобщей истории АН СССР по изучению проблем международного рабочего и национально-освободительного движения. На основе соглашения, заключенного в 1975 г., развивались международные контакты кафедры с кафедрой Высшей школой им. Эрнста Шнеллера в Цвиккау (ГДР). Оба партнёра делились информацией о результатах научных конференций в своей стране, в которых принимали участие сотрудники кафедр, информировали друг друга о содержании и формах исследовательской работы, обменивались обязательными учебными программами по истории, а также учебными пособиями для студентов. Плодотворным было научное и личное сотрудничество проф. В.А. Козюченко и проф. Х. Биринга. В ГДР была издана их совместная работа по историографии борьбы немецкого пролетариата во время Первой мировой войны и Ноябрьской революции в Германии, которая стала пособием по изучению новейшей истории Германии для студентов-историков³.

Как преподаватель Владимир Александрович в своей педагогической деятельности умел счастливо сочетать любовь к предмету и студентам. Он безупречно владел материалом по истории зарубежных стран, особенно по истории Германии. Был страстным и выразительным как лектор и докладчик. По отношению к студентам требовательным и вместе с тем доброжелательным. Думаю, те, кто сдавал ему историю новейшего времени зарубежных стран, навсегда запомнили этот экзамен. Общение со студентами не заканчивалось в стенах вуза; вместе с преподавателями кафедры он зачастую посещал студенческое общежитие, где читал лекции, а потом уже за чашкой чая общался с молодежью, обсуждая их проблемы и вспоминая свою молодость. Иностранцы с Кубы, Афганистана, уже отучившись, с большой теплотой вспоминали эти вечера и отеческую, дружескую заботу со стороны преподавателей.

Владимира Александровича, несомненно, можно отнести к числу талантливых руководителей. Как заведующий кафедрой он всегда отличался высокой степенью самоорганизации, личной дисциплиной. Ему также были присущи чувство долга и ответственности, принципиальность, выдержка. И особо следует сказать о его умении найти компромиссное решение в случае возникновения конфликтной ситуации. Не побоюсь назвать его руководство мудрым, так как в состав кафедры входили яркие, неординарные личности. Настоящим искусством

³ Григорьева Н.А., Хорошенкова А.В. Исследования по всеобщей истории в вузах Нижнего Поволжья во второй половине XX в. и их роль в развитии исторической науки региона // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. С. 63-69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovaniya-po-vseobschey-istorii-v-vuzah-nizhnego-povolzhya-vo-vtoroy-pолоvine-hh-v-i-ih-rol-v-razvitii-istoricheskoy-nauki>. PDF. (дата обращения: 20.08.2021).

являлось создание атмосферы «мирного сосуществования» при наличии порой диаметрально противоположных точек зрения на исторические проблемы.

Заведуя кафедрой в педагогическом институте, Владимир Александрович всегда помнил о связи кафедры со школами Волгограда и области. Чтение лекций по актуальным проблемам всемирной истории для учителей, изучение и обобщение опыта учителей, поездки преподавателей кафедры в районные школы Волгоградской области (Ленинска, Палласовки и др.) – все это являлось неотъемлемой частью работы кафедры при его руководстве⁴.

Владимир Александрович был многогранной личностью, обладавшей лучшими качествами советской интеллигенции. Сказать о нем, что он был культурным человеком, значит, ничего не сказать. И дело не только в его любви к классической музыке, литературе, живописи, театру, а в его глубокой порядочности, чрезвычайной совестливости, деликатности, скромности, высокой культуре общения. Удивительно и то, что до конца жизни он сохранил в себе Ребенка. Умел удивляться. Обладал прекрасным чувством юмора. Хотя ему было под 80 лет, но порой он шутил, как мальчишка. И все же из всех его человеческих качеств, когда заходит речь о нем, в первую очередь всегда вспоминаю одну особенность его поведения: на работе он всегда разговаривал с другими – независимо от их социального статуса – доброжелательным тоном: будь то ректор, или студент, или техничка. Ни тени превосходства, всегда прост в общении и доступен.

До недавнего времени имя Владимира Александрович Козюченко было незаслуженно забыто. По инициативе кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществоведения в 2018 г. в Википедии появилась о нем статья⁵, в 2019 г. – в 5 томе энциклопедии об известных ученых⁶. В 2020 г. о нем вспомнили и в Мордовском государственном университете, где он когда-то работал⁷. Память о нем стала возвращаться.

И я благодарна, что такой человек встретился на моем жизненном пути и помог моему формированию как студентки, преподавателя, исследователя. Думаю, что к этим словам благодарности присоединятся все, кто сотрудничал, работал и учился у Владимира Александровича.

⁴ Шарпова З.М. Человек большой культуры // Демократия и общественное движение в новое и новейшее время: история и общественная мысль: межвузовский сборник материалов III исторических чтений, посвященных памяти профессора В.А. Козюченко Волгоград: Перемена, 1998.

⁵ Козюченко Владимир Александрович. URL: [https:// ru.wikipedia. org/wiki/](https://ru.wikipedia.org/wiki/) (дата обращения: 20.08.2021).

⁶ Известные учёные: энциклопедия; [под.ред. М.Ю. Ледванова, Н.Ю. Стуковой]. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2019. Т. 15. 551 с. С. 529.

⁷ Музейный комплекс МГУ им. Н.П. Огарева. Козюченко Владимир Александрович. URL:https://vk.com/@-193272375-kozuchenko-vladimir-aleksandrovich?ref=group_block. (дата обращения: 20.08.2021).

2. Послевоенное поколение

Г.В. УВАРОВ

О ТОМ, КТО УЧИЛ ДУМАТЬ И ИСКАТЬ

Сложно делиться воспоминаниями о преподавателе, опыт общения с которым практически целиком пришелся на твои студенческие годы – на ум неизменно приходят навязчивые клише с определениями «строгий», «требовательный», «справедливый», «мудрый» и т.п. Но потребность воздать должное человеческим и профессиональным качествам того, на чье место в системе преподавания исторических дисциплин ты заступил, будучи «зеленым» юнцом-ассистентом, понять, насколько влияние его личности сказалось на тебе самом как формирующемся специалисте, заставляет еще раз поразмыслить над тем, каким был Александр Иванович Борозняк и как он работал с нами, тогдашними студентами истфака.

Для многих из нас, поступивших в 1982 году на истфак ЛГПУ в условиях чрезвычайно высокого конкурса, без поддержки влиятельных лиц, факультет представлялся этакой уникальной территорией, по которой запросто перемещались и в которой активно творили настоящие корифеи исторической науки – Владимир Михайлович Важинский, Александр Егорович Кильмяшкин, Алексей Васильевич Райков, Петр Николаевич Щербань и другие, не менее маститые ученые и преподаватели. И на этом фоне Александр Иванович совершенно не терялся, а, скорее, наоборот, – привлекал к себе внимание всегда безукоризненным внешним видом и совершенно непостижимой манерой общения. Он умел поразительным образом сочетать известную дистанцию между собой и студентами, и при этом проявлять искреннее дружелюбие и расположенность к собеседнику. Знакомство с ним как преподавателем началось на четвертом курсе – в рамках предмета «Новейшая история стран Запада». И это был по-настоящему важный и полезный опыт – пусть не для всех из нас, но, безусловно, для многих. Хорошо помню, что к изучению данного предмета я приступил с некоторой прохладцей и убеждением, что эта крепость будет взята малой кровью – и тому были свои причины. Чтобы они были понятны уважаемому читателю, мне придется дать чуть более пространственные пояснения.

В начале 1983 года вышло постановление Совмина СССР о призыве на срочную военную службу студентов вузов после окончания первого года обучения с правом восстановления после демобилизации на прежнем месте учебы. Руководствуясь принципом «раньше сядешь – раньше выйдешь», я в том же году после сдачи летней сессии обратился в военкомат – и две недели спустя уже маршировал по плацу одной из учебно-боевых частей в тогдашней Калининской области. Вернувшись спустя два года, я стал встречаться со студенткой Светланой Сухоносенко, поступившей на истфак годом позже меня и учившейся теперь курсом раньше. Спустя некоторое время мы поженились. Света исключительно добросовестно и ответственно относилась к учебе, она была потрясающе усидчива и работоспособна. Ее аккуратные и подробные конспекты за второй и третий курсы меня совершенно не интересовали, но когда «нача-

лись Борозняк и Райков», я решил облегчить себе жизнь и одновременно подстраховаться – воспользоваться ее конспектом семинарских занятий по новейшей истории стран Запада. И вот тут меня ждало... нет, не разочарование, а, скорее, интригующее открытие – подробные и детальные конспекты не гарантировали результативной работы на семинаре! Казалось бы: а что тут такого? Учебные планы – не в пример нынешним временам – не менялись подолгу, рискну предположить, что десятилетиями, а потому прошлогоднему материалу полагалось оставаться актуальным и в году текущем..., но не тут-то было! Я добросовестно прочитывал рекомендованные главы книг и журнальные статьи – разве что не тратил время и силы на их конспектирование – но все равно чувствовал себя недостаточно подготовленным. Сейчас я понимаю: дело было не только в том, что я самонадеянно отказался от конспектирования как важного способа усвоения знаний. Критически важным было то, что Александр Иванович постоянно импровизировал. Эти импровизации на каждом занятии, будь то лекция или семинар, сплетались в единую систему, освоить которую можно было только посредством личной системной подготовки к каждому занятию. К счастью, я довольно быстро это понял и решительно прекратил паразитировать на конспектах жены. И это был первый важный методический урок для меня, первый, но не единственный.

Довольно быстро мы, студенты четвертого курса, оценили Александра Ивановича как интересного рассказчика, воздали должное его образной речи, при всей своей красочности сохранявшей строгий научный стиль. И, одновременно с этим некоторые из нас стали отчетливо понимать, что «Борозняк знает гораздо больше, чем говорит». Кто-то поспешил объяснить это обычной человеческой осторожностью: в 1987-1988 годах глубоко укоренившиеся привычки официального единомыслия еще были достаточно сильны в общественном сознании, как, впрочем, и партийный контроль над учебным процессом в стенах «самого идеологического факультета». Сейчас я сознаю, что это не было следствием опасения «сболтнуть лишнее». Александр Иванович действительно очень много знал – и не только в области германской истории. Но при этом он весьма ответственно подходил к отбору материала для каждого занятия. Именно поэтому ему удавалось с непостижимым изяществом посредством двух-трех фраз разъяснять сущность сложных и противоречивых явлений и процессов, вносить ясность, расставлять точки над «i» – и при этом неизменно давать понять, что реальная историческая действительность всегда шире и многограннее любых ее словесных характеристик и описаний.

Его повествование о происходящем всегда рождало вопросы. В сущности, вопросы по материалу лекции – явление довольно тривиальное – все мы отводим пару завершающих минут лекционного времени для того, чтобы они были заданы и чтобы на них были даны соответствующие ответы. В последние годы я стал замечать, что подобных вопросов стало намного меньше – а чаще студенческая аудитория и вовсе воздерживается от них. На занятиях же Александра Ивановича вопросы задавались с завидным постоянством и регулярностью – можно сказать, он их генерировал. Причина всегда была одна – удоволь-

ствие от узнавания нового, удовлетворение от того, что наступает желаемая ясность. Иногда случалось, что некстати прозвучавший звонок с пары лишал такой возможности – тогда мы не упускали случая обратиться к нему в индивидуальном порядке. В подобных ситуациях вслед за ответом всегда следовала рекомендация: а вы почитайте об этом там-то и там-то. С тех пор я прекрасно помню, что наиболее детальную реконструкцию поджога рейхстага можно найти в книге Л. Безыменского «Разгаданные загадки «Третьего рейха», что подробное изложение причин разгрома американского флота в Перл-Харборе дано Н. Яковлевым, что мемуарам начальника шестого отдела РСХА В. Шелленберга можно верить лишь местами, а вот воспоминаниям начальника германского Генштаба в период Сталинградской битвы К. Цейтцлера – практически во всем – и стремлюсь передать это новым поколениям студентов.

Разумеется, мы обсуждали профессиональные качества своих преподавателей – и, будучи студентами (ну как же без этого!), и уже после, когда сами стали таковыми. В более зрелых и обоснованных «постстуденческих» высказываниях и оценках всегда звучала мысль о том, что «Борозняк – блестящий рассказчик, но он намного более интересен и глубок как методист». Убежден, что это – совершенная правда. Он не просто вкладывал в наши головы знания по зарубежной истории XX века – он обучал нас приемам и способам самостоятельного поиска и добывания знаний. Разумеется, далеко не все готовы были принять от него столь нужный и щедрый дар – но немало было и тех, кто многое взял и многому научился.

Приведу несколько примеров. Запомнилось, как Александр Иванович в начале очередного семинарского занятия (кажется, оно было посвящено изучению «Нового курса» Франклина Рузвельта) предложил нам самим сформулировать «основные проблемы» данной темы. Мы недоуменно округлили глаза – ни с чем подобным до сих пор сталкиваться не приходилось, но он вкратце объяснил, что и как надлежит сделать. Задача сразу заинтересовала – начали думать, прикидывать так и этак, искать варианты, тут же опровергать их и доискиваться до новых... Прозвучали первые предложения – поначалу, как водится, громоздкие, неудобоваримые. Александр Иванович их не принимал и не отвергал голословно – он их комментировал, направляя наши усилия в нужную сторону. Захваченный этой работой, в какой-то момент я мысленно ощутил себя в эпицентре некоей «временной воронки», которая увлекла меня туда, в конец двадцатых годов, к началу «Великой Депрессии» – так вот что, оказывается, историки романтического направления называли «вживанием» в эпоху! – и, кажется, что-то начал различать, осознал что-то базисное, важное, и даже что-то по этому поводу изрек... В итоге мы совместными усилиями выработали пять или шесть положений, отражавших суть кризиса и антикризисной политики правительства, после чего Александр Иванович удовлетворенно констатировал, что по этим направлениям мы и будем сегодня работать. Эти слова в одночасье сделали изначальный план подготовки, как и часто практикуемую студентами договоренность о распределении вопросов для подготовки ответов на них, уже неактуальными; но зато достигнутое в итоге понимание исторических процессов и закономерностей

оказалось на удивление глубоким и целостным. В сознании сформировалось и утвердилось комплексное знание – это и было главным итогом занятия. В последующем я неоднократно обращался к этому приему в своей преподавательской деятельности, а уж насколько успешно – об этом судить самим студентам...

Прочно запомнилось и то, как мы с моим однокурсником и нынешним коллегой по работе профессором Ю.Н. Тихоновым готовили список вопросов к экзамену за первый семестр. Само собой разумеется, это была инициатива Александра Ивановича. Такого ни с кем из нас за предшествующий период обучения не случилось ни разу, а потому чувство ответственности просто зашкаливало. Вместо предполагаемых полутора-двух часов мы засиделись у Юрия Николаевича дома далеко за полночь. Спорили, оттачивали формулировки, оценивали объем и качество материала... В итоге у нас получилось что-то настолько проработанное, что Александр Иванович даже не счел нужным внести свои коррективы – пробежал глазами по тексту, одобрительно покивал и сразу дал добро на печатание и распространение среди одногруппников. Признаться, этот перечень вопросов сохранился в моем архиве, и по прошествии времени долго использовался уже мною в преподавательской деятельности.

Еще один эпизод, врезавшийся в память, кажется мне сегодня особенно знаменательным. В одном из кинотеатров города начался показ фильма Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм». Александр Иванович со строгими интонациями в голосе объявил, что мы все должны его обязательно посмотреть. На просмотр действительно пришли все. В этой связи хотелось бы напомнить, что в то время в нашей стране не было ни Интернета, ни социальных сетей. Источником научной, технической, учебной и любой иной значимой информации была библиотека, а пропущенный фильм можно было долго не увидеть в дальнейшем. Этим, собственно, и объяснялась практически поголовная явка в кинотеатр – ну и, само собой, необычностью повода. Сходить всем курсом в кино – далеко не самое ординарное событие для студентов даже в наши дни. Но если для большинства сокурсников все это означало сочетание приятного с полезным, то для меня имело более серьезные последствия: Александр Иванович пригласил меня на кафедру и поручил подготовить и провести семинарское занятие по этому фильму.

Что мне следовало делать? С чего начать, в каком направлении продвигаться? Никакого, даже приблизительного, понимания не было. Я пришел в областную библиотеку, обложился книгами по германскому фашизму и творчеству М. Ромма, лихорадочно искал хоть какие-то зацепки – безрезультатно... Постарался припомнить какие-то значимые эпизоды фильма, на основе которых можно построить работу – в голову лезли малозначительные детали, в том числе из культового сериала «Семнадцать мгновений весны», по поводу исторической составляющей которого сам Александр Иванович высказывался довольно критически. Постепенно нарастало представление о собственной ущербности и никчемности – а еще досада при мысли о том, что не смог оправдать оказанное доверие... И вот тогда родилась идея: необходимо понять, именно понять, как смог бы провести это занятие сам Борозняк, на что он обра-

тил бы наше внимание, какие проблемы поднял бы, чего потребовал бы от нас. В тот момент я постарался мысленно стать Александром Ивановичем Борозняком – и это сработало! Творческая мысль вдруг пробудилась от спячки и понеслась, набирая обороты. Способы пропагандистского воздействия на массы? Конечно, они замечательно отражены в фильме и подробно описаны в научной литературе! Механизмы расчеловечивания людей? Безусловно, это повод для развернутого обсуждения! Людоедская расовая мораль и методы ее реализации на практике? Да, этот аспект обязательно должен быть затронут! Пелена непонимания стала рассеиваться, предельно четко обозначился путь к достижению результата. А как насчет тем докладов? Борозняк обязательно предложил бы – и какие-нибудь неожиданные... Решено, доклад будет, а лучше – два!

До сих пор не забыт тот творческий экстаз, под воздействием которого я начал торопливо записывать на тетрадном листе тезисы своих будущих высказываний, формулировки вопросов, пункты плана, оценочные суждения и предполагаемые выводы. Семинар прошел успешно – не скажу, что «на ура», но достаточно динамично. Конечно, тут и ребята дружно поддержали, спасибо им – не отмалчивались, не стеснялись высказывать собственные суждения, порой – глубоко личные и даже излишне экспрессивные. Александр Иванович внимательно следил за ходом занятия, делал какие-то пометки в своих бумагах – и по его непроницаемому виду я понял, что ожидания не мой счет в этот раз не пошли прахом. В завершающей части он взял слово, провел краткий «разбор полетов», указал на недоработки и слабые места..., но в тот момент его слова, увы, не оказали на меня должного воздействия. Я пребывал в состоянии творческого опустошения и одновременно эйфории от проделанной работы: я это смог, я нащупал верный путь, я достойно отработал! Этот пьянящий вкус победы я помню до сих пор. Уже, будучи преподавателем, я раза три пытался повторить этот прием – поручал студентам самостоятельную разработку и проведение семинаров. Результаты были неодинаковыми – когда-то получалось лучше, когда-то – не очень. А у Александра Ивановича все получалось интересно и успешно, все срабатывало как надо...

Во время одной из лекций второго семестра Александр Иванович – вдруг подошел ко мне и, понизив голос до полутона, сообщил, что хотел бы видеть меня своим дипломником. Примечательно, что, следуя совету жены, я за несколько дней до этого по собственной инициативе набился в дипломники к другому преподавателю, о чем в состоянии крайнего смущения доложил Александру Ивановичу. Он с выражением сожаления на лице покивал головой, чем сей эпизод и завершился. Спустя полтора-два месяца состоялся экзамен, запомнившийся мне надолго. Как обычно, я зашел в экзаменационную аудиторию «в серединке» – двенадцатым или тринадцатым, взял билет и сел готовиться. Вопросы были не ахти какие сложные – международные отношения на этапе разрядки международной напряженности и развитие Германской Демократической Республики в период, если не ошибаюсь, после возведения Берлинской стены. По проблеме международных отношений я «отстрелялся» довольно быстро и успешно, а вот по второму вопросу началось то, что в молодежном лексиконе

обозначают словом «жесть». Александр Иванович предложил отказаться от традиционного формата ответа и «побеседовать по теме». Первые же вопросы заставили меня почувствовать себя ужом на раскаленной сковородке. Каюсь и стыжусь, но в какой-то момент я даже малодушно предположил, что все происходящее – своего рода месть за излишнюю прыть и своеволие при выборе руководителя дипломного проекта..., но вдруг пришло осознание, что вопросы Александра Ивановича нацелены не столько на знание фактов, сколько на понимание причинно-следственных взаимосвязей. Это позволило мне успокоиться и взять себя в руки. Беседа получилась, как мне кажется, продуктивной и насыщенной. В финальной ее части я, ужасаясь радикализму собственных суждений, предрек воссоединение ГДР и ФРГ «еще при нашей жизни». Подчеркну, что все это происходило в начале лета 1988 года, когда и Советский Союз был еще жив, и «социалистический лагерь» иже с ним – впрочем, перестройка и гласность уже многим в то время развязали языки. Александр Иванович с легкой саркастической усмешкой сравнил меня с Хрущевым, имея, по всей видимости, в виду его широко известное заявление о нынешнем поколении советских людей, которые «будут жить при коммунизме», что-то быстро черкнул в зачетке и вернул ее мне в закрытом виде.

Посмотреть на выставленную оценку в присутствии экзаменатора в наше время считалось бестактностью – поэтому я, вышед в коридор, где был встречен радостным оживлением одноклассников. Смысл их восклицаний сводился к тому, что «нарисовалась», наконец-то, первая оценка «отлично». Я искренне удивился, откуда им известна оценка, когда я сам еще не знаю, как меня оценили, но мне тут же все рассказали. Оказывается, Александр Иванович выставил мне «отлично» сразу же, как только я положил зачетную книжку на его стол, но расписываться не стал – и это увидела староста группы, сидевшая напротив. Думаю, это был вариант того самого «автомата», о получении которого мечтают многие студенты; все же остальное было следствием желания Александра Ивановича просто побеседовать со студентом, которому было оказано столь высокое доверие. По крайней мере, мне хочется так думать, как хочется верить и в то, что студент Геннадий Уваров пользовался уважением со стороны этого многогранного преподавателя и интересного человека, обладавшего несомненной харизмой и осязаемой притягательной силой.

В последующие годы наши пути не раз пересекались – и случайным образом, и во время каких-либо научных форумов. Иной раз я интересовался его мнением по поводу тех или иных проблем истории двадцатого века и современности. Он оставался верен себе – не отказывал в помощи, но избегал пространных разъяснений, отвечая лаконично и емко, попутно предлагая подумать над тем, что способствовало более глубокому пониманию... Фактически, он, как и в нашу студенческую бытность, продолжал направлять познавательный интерес в нужное русло, он по-прежнему учил думать и искать.

Спасибо Вам за все то важное, главное, значимое, что Вынесли всем нам и мне лично, уважаемый Александр Иванович...

«ДУША ОБЯЗАНА ТРУДИТЬСЯ...»

И. Александр Иванович – учитель

Познакомились мы с Александром Ивановичем Борозняком двадцать лет назад, когда я, будучи студенткой первого курса факультета иноязычной культуры Липецкого государственного педагогического университета, попала к нему на первую пару по дисциплине «Страноведение». Сказать, что он нас, желторотиков, впечатлил и поразил – ничего не сказать. Но могла ли я тогда оценить весь масштаб его личности – как человека и гражданина, как преподавателя, как историка? Безусловно, нет. Для того чтобы увидеть некоторые личности, нужно не только время, но и опыт – и общения с ними, и просто жизненный.

Позволю себе небольшую ремарку касательно нашего удивительного экспериментального факультета. Создан он был выдающимся отечественным лингвистом и специалистом в области методики иноязычного образования доктором педагогических наук Е.И. Пассовым. Факультет этот хотя и готовил тех же учителей, что и факультет иностранных языков, но существовал параллельно с последним. Разница была не только в методике иноязычного образования, но и во всем учебном плане. Так, у нас были такие предметы как «Хоровая культура», по которой все студенты сдавали экзамен. Создавая факультет, профессор Пассов как жемчужины в ожерелье подбирал выдающихся преподавателей. Нисколько не удивительно, что Александр Иванович стал руководителем кафедры с потрясающим названием – социальной и духовной культуры – именно этого факультета, а не привычного ему истфака.

Парадоксальность и внезапность – вот два первых слова, которые, прежде всего, ассоциировались у меня с Александром Ивановичем в годы моего ученичества. Я не стала его ученицей в полной мере, если говорить о германистике, к которой я имею самое скромное отношение. Но мне хотелось бы считать, что я – выпускница школы его педагогического мастерства.

Актриса О.Л. Книппер очень интересно написала о своем супруге – А.П. Чехове: *«Антон Павлович, когда его спрашивали, отвечал как-то неожиданно, как будто и не по существу, как будто и общо, и не знали мы, как принять его замечания – серьезно или в шутку. Но так казалось только в первую минуту, и сейчас же чувствовалось, что это брошенное как бы вскользь замечание начинает проникать в мозг и душу, и от едва уловимой характерной черточки начинает проясняться вся суть человека»*.

Когда я читала эти строки, первое лицо, которое сразу же появилось в моей памяти и в моем воображении – это лицо Александра Ивановича. Именно так и бывало – замечания и ремарки, будто бы вскользь, между делом... Но стоило начать прокручивать в сознании услышанное, перекачивать на языке – и совершенно ясно становилось: ничего не было сказано мимоходом, все по делу – умно и содержательно. И в то же время – никаких готовых мыслей, никаких

«рецептов и советов». «Сами, все сами» – таков, кажется, был девиз Александра Ивановича как педагога. Если обратиться к классике – то это был метод Сократа во плоти.

Александр Иванович был нашей «направляющей рукой», а направлял он почти всегда в одно место – в Липецкую областную научную библиотеку. Наверное, из всех студентов Липецкого педагогического университета чаще всего эту библиотеку посещали студенты Борозняка, а остальным, возможно, хватало двух библиотек и трех читальных залов родного вуза.

Следующим жизненным правилом, усвоенным от Александра Ивановича, стало правило «никогда не сдаваться». По всем курсам гуляла байка о девушке, которая сдавала зачет Борозняку восемнадцать (!) раз. И первокурсники, и старшекурсники почти одинаково волновались перед зачетами и экзаменами. Было от чего – ведь его вопросы всегда были парадоксальными (особенно дополнительные), а растерявшегося студента он мог и вовсе выставить из аудитории. Хорошо, если в библиотеку, а не на пересдачу.

Мне повезло: я быстро поняла, что Александр Иванович своими вопросами учил нас не пытаться дать ответ, который устроил бы *его*, а отстаивать свою точку зрения, даже если она неверная.

Когда я училась на втором курсе, нам предстоял экзамен по истории Германии. Факультет наш вовсе не исторический, поэтому история расценивалась как второстепенный предмет, основной упор шел на иностранные языки, педагогику и методику. Несмотря на это, я активно работала по семинарах весь семестр, и Александр Иванович пообещал мне автомат.

Я, однако, не решилась совсем не готовиться к экзамену, но и не учила в полную силу. В день экзамена Александр Иванович всю группу рассадил в аудитории и раздал билеты. И мне тоже, несмотря на обещанный автомат. А достались мне вопросы, на которые я была совсем не готова отвечать. Вызвал Александр Иванович меня отвечать первую. И я честно ему сказала, что на вопросы билета ответить не могу, зато могу рассказать про «Письма темных людей». Бог весть, как попала ко мне эта книга, но... я сдала экзамен. Уж не знаю, что оценил во мне Александр Иванович, но оценка эта была очень стимулирующей. Может быть, этот эпизод стал одним из шагов по направлению к аспирантуре под его руководством.

В 2007 году, сразу после окончания университета, я поступила в аспирантуру к Александру Ивановичу. Позвал он меня еще в мае, до защиты диплома, который я также писала у него. Надо сказать, что я буквально выцарапала возможность писать диплом на кафедре социальной и духовной культуры, которой руководил Александр Иванович. Всего пять дипломов из всех студентов моего выпуска отдавали на его кафедру (извечная проблема профессорско-преподавательского состава – расчет и распределение нагрузки!).

И хотя еще на четвертом курсе было уже все решено, и тема обговорена, на пятом вдруг меня попытались перекинуть на другую кафедру! Надо сказать, что к тому времени педагогика и методика преподавания языков меня уже мало интересовали, так как с 3-го курса я в рамках дополнительной специализации

посещала занятия по дисциплинам исторического цикла. Мы с Александром Ивановичем тогда буквально спина к спине встали против деканата и отстаивали мою тему и его руководство. Тогда же я впервые участвовала в знаменитых Копелевских чтениях не как слушатель, а как докладчик! После этого Александр Иванович и позвал меня писать диссертацию – о Льве Копелеве и его «Вуппертальском проекте». Конечно, тогда я не понимала ни масштаба проекта Копелева, ни замысла Александра Ивановича.

С 2007 по 2011 год я училась в заочной аспирантуре, вернувшись в свой родной город, Новороссийск. С Александром Ивановичем мы вживую виделись пару раз в год – на сессии и где-нибудь на научных мероприятиях, чаще всего в Германском историческом институте в Москве. Благодаря ему я попала в программу Летней школы молодых историков стран СНГ, организованную Институтом всеобщей истории РАН. В 2007 г. в Санкт-Петербурге и в 2010 г. в Минске я принимала участие в школе как слушатель, а в 2015 г., также в Минске – в роли лектора. Отдельно хотелось бы отметить, что авторитет Александра Ивановича открывал мне многие двери, в Москве я была не просто аспиранткой с периферии, но аспиранткой профессора Борозняка, которого, кажется, мало кто не знал.

Основное общение с Александром Ивановичем протекало через переписку по электронной почте. Как же здорово выручала нас его подкованность в современных технологиях, предотвращая необходимость находиться территориально рядом.

В переписке Александр Иванович всегда был лаконичен, у кого-то могло сложиться впечатление, что даже небрежен, но мне всегда было очевидно, что он ухватывает и передает самую суть. Деловой энергичный тон, который задавал вектор всему общению.

«Настя, добрый день!

Поздравляю с праздником Победы!

Прочитал внимательно Ваш план. На главу вполне пойдет. Но для статьи мне представляется материал громоздким, лучше отдельно дать довоенный период (в каком-либо скромном издании), отдельно войну (в солидном месте) и отдельно шарашку (то же и с учетом произведений Солженицына). А.Б.»¹

Однако наша переписка не была лишена и личных моментов, переданных также кратко, но от этого не менее тёплых. Александр Иванович никогда не поздравлял меня с днем рождения, но всегда – с Новым годом и Днем Победы. Письма Александра Ивановича – это всегда динамика, а не статика, описательного в них ничего нет, иногда есть размышлительное, хотя скорее это ремарки, словно бы «реплики в сторону». И сам Александр Иванович был динамичным, подвижным, словно ртуть.

Наша активная переписка началась в июле 2007 года, когда я только подала документы в аспирантуру. К сожалению, не вся она сохранилась. Постепенно, год за годом переписка меняла тон. К 2012 году Александр Иванович не

¹Письмо А.И. Борозняка от 6 мая 2010 г. Личный архив автора.

только дает мне советы и рекомендации, но уже и советуются со мной, что не могло не льстить:

«Настя! Надо бы, не откладывая, определиться с темой для Копелевских чтений. Может быть, Копелев и Бёлль? Взять у М.Н.² материалы новой книги, которые у нее в рукописи есть?»³.

Иногда Александр Иванович пересылал мне письма, которые получал сам, если ему казалось, что информация будет нужной или полезной мне. Его жизненно-научная позиция была таковой: участвовать вживую в конференциях везде, где только можно. Ведь там, в живом общении с историками рождаются новые идеи, новые контакты и новые проекты. И сам Александр Иванович до последнего по мере сил и возможностей выезжал на самые разные мероприятия.

Еще одним жизненным принципом, переданным мне Александром Ивановичем, стал принцип «показаться нужному человеку в нужное время в нужном месте!».⁴ Александр Иванович, как мне кажется, умел это совершенно гениально. Удивительное чутье на своевременность и уместность того или иного материала помогали не только ему, но и мне «быть в моменте», как сейчас принято говорить. Это легко иллюстрируется даже темой моей диссертации («Вуппертальский проект» Льва Копелева: научное и общественно-политическое значение»), которая была завершена и защищена в 2012 году – в год столетия со дня рождения Л.З. Копелева.

Александр Иванович был человеком не только с потрясающей эрудицией, но и с потрясающим чувством юмора. Неудивительно, что и хобби у него нашлось весьма нетривиальное – он собирал частушки.

О частушечном хобби Александра Ивановича я узнала в 2007 году, на собственном выпускном из университета вечере. Помню, организовали с однокурсниками посиделки в русском стиле – с самоварами и баранками – в одной из учебных аудиторий. Видимо, обстановка показалась Александру Ивановичу вполне подходящей – и мы, знавшие его, казалось бы, со всех сторон – слушали частушки в его исполнении, пораженные в самое сердце. Прекрасный был вечер.

Для меня Александр Иванович Борозняк – это его пары, его шутки, его книги, его письма. Это учитель, руководитель и, наверное, в каком-то смысле старший друг. Которого не хватает даже спустя годы...

А.М. Кожевникова

II. Александр Иванович – коллега

Часто от мемуаров, посвященных каким-либо значимым личностям, ожидается патетика, высокий стиль, даже пафос. Но я сознательно выбрала другой вариант: показать Александра Ивановича живым человеком, таким, каким я его видела. Я не была его ученицей, а работала под его руководством на кафедре социальной и духовной культуры факультета иноязычной культуры. После всех оптимизаций мы сначала стали именоваться факультетом лингвистики и меж-

² М.Н. Орлова – падчерица и распорядительница наследия Л.З. Копелева.

³ Письмо А.И. Борозняка от 17 февраля 2012 г. Личный архив автора.

⁴ Письмо А.И. Борозняка от 16 января 2012 г. Личный архив автора.

культурной коммуникации, а затем кафедрой в составе Института филологии ЛГПУ. В соответствии с этим кафедра наша сначала была слита с другой, Александр Иванович лишился заведования, а затем кафедра и вовсе исчезла. Но мне всё же повезло поработать под началом Александра Ивановича. У нас был замечательный коллектив! Он состоял из историка Ольги Владимировны Воробьёвой, философа Сергея Ивановича Данковцева, аспирантов А.И. Елены Проскуриной, Анны Боровицкой, Петра Шкурата и «понаехавшей» меня.

Впервые с Александром Ивановичем мы встретились в 2003 г., когда я пришла устраиваться на работу к нему на кафедру. А.И. был невысокого роста, сухощав и внешне классический профессор: седые волосы, густая борода и абсолютная уверенность в себе. Студенты его очень уважали, потому что он славился нетрадиционными лекциями и семинарами. Никаких шаблонов, неожиданные трактовки и поразительная эрудиция. Эти черты меня восхищали. Так, зашла у нас как-то на кафедре речь о фильме «Андрей Рублёв». Александр Иванович заметил, что один революционер снял фильм про другого. Меня удивила мысль о том, что Андрей Рублёв – революционер. С А. Тарковским ясно, но русский иконописец? Почему? А.И. объяснил: так ведь создал же он свою уникальную манеру вопреки традиции, посмел же! «Троица» его, «Спас Звенигородский» – эти произведения сделаны по канону, но притом с таким новаторством, которое трудно было бы ожидать в то время, особенно учитывая, что художник был монахом. Интересно, что про интеллектуальную историю я узнала именно на кафедре социальной и духовной культуры, а не в родном вузе! А ведь я училась в МПУ, бывшем МОПИ имени Н.К. Крупской. Так что с новейшими направлениями исторической науки я познакомилась не в Москве, чего следовало бы ожидать, а в Липецке – и всё благодаря нашей кафедре и её заведующему!

Конечно, масштаб личности Александра Ивановича был виден и студентам. Александр Иванович умел поразить их каким-нибудь необычным заковыристым вопросом. Например, спрашивал: *«В Кремле есть табличка на латыни. На какой башне она находится и что там написано?»* У студента глаза на лоб лезли: он даже был не в курсе, что такое вообще водится в Кремле! Где Кремль и где латынь? *«Когда узнаете, приходите сдавать экзамен»* – говорил наш заведующий. Или: *«А какой калибр у царь-пушки? Почему она самой большой в мире считается?»* Провокационные вопросы касались достопримечательностей России, Германии, Британии и Франции, да и искусства в целом во всех его проявлениях. Студентам приходилось искать информацию в библиотеке.

Александр Иванович давал студентам уникальные задания. Например, они должны были восстановить генеалогию своих семей, насколько смогут. Многие потом благодарили его: они в лучшем случае знали имена своих прабабушек и прадедушек, а после задания те представляли перед ними живыми людьми. Иногда семьи обогащались архивными фотографиями и материалами, весьма неожиданными и даже героическими. Однако о работе Александра Ивановича со студентами я всё же знаю мало.

Чем меня всегда удивлял Александр Иванович, так это своей современностью. Тогда, в начале двухтысячных, пожилые люди даже среди преподавателей

были с компьютером на «Вы» или же вообще не были знакомы с этой шайтан-машиной. Александр Иванович лихо пользовался всеми достижениями современных технологий. На кафедре у нас сначала стоял компьютер с минидискетами, и А.И. Борозняк активно что-то копировал с компьютера на компьютер. Потом нам достался агрегат современнее, и мы стали пользоваться флешками. Александр Иванович тотчас оценил прелесть флешки – и, глядь, уже у него их несколько штук, и притом самые передовые на тот момент. Когда студенты сдавали ему неверно оформленные работы, он садился за компьютер, рядом сажал студентку и говорил *«Записывайте, как форматировать текст»*. И показывал, как создать документ Word, как установить шрифты, вставить номера страниц и прочее. Понятно, студентов это поражало! Они-то в большинстве своём привыкли к бабушкам и дедушкам, которые если и имеют сотовый телефон (тогда не было смартфонов), то не умеют отправлять и читать смс! А тут седой «дедушка» им объясняет, как пользоваться компьютером! Не знаю, замечали они или нет некоторую ехидцу или иронию в объяснениях? Ведь это они должны были просвещать педагога во всевозможных новшествах. Едва только появились у нас проекторы, при помощи которых можно было выводить иллюстрации с компьютера на большой экран, Александр Иванович тотчас стал их использовать. Студенты знали, что на занятия обязательно нужно взять «технику».

Вспоминается несколько историй с Александром Ивановичем, которые отлично его характеризуют и показывают особенности его личности. Он был представителем советской профессуры в лучшем смысле этого слова.

Году в 2008 в нашем университете озаботились компьютеризацией, инновацией и прочими современными новшествами. Одним из них было пожелание руководства, чтобы профессорско-преподавательский состав печатал свои лекции и материалы самостоятельно, а не загружал этой работой секретарей. Секретарей у нас стали потихоньку сокращать, и они уже не успевали выполнять и кафедральные задачи, и частные – вроде набора текстов для преподавателей. По этому поводу у нас однажды собрали совет факультета. Одна из коллег, которая как раз и писала свои материалы по старинке от руки, поднялась и сказала:

– Компьютеры, компьютеры! Раньше без них обходились, и ничего! Это пусть молодёжь так работает, а нам, пожилым, это трудно. Мы не можем.

– Как же это вы не можете, а я могу? – тотчас сказал Александр Иванович. – А ведь я лет на пятнадцать старше вас! Может быть, стоит всё же поучиться? Мы же педагоги, должны подавать пример студентам.

Понятно, коллега очень смутилась и молча села, а я мысленно поаплодировала Александру Ивановичу.

Ещё два случая связаны со студентками. Пришла к Александру Ивановичу злостная должница. На вопросы о том, почему она не вовремя пришла сдавать, не подготовилась и так далее, она ответила: «Я просто не успела!» Александр Иванович ей говорит:

– А на ногтях-то у вас ведь шеллак?

– Да, – ответила обалдевшая студентка. Таких потрясающих знаний она никак не ожидала от седого профессора.

– Так вы, наверное, часа два их сушили? – Александр Иванович показал жестами, как сушат ногти в сушилке.

– Да, – студентка не понимала, куда он клонит, и притом испытывала глубочайшее потрясение.

– Значит, на ногти у вас времени хватает, а на подготовку не находится? Могли бы учебник читать, пока с ногтями сидели. Книжку перед собой поставили бы.

Ещё один случай произошёл с очередной двоечницей. Ольга Владимировна Воробьёва, которая тогда ещё работала в ЛГПУ, обнаружила, что студентка полностью списала курсовую работу. На этом основании курсовую работу она не приняла. Девушка пожаловалась маме, она пришла разбираться на кафедру. Вошла она одна, а дочка осталась в коридоре. На кафедре были мы втроём: Ольга Владимировна Воробьёва, Александр Иванович и я. Мама девочки сходу взяла тон обвинителя:

– Я ищу Ольгу Владимировну Воробьёву, – задрав подбородок, на повышенных тонах заявила она. – Это вы?

– Да, это я, – спокойно ответила та.

– Я – мама Лизы Ивановой (имя и фамилия вымышленные – Н.К.). Моя Лиза ночей не спала, всё книжки читала! Она ночи напролёт писала вашу курсовую работу! Ни гулять не ходила, никуда! У неё хорошая работа! Вот где тут хотя бы одна ошибка?! Где?! Вы почему к Лизе всё время придираетесь? Она только на вас и жалуется!

Ольга Владимировна была этим сильно возмущена. К тому же она была известна своей беспристрастностью. Она достала ещё одну курсовую и резко заговорила:

– Ночами не спала? Ошибки найти? Вы посмотрите на эту курсовую и работу Вашей дочери! Они идентичны! Лиза прогуливает занятия, к семинарам не готовится – и всё это мои придирки?

Ольга Владимировна тоже несколько повысила голос, но притом несколько не нарушая правил вежливости. Но Александр Иванович, видя нарастание конфликта и возможное превращение его в вулканическую активность, взял дело в свои руки.

– Давайте позовём Лизу, – спокойно сказал он. – А вы, матушка, помолчите пока, пожалуйста.

Когда Лиза вошла, Александр Иванович начал спрашивать её про курсовую. Мы все услышали историю о том, что Лиза ночами не спала, сладок кус не доедала!

– А что вы скажете про вот это? – он открыл работу-оригинал на третьей странице. – Вот читайте второй абзац.

Лиза прочитала.

– А теперь я обращаюсь ко второму абзацу из вашего труда, – и он зачитал слово в слово.

Мама Лизы стояла, открыв рот.

– Ну что, Лиза, скажете? – обратился он к студентке. – Как работу-то написали, а? Телепатия? Машина времени?

– Я, я... Я купила... (Она назвала и сумму, но я её не помню за давностью лет – Н.К.) Мне сказали, что никто не поймает... Та работа давно была и другому преподавателю! Мне сказали, что не заметят!

– Это вы, матушка, дочке деньги дали, чтобы она работы покупала? А зачем же вы тогда нас обманывали про то, как ваша дочка в поте лица трудится?

– Я... Я не знала! Лиза, ты меня обманула! – мама студентки не знала, куда и глаза девать со стыда.

– Я... я., – Лиза выскочила из кабинета. Мама стала извиняться. Ушла она посрамлённой.

Была у нас ещё одна злостная прогульщица, которая приходила на отработки к Александру Ивановичу. Однорूपницы мне про неё говорили, что всё её «уважительные» причины заключается в том, что она ходит по салонам да фитнесам, предпочитая их занятиям в университете. Эта девочка была в «чёрном списке» почти у всех коллег с кафедры. Я рассказала об этом коллегам во время чаепития. Реакция Александра Ивановича была такой:

– По салонам и фитнесам ходит? А где же результат? Что-то не видно.

Я и сама думала так же и была сильно удивлена, что А.И. высказал вслух те же соображения:

– Да вот я тоже думаю, что как-то не заметно.

Александр Иванович был человеком разносторонним, но я знала его меньше, чем другие коллеги. Поэтому каждая новая грань его личности была вдвойне удивительной. У нас на факультете была традиция праздновать Новый год, но Александр Иванович не всегда приходил на эти новогодние встречи. Мне запомнился один вечер, когда Александр Иванович начал петь частушки! Они были очень остроумными и необычными. Все не запомнила. Мне жаль, что тогда не было возможности записать соло Александра Ивановича. Гораздо позже выяснилось, что он собирал частушки! Они иной раз были на грани приличия, но никогда не отличались банальностью или примитивностью. Весьма неожиданное хобби для знаменитого профессора, какими мы их традиционно представляем.

Кроме всего прочего, об АИ ходила в институте следующая красивая легенда. До меня она дошла в очень усечённом виде, и жаль, что никто уже не расскажет подробностей. Будто бы АИ был участником дуэли, то ли вступившись за некую даму, то ли пожелав сатисфакции за оскорбление. Само собой, он вышел победителем, хотя противник был крупнее его. Глядя на АИ, невысокого, сухощавого и очень энергичного, немудрено было в это поверить.

Он был, словно комета: быстрый и яркий, отличался огромной энергией. Остро не хватает нам сейчас людей такого типа: разносторонних, образованных, умеющих удивлять и удивляться, находить нечто новое в полностью известных, казалось бы, явлениях.

ZUR ERINNERUNG: ALEXSANDER IVANOVICH BOROZNIJAK

In den Jahrzehnten zwischen den Anfängen der Perestrojka und der erneuten Verschlechterung der Beziehungen zwischen Deutschland und Russland nach der Annexion der Krim entstanden umfangreiche Institutionen der Zusammenarbeit wie das Wuppertaler Projekt und die Gemeinsame Historikerkommission¹. Neben solchen Großprojekten sowie jenen der Institute und Verbände entstanden auf beiden Seiten Kontakte zwischen Professoren einzelner Universitäten, wobei die russischen Institutionen oft noch den Namen Pädagogische Universitäten trugen, der in Deutschland schon abgeschafft worden war. Die Symposien, zu denen Kolleginnen und Kollegen eingeladen wurden und an denen Studenten zuhören konnten, wurden finanziell und argumentativ von der Friedrich Ebert Stiftung unterstützt. Das Engagement deutscher Institutionen für intellektuelle Prozesse in Russland galt in dieser Periode als normal und russische Institutionen nahmen Hilfen gern an. Solche wurden nicht nur von SPD-nahen, sondern auch CDU-nahen Stiftungen gewährt². Dadurch erhielt ich die Möglichkeit, mich Kontakten einiger deutscher Hochschullehrer mit russischen Kolleginnen und Kollegen anzuschließen, von denen Wolfram Wette hier selbst berichtet (s.o. S. XXX). Die Konferenzen wurden vom Institut für deutsche Geschichte der Akademie der Wissenschaften gefördert und koordiniert, das von Jakov Drabkin³ geleitet wurde (Rossijskaja Akademija Nauk, Institut Vseobshchej Istorii, Centr Germanskikh Istoricheskikh Issledovanij).

Die politischen Beziehungen des Kalten Krieges bildeten den Hintergrund dieser «Bilder vom anderen», sowohl im Willen der russischen Teilnehmer, die Diskussionsbeschränkungen der Vorjahre zu überwinden, als auch im Willen der deutschen Teilnehmer, den verbrecherischen Charakter des deutschen Russlandfeldzuges und die Beteiligung der Wehrmacht an Verbrechen nicht zu verschweigen. Trotzdem war manches Verhalten von Westlern vom «triumphalismus» geprägt, also der Vorstellung, dass der Westen nicht nur siegreich war, sondern dass darüber hinaus das westliche kapitalistische Modell sich als erfolgreich für die Lösung der globalen Probleme erwiesen hätte und umstandslos verallgemeinert werden könne. Z. B. leitete Peter W. Schulze die Wolgograder Tagung 2001 noch mit einem Vortrag über die «Annäherung Russlands an Europa»⁴ ein, während es mir zufiel, neben Ähnlichkeiten auf die Unterschiede der Entwicklungswege zu verweisen⁵. Alle verfügten über eine sehr

¹ Hans-Heinrich Nolte: Ein Vierteljahrhundert russisch-deutscher Kooperationen in Geschichtswissenschaft und Schule in Ders. Rolf Wernstedt Hg.: *Russlandbilder – Deutschlandbilder*, Gleichen 2018 // Zur Kritik der Geschichtsschreibung, Bd.15. S. 71-94.

² *Ludger Kjunkhardt, Aleksander Chubarjan*. Hg.: *Rossija i Germanija. Na puti k antitotalitarnomu sozglasiju*. Moskva, 2000 (Institut Vseobshchej Istorii)

³ Vgl. die Festschrift zu seinem 90. Geburtstag: M. B. Korchagina, V. L. Telicyn Hg.: *Germanija i Rossija v sud'be istorika. K 90-letiju Ja. S. Drabkina*. Moskva, 2008.

⁴ P. Shul'ce: *Sblizhenie Rossii s Evropoj*, in: N.É. Vashkau, A.N. Boroznjak, Ja. S. Drabkin, O.V. Kuznecov, P. Shul'ce Hg.: *Vekhi Rossijsko-Germanskikh otnoshenij*. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta), 2001. S. 12-17.

⁵ *Nolte Kh. Kh. Dva varianta modernizacii: Rossija i Germanija v konce XX veka*. ebda.S. 59-64.

weitgehende und tiefe Kenntnis der klassischen deutschen Geschichte und Literatur von Goethe bis Brecht; es kam mir in diesem Kontext zugute, dass ich (das deutsche Universitätsfach) Germanistik studiert hatte. Die stellenmäßige Grundlage dieser Gruppe bildete die weite Verbreitung von Deutsch als Fremdsprache in der alten Sowjetunion und auch noch in den Anfangsjahren der Russländischen Föderation.

Aleksandr Boroznjak war ein leitender Wissenschaftler dieses Kreises⁶. Er stammte aus Kiew; war 1933 geboren und wurde 1941 mit der Mutter nach Fernost evakuiert; der Vater fiel. Er studierte an der Pädagogischen Universität Blagoveshchensk nahe des Amur und publizierte seinen ersten Aufsatz 1955 über den Leipziger Prozess. Da er nur fünf Jahre älter war als ich, hatten wir viele Anknüpfungspunkte, und ich erinnere mich an viele Konferenzabende, an Gespräche in Lipezk und Moskau bei den Treffen der Germanisten und an sein großes Buch über die deutsche Auseinandersetzung mit der Schuld, welche die Nation im Nationalsozialismus auf sich geladen hat, aber auch an seine Offenheit in Gesprächen über den Stalinismus.

Was wurde auf diesen Konferenzen diskutiert? Einen kurzen Überblick habe ich an anderer Stelle versucht⁷. Was brachte Aleksandr Boroznjak ein? Fast jedesmal berichtete er über Wahrnehmungen des Anderen. Er stand mit seiner Arbeit in einer langen Tradition deutscher und sowjetischer Forschungen über die gegenseitigen «Bilder»⁸, die ihrerseits Teil globaler Diskussionen und Forschungen über «Völkerbilder» und überhaupt über «Bilder vom anderen» war⁹.

Das Kopelew-Symposion 1995 am Pädagogischen Institut in Lipezk eröffnete Jakov Drabkin mit einem Bericht über den Schriftsteller¹⁰, Boroznjak schilderte in dem Zusammenhang das Wuppertaler Projekt. Die Herausgeber rechneten mit einem deutschen Publikum und fügten deutschsprachige Abstracts bei. 1996 beschrieb Boroznjak die Veränderung der historiographischen Landschaft in West-Deutschland nach der Wiedervereinigung mit einem langen Zitat von Jürgen Kocka zum Fehlen des marxistischen Stimulus in den Debatten¹¹. Im selben Jahr berichtete Boroznjak über die westdeutsche Debatte zu den Nachkriegsanfängen der SPD¹².

Beim Kopelew-Symposion 1997 kamen die Friedrich-Ebert-Stiftung, die Assoziation der Europaforscher und das Zentrum Vzjajmodejstvie (Zusammenarbeit) zu

⁶ Vgl. zu seiner wissenschaftlichen Laufbahn Nina Waschkau: Nachruf auf Aleksandr Boroznjak, in *Zeitschrift für Weltgeschichte* 18.1 (2017).S. 11-20.

⁷ Nolte *Kh. Kh. Kooperation...* S. 74-89.

⁸ Vgl. Lew Kopelew Hg.: *West-östliche Spiegelungen*, Reihen A und B, Bd. 1 ff. München 1988 ff. (Fink); vgl. H.-H. Nolte: *Changing minds, but not politics in Brezhnev's time*, in: *Journal of Eurasian Studies* (2014) <http://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2014.05.006>

⁹ 1985 ein «Grand Thème» des 16. Internationalen Historikertags in Stuttgart.

¹⁰ *Kopelevskie chtenija 1995 / Otvetstvennyj redaktor V.F. Chernova // Rossija i Germanija: dialog kul'tur*. Lipezk: Lipeckij Gosudarstvennyj Pedagogicheskij Institut, 1996.

¹¹ *Boroznjak A.N. Evoljucija istoricheskogo soznaniya v zapadnoj Germanii*, in: Aleksandr Chubarjan, Jakov Drabkin, Gans-Adolf. *Rossija – Germanija – Evropa*. 4 (1998). S. 108-114.

¹² *Borosnjak: Alexander*. Die deutsche Sozialdemokratie 1945, in: Jakow Drabkin, Alexander Borosnjak, Marianna Kortschagina. Hg.: *Annäherungen an die deutsche und die russische Geschichte*, Köln, 1996 (Wostok) S. 106-116.

den Organisatoren hinzu¹³. Die Zahl der Beiträger schnellte auf 43, was zu einer Publikation ohne Anmerkungen und ohne deutsche Abstracts führte; das Symposium hatte einen Stellenwert in der russischen akademischen Welt gefunden, aber nicht in der deutschen. Es ging vor allem um grundlegende Fragen beider Kulturen¹⁴. Auch 1999 begann das Symposium¹⁵ mit Nachrichten über das Kopelew-Zentrum in Köln, mehrere Beiträge betrafen die Kulturen beider Länder im Vergleich.

Die Konferenz 2000 in Kemerovo in Sibirien wurde ebenfalls von der Friedrich-Ebert-Stiftung unterstützt. Das Thema war «zwei totalitäre Diktaturen, zwei Wege zur Demokratie» und bot fast 70 Vorträgen Raum¹⁶, bei denen zu den «Lipezker» Beiträgern vor allem solche aus Sibirien hinzukamen, die zur industriellen Leistung des Kuzbas im Kriege und zu den Kriegsgefangenen-Lagern viel konkretes Wissen beitrugen. Boroznjak verglich die Auseinandersetzungen Deutschlands und Russlands mit der «totalitären Vergangenheit»¹⁷.

Das Symposium 2002¹⁸ war dem 90. Geburtstag von Lew Kopelew gewidmet. Boroznjak stellte deutsche Arbeiten über Kriegsgefangene und Zwangsarbeiter vor, nicht zuletzt die der hannoverschen Arbeitsgruppe über Häftlinge in Bergen-Belsen und Pavel Poljan's «Opfer zweier Diktaturen»¹⁹. Dem folgte, mit Dank an Barbara Distel, ein relativ langer Bericht über Dachau und die Literatur zum Konzentrationslager bis hin zu den seit 1985 erscheinenden Dachauer Heften²⁰.

Zu der Reihe gehörte die Festschrift für Alexander Boroznjak 2003²¹. Neben Aufsätzen von Drabkin und Vorob'eva zur Person wurde ihm sechs Aufsätze zu deutsch-russischen Zusammenhängen gewidmet – Deutsche in russischen Diensten in Macao; Berichterstattung des Vestnik Evropy, Karl-Marx-Haus in Trier, Coudenhove-Calergi, Georg Dinges über die Dialekte der Wolgadeutschen und deutsche Emigration in der UdSSR. Sechs Beiträge betrafen den Zweiten Weltkrieg, wobei

¹³ Kopelevskie Chtenija 1997 / Otvetstvennyj redaktor V.F. Chernova // Rossija i Germanija: dialog kul'tur. Lipeck, 1998 (Computertext, Druck der PGI).

¹⁴ Z. B. erhielt ich die Chance, mein Konzept von Einsamkeit und Pathos in der Geschichte beider Länder auf neun Seiten zu skizzieren; vgl. deutsch H.-H. Nolte: Überforderung und Pathos : ein Aufriß. Zur politischen Kultur halbperipherer Länder, in: Hans-Peter Waldhoff, Dursun Tan, Elcin Kürsat-Ahlers Hg.: Brücken zwischen den Zivilisationen. Zur Zivilisierung ethnisch-kultureller Differenzen. Frankfurt, 1997 (IKO). S. 63-82

¹⁵ Kopelevskie chtenija 1999 / Otvetstvennyj redaktor V. F. Chernova // Rossija i Germanija: dialog kultur. Lipeck, 2000 (Computertext Lipeckij Gosudarstvennyj Pedagogicheskij Universitet [folgend PGU]) Vgl. den Bericht von Aleksandr Boroznjak in Novaja i novejšhaja istorija.4(2000). S. 212-214.

¹⁶ Galaktionov Ju. V., Bonvech B. Germanija in Rossija v XX veke: dva totalitarnye diktatury, dva puti k demokratii. Kemerovo 2000 (Zapadnosibirskij Centr germanskikh issledovanij).

¹⁷ Boroznjak A. I. Preodolenie totalitarnogo proshlogo v Germanii i v Rossii: popytka kriticheskogo sopostavlenija, in: Galaktionov Ju. V., Bonvech B. Germanija in Rossija v XX veke: dva totalitarnye diktatury, dva puti k demokratii. Kemerovo, 2001 Zapadnosibirskij Centr germanskikh issledovanij). S. 353-373.

¹⁸ V. B. Car'kova Hg.: Kopelevskie Chtenie 2002. Rossijai Germanija: Dialog kul'tur, Lipeck 2002 (PGU).

¹⁹ Boroznjak A. I. Svidetel'stva tragedii sovetskikh voennoplennykh i ostarbejterov. S. 204-210; vgl. Nolte H.-H. Häftlinge aus der UdSSR in Bergen-Belsen. Frankfurt 2001 (Lang-Verlag); Pavel Poljan: Zhertvy dvukh diktatur. Moskva, 1996.

²⁰ Boroznjak A. I. Dakhau. Gorod i vorot konclagerja, in: Rossija – Germanija – Evropa. 4(2002). S. 76-95.

²¹ Vorob'eva O.V. Germanija i nemcy // Istorija v chelovecheskom izmerenii. Lipeck, 2003. (Computertext, PGI).

Wolfram Wette die Bedeutung der Freiburger Schule für die Geschichtsschreibung hervor hob. Ein eigener Abschnitt handelte über historiographische Probleme der Gegenwart, wobei über westliche Versionen von Sozialgeschichte berichtet wurde. P. A. Fadeeva (Perm) stellte Boroznjaks Buch «Iskuplenie» vor²². Das fünfte Kopelew-Symposium fand 2007, das sechste 2012 statt und war dem 100. Geburtstag Kopelews gewidmet²³.

Die Tagung über «Wegmarken der russisch-deutschen Beziehungen» 2001²⁴ in Wolgograd wurde ebenfalls von der Friedrich-Ebert-Stiftung unterstützt. Auch hier trafen sich «Germanisten» aus Moskau, Lipezk, Wolgograd, Tscheljabinsk, Jaroslawl, Hannover, Bochum und Freiburg. Es wurde Gelegenheit geboten, sowohl die Buchreihe «Die Zeit des Nationalsozialismus» bei Fischer als auch die «Zeitschrift für Weltgeschichte» vor zu stellen. Einen Schwerpunkt der Konferenz bildete der Übergang von der Konfrontation zur Zusammenarbeit²⁵. Boroznjak trug zu den Präsentationen über Schicksale sowjetischer und deutscher Kriegsgefangener und Zwangsarbeiter bei. Der 2. Band war der Schlacht bei Stalingrad gewidmet²⁶, wobei nicht die Militärgeschichte, sondern die beteiligten Menschen und deren Erinnerungen und Gedenken im Vordergrund standen. Der Band fasste viele materialreiche Beiträge zum Thema zusammen und ist an akademisches, aber doch breiteres Publikum gerichtet. Galaktionov und Bonwetsch gründeten damit die Reihe des «Westsibirischen Zentrums für deutsche Studien», in der 2009 z. B. ein Band über politische Kultur in beiden Ländern erschien²⁷.

Mit Hilfe der Friedrich-Ebert-Stiftung, dem Institut für Allgemeine Geschichte der Russländischen Akademie der Wissenschaften und dem Verein für Geschichte des Weltsystems konnte ich 2004 meinen Dank an die Kolleginnen und Kollegen etwas abtragen. In einem Moskauer Colloquium standen die Auseinandersetzungen beider Länder mit den Diktaturen im Zentrum²⁸. Bernd Bonwetsch, Pavel Poljan, Aleksander Boroznjak, Marianna Kortschagina trugen zur Einordnung der Diktaturen und zur Diskussion des Totalitarismuskonzepts bei. Jakov Drabkin sah den Fortschritt der Konferenz gegenüber früheren darin

«dass die Aufmerksamkeit nicht so sehr auf die Verschiedenheiten der Sichten russischer und deutscher Forscher (obgleich sie selbstverständlich bestehen blieben)

²² Boroznjak Aleksandr. Iskuplenie. Nuzhen li Rossii germanskij opyt preodolenija totalitarnogo proshlogo. Moskva, 1999.

²³ Ich danke Prof. Dr. Nina Waschkau, Lipezk für die Übersendung der Inhaltsverzeichnisse der beiden Sammelbände, die daraus entstanden sind.

²⁴ Vashkau N. Ė. Vekhi Rossijsko-Germanskikh otnoshenij (40 – 90-e gody XX verka). Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001.

²⁵ Kapitelüberschrift. S. 30.

²⁶ Vashkau N. Ė. Stalingrad: chemu russkie i nemcy nauchilis' za 60 let. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003.

²⁷ Korneva L.P., Vatjutin S.A. Politicheskaja kul'tura v istorii Germanii i Rossii. Serija Germanskije issledovanija v Sibiri: Zapadnosibirskij Centr germanskikh issledovanij. B. Helmut Stubbe da Luz: Kul'tirovanie politiki Germanskoe partijnoe stroitel'stvo otnositel'no central'nykh politicheskikh frontov, pered 1871 godom.

²⁸ Hans-Heinrich Nolte Hg.: Auseinandersetzungen mit den Diktaturen. Russische und deutsche Erfahrungen. Gleichen 2005 (Muster-Schmidt) – Zur Kritik der Geschichtsschreibung Bd. 9

gerichtet wurde, vielmehr auf unbeschränktes und unbehindertes Eingreifen der Historiker eines Landes in die konkrete Problematik des anderen.»

Die Beiträge wurden auch in russischer Sprache veröffentlicht²⁹. Vielleicht bildete die Tagung so etwas wie einen Abschluss der einführenden Phase der deutsch-russischen historiographischen Annäherung. Immer mehr wuchs die Bedeutung der staatlichen Institutionen, der Deutsch-Russischen Historikerkommission und des Deutschen Historischen Instituts in Moskau. Aber man konnte Symposien einzelner Universitäten bis 2014 besuchen³⁰.

Wenn ich die Beiträge Aleksandrs zu den Tagungen rekapituliere, wird deutlich, dass sie auf sein wichtigstes Werk zuliefen und einzelne Punkte präsentierten, um Kenntnisse zu sammeln und Formulierungen zu prüfen. P.A. Fadeeva (Perm) stellte, wie erwähnt, das Buch «Iskuplenie» über die deutsche Bewältigung der historischen Schuld 2003 in der Festschrift als Kenntnisnahme der intellektuellen Kultur der Bundesrepublik vor³¹.

Ich bin von Aleksandr mit der Aufgabe betraut worden, dies Buch in deutscher Übersetzung heraus zu bringen³². Das Buch hat für mich große Bedeutung. In den Studienjahren habe ich ab 1957 in den «blauen Bänden» des Nürnberger Prozesses gelesen und Mauthausen gesehen. Als Assistent und jüngerer Dozent habe ich mich von meinem Forschungsgebiet aus (der Religions- und Sozial-Geschichte des Moskauer Reiches) in die Geschichte des Nationalsozialismus und insbesondere die des 2. Weltkrieges eingearbeitet. Auf der lokalen Ebene folgte ich Herbert Obenaus folgend und auf der nationalen, für den Krieg im Osten – den Genozid am jüdischen Volk, die Morde an Kommunisten und das Verhungernlassen der Bevölkerung – Manfred Messerschmidt, Gerd Ueberschär und Wolfram Wette.

1991 habe ich einen in Norddeutschland verbreiteten Band zum Unternehmen Barbarossa publiziert, in dem ich den Lesern – vor allem Studenten und Lehrern – auch russische Quellen angeboten habe³³. In jenen Jahren entstand in Deutschland überhaupt eine breite Institutionalisierung von Forschungen über den Krieg im Osten. Aber Alexander führte mich über das bloße kritische Aufzählen von Themen, die noch nicht erforscht sind und sozusagen «noch fehlen», hinaus, indem er zu dem Ergebnis kam, dass wir nicht nur in Deutschland «die Vergangen-Heitsbewältigung trotz aller Widersprüchlichkeit und Unvollkommenheit dieses Prozesses als einen wichtigen Sieg des unabhängigen humanistischen Denkens ansehen» können³⁴. Diese

²⁹ M.B. Korchagina *Otvetstvennyj redaktor: Izuchenie diktatur. Opyt Rossii i Germanii*, Moskva 2007. *Rossija – Germanija – Evropa 6*, (Verlag Pamjatniki Istoricheskij Mysli).

³⁰ Auskunft von Wolfram Wette, 12.07.2017.

³¹ Boroznyak A.I. *Iskuplenie. Nuzhen li Rossii germanskij opyt preodoleniya totalitarnogo proshlogo?* M.: Nezavisimoe izd-vo «Pik», 1999. 287 s.

³² Boroznjak Alexander. *Erinnerung für Morgen. Deutschlands Umgang mit der NS-Vergangenheit aus der Sicht eines russischen Historikers*. Übers. Alexander Grigorow. Redaktion Jens Binner. Gleichen, Zürich 2006 (Muster-Schmidt) // *Zur Kritik der Geschichtsschreibung* Bd. 10.

³³ *Nolte Hans-Heinrich*. *Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941*. Hannover, 1991. (Landeszentrale für politische Bildung).

³⁴ *Boroznjak A.* a.a.O. S. 191.

ermutigenden Worte bilden eine Voraussetzung für meine heutige Einschätzung der «Wende» in der deutschen Geschichtsschreibung³⁵.

Wir wissen spätestens seit Aristoteles, dass der Mensch ein gesellschaftliches Wesen ist, das in seiner Polis, seiner «Stadt» mitgestalten will. Dazu gehört, dass man in bürgerlichem Frieden dem anderen sagen kann, was man falsch findet, und strafen kann, wenn Vereinbarungen gebrochen werden. Dazu gehört aber auch, dass man dem anderen sagt, was er gut gemacht hat. Genau das tat Aleksandr – er war ein Mitbürger in der global gewordenen Polis, der scharf kritisierte, wenn Verbrechen begangen wurden und ein Stadtviertel sich mit Gewalt über die anderen erhob, der aber auch zuhörte und Respekt für die Leistungen anderer zeigte.

Von dieser Mitmenschlichkeit lebten auch die Tagungen in Lipezk, und ihr gilt unser Dank.

Копелевские чтения. Апрель 1999 года. Липецк.
Слева направо: доктора исторических наук, профессора
Н.Э. Вашкау (Волгоград),
Х.-Х. Нольте (Ганновер, ФРГ),
А.И. Борозняк (Липецк)

³⁵ *Nolte Hans-Heinrich*. Zur Wende in der deutschen Geschichtsschreibung über Nation und Nationalismus, in Ders. Hg.: Nationen und Nationalismen in Geschichtsschreibung und Erinnerungskultur. Gleichen-Zürich, 2020 // Zur Kritik der Geschichtsschreibung. Bd. 16. S. 100-124.

**MEIN RUSSISCHER FREUND – HISTORIKER
ALEXANDER I. BOROSNJAK**

Nach dem Ende des Kalten Krieges in den späten 1980er Jahren und dem Abbau der konfrontativen Beziehungen zwischen West und Ost setzten in Europa Entwicklungen ein, die zuvor nicht möglich gewesen waren. Viele Menschen in Deutschland wie auch in Russland träumten jetzt von Kooperation statt Konfrontation. Deutsche und russische Politikerinnen und Politiker sprachen neuerdings von „Gemeinsamer Sicherheit“, womit eine Ausdehnung des Konzept der «Kollektiven Sicherheit» auf ganz Europa gemeint war¹. Der damalige sowjetische Präsident Michail Gorbatschow hatte die Vision von einem „gemeinsamen Haus Europa“², aufbauend auf den Ideen der «Konferenz für Sicherheit und Zusammenarbeit in Europa» (KSZE). Das alles geschah vor dem Hintergrund des deutsch-sowjetischen Krieges von 1941-1945, der von deutscher Seite als ein – historisch beispielloser – Vernichtungskrieg konzipiert und geführt worden war. Er belastete die deutsch-russischen Beziehungen auch noch ein halbes Jahrhundert später, was in Deutschland unter dem Titel «Frieden mit der Sowjetunion – eine unerledigte Aufgabe» thematisiert wurde³. So erschienen die tastenden Versuche beider Länder, die Möglichkeiten von Gemeinsamkeiten im Denken und Handeln auszuloten, als ein hoffnungsvoller Schritt in eine bessere Zukunft. Wie würde ein Europa ohne Feindbilddenken und ohne die Androhung von Gewalt aussehen? Wie wichtig war die Aufarbeitung der kriegerischen Geschichte für die Gestaltung von Gegenwart und Zukunft?

Beflügelt von der Entspannungspolitik zwischen Ost und West, trafen sich seit den frühen 1990er Jahren russische und deutsche Historikerinnen und Historiker mehrfach zu gemeinsamen Konferenzen⁴, um sich über die Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen auszutauschen⁵. Dabei ging die Initiative von der russischen Seite aus. Unterstützt wurde der Historiker-Austausch von der Deutschen Forschungsgemeinschaft (DFG), dem deutschen Auswärtigen Amt und der – im Umfeld der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (SPD) angesiedelten – Friedrich-Ebert-Stiftung, später auch der CDU-nahen Konrad-Adenauer-Stiftung⁶. Die russi-

¹ Siehe: https://de.wikipedia.org/wiki/Gemeinsame_Sicherheit.

² *Andreas Zumach*: Der enttäuschte Traum vom gemeinsamen Haus Europa. In: taz Die Tageszeitung 1.7.2016. Im Internet greifbar unter: <https://taz.de/!5315226/>

³ Frieden mit der Sowjetunion - eine unerledigte Aufgabe. Hrsg. von Dietrich Goldschmidt, Sophinette Becker, Erhard Eppler, Wolfgang Huber, Horst Krautter, Hartmut Lenhard, Wolfgang Raupach, Klaus von Schubert und Wolfram Wette. Gütersloh 1989 (Gütersloher Taschenbücher/ Siebenstern 582).

⁴ Zuvor hatten die Historiker der Sowjetunion Kontakte zu Kollegen in der DDR, aber nicht zu westdeutschen Historikern.

⁵ Über die Kooperation westdeutscher Historiker mit den russischen „Germanisten“ berichtet kenntnisreich Hans-Heinrich Nolte: Ein Vierteljahrhundert russisch-deutscher Kooperation in Geschichtswissenschaft und Schule. In: ders./Rolf Wernstedt (Hrsg.), Russlandbilder – Deutschlandbilder. Gleichen 2018 // Zur Kritik der Geschichtsschreibung. Bd. 15. S. 71-94, besonders 74-89.

⁶ Die Adenauer-Stiftung, Büro Moskau, damals geleitet von der vormaligen Bundesministerin Claudia Crawford, finanzierte die russisch-deutsche Historiker-Konferenz in Wolgograd im Oktober 2014.

sche Seite organisierte Sammelbände in russischer Sprache, in denen die Konferenzbeiträge dokumentiert wurden⁷.

Bei meiner ersten Reise nach Wolgograd – zu der Konferenz von 1991 – begleitete mich mein professionell erworbenes Wissen über den deutsch-sowjetischen Krieg. In Deutschland wurde er damals noch immer beschönigend als «Russlandkrieg» bezeichnet, obwohl man längst wissen konnte, dass es sich um einen machtpolitisch und rassenideologisch motivierten Vernichtungs- und Eroberungskrieg handelte. Ich empfand dieses Wissen als eine schwere historische Last. In Stichworten: Deutscher Überfall am 22. Juni 1941 auf das europäische Nachbarland, mit dem ein Nichtangriffs- und ein Freundschaftsvertrag bestand; rassistische Abwertung der Slawen und ideologischer Kampf gegen den «jüdischen Bolschewismus» völkerrechtswidrige Kriegsführung durch die deutsche Wehrmacht und die SS; Vernichtungsidee und – praxis; Ermordung sowjetischer Politkommissare; menschenfeindlicher Umgang mit russischen Kriegsgefangenen; wirtschaftliche Ausbeutung des Landes; geplanter Hungertod für Millionen Zivilisten; Niederbrennen tausender Dörfer und Städte; Politik der «verbrannten Erde»; Judenvernichtung; Eroberung von russischem Territorium als neuem «Lebensraum» für die germanische Herrenrasse; Aufbau eines deutschen Herrschaftssystems. Am Ende hatten die Länder der Sowjetunion zu beklagen: 27 Millionen Opfer, darunter neun Millionen getötete Rotarmisten, drei Millionen sowjetische Kriegsgefangene, die in deutschem Gewahrsam umkamen, etwa drei Millionen ermordete sowjetische Juden, schließlich etwa zwölf Millionen umgekommene Zivilisten, davon ein bis zwei Millionen Opfer des sowjetischen Geheimdienstes.

Würde ich angesichts dieser Schreckensbilanz des deutsch-sowjetischen Krieges und der noch lebendigen Kriegserfahrungen von Soldaten und Zivilisten in der besonders geschundenen Stadt Wolgograd, dem ehemaligen Stalingrad, mit einer feindseligen, emotionalisierten Auseinandersetzung konfrontiert werden? Oder war 50 Jahre nach dem Kriegsbeginn 1941 die Zeit schon reif für einen sachlichen, wissenschaftsorientierten Austausch von Informationen und Meinungen? Um es vorwegzunehmen: Auf allen Historikerkonferenzen, die ich in Russland miterlebte – 1991, 1993, 1995 und 2014 in Wolgograd, 1997 und 2002 in Lipezk und 2000 in Kemerowo – durfte ich die erstaunliche Erfahrung machen, dass die russischen «Germanisten» ihren deutschen Kolleginnen und Kollegen mit Interesse, Offenheit, Freundlichkeit und der legendären russischen Gastfreundschaft begegneten. Als ich einmal ganz direkt in eine Tagungsrunde hineinfragte, ob denn kein Hass mehr auf den deutschen Aggressor nachwirke, wurde mir bedeutet: «Es gab in der Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen auch gute Zeiten, und an diesen orientieren wir uns. «Im gleichen Sinne würdigte Jakov Drabkin einmal «die fast tausendjährige Wahlverwandtschaft unserer Völker»⁸.

Bei der ersten deutsch-russischen Historikerkonferenz 1991 in Wolgograd konnte ich die Erfahrung machen, dass zumindest einige der russischen Historiker gut

⁷ Sie sind aufgelistet in der Abhandlung von Hans-Heinrich Nolte (wie Anm. 5) sowie seinen Beitrag in diesem Band.

⁸ Zum Abschluss einer Tagung in Moskau September 2004. Siehe Nolte (wie Anm. 16). S. 188.

über die Forschungen ihrer deutschen Kollegen informiert waren. Speziell betraf das die Forschungen im Militärgeschichtlichen Forschungsamt (MGFA) in Freiburg, wo an einem zehnbändigen Werk über «Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg» gearbeitet wurde⁹. Als Historiker, der in dieser Institution arbeitete, war ich eingeladen, zum Thema «Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Forschungsstand, Forschungskontroversen, Forschungsperspektiven» zu referieren. Hierzu war in Deutschland ein Sammelband¹⁰ und ein weithin wahrgenommener Artikel in der Wochenzeitung DIE ZEIT erschienen¹¹.

Bei der zweiten Wolgograder Konferenz im März 1993 lernte ich Alexander Iwanowitsch Borosnjak von der Universität Jekaterinburg kennen, den ich schon bald «Sascha» nennen sollte. Ich reiste damals zusammen mit der Kollegin Rosemarie Papadopoulou-Killius (Frankfurt) und den Kollegen Hans-Heinrich Nolte (Hannover), Wolfgang Eckart (Heidelberg), Gerd R. Ueberschär und Rolf-Dieter Müller (beide Freiburg) an. Zusammen mit anderen russischen Historikern stand Borosnjak damals auf dem Bahnsteig in Wolgograd, als am frühen Morgen unser Nachtzug aus Moskau dort ankam. Es war ein eiskalter, winterlicher Morgen. Wir wurden freundlich begrüßt und in einem gecharterten Bus zum Hotel Oktjabrskaja gebracht.

Während der Tagung und bei den offiziellen Besichtigungsterminen zeigte sich, dass Borosnjak zu den führenden Leuten der russischen Seite gehörte. Unbestrittene Leitfigur war Professor Jakov S. Drabkin, der Direktor des Instituts für Deutsche Geschichte an der Russischen Akademie der Wissenschaften in Moskau. Beide – Drabkin und Borosnjak – sprachen fließend deutsch, während nur wenige von uns Deutschen Russisch konnten, was aufwändige Übersetzungen durch russische Dolmetscherinnen und Dolmetscher erforderlich machte.

Drabkin war im Kriege längere Zeit mit dem Schriftsteller Lew Kopelew zusammen gewesen. Nach Kriegsende 1945 hatte er als Major der Roten Armee in der Funktion eines Kulturoffiziers bei der Sowjetischen Militäradministration (SMAD) in Ost-Berlin gedient¹². Borosnjak, 1933 in Kiew geboren, hatte schon als Achtjähriger im Jahre 1941 seinen Vater verloren. Dieser kam als Rotarmist in der Schlacht um Kiew ums Leben¹³. Alexander zog daraufhin mit seiner Mutter in den fernen Osten der Sowjetunion. Dort studierte er und wurde Lehrer. 1963 promovierte er in Moskau. Danach arbeitete er ein Jahr lang an der Humboldt-Universität in Berlin (DDR), was sein sehr gutes Deutsch erklärt. Nach eigener Aussage beschäftigte er sich in seiner weiteren wissenschaftlichen Laufbahn schwerpunktmäßig mit der politischen

⁹ Das Sammelwerk „Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg wurde vom Militärgeschichtlichen Forschungsamt herausgegeben. Es ist das Ergebnis dreißigjähriger Forschungsarbeit. Schließlich umfasste es 13 Bände. Sie erschienen im Zeitraum 1979-2008.

¹⁰ *Wolfram Wette u. Gerd R. Ueberschär*. „Unternehmen Barbarossa“. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Berichte, Analysen, Dokumente. Paderborn. 1984 // Sammlung Schöningh zur Geschichte und Gegenwart). Taschenbuchausgabe: Dies., Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. „Unternehmen Barbarossa“. Frankfurt/M., 1991 (Fischer-TB 4437), 9.-11. Tsd. 1997.

¹¹ *Wolfram Wette*: Erobern, zerstören, auslöschen. Die verdrängte Last von 1941: Der Russlandfeldzug war ein Raub- und Vernichtungskrieg von Anfang an // DIE ZEIT. 1987.Nr. 48. 20.11. S. 49-51.

¹² Selbstauskunft von Drabkin, notiert in Wette, Tagebuch. Wolgograd, 1995. S. 124.

¹³ Diese Information entnehme ich dem wikipedia-Eintrag zu Borosnjak. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Alexander_Iwanowitsch_Borosnjak.

Entwicklung in Westdeutschland, besonders mit der sogenannten «Vergangenheitsbewältigung», die seit den 1990er Jahren in eine – von einer neuen Generation getragenen, kritisch akzentuierten – «Erinnerungskultur» überging¹⁴.

Das Thema der zweiten russisch-deutschen Konferenz von 1993, die wiederum in Wolgograd stattfand, lautete: «50 Jahre Stalingrad». Mit diesem Ereignis hatten sich auch die deutschen Medien anlässlich des Jahrestages ausgiebig beschäftigt. Die während der ersten Wolgograder Konferenz geknüpften Kontakte nutzend, organisierten die Freiburger Historiker Gerd R. Ueberschär und ich einen wissenschaftlichen Sammelband mit dem Titel «Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht», an dem sich auch die russischen Kollegen Lev A. Bezymenski, Nadeschada B. Krylowa, Jindra Matejkowa und Olga Ratke mit eigenen Beiträgen beteiligten¹⁵. Es war der Beginn einer kooperativen Publikationstätigkeit. Der deutschsprachige Band erschien 1992 als Taschenbuch und erlebte bis 2012 stolze fünf Auflagen. Nicht nur in Deutschland, sondern auch unter den russischen «Germanisten» fand es weite Verbreitung. Inhaltlich setzte er einen neuen Akzent, indem er nicht primär die verantwortlichen Strategen beleuchtete, sondern den Kampf, das Leiden und das Sterben die einfachen Soldaten beider Seiten in den Mittelpunkt stellte, ohne dass dabei die grundlegende Tatsache verwischt wurde, dass Deutschland der Aggressor war. Auf späteren Konferenzen wurde auch die Totalitarismus-Theorie herangezogen, um den Krieg der deutschen und der sowjetischen Soldaten und die Herrschaftssysteme beider Länder besser zu verstehen¹⁶.

Auf der Basis russischer Vernehmungprotokolle referierte Alexander Borosnjak (damals Jekaterinburg) bei dieser Konferenz über den General und späteren Generalfeldmarschall Friedrich Paulus (1890-1957), den Oberbefehlshaber der deutschen 6. Armee, die in Stalingrad eine vernichtende Niederlage erlitt.

¹⁴ Diese Informationen gab Borosnjak dem Journalisten Bernd Fackler, Redakteur der Badischen Zeitung, während seines privaten Besuches bei der Familie des Autors dieses Beitrages in Waldkirch im August 2010. Siehe Bernd Fackler: Erinnerung für Morgen. Der Historiker Alexander Borosnjak war in Waldkirch. In: Badische Zeitung, 6.8.2010. S. 17: Elztal.

¹⁵ Gerd R. Ueberschär u. Wolfram Wette (Hrsg.): Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Frankfurt/M., 1992 (= Fischer-TB 11097), 5 Auflagen

¹⁶ Mit dem Totalitarismus beschäftigte sich unter anderem eine deutsch-russische Historikerkonferenz in Moskau 23.-26.9.2004. Den deutschsprachigen Tagungsband veröffentlichte Hans-Heinrich Nolte (Hrsg.): Auseinandersetzungen mit den Diktaturen. Russische und deutsche Erfahrungen. Gleichen 2005 // Zur Kritik der Geschichtsschreibung, Bd. 9). Die russische Fassung besorgte Marianna Kortschagina.

Wolgograd-Konferenz 1995:
Wolfram Wette (Freiburg), Inge Marbolek (Bremen),
Alexander Borosnjak (Lipezk) vor einem Mahnmal,
geschweißt aus Waffen der Stalingrader Schlacht

Die 3. deutsch-russische Historikerkonferenz 1995 fand einmal mehr in Wolgograd statt, wiederum unterstützt von der deutschen Friedrich-Ebert-Stiftung, Büro Moskau. Etwa 30 «Germanisten» aus fast allen Ländern der ehemaligen Sowjetunion, jetzt «GUS-Staaten» genannt, nahmen an der Tagung teil. Der deutsche Teilnehmerkreis erweiterte sich: Heinz Timmermann, Helga Grebing, Insa Eschebach, Inge Marbolek, Gerd Ueberschär und Wolfram Wette. Die russischen Gastgeber organisierten neben der wissenschaftlichen Konferenz auch Besichtigungen historischer Schauplätze des vormaligen Stalingrad sowie gesellige Zusammenkünfte. Die hier geknüpften persönlichen Kontakte hatten zur Folge, dass es in den folgenden Jahren zu einem regen wissenschaftlichen und persönlichen Austausch zwischen einigen der Teilnehmer kam, unter anderem zwischen Alexander Borosnjak und dem Verfasser dieser Zeilen. In dem gesamten Zeitraum 1993 und 2015 pflegten wir eine enge Kommunikation nicht nur bei internationalen Tagungen, sondern auch mittels E-Mails, Telefax – und gelegentlich, wenn es um den Transport von Büchern ging – auch über Boten. Borosnjak wechselte 1993 an die Pädagogische Universität Lipezk, einem Zentrum der «Germanisten», wo über deutsche Sprache, deutsche Geschichte und deutsche Literatur gelehrt wird. Diese Universitätsstadt liegt 375 Kilometer südöstlich von Moskau, im europäischen Teil Russlands¹⁷. 1997 und 2002 organisierte Borosnjak dort deutsch-russische Historiker-Konferenzen.

Die Lipezker Konferenzen firmierten als «Kopelew-Symposien» und wurden im Geiste dieses russischen Schriftstellers durchgeführt, dessen Namen wie kaum ein anderer für eine Verständigung der Russen und der Deutschen steht. Kopelew liebte die deutsche Kultur. Als er 1981 von der Breschnew-Administration aus der Sowjetunion ausgebürgert wurde, zog er nach Köln, in die Heimatstadt seines Freundes Heinrich Böll¹⁸, und wurde deutscher Staatsbürger. Von dort aus initiierte er das wissenschaftliche

¹⁷ Siehe: <https://de.wikipedia.org/wiki/Lipezk>

¹⁸ <https://www.kopelew-forum.de/lew-kopelew-biographie.aspx>

«Wuppertaler Projekt», das die wechselvolle Geschichte des Russlandbildes der Deutschen und des Deutschlandbildes der Russen seit ihren Anfängen, also seit etwa 1000 Jahren, beschreiben sollte. Die Ergebnisse der russischen und deutschen Forscher wurden veröffentlicht in der Reihe «West-östliche Spiegelungen»¹⁹.

Das «Kopelew-Symposium» 2002 in Lipezk ist eng mit dem Namen von Alexander Borosnjak verbunden. Er und seine Kollegin Vera Zarkowa waren die Organisatoren dieser Konferenz, zu der mehr als 50 «Germanisten» und «Germanistinnen» aus den GUS-Staaten²⁰, ein deutscher Historiker und eine größere Anzahl von Studierenden der Universität eingeladen waren. Der Intendant des Zweiten Deutschen Fernsehens (ZDF) und Russland-Freund Fritz Pleitgen sandte ein Grußwort. In seiner Rede zur Eröffnung des Symposiums begründete der Rektor der Lipezker Universität, Professor Pawel G. Bugakow, das Motto der Konferenz «Dialog der Kulturen». Er erinnerte an Lew Kopelews Überzeugung, dass Russland zu Europa gehöre.

Teilnehmerinnen und Teilnehmer des IV. Kopelew-Symposiums
an der Pädagogischen Universität Lipezk April 2002. Erste Reihe Mitte: Alexander Borosnjak,
hinter ihm Jakov S. Drabkin. Foto: Universität Lipezk

¹⁹ Über sie informiert der Beitrag: <https://www.kopelew-forum.de/das-wuppertaler-projekt.aspx>

²⁰ GUS - Gemeinschaft Unabhängiger Staaten, einem am 8.12.1991 erfolgten Zusammenschluss verschiedener Nachfolgestaaten der Sowjetunion

Hinter den Kulissen hatte Borosnjak für das IV. Kopelew-Symposium (2002) etwas Besonderes organisiert. Während einer Exkursion wurde mir plötzlich mitgeteilt, dass der Rektor der Pädagogischen Universität, Pawel G. Bugakow, auf mich warte. Im Kreise der russischen Historikerkolleginnen und – Kollegen wurde mir in einem feierlichen Akt der Titel eines Ehrenprofessors verliehen. In dem dazu gefertigten, schriftlichen «Diplom» heißt es zur Begründung: «Für den hervorragenden Beitrag zur Entwicklung der kulturellen Beziehungen zwischen der Russischen Föderation und der Bundesrepublik Deutschland, für eine große Leistung in der Erforschung der Geschichte des zweiten Weltkrieges [...]» Vorbereitet war dieser Text mit großer Wahrscheinlichkeit von Alexander Borosnjak.

Zu meinem «runden» 70sten Geburtstag am 11. November 2010 gratulierten mir die Geschichtsprofessorin Nina Waschkau und ihr Kollege Borosnjak aus Lipezk mit den folgenden Worten: «[...] Seit vielen Jahren schätzen wir sehr hoch Deine Fähigkeit quer zu denken und ganz neue Felder der wissenschaftlichen Forschung zu entdecken. Für uns bleiben vorbildlich Deine unbeugsame demokratische Position, Dein Wahrheitsstreben, Deine Gastfreundschaft. Wir erinnern uns oft an Dein schönes Haus im Schwarzwald und Deine schöne Familie. Unsere mehr als 20-jährige Freundschaft ist eine menschliche Verkörperung der Transformationen in unseren Ländern und in den deutsch-russischen Beziehungen. Von ganzem Herzen wünschen wir Dir und Deiner Familie viel Glück und Erfolg! Bleib gesund und produktiv! Mit Hoffnung auf neue frohe Treffen [...]».

Deutsche und russische Historiker bei einer Exkursion auf die Insel Reichenau im Juli 2008.
V.l.n.r. die Professorinnen und Professoren Ludmila Thomas (Berlin),
Jakov S. Drabkin (Moskau), Nina Waschkau (Wolgograd),
Wolfram Wette (Freiburg), Viktor Ishchenko (Moskau),
Alexander Borosnjak (Lipezk).

Zu Alexander Borosnjaks 80. Geburtstag am 25. Januar 2013 sandte ich ein Grußwort nach Lipezk, das vor der dortigen Geburtstagsgesellschaft verlesen und später in einer Festschrift veröffentlicht wurde. Ich erinnerte meinerseits an unsere langjährige Zusammenarbeit und Freundschaft: «Wir lernten uns noch in der Spätphase des Kalten Krieges kennen. [...] Einigen russischen Deutschland-Historikern scheint noch in den 1980er Jahren aufgefallen zu sein, dass es im Freiburger Militärgeschichtlichen Forschungsamt (MGFA) eine Gruppe kritischer Militärhistoriker gab, die über den deutsch-sowjetischen Krieg von 1941-1945 in einer Weise schrieben, die den Quellen und der wissenschaftlichen Objektivität verpflichtet war – und nicht irgendwelchen apologetischen Legenden. In den 1990er Jahren kam es zu einer Serie von Historikerkonferenzen in Russland und in Deutschland.

Die Zusammenarbeit verlief anfangs durchaus nicht reibungslos. Aber der gemeinsame Wille zum Austausch und zu einer Annäherung der Anschauungen ließen schon nach wenigen Jahren ein freundschaftliches Klima und konstruktive wissenschaftliche Debatten aufkommen. Wir Deutschen erlebten mit angenehmer Überraschung, dass uns die russischen Kolleginnen und Kollegen nicht mit Vorurteilen und Schuldvorwürfen gegenüber traten, sondern mit Offenheit und Interesse. – Neben Jakov S. Drabkin war Sascha Borosnjak [...] der Motor der deutsch-russischen Historikerkooperation der 1990er Jahre und später. Über viele Jahre hinweg beobachtete er die geschichtspolitischen Debatten in der deutschen Bundesrepublik und berichtete dem interessierten russischen Publikum über seine Beobachtungen und Erkenntnisse. Im Jahre 2006 erschienen sie in Buchform auch in deutscher Sprache. Der Titel lautet «Erinnerung für morgen. Deutschlands Umgang mit der NS-Vergangenheit aus der Sicht eines russischen Historikers»²¹. Sein Fazit lautet: In der Auseinandersetzung mit dieser Vergangenheit habe «eine ganze Nation die Lehren aus der Geschichte des Dritten Reiches gezogen». Die Wahrheit über Faschismus und Krieg führe «zur Immunisierung gegen totalitäre Infektion, jegliche Form von Rassismus, Expansionismus und aggressivem Militarismus». – Zu Deinem 80. Geburtstag, lieber Sascha, möchte ich Dir für Deine langjährige Freundschaft und den kollegialen wissenschaftlichen Austausch danken. Ich wünsche Dir Gesundheit und Schaffenskraft auch in Deinem nächsten Lebensjahrzehnt.

Die wohlklingende These, dass die deutsche Nation die Lehren aus der Geschichte der NS-Zeit gezogen habe, bedarf allerdings einer gewissen Relativierung. Sie betrifft den vergleichsweise geringen Stellenwert, den der deutsche Vernichtungskrieg gegen die Sowjetunion im kollektiven Gedächtnis der Deutschen hat. Der Historiker Peter Jahn, langjähriger Direktor des Deutsch-Russischen Museums in Berlin-Karlshorst, publizierte 2007 eine Abhandlung über diesen Krieg, der in der Wochenzeitung DIE ZEIT mit dieser Überschrift publiziert wurde: «27 Millionen. So viele Sowjetbürger starben als Opfer des deutschen Krieges zwischen 1941 und 1945. Es ist eine Zahl, die viele hierzulande bis heute nicht kennen. Oder nicht zur Kenntnis

²¹ Erschienen in Gleichen (Deutschland) u. Zürich (Schweiz): Musterschmidt-Verlag 2006, mit einem Vorwort von Hans-Heinrich Nolte. Aus dem Russischen von Alexander Grigorow in der Reihe „Zur Kritik der Geschichtswissenschaft“. Bd. 10

nehmen wollen.»²² Auch noch am 80. Jahrestag des deutschen Überfalls auf die Sowjetunion, am 22. Juni 2021, war zu beobachten, dass die deutsche Politik – mit Ausnahme von Bundespräsident Frank-Walter Steinmeier²³ – und die deutschen Medien in den Erinnerungsbeiträgen an dieses welthistorische Ereignis eher zurückhaltend blieben²⁴. Der Berliner Historiker Wolfgang Benz hat Recht: «Im kollektiven Bewusstsein der Deutschen sind die Leiden der sowjetischen Bürger und die Schrecken des Krieges in Ost- und Südosteuropa immer noch nicht präsent».²⁵

Am 21. Dezember 2015, zwei Jahre nach seinem 80. Geburtstag und nur zwei Monate nach dem Tod seines Freundes und Weggefährten Jakov S. Drabkin (11.10.2015), starb «Sascha» Borosnjak in Lipezk. Seiner Kollegin und Lebensgefährtin Nina Waschkau, Professorin für Geschichte in Lipezk, schrieb ich in einem Kondolenzbrief: «Er war der beste unter meinen russischen Freunden. Um 1990 herum haben wir uns [...] in Wolgograd kennengelernt und sogleich gut verstanden. Daraus entwickelte sich eine echte Freundschaft und wissenschaftliche Partnerschaft. Ihm verdanke ich es auch, dass mich die Universität Lipezk zum Ehrenprofessor ernannt hat. Es war mir eine große Freude, ihn – wie auch Jakov Drabkin – mehrmals in unserem Haus in Waldkirch als Gast begrüßen zu können. Etliche meiner Publikationen über den deutsch-sowjetischen Krieg 1941-1945 hat er in die russische Sprache übersetzt und dafür gesorgt, dass sie in russischen Fachzeitschriften veröffentlicht werden konnten. So haben wir beide durch unsere Zusammenarbeit einiges für die deutsch-russischen Wissenschaftsbeziehungen leisten können. Dafür werde ich ihm immer dankbar sein. Wir verlieren in Sascha einen bedeutenden Historiker, der sich ein Leben lang mit der Geschichte der Russen und der Deutschen auseinandergesetzt hat, besonders auch mit dem Zweiten Weltkrieg und mit der Geschichte der Verarbeitung dieses Gewaltexzesses in beiden Ländern. Er war eine kreative Klammer zwischen russischen und deutschen Historikern. Ich persönlich verliere einen guten Freund, mit dem mich Vieles verband».

In den Jahren nach dem Tod von Alexander Borosnjak haben die deutsch-russischen Kulturbeziehungen leider nicht den Weg einer kontinuierlichen Verbesserung genommen, den sich die Teilnehmerinnen und Teilnehmer des Lipezker «Kopelew-Symposiums» von 2002 erhofft hatten. Dafür sind politische Konflikte in den west-östlichen Beziehungen verantwortlich. So bleibt zu hoffen, dass es nicht allzu lange dauern wird, bis der «Dialog der Kulturen», der in den frühen 1990er Jahren unter der inspirierenden Beteiligung von Alexander Borosnjak begonnen hat, fortgesetzt werden kann.

²² Der Artikel von Peter Jahn erschien in: DIE ZEIT Nr. 2007. 25. 14.6. S. 90 („Zeitläufte“).

²³ Siehe u.a. die Rede von Bundespräsident Frank-Walter Steinmeier in Berlin am 18.6.2021 zur Eröffnung der Ausstellung „Dimensionen eines Verbrechens. Sowjetische Kriegsgefangene im Zweiten Weltkrieg“.

²⁴ Zu den wenigen Ausnahmen gehörte Wolfgang Benz, Herausgeber des Sonderhefts der – in Berlin erscheinenden – Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 69. Jg., Nr. 6-2021, zum 22. Juni 1941 mit dem Titel: Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. Siehe meinen Beitrag ebendort sowie meinen Essay: Der Hakenkreuzzug. Vor 80 Jahren, am 22. Juni 1941, überfiel Deutschland die Sowjetunion. Das NS-Regime verbrämte den Vernichtungsfeldzug als heiligen Krieg gegen den Bolschewismus – eine Propaganda, die nach 1945 noch lange fortwirkte. In: DIE ZEIT Nr. 24. 10.6.2021, S. 19.

²⁵ *Wolfgang Benz*: Die Zerstörung des Trugbildes. 20 Jahre nach „Verbrechen der Wehrmacht“ braucht es neue Formen der Erinnerung. In: Süddeutsche Zeitung 7.2.2022. S. 13.

**ГЕРМАНИЯ И РОССИЯ НА ИЗЛОМАХ ИСТОРИИ.
ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В.А. АРТЕМОВА**

Жизненный путь замечательного человека, известного ученого и педагога Виктора Александровича Артемова складывался непросто. Он родился в 1934 г. в селе Турово Серпуховского района Московской области в семье военнослужащего. Детство вполне можно было назвать «годами скитаний» по военным гарнизонам Советского Союза. Из воспоминаний Виктора Александровича: «Я – сын авиатора. Судьбой был приучен к перемене мест и к терпению: родился в Серпухове, жил на Дальнем Востоке, на Алтае, в Ярославле, в Кубинке, Чехове (это под Москвой), в Воронеже».

Этот путь привел в итоге Виктора Александровича в Воронеж, где в 1952 г. с отличием окончил среднюю школу и смог без труда поступить в МГИМО. Однако стать дипломатом не удалось, Виктор Александрович был вынужден перевестись обратно в провинциальный Воронеж, где закончил вначале историко-филологический факультет Воронежского университета, а затем заочное отделение факультета иностранных языков педагогического института. Виктор Александрович так вспоминал этот период: «Как говорят мудрые люди: «Что ни делается – все к лучшему». Представьте себе мое состояние пятьдесят четвертого года: я – студент МГИМО, третьекурсник, мальчик из провинции, поступивший в престижный вуз, узнаю, что институт закрывается, а нас из Москвы «рассылают» по месту жительства. Тогда мне это казалось катастрофой всей моей жизни».

Воронежский государственный университет середины пятидесятых медленно начинал свой знаменитый «михантьевский» разбег. Борис Иванович Михантьев, ректор университета той поры, уже вынашивал стратегические планы развития вуза. «А все началось с пристройки к главному корпусу на проспекте Революции 24, там нынче библиотека. И с «захвата» здания строительного техникума на Пушкинской 16, куда переселились наш историко-филологический факультет и географы. А главное – атмосфера была в ту пору в университете удивительная: все бурлило – научная работа, художественная самодеятельность, общественная жизнь...», – делился воспоминаниями В.А. Артемов.

«Моя молодость прошла под звуки джаза, и это было прекрасно. Студенческая пора и юность – самое счастливое время жизни. Половину той жизни я провел среди друзей-музыкантов – Константина Алексеевича Антипова, Кости Богатырева, Олега Мягкого, Юли Хромых, Лени Шаповалова. Оркестр наш гремел не только в городе, но и далеко за его пределами. Трудно назвать площадку в Воронеже, на которой бы мы ни выступали. Далее – в тюрьме перед эсками. Тогда, помню, нашей солистке Юле Хромых предложили срочно скрыть слишком большой вырез на платье, дабы не возбуждать аудиторию. Участвовал и в Шестом Всемирном фестивале молодежи и студентов в

Москве», – рассказывал Виктор Александрович в интервью Л. Е. Кройчику в 2003 г.

После окончания ВУЗа, с 1962 по 1979 гг., В.А. Артемов работал преподавателем иностранных языков в воронежских вузах. И лишь в 1979 г. перешел на исторический факультет ВГУ. Виктор Александрович объяснял этот жизненный поворот так: «Во всем виноват немецкий язык, который я очень любил и который привел меня в МГИМО. Вместе с языком полюбил Германию. Так что из десяти книг, написанных мной в разные годы, большинство посвящено истории и политическим деятелям этой страны. После окончания университета преподавал немецкий язык в школе, в Технологическом институте, а потом пошел в аспирантуру к Петру Михайловичу Гапонову».

Путь воронежского ученого в науку «осветил» видный российский историк Петр Михайлович Гапонов (1912-1976), с именем которого связано появление в Воронеже особой научной школы историков-германистов. «Это был чудесный человек и великолепный научный руководитель. Он исповедовал главный принцип: не мешать и доверять аспирантам», – вспоминал Артемов. С него началось издание ряда тематических сборников, научных работ по германской тематике, подготовка аспирантов с упором на изучение истории социалистического движения в Германии, истории и историографии фашизма. В их числе оказался и В.А. Артемов, который в 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию о деятельности бременских левых радикалов в годы Первой мировой войны. На этом исследовательская деятельность Виктора Александровича не остановилась, в 1989 г. он защищает докторскую диссертацию и начинает активную деятельность в плане подготовки публикаций и научных кадров по германской истории.

С конца 1980-х гг. сложившаяся в СССР система германских исследований стала разрушаться, что сказалось и на работе Виктора Александровича. История коммунистических лидеров и идей стала непопулярна, и ему было крайне сложно с публикациями в центральных изданиях. Советские историки и ученые ГДР предпочитали не распространяться о роли в левосоциалистическом движении Карла Радека, Юлиана Борхардта, Антона Паннекука, Пауля Фрелиха, Артура Криспина. Артемов, работая с уникальными документами архивов Москвы, Берлина, Потсдама, Мерзебурга, соприкасаясь с фактами подлинной, неретушированной истории, отважно пошел против течения и совместно с другими исследователями нового поколения смело выступил за пересмотр устоявшихся догматических установок. В этих условиях профессор Артемов нашел выход в перенесении тяжести германских исследований в провинцию, в частности – в Воронеж.

В центре его исследовательского интереса в 1990-е гг. были, как правило, видные персонажи германской и советской истории: Иоганн Книфф, Эрих Мюзам, Генрих Фогелер, Фридрих Эберт и др. В первую очередь это касается исследования взглядов и деятельности представителей леворадикального течения в рабочем движении Германии начала XX века. Был поставлен и детально освещен вопрос о влиянии трех русских революций на становление, развитие и дальнейшую эволюцию взглядов леворадикалов, действовавших на левом крыле германской социал-демократии, их отношения к глобальным проблемам ев-

ропейской истории, к руководству СДПГ, взаимоотношениям с российскими большевиками. Итогом явился ряд статей в «Ежегоднике германской истории», изданиях ВГУ, докладах на международных и региональных научных конференциях, а также монографий «Иоганн Книф»¹, «Карл Радек: идея и судьба»². Автор по-новому подошел к оценке позиции различных течений в СДПГ в годы Первой мировой войны, роли левых радикалов как наиболее непримиримых противников центризма и сторонников большевизма в Циммервальдском объединении. Впервые в отечественной историографии был поднят вопрос о роли гамбургской группы левых радикалов (Г. Лауфенберг, Ф. Вольфгейм) в расколе КПГ и их дальнейшему дрейфу к «национал-большевизму».

В статьях профессора В.А. Артемова получили также освещение идейно-политические взгляды руководителей так называемой правой оппозиции в рядах Коммунистической партии Германии – КПГ(О), до сих пор по ряду идеологических и цензурных причин не являвшихся объектом исследований отечественных историков. Автор показал, что причиной раскола КПГ явились как объективные, так и субъективные причины. Все большее превращение КПГ в сателлита ВКП(б) после назначения лидером партии Э. Тельмана, отрицательное отношение к «антисоциалистической» политике «клики Сталина», несогласие с тезисом о социал-демократии как «левого крыла фашизма» привели к резкой конфронтации с руководством КПГ и ВКП(б) и формированию коммунистической оппозиции в рядах КПГ со своими организациями и печатным органом «Против течения».

Другой линией в германском направлении исследования общественной мысли Германии XX века стало изучение взглядов и деятельности видного немецкого поэта-анархиста Эриха Мюзама. Фигура этого бунтаря до сих пор попадала в поле зрения лишь историков немецкой литературы и в силу противоречивого отношения поэта к коммунизму и Советскому Союзу выпадала из круга интересов советских историков. Изучение дневников, эпистолярного и архивного наследия Э. Мюзама и его жены К. Мюзам, публицистики поэта периода Первой мировой войны и Веймарской республики позволили В.А. Артемову сделать ряд новых принципиальных выводов. Во-первых, отношение Э. Мюзама к большевикам и большевизму менялось с течением времени от восторженного к резко критическому. Если в первый период после Октября 1917 г. он возлагал надежды на «объединение мирового пролетариата под знаменами большевизма», то репрессии советской власти в отношении анархистов и эсеров настроили его на критический лад. Во-вторых, опыт Баварской республики в ее анархистский период также убедил Мюзама в невозможности использования коммунистов как союзников в борьбе за идеалы анархизма. После смерти Ленина, к которому Мюзам относился весьма уважительно, называл его «учеником Бакунина», для Мюзама наступил кризис большевизма – кризис ошибочной социалистической практики, кризис авторитарного, государственного социализма. Большевики перешли к якобинским методам ведения политики: от прежних бакунистских форм революции они поворачиваются к бланкиз-

¹ Артемов В.А. Иоганн Книф. М.: Мысль, 1990.

² Артемов В.А. Карл Радек. Идея и судьба. Воронеж, 2000.

му, власть Советов сменяется всесилием одной единственной партии. Последней попыткой спасти власть Советов явилось кронштадтское восстание.

Так под прямым влиянием его учителя профессора П.М. Гапонова определилась доминанта зрелого научного творчества Виктора Артемова: самостоятельность мышления, нередко и неожиданность подходов к исследованию прошлого. Его монографии об Иоганне Книфе и Карле Радеке, исследования об Августе Тальгеймере и Генрихе Брандлере вошли в основной фонд отечественной германистики. Некоторым российским историкам было нелегко понять, почему, зарекомендовав себя крупным специалистом в области левосоциалистического и коммунистического движений, Артемов со своей ученицей Е.В. Кардашовой обратился к биографии Фридриха Эберта, представителя реформистского крыла немецкой социал-демократии, президента Веймарской республики в 1919-1925 гг. Доктор исторических наук, профессор А.И. Борозняк в предисловии к книге В.А. Артемова «Германия и Россия на изломах истории» писал: «По моему мнению, историк резонно стремится к всестороннему охвату – прежде всего в человеческом измерении! – истории Германии и германского рабочего движения начала XX века. Немалую роль сыграло и горькое осознание тупиковой роли леворадикальных течений и установок в новейшее время»³. Но таланту Виктора Александровича Артемова со временем стало тесновато в пределах первоначально избранной им научной сферы. Он стремится к творческому сравнению, сопоставлению основных тенденций развития Германии и России на переломных этапах их истории.

Еще одна новая проблематика – история международных отношений в Европе и европейской интеграции. Виктор Александрович писал: «В нашей научной и популярной литературе долгое время идея европеизма считалась буржуазным и социал-реформистским изобретением. Но не следует путать европеизм и европоцентризм. Идеологи последнего стремились и стремятся доказать исключительность Европы, превосходство европейцев над другими народами. Как и все другие наднациональные идеи, эта идеология призвана прикрыть гегемонистские устремления националистических кругов определенных государств. Европеизм как европейская идея единства призван обеспечить Европе реальное и достойное место в историческом процессе и в современном мире. Эта идея всегда была тесно связана с идеей демократического государственного устройства, с установлением справедливого политического режима»⁴.

Примечательная грань дарования профессора Артемова – его неизменно щедрое стремление передать свои знания учителям, студентам, аспирантам. Для Виктора Александровича была характерна опора на самостоятельность преподавателей и аспирантов в работе, ответственность каждого. Он был не мелочным опекуном, а требовательным шефом. В то же время Виктор Александрович предостерегал от чрезмерного расхваливания молодой смены, лишь начинающей свой педагогический путь, преувеличения успехов и достижений. Он повторял, что «каждая лекция, каждое практическое занятие должны быть выстраданы и

³ Артемов В.А. Германия и Россия на изломах истории. Воронеж: ВГУ, 2004. 417 с.

⁴ Там же. С. 372.

только после долгой упорной работы может явиться успех». Поговорка «Хорош тот научный руководитель, который не мешает своим аспирантам», вполне применима в данном случае. Он давал конкретное задание и не дергал своих аспирантов бесконечными проверками и вызовами к «барьеру». Он требовал конкретных результатов на отдельных этапах работы и, видя их, внимательно и даже самозабвенно принимал горячее участие в их корректировке, направляя исследование в магистральное русло, не давая сбиться на мелочи, частности.

Важным условием успешной работы вузовского коллектива он считал создание атмосферы доброжелательства в его основной ячейке – кафедре. По воспоминаниям Е.В. Кардашовой: «Он смог организовать ее работу, установить контакт со студентами, аспирантами и коллегами. Виктор Александрович не только возглавлял кафедру, но и был душой коллектива, опорой сотрудников и учеников. Когда Виктор Александрович был в университете, его кабинет никогда не оставался пустым. Студенты и коллеги тянулись к нему, и чувства уважения, благодарности к профессору были искренними»⁵.

По его инициативе в 1992 г. в ВГУ состоялась научная конференция «Германская социал-демократия: уроки истории», вызвавшая большой резонанс. В 1999 г. он явился инициатором еще одной конференции «Россия и Германия: Опыт и уроки отношений XIX – XX вв.». Виктор Александрович попытался воссоздать идею «Германских ежегодников», и с 1998 г. стал ответственным редактором сборника научных статей «Германия и Россия: События, образы, люди» (под его «патронажем» было издано 3 выпуска).

Значительная часть написанных Артемовым работ – это, если говорить стандартно-официальным языком, «учебные и методические пособия». Конечно же, это не «пособия» в устоявшемся смысле слова. Это – оживший на печатных страницах диалог ученого и его слушателей. Чрезвычайно полезными для студентов и аспирантов да и для коллег профессора являются такие издания, как «Три века истории в лицах»⁶, «Новая история: революция и реформы»⁷, «Вехи новой истории»⁸, «Основы современной демократии». Но для меня наибольшую ценность представляет опубликованный в 2002 г. (и также скромно названный «учебным пособием») серьезный труд «Германия: история, политика, экономика»⁹.

Результаты многолетней и плодотворной деятельности исследователя полностью оправдывают определение слова «наука», которое содержится в словаре В.И. Даля: «разумное и связное знание, полное и порядочное собрание опытных и умозрительных истин», «уменье показывать, объяснять, как что де-

⁵ Кардашова Е.В. Об ученом и человеке: памяти профессора В. А. Артемова // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2005. № 2. 317 с.

⁶ Артемов В.А., Колмаков В.Б. Три века истории в лицах : Кн. для учителя и ученика / В.А. Артемов, В.Б. Воронеж: ИНФА, 1996. 271 с.

⁷ Артемов В.А., Мирошников А.В. Новая история. Революции и реформы: Кн. для учителя. – Воронеж: Родная речь, 1994.

⁸ Артемов В.А. Вехи новой истории: От Англ. революции до первой мировой войны: Учеб. пособие для сред. шк. Воронеж: ИНФА, 1996. 365 с.

⁹ Артемов В.А. Германия: история, политика, экономика: Учебное пособие для студентов факультета международных отношений. Воронеж, 2002. 269 с.

лать, или понимать, передавать сведения, знания, умение свое». Свидетельство тому – прочно сложившаяся научная школа Артемова, защищенные его учениками диссертации.

Под его руководством с успехом проведено немало международных, общероссийских и региональных научных конференций. Неподражаемо умение Артемова ставить докладчикам острые, нередко неудобные вопросы, умение направить дискуссию в конструктивное русло. По его инициативе был основан Воронежский центр германских исторических исследований, признанным лидером которого он стал. Началось издание периодического сборника «Россия и Германия: события, образы, люди».

Не все было просто в научно-педагогической работе В.А. Артемова. В 1999 г. он покинул кафедру истории нового и новейшего времени и возглавил кафедру политической истории. Здесь он переключился на страноведческую проблематику, в частности, опубликовал ряд учебных пособий. В 2002 г. был создан новый факультет международных отношений на базе ВГУ. Виктору Александровичу было предложено занять пост заведующего кафедрой международных отношений и региональной политики. В интервью Л.Е. Кройчику в 2003 г. Виктор Александрович сказал: «Никогда не следует жалеть о том, что минуло. Вспять жизнь повернуть невозможно. Как поется в песне? «Есть только миг между прошлым и будущим... За него и держись!». Я, наконец-то пришел к тому, к чему стремился, – к истории международных отношений».

Уйдя с исторического факультета, профессор Артемов попытался реализовать новое направление. Была начата подготовка бакалавров по направлению «регионоведение» со специализациями «Страны Европы», «Страны Северной Америки». По инициативе Виктора Александровича началось издание регулярного сборника межвузовских трудов «Из истории международных отношений и европейской интеграции», на факультете был создан студенческий дискуссионный клуб «Камелот». Однако подорванное здоровье не позволило ему в полной мере воплотить свои задумки. Спустя полгода после 70-летнего юбилея Виктора Александровича Артемова не стало...

Виктор Александрович награждался стипендией Президента РФ для выдающихся ученых России 2000-2003 гг., грантами Института Открытое Общество (2001), Министерства образования РФ (2002-2004), Европейской Комиссии ЕС «Проект Жана Монне» (2001-2004).

Это воспоминание о великом ученом было бы явно неполным, если бы я умолчала еще об одной грани творчества профессора В.А. Артемова – о его страстном увлечении джазовой музыкой. Он был основателем легендарного джаз-оркестра Воронежского университета. Виктора Александровича Артемова, остроумного, высоко эрудированного историка и меломана, хорошо помнит поколение российских германистов. Он оставил свой след и в судьбах молодых историков. Я уверена, что жизнь профессора В.А. Артемова прошла не напрасно, с пользой для отечественной науки и исторического образования, для меня, безусловно, это так.

**МИХАИЛ ЕГОРОВИЧ ЕРИН – ОСНОВАТЕЛЬ ШКОЛЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕРМАНИСТИКИ В ЯРОСЛАВЛЕ**

Михаил Егорович Ерин (1940–2014) – профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (ЯрГУ), заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

«Дело профессора М.Е. Ерина продолжается» – эта фраза прозвучала в выступлении М. Меккеля, президента Народного Союза Германии по уходу за воинскими захоронениями, в ходе круглого стола, проходившего в Ярославле в августе 2015 г. спустя год после ухода из жизни Михаила Егоровича и посвященного его памяти. Как подчеркнул господин Меккель, во многом благодаря усилиям профессора Ерина, предпринятым в конце 1990-х – начале 2000-х гг., на территории Ярославской области удалось обнаружить и локализовать несколько крупных мест захоронений немецких военнопленных. Позже в поселениях Чебаково и Котово были установлены мемориалы. Российские участники круглого стола представили обзор научных трудов М.Е. Ерина по данной теме. Тогда же стороны приняли решение запустить пилотный проект «Захоронения немецких военнопленных на территории Ярославской области».

Очередной визит делегации Народного Союза Германии по уходу за воинскими захоронениями в Ярославль состоялся весной 2016 г., где опять вспоминали М.Е. Ерина. На этот раз на встречу с немецкими гостями была приглашена вдова ученого – Светлана Ивановна Ерина. Глава делегации господин Видеман вручил ей благодарственное письмо за работу по увековечиванию тысяч имен немецких военнопленных, умерших на территории Ярославской области, у истоков которой стоял Михаил Егорович. В ответ С.И. Ерина передала немецким партнерам часть его личного архива.

С именем М.Е. Ерина прочно связано становление исторической школы германистики в Ярославском государственном университете. Будучи доброжелательным и общительным человеком, Михаил Егорович сформировал коммуникативное поле, которое охватывало Ярославль и Москву, Вологду и Череповец, Иваново и Кострому, Волгоград и Кемерово, Брянск и Липецк, Кассель и Вену, Веймар и Фрайбург. Образовавшееся вокруг него сообщество единомышленников создавало благодатную почву для научного поиска, обмена мнениями, дискуссий и взаимной помощи. Подлинно творческая атмосфера позволяла раскрыться и его ученикам, среди которых девять кандидатов и один доктор наук. В период с 1993 и по 2007 годы Михаил Егорович был сначала членом диссертационного Совета по историческим наукам ЯрГУ, затем – заместителем председателя Совета, наконец, до ухода из жизни в 2014 г. – председателем Совета после перерыва с ноября 2007 по март 2010 г. Темы диссертационных исследований, а также дипломных и курсовых работ, выполненных под руководством М.Е. Ерина, включали широкий круг актуальных проблем истории,

что свидетельствует о неустанном научном поиске ученого. В их числе – история Англии и Германской империи второй половины XIX – начала XX века; общественно-политические проблемы нацистской Германии; взаимоотношения национал-социализма, католицизма и Ватикана; проблемы либерализма в ФРГ и др. В сферу интересов научной школы, основанной М.Е. Ериным, входили также отдельные аспекты истории стран Европы и США.

Становление Михаила Егоровича как ученого-германиста проходило в условиях, которые нельзя назвать легкими. Он родился 29 мая 1940 г. в поселке Пермогорье Красногорского района Архангельской области в большой семье рабочего, где, кроме него, было еще десять детей. Семилетнюю Дябринскую школу он окончил в 1956 г., а в 1960 г. – одиннадцатилетнюю Красноборскую. Находилась эта школа далеко, путь к ней лежал через речку без моста. Зимой ее переходили по льду, а в остальное время года старшеклассник Михаил Ерин дважды в день садился на весла. История, география и литература были его любимыми предметами в школе. Забегая вперед, отметим, что немецкий язык он выучил самостоятельно, когда решил стать ученым-германистом. В 1960 г. М.Е. Ерин был призван на военную службу: десять месяцев учился в известной Кронштадтской школе подводников. Потом отслужил три года на подводной лодке.

Личность М. Е. Ерина формировалась под влиянием эпохальных исторических событий, пришедшихся на его детство и молодость: Великая Отечественная война, апогей культа личности И.В. Сталина и его развенчание, хрущевская «оттепель» и Карибский кризис. В составе экипажа дизельной подводной лодки, в самый напряженный момент этого кризиса, Михаил Егорович побывал в Западном полушарии, у американских берегов; ему довелось увидеть в перископ британский военный порт в Плимуте. Именно тогда, во время военной службы, М.Е. Ерин выбрал профессию историка. Сослуживцы Михаила Егоровича, призванные на флот из Саратова, убедили его по окончании службы поступать на исторический факультет Саратовского государственного университета им. П. Г. Чернышевского (СГУ), гуманитарная научная школа которого уже была хорошо известна в ученом мире.

В 1964 г., в период эксперимента, начатого Н.С. Хрущевым, – «Высшее образование за 4 года!» – М.Е. Ерин поступил в СГУ, где и увлекся германской историей. Первым научным наставником, под руководством которого Михаил Егорович готовил курсовые работы и дипломное сочинение, был кандидат исторических наук, доцент Яков Маркович Майофис, прекрасный лектор и педагог, участник Великой Отечественной войны, служивший некоторое время после ее окончания в Восточной Германии. Именно он пробудил у своего студента, а потом аспиранта М.Е. Ерина интерес к германской проблематике. Дипломный труд М.Е. Ерина был посвящен образованию Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), а тема кандидатской диссертации, которую он

успешно защитил в 1973 г. в СГУ, звучала так: «Репарационный план Юнга и политическая борьба в Германии (1928-1930 гг.)»¹.

Переезд в 1974 г. Михаила Егоровича из Саратова в Ярославль, где проживали родители супруги, был вызван необходимостью решать жилищную проблему. С этого года М.Е. Ерин накрепко связал свою научную карьеру с Ярославским государственным университетом им. П.Г. Демидова. 1 сентября 1974 г. он был избран старшим преподавателем кафедры истории СССР факультета истории и права, в 1977 г. получил ученое звание и должность доцента. Когда в 1987 г. на базе факультета истории и права были созданы два самостоятельных факультета – исторический и юридический, М.Е. Ерина избрали первым деканом исторического факультета, на этой должности он оставался до 2003 г.

С появлением Михаила Егоровича в ЯрГУ связано становление в Ярославле школы исторической германистики. В 1970-1980-х гг. он исследовал историю Веймарской республики. Начав с плана Юнга, вокруг которого в Германии в 1928-1930 гг. шла ожесточенная межпартийная и внутривластная борьба, он постепенно перешел к проблематике политических партий Веймарской республики, прежде всего партии Центра. Заметим, что исследование буржуазных партий в нашей стране тогда не приветствовалось, и для обращения к таким темам от историка требовалась определенная смелость. С 1977 г. М.Е. Ерин заинтересовался малоизученной в нашей стране темой политического католицизма в годы Веймарской республики, а также в период унификации и консолидации нацистского режима в Германии. Дважды, в 1979 и 1984 гг., он стажировался в ГДР, работал в архивах Берлина и Потсдама.

В 1984 г. Михаил Егорович поступил в докторантуру на кафедру новой и новейшей истории МГУ им. М.В. Ломоносова. Его научным консультантом стала видный специалист по новейшей истории Германии, доктор исторических наук, профессор М.И. Орлова, автор работ по истории Ноябрьской революции 1918-1919 гг. в Германии и по историографии ФРГ. Через четыре года, осенью 1988 г., Михаил Егорович успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Политический крах немецкой партии Центра (1924-1933)»². Незадолго до этого издательство Саратовского университета опубликовало его первую монографию «Крах политики и тактики партии Центра в Германии»³. Согласно его концепции, партия Центра несла долю ответственности за распад демократической системы и установление гитлеровской диктатуры в Германии. Особенно опасной и недальновидной была политика Центра в период становления и консолидации нацистского государства в январе-июле 1933 г.

Получив в январе 1989 г. ученую степень доктора исторических наук, Михаил Егорович возвратился на работу в ЯрГУ, а в апреле был избран заве-

¹ *Ерин М.Е.* План Юнга и политическая борьба в Германии. (1928-1930 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. – Саратов: 1973. 215 с.

² *Ерин М.Е.* Политический крах немецкой партии Центра, 1924–1933 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М.: 1988. 519 с.

³ *Ерин М.Е.* Крах политики и тактики партии Центра в Германии (1927–1933). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1988. 179 с.

дующим кафедрой всеобщей истории, которой он руководил вплоть до ухода из жизни. В следующем, 1990 г. М.Е. Ерину решением Государственного комитета СССР по народному образованию было присвоено ученое звание профессора.

В 1990-е гг., когда в российской исторической науке происходила смена методологической парадигмы, Михаил Егорович приложил много усилий для разработки проблематики тоталитаризма, проводил сравнительный анализ немецкого нацизма и сталинизма. Когда появилась возможность заниматься ранее «закрытыми» темами, он увлекся историей военного плена в годы Второй мировой войны. В 1991-1992 гг. он получил доступ к архивным материалам МВД о немецких военнопленных в Ярославской области. В результате скрупулезного изучения этих документов Михаил Егорович подготовил и опубликовал в отечественных и зарубежных изданиях несколько научных статей о жизни немецких военнопленных в Ярославле и области⁴. Он внес вклад в формирование корпуса источников по военному плену, собирая и публикуя воспоминания бывших солдат вермахта, побывавших в советском плену⁵. Научные результаты, полученные М.Е. Ериным собранные и обнародованные им источники по истории немецких военнопленных в Ярославской области до сих пор не утратили своей научной значимости⁶.

Труднее было взяться за тему о советских военнопленных в Германии в период Великой Отечественной войны и их судьбах после ее окончания. Помогло то, что серьезный и вдумчивый подход М.Е. Ерина к исследовательской работе снискал признание и поддержку со стороны германских историков. В 1993, 1996 и 2000 гг. немецкий научный центр ДААД выделял ему стипендии для работы в архивах и библиотеках Билефельда, Бохума, Касселя, Дюссельдорфа, Мюнхена, Фрайбурга. Прекрасный знаток российских и крупнейших германских архивов М.Е. Ерин после изучения уникальных документов опубликовал две монографии о трагической судьбе советских военнопленных в нацистской Германии: «Трагедия советских военнопленных. История шталага 326 (VI) Зенне. 1941-1945 гг.» (совместно с бывшим военнопленным Г.А. Хольным)⁷ и «Советские военнопленные в нацистской Германии. Проблемы исследования»⁸, а также ряд статей. В них было доказано, что вермахт был не только активным участником, но и организатором и координатором преступлений в отношении пленных красноармейцев. Позиция военного ко-

⁴ Ерин М.Е., Баранова Н.В. Немцы в советском плену (по архивным материалам Ярославской области) // Отечественная история. 1995. № 6. С. 133-142.

⁵ Ерин М.Е. Воспоминания немецкого военнопленного о пребывании в плену в Ярославской области // «Век нынешний, век минувший...» Исторический альманах. Ярославль, 1999. С. 83-87.

⁶ См.: Ермаков А.М., Кербилов М.Д. Немцы военнопленные в Ярославской области: жизнь, труд и смерть в лагерях НКВД/МВД (1944-1949 гг.) // 1941 год. От поражений к победам: Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию начала Великой Отечественной войны (Москва, 21 июня 2021 г.) / Отв. ред. Ю.А. Никифоров; Сост. В.И. Петракова, Д.В. Шполянский, К.А. Пахалюк. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 410-440.

⁷ Ерин М. Е., Хольный Г. А. Трагедия советских военнопленных: История шталага 326 (VI К) Зенне. 1941-1945гг. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2000. 136 с.

⁸ Ерин М. Е. Советские военнопленные в нацистской Германии, 1941-1945 гг.: проблемы исследования. Ярославль: ЯрГУ, 2005. 178 с.

мандования, солдат и офицеров германской армии в большой степени определялась деформированной в нацистский период немецкой национальной идентичностью, предполагавшей отношение к народам Советского Союза, к «русским», как к «недочеловекам», «зверям в зоопарке», «чудовищам». Не учитывая это, невозможно объяснить бесчеловечное, изуверское обращение многих германских солдат и немецкого населения с советскими военнопленными. Рядовые исполнители политики геноцида поступали так не по приказу начальства, а по собственной инициативе.

Помимо изучения судеб советских военнопленных в лагерях Германии профессор Ерин одним из первых написал несколько статей об их содержании в лагерях Остмарка, как называлась Австрия после ее аншлюса в марте 1938 г. нацистской Германией. Работа над этой проблематикой стала возможна благодаря помощи и поддержке австрийских ученых из Института по исследованию последствий войн им. Людвиг Бальцмана, расположенного в городе Грац.

М.Е. Ерин всегда стремился идти в ногу со временем, быть в курсе новейших достижений отечественной и зарубежной историографии германской истории и знакомить с ними научное сообщество. Он опубликовал в ведущих исторических журналах более четырех десятков рецензий и целый ряд историографических статей⁹. Михаил Егорович внимательно следил за книжными новинками из-за рубежа и с большим уважением относился к взглядам иностранных ученых. В то же время он аргументированно отстаивал собственную точку зрения и считал неприемлемым очернительство нашей истории, нашей армии и наших солдат-победителей, критиковал тенденциозную интерпретацию фактов с целью подогнать их под желаемую картину¹⁰.

Творческое наследие М.Е. Ерина весьма обширно, оно насчитывает свыше 170 научных и учебно-методических публикаций, в том числе шесть монографий и три учебных пособия. Его научные работы отличаются актуальностью, строгой документальностью, тщательно выверенными фактами, оригинальностью и продуманностью выводов. Не утрачивает своей научной значимости его учебное пособие «История Веймарской республики в новейшей германской историографии», опубликованное в 1997 г. В нем проведен блестящий анализ новейшей немецкой историографии Веймарской республики, ее становления, кризисных моментов, распада и причин крушения¹¹.

Появление этих глубоких по содержанию работ было бы невозможно без огромной эрудиции, разносторонней образованности, тяги к чтению, любозна-

⁹ См., напр.: *Ерин М. Е., Ермаков А. М.* Национал-социализм и модернизация: дискуссии историков // Германия и Россия: События, образы, люди: Сб. российско-германских исследований. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1999. Вып. 2. С. 158-177; *Ерин М. Е.* Исследования Г. А. Винклера по истории Веймарской республики // Вопросы истории. 2003. №3. С. 158-159; *его же.* Профессор Ричард Эванс и его история Второй мировой войны // Британия: история, культура, образование: тезисы докладов Международной научной конференции, 24-25 сентября 2012 г. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. Вып. 2.

¹⁰ *Ерин М. Е., Ермаков А. М.* Австрийский взгляд на советскую оккупацию 1945-1955 гг. // Вопросы истории. 2012. №12. С. 164-170.

¹¹ *Ерин М. Е.* История Веймарской республики в новейшей германской историографии: Учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 1997. 115 с.

тельности, живого интереса к культуре, прежде всего русской и немецкой. В 2004 и 2007 гг. М.Е. Ерин побывал на научных стажировках в Университете Бохума (земля Северный Рейн - Вестфалия). Там он не только углубился в проблемы учебно-методического характера, изучая реформу высшей школы ФРГ, но и расширил свой научно-исследовательский диапазон в области германистики. Михаил Егорович давно интересовался личностью и деятельностью канцлера Генриха Брюнинга¹², в Бохуме он завершил сбор материала для монографии об одном из последних канцлеров Веймарской республики¹³.

Книга, первая в своем роде в нашей стране, стала крупным событием в отечественной германистике. Автор убедительно доказал, что Брюнинг, сыгравший значительную роль в выхолащивании парламентской демократии в Веймарской республике, руководствовался в своих действиях тем пониманием интересов немецкой нации и германского государства, которое было характерно для консервативной, антидемократической части немецкой буржуазии. Авторитарный правительственный курс Брюнинга объективно вел к углублению социально-экономического кризиса и обострению классовых противоречий, подрывал государственный авторитет и основы демократической системы, способствовал подъему нацистского движения. Политика клерикального канцлера была основана на ошибочной оценке текущей ситуации, неверном видении будущего и в результате провалилась. Шанс воплотить в жизнь «консервативную альтернативу» нацизму был упущен. Как и другие работы Михаила Егоровича, эта книга получила высокие оценки ученых-историков¹⁴.

В круг научных интересов М.Е. Ерина входило изучение биографий личностей, определявших судьбы Германии в XX в. Неслучайно в его последнем докладе, прочитанном в апреле 2014 г. на научной конференции в ЯрГУ, рассматривались взгляды Геббельса. Нацистский министр пропаганды предстал перед слушателями как фанатичный сторонник военного противоборства с Советским Союзом, уверенный в превосходстве «арийской» расы над «евреями-большевиками» и быстрой победе Германии¹⁵. Однако Михаила Егоровича в большей мере интересовали не Гитлер и его подручные, а политические деятели первой немецкой республики – Герман Мюллер, Йозеф Вирт, Людвиг Каас.

Научные работы М.Е. Ерина, несомненно, еще многие годы останутся востребованными. Они будут полезны и интересны читателям не только благодаря прекрасному знанию автором своего предмета, но и в силу присущих М.Е. Ерину и его творчеству яркости, эмоциональности, искренней увлеченности темой и не в последнюю очередь романтики. Проводя много часов в архивах и библиотеках Германии, он не упускал возможности путешествовать по

¹² *Ерин М.Е.* Генрих Брюнинг – клерикальный канцлер чрезвычайных распоряжений // Новая и новейшая история. 1986. №5. С. 114-133.

¹³ *Ерин М.Е.* Генрих Брюнинг: канцлер и политик: биография. Ярославль: Ярославский гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2010. 318 с.

¹⁴ *Садовая Г.Н., М.Е. Ерин.* Генрих Брюнинг: канцлер и политик: биография // Вопросы истории. 2011. №8. С. 173-175.

¹⁵ *Ерин М.Е.* Йозеф Геббельс – протагонист германо-советской войны (лето-зима 1941 г.) // История в биографиях: материалы всерос. конф., 16 апр. 2014 г. Ярославль: ЯрГУ, 2014. С. 4-27.

стране, познакомился с людьми. Среди его немецких друзей были не только представители интеллектуальной элиты – историки, преподаватели, искусствоведы и журналисты, – но и те, кого принято называть «обыкновенными немцами». Общение с ними помогало лучше узнать и полюбить Германию, ее народ, культуру, обычаи, города и ландшафты.

М.Е. Ерин с коллегой по университету И.Л. Станкевич.
Середина 1970-х годов. Ярославль

М.Е. Ерину принадлежит главная заслуга в деле создания на базе ЯрГУ региональной организации Ассоциации европейских исследований (АЕВИС). Вскоре после образования ассоциации Михаил Егорович пригласил для чтения лекций по истории европейской интеграции на историческом факультете ЯрГУ ее основателя и тогдашнего президента, доктора экономических наук, профессора Ю.А. Борко. С этого времени на кафедре всеобщей истории ЯрГУ присутствует постоянная тяга к европейской тематике. В сферу интересов руководимого М.Е. Ериным кафедрального коллектива вошли отдельные аспекты истории стран Европы и Европейского союза. В 1999 г. некоторые коллеги кафедры во главе с Михаилом Егоровичем стали членами АЕВИС, а сам он, возглавив региональное отделение, в начале 2000-х гг. вошел в Правление ассоциации, принимал активное участие в различных ее форумах и конференциях.

М.Е. Ерин был членом Научного совета Германского исторического института в Москве с момента его создания в 2005 г. Свидетельством заслуженного признания в международном научном сообществе германистов стал факт избрания М.Е. Ерина руководителем Северо-западного центра германских исследований РФ. В январе 2013 г., по согласованию с германскими коллегами и

отечественными германистами из Института всеобщей истории Российской академии наук (ИВИ РАН), он начал организационную работу по созданию на базе ЯрГУ регионального филиала Центра германской истории, главное представительство которого находится в Москве. Увы, после ухода Михаила Егоровича из жизни эта инициатива осталась нереализованной. Единственное, что удалось сделать, – провести в ЯрГУ совместно с ИВИ РАН и Центром германской истории в сентябре 2013 г. международную научную конференцию по истории советско-германских отношений в XX в.

Не будет преувеличением сказать, что преждевременный уход из жизни Михаила Егоровича Ерина стал невосполнимой утратой для германистики ЯрГУ и научного сообщества Ярославской области в целом. Однако разработанные профессором М.Е. Ериным проблемные поля – политический католицизм в Германии, военный плен во Второй мировой войне, проблемы тоталитаризма, историография Веймарской республики – развиваются в новых исследованиях российских германистов, среди которых – воспитанники выдающегося ярославского ученого.

А.Ю. ВАТЛИН

УЧЕНЫЙ НА СЛОМЕ ЭПОХ: АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ПАТРУШЕВ

Александр Иванович Патрушев родился 20 июля 1946 г. в селе Идринское Красноярского края, в семье агронома. На историко-филологическом факультете Томского государственного университета выбрал в качестве специализации историю Германии, защитил дипломную работу под руководством известного специалиста по историографии Б.Г. Могильницкого. В 1970 г. поступил в аспирантуру исторического факультета МГУ и 10 декабря 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию (научный руководитель М.И. Орлова). Исследование Патрушева было посвящено формированию неолиберального направления в буржуазной историографии ФРГ. В этот момент коллектив кафедры начинал работу над масштабным проектом – учебником по историографии, и перспективный ученый еще до защиты был приглашен ее руководителем И.С. Галкиным на работу в качестве научного сотрудника. С кафедрой новой и новейшей истории оказалась связана вся дальнейшая биография Александра Ивановича Патрушева.

Коллеги вспоминают, что за тридцать лет работы на кафедре он сохранил свою «провинциальную стеснительность», казался несколько замкнутым и отстраненным, без особой надобности не брал слова на заседаниях кафедры, а если это было необходимо – говорил тихо и деликатно, не стремясь произвести впечатление, но всегда по существу обсуждаемого вопроса. В общении со студентами и аспирантами проявлял чрезвычайную тактичность и сдержанность, предпочитая диалог. Но на самой защите мог выступить «с подковыркой»,

походя и как бы невзначай указывая на существенные недостатки, мимо которых прошли другие оппоненты.

В памяти знавших его коллег и студентов Патрушев остался невероятным эрудитом, знатоком не только германской истории и историографии, но и практически всех сюжетов прошлого и настоящего европейских стран. Его характер и темперамент раскрывались в импровизированных «курилках», которые были на каждой лестничной площадке Первого гуманитарного корпуса МГУ, располагавшегося напротив цирка на проспекте Вернадского. Здесь из «тихони» он превращался в мастера меткого словца и законченного фрондэра. Не скрывая своего критического мнения по отношению к застою в советской исторической науке, Патрушев мог «пройтись» и по серьезным политическим проблемам, сохраняя невозмутимый вид и позволяя себе едва заметную ухмылку.

Сторонясь активного участия в общественной жизни кафедры и факультета, которое облегчило бы ему академическую карьеру,¹ Александр Иванович на равных общался с известными историками ГДР и ФРГ, обменивался с ними научными публикациями. В ходе стажировки в Западную Германию он познакомился и впоследствии много лет вел переписку с профессором Гейдельбергского университета Вернером Конце, одним из основателей направления «социальной истории». Коллегам, бывавшим у него дома, запомнились две вещи: сиамская кошка, вокруг которой в семье сложился настоящий культ, и горы книг, окружавших стол, за которым работал ученый. Патрушев был ценителем и страстным собирателем научной литературы – искренне радовался, когда получал в подарок ту или иную новинку, из года в год выписывал академические журналы, давал студентам почитать книги, привезенные из ФРГ. Его личная библиотека после смерти была передана вдовой Мариной Яковлевной Германскому историческому институту в Москве.

Ключевым кафедральным курсом, который А.И. Патрушев начал читать уже на рубеже 80-х гг., была историография истории нового времени, которую слушали четверокурсники в осеннем семестре. После ухода из жизни И.П. Деметьева он взял на себя преподавание годового курса историографии. Студенты считали этот предмет одним из самых информативно насыщенных и трудных для успешной сдачи, зубрили накануне экзамена имена и термины, листали огромный учебник формата А4. В то время образование на истфаке носило абстрактно-академический характер, и курс историографии вполне ему соответствовал, а на фоне «общественно-политических дисциплин» даже смотрелся выигранно. Обязательно давая тому или иному историку «классовую характеристику» (буржуазный, социал-реформистский, радикально-демократический), лекторы знакомили студентов с новейшими тенденциями в развитии западной исторической мысли, подробно пересказывали книги, которые были нам недоступны из-за того, что не закупались библиотеками или сразу же попадали в «спецхраны».

¹ Характерно, что в факультетской хронике имя Патрушева появляется только в связи с публикациями монографий и учебников // *Летопись Московского университета. Исторический факультет. М., 2014.*

Патрушева отличал мягкий стиль и преподавания, и проверки знаний. Он читал лекции без ярких эмоций и внешнего блеска, не стремился понравиться студентам, как говорится, «не лез в душу». Всегда сохраняя критическую и местами даже ироническую дистанцию по отношению к рассказываемому, лектор самой своей манерой, тоном и всегдашней полуулыбкой располагал к себе аудиторию. Лекции Патрушева по историографии невозможно назвать «сухими», поскольку сам материал был всегда интересен, выстроен исключительно логично. Кроме того, внимание студентов постоянно оживлялось яркими фактами, цитатами, характеристиками исторических персонажей и самих историков.

Ученики Александра Ивановича вспоминают, что он «всегда относился к нам, студентам, как к коллегам. Студенческие и аспирантские научные работы были для него настолько же ценны, как и любая другая работа историка. Он понимал, что в каждый текст вкладывается огромное количество энергии, что для студентов и аспирантов написание таких работ всегда есть путь в неизвестное. И он был готов поддерживать их на этом пути при условии, конечно, что и сами они были готовы приложить максимум усилий для добросовестного достижения поставленных целей»².

Любимым курсом самого Патрушева была история Германии в новое и новейшее время, которая читалась студентам-германистам кафедры на протяжении учебного года. Он вел лекцию практически без конспекта, сочетая обильный фактический материал с широкими обобщениями. В моей тетради (я слушал этот курс в 1981-1982 гг.) рукописный конспект одной лекции занимал 3-4 страницы (больше, чем у какого-либо другого лектора) и являлся достаточной основой для достойного ответа на экзамене.

Мне больше всего запомнилась часть курса, посвященная внутренней и внешней политике нацизма, хотя это и не было предметом моей специализации. В советскую эпоху о «секретных статьях» пакта о ненападении августа 1939 г. в научной литературе ничего не говорилось, но Патрушев познакомил нас с ними, сославшись на «мнение западногерманских историков», а заодно и выразив свое личное отношение к сделке Сталина и Гитлера. Главный мотив советского вождя заключался не в стремлении оттянуть нападение на СССР, а в попытке повернуть агрессию вермахта на Запад. Решение о разделе Польши было «внешне некрасивым, но на деле справедливым» (так записано в моем конспекте).

Задолго до «спора историков» 1986 г. Патрушев познакомил студентов-германистов с позицией Эрнста Нольте, рассматривавшего европейский фашизм во всех его национальных проявлениях прежде всего как антимарксизм. С одной стороны, это приближалось к советской трактовке фашизма, с другой (и это тоже отметил лектор) – показывало общие черты сталинского и нацистского режимов. Как и фашизм в целом, любое из событий или процессов прошлого рассматривалось в лекционном курсе с разных сторон, автор избегал черно-белых оценок, хотя и отдавал должное штампам отечественной историографии тех лет.

² Воспоминания Игоря Петрова, защитившего под руководством Патрушева кандидатскую диссертацию в 2000 г., ныне – руководителя русской редакции швейцарского информационного портала «Swissinfo» (рукопись).

Характерным примером была лекция об идеологии и идеологах национал-социализма. Студенты получали наглядное представление не только о ключевых тезисах нацизма в пропагандистской упаковке ведомства Геббельса, но и о его социальных и идейных корнях, причинах эффективного воздействия на умы широких слоев населения, в том числе и на немецкий рабочий класс. Расовая теория, как подчеркивал лектор, была доведена до абсурда, превратившись в «теорию племенного скотоводства». Успех партии Гитлера был бы невозможен без того унижения, который немцы испытали в рамках Версальской системы и неэффективной демократической системы, которая также воспринималась как результат военного поражения.

Показателем популярности авторского спецкурса «Происхождение и идеология германского национал-социализма 1919-1933» было то, что на него записывались «гости» с других кафедр и даже факультетов. Он читался в годы перестройки, когда рушились устои «марксистско-ленинской» науки, и для того, чтобы не потерять авторитет в глазах студентов, нужно было не отставать ни на шаг от перемен в духовном климате страны. А.С. Медяков, слушавший этот спецкурс в 1989 г., вспоминает: «глубокое знание самых разных концепций и подходов зарубежной историографии позволило лектору избежать обоих видов массового бедствия тех лет в исторической науке – марксистского догматизма, с одной стороны, и некритичного энтузиазма в принятии всего, что вдруг пришло «оттуда», с другой. Это хорошо видно, например, в его трактовке концепции «тоталитаризма», начавшей тогда свой триумфальный поход по советским, а затем и российским общественным наукам. А.И. Патрушев, во-первых, обращал внимание слушателей на политические мотивы как создателей концепции, так и ее критиков, выделял в ней «эмоциональное» и «научное» понимание и, говоря о втором, предлагал свое собственное видение диктатур XX века».³

На рубеже 90-х гг. спецкурс Патрушева по идеологии национал-социализма влился в первый коллективный курс лекций, подготовленный преподавателями кафедры, – «Авторитарные и тоталитарные режимы в XX веке». Патрушев активно включился в его подготовку, консультировал молодых коллег, обсуждал с ними, был ли в той или иной стране фашизм или дело ограничивалось авторитарным режимом с фашистскими чертами (Испания Франко, Португалия Салазара, Австрия Дольфуса, режим И. Метаксаса и «черных полковников» в Греции).

Патрушев позитивно воспринял отказ от застарелых догм «идеологической борьбы» в исторической науке, сопровождавший горбачевскую перестройку. Однажды он выразил удивление, за что это я в рецензии столь жестко оценил очередной том «Истории немецкого общества» Ганса-Ульриха Велера,⁴ ибо признание историка «буржуазным» отнюдь не является позорным клеймом на его научных трудах. Позже сам Патрушев посвятил несколько статей «новой социальной истории», где по достоинству оценил вклад ее творцов, в том числе

³ Интервью с А.С. Медяковым (11 февраля 2019 г.)

⁴ Вопросы истории. 1989. № . 12.

и Велера, в развитие мировой исторической мысли.⁵ Каждый год, рассматривая данную тему в лекции по историографии, я вспоминаю урок «критической критики», заставивший меня задуматься об ущербности столь легковесной расправы с авторитетами.

Появление с началом эпохи «гласности» русских переводов трудов западных историков и философов, считавшихся до того «реакционными», стало основой для неформальных бесед-обсуждений Патрушева со своими студентами. Они остались в памяти последних и по сегодняшний день. Игорь Петров вспоминает: «Наследие К.Р. Поппера, с которым я познакомился только благодаря Александру Ивановичу, является для меня бесценными и плодотворными опорой и ориентиром. То же самое случилось и со шпенглеровским «Закатом Европы». Он настоятельно советовал мне прочитать предисловие к только что вышедшему новому изданию первого тома этой гениальной книги, после чего мир вокруг меня, да и я сам, стали совсем другими».⁶

При чтении лекционных курсов в начале 90-х годов Патрушев (в 1993 г. он получил звание профессора) сохранял верность марксистскому подходу в анализе прошлого, отстаивал классовые оценки доминирующих течений современной западной историографии. И в то же время он многое сделал для «освобождения от оков доктрины» и продвижения вперед всеобщей переоценки ценностей, которая происходила в общественных науках постсоветской России. Процесс этот шел медленно, нелегко даваясь представителям университетской науки, особенно тем, кто год за годом читал соответствующие лекционные курсы, убеждая самого себя в безальтернативности материалистического объяснения истории.

В качестве характерного примера можно привести изменение взглядов Патрушева на представителей либеральной традиции в идейном дискурсе нового времени. Если ранее европейский либерализм выступал в его лекциях в роли маскировочной идеологии и практики буржуазии, одного из вариантов обеспечения ее классового господства, то теперь подчеркивалась ценность и новаторство этого течения общественной мысли. Либеральная демократия Германии, утверждал А.И. Патрушев, сочетала в себе двойственные черты. С одной стороны, в XIX веке она была главной силой общественных преобразований, с другой – не имела широкой социальной базы в буржуазной среде. «Поэтому, как реальная политическая сила, немецкий либерализм отличался слабостью и аморфностью, что приводило к необходимости постоянного поиска союзников, прежде всего в лице государственной власти»⁷. Фактически речь шла о поисках путей модернизации Германии, адекватных ее социально-экономическому уровню и политическому статусу, да еще и в условиях враждебного окружения более передовых держав. А разве не с этим вызовом столкнулась Россия 90-х?

⁵ Патрушев А.И. Ханс-Ульрих Велер и немецкая социально-историческая наука // Новая и новейшая история. 2004. № 3.

⁶ Воспоминания Игоря Петрова.

⁷ Патрушев А.И. Пути и драмы немецкого либерализма // Согрин В.В., Патрушев А.И., Токарева Е.С., Фадеева Т.М. Либерализм Запада. ХУП – ХХ века. М. 1995. С. 74.

Применительно к послевоенной Германии Патрушев называл основной чертой либерализма «постоянный пересмотр догм и адаптацию к политическим реалиям, в которых нет и не может быть окончательных решений и рецептов.... Невозможность полного знания исключает обязательность какой-то идеи и предполагает поэтому необходимость свободы, которая, как и истина, реализуется в конфликте»⁸. Именно в таком ключе и развивалась «постсоветская» часть научной биографии самого ученого.

Завершающее десятилетие прошлого века для историков было временем не только материальных лишений, но и полезных инициатив. В августе 1996 г. А.И. Патрушев прошел конкурсный отбор и стал по совместительству преподавателем Института европейских культур, созданного РГГУ и Бохумским университетом. В рамках этого образовательного проекта была открыта магистратура по профилю культурологии, существующая и по сегодняшний день. В Институте европейских культур Патрушев взял на себя «Введение в историческую науку», читал общий курс по истории Европы в XX веке, преподавал источниковедение и методы исторического исследования.

Сразу же после зачисления в штат А.И. Патрушев активно включился в написание кафедральных учебников, которые затем использовались на всех исторических факультетах советских вузов. В 1977 г. под редакцией И.С. Галкина вышел первый отечественный учебник по историографии новой и новейшей истории, в котором Патрушевым была написана глава об исторической науке в ГДР⁹. Впоследствии он сам вместе с И.П. Дементьевым стал одним из редакторов этого учебного пособия, которое было разделено по периодам на историческую науку нового и новейшего времени и до сих пор является основным для преподавания в бакалавриате многих российских вузов¹⁰. Авторский вклад Патрушева в двухтомник составил более 17 печатных листов.

В начале 90-х гг. на кафедре была поставлена задача подготовки нового учебника по историографии XX века, без идеологических шор оценивающего западную историческую мысль и учитывающего ее новейшие достижения. Работа продвигалась вперед крайне медленно, ее тормозило не только переосмысление устаревших подходов и засушенных схем, требовавшее времени, но и борьба за выживание исторической науки в новых условиях, когда она потеряла и мантию «учительницы жизни», и корыстное покровительство власти.

После смерти Дементьева в 1998 г. Патрушеву пришлось взять на себя основную работу на завершающем этапе подготовки учебника. В его заключительном разделе он продемонстрировал переход от советского догматизма к интегрирующему взгляду на развитие мировой исторической науки. Смена парадигмы при оценке западной историографии отнюдь не исключала критического подхода, в то же время признавала достижения зарубежных коллег, открывала дорогу для расширения научного диалога с ними. В написании заклю-

⁸ Патрушев А.И. Крах и возрождение германского либерализма // Там же. С. 173.

⁹ Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977.

¹⁰ Историография истории нового времени стран Европы и Америки. М., 1990; Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. М., 2000.

чительного раздела автору помогло то, что он прекрасно представлял себе реальное положение дел в европейской исторической науке, был в курсе всех концептуальных «поворотов», поддерживал живую связь с зарубежными коллегами-германистами.

На протяжении 20 лет Патрушев был автором разделов по Германии в федеральных учебниках по истории и нового, и новейшего времени¹¹. Он принимал активное участие в дискуссиях вокруг каждого из них, предлагал компромиссные решения, хотя его собственные тексты не вызывали особых нареканий и острых споров на заседаниях редколлегий – их автор понимал, что нужно излагать позитивное знание, а не личную точку зрения. При подготовке сотрудниками кафедры учебника «Новая история», вышедшего в свет 1986 г.,¹² его редакторы – А.В. Адо и В.С. Бондарчук отмечали высокое качество представленных Патрушевым текстов, их структурную четкость и отработанный стиль¹³.

Уже в кандидатской диссертации проявился интерес Александра Ивановича к интеллектуальным сдвигам в европейской общественной мысли, и как частный случай – в исторической науке. В основу формирования неолиберального направления среди историков ФРГ им был положен не романтизм, а «гейдельбергская либерально-просветительская историография и классическая немецкая философия»¹⁴. Границами, в которых это направление развивалось, стали, с одной стороны, апология прошлого и догматизм консерваторов, а с другой – «радикализм антиимпериалистических историков».

Сведя к минимуму марксистский лексикон и неизбежные штампы советской эпохи, автор диссертации показал реальные причины выхода неолиберальных историков на первый план в 60-е – начале 70-х гг. «Неолибералы перешли к плюралистическому толкованию истории, создающему в отличие от открытого субъективизма и иррационализма консерваторов иллюзию всестороннего и объективного подхода к исторической действительности»¹⁵. Следует отметить, что в послесталинскую эпоху многие советские историки брались за историографические сюжеты потому, что они позволяли «без купюр» читать и анализировать западную научную литературу, и хотя бы в дозированной форме инкорпорировать выводы и концепции зарубежных коллег в дискурс отечественной исторической науки.

Через «критику буржуазной историографии» Патрушев пришел к главной научной проблеме, которая занимала его всю жизнь, – интеллектуальной биографии Макса Вебера. Он даже внешне стремился походить на своего героя – отпустил длинные волосы и бородку клинышком, что придавало ему реальное сходство с Вебером. Уже в первой из своих «веберовских» статей Патрушев подчеркивал, что «рациональная бюрократия» является признаком любого со-

¹¹ Последний из них вышел из печати за год до смерти Патрушева: История новейшего времени стран Европы и Америки 1918-1945 гг. / Под ред. проф. Е.Ф. Язькова. М., 2005.

¹² Новая история стран Европы и Америки. Первый период / Под ред. проф. А.В. Адо. М., 1986.

¹³ Интервью с Т.В. Никитиной (18 декабря 2018 г.).

¹⁴ Патрушев А.И. Формирование неолиберального направления в буржуазной историографии ФРГ: Автореферат диссертации на соискание научной степени кандидата исторических наук. М., 1975. С. 8.

¹⁵ Там же. С. 12.

временного государства, а модель легитимации государственной власти отражает «стремление Вебера и его некоторых современных интерпретаторов интегрировать элементы марксизма в буржуазную методологию»¹⁶. В переводе на современный язык это означает, что методология познания прошлого, предложенная Максом Вебером, открыла путь для плодотворного взаимодействия материалистических и идеалистических взглядов на историю человеческого общества.

В 1990 г. А.И. Патрушев защитил докторскую диссертацию «Макс Вебер и германская буржуазная историография в эпоху империализма», и сразу же начал переработку ее текста в монографию. В жизни случается так, что некоторые книги появляются крайне своевременно, отражая интеллектуальную атмосферу общества в тот или иной исторический момент, становясь катализатором острых идейно-политических дебатов. Такой книгой был «Закат Европы» Шпенглера, такой книгой стал сборник статей «Иного не дано», появившийся на заре горбачевской перестройки. В этом плане центральной научной работе А.И. Патрушева крайне не повезло. Она увидела свет в 1992 г., когда научные издательства, в том числе и университетские, дышали на ладан, а население постсоветской России, в том числе и ее интеллектуалов, волновали прежде всего проблемы собственного выживания.

Только теперь кажется понятным смысл, вложенный автором в столь громкое название¹⁷. Мы слишком быстро и самонадеянно объявили «расколдованным» собственный мир, так и не поняв, что же с нами произошло на самом деле. Ученых, предупреждавших о ловушках нового, «постсоветского» общества, просто не принимала в расчет ни новая политическая элита, ни те, кто из «строителей светлого будущего» попал в ряды «вечно вчерашних».

«Расколдованный мир Макса Вебера» был набран мелким плохо читаемым шрифтом и опубликован мизерным тиражом на серой бумаге, однако он не остался незамеченным. Достаточно взять потрепанные и испещренные заметками экземпляры этой книги в РГБ или ГПИБ, чтобы понять, что они нашли своего читателя. Подробно описывая «веберовский ренессанс», начавшийся на Западе в 60-е годы, Патрушев подчеркивал его связь с новым прочтением Маркса левыми интеллектуалами. То, что эти явления были в штыки встречены замшелыми догматиками в СССР, не позволило нашей стране вырваться из плена сталинской версии «марксизма-ленинизма», обрекло ее еще на два десятилетия научного и духовного застоя.

Уничтожающие характеристики, которые давались Веберу в советской историографии, были высмеяны Патрушевым уже во введении: обвинения немецкого социолога в том, что он был «апологетом агрессивного германского империализма», могли быть следствием только полного игнорирования его ключевых работ, а также «самодовольной уверенности в собственном превос-

¹⁶ Патрушев А.И. К вопросу об оценке Макса Вебера в современной буржуазной историографии // История и историки. Историографический ежегодник. 1976. М., 1976. С. 227, 230.

¹⁷ Трагизм современности, потерявшей связь с прошлым, нашел свое отражение и в выборе эпитафии к книге: «Судьба нашего времени, из которого уходят последние и самые возвышенные ценности, определена рационализацией и интеллектуализацией, но прежде всего – расколдовыванием мира... Макс Вебер, 1919 г.» .

ходстве над всем немарксистским как ненаучным, спекулятивным и бесполезным». «Даже его противоречия и ошибки будят пытлиую мысль, они не тормоз, а стимул развития науки, и он не нуждается в защите», – подчеркивал автор, имея в виду своего героя¹⁸. Эпоху заранее известных ответов сменило время «езды в неизвестное», и здесь творцам новой России веберовская методология многофакторного общественного анализа могла бы оказаться крайне полезной. Увы, она осталась практически не востребованной, а слепое следование готовым западным схемам, которое реформаторы начала 90-х оправдывали историческим цейтнотом, неизбежно обернулось трагическими испытаниями для постсоветского общества.

При подготовке докторской диссертации, а потом и монографии о Вебере Патрушев отточил свой собственный стиль, сочетавший логику научного исследования и раскованность биографического жанра. Все 48 глав и разделов книги были озаглавлены цитатами из трудов Макса Вебера; сюжеты, посвященные отдельным отрезкам в жизни немецкого ученого, перемежались с глубоким анализом его интеллектуального наследия. На 180 страниц основного текста пришлось более 900 сносок, что свидетельствовало не только об академическом характере книги, но и об уникальном трудолюбии ее автора, примером которого для него являлся сам Вебер.

«Трудность адекватного истолкования усугубляется не только принципиальным плюрализмом его методологии, но и во многом экспериментальным, гипотетическим характером его произведений», справедливо отмечалось в заключении книги¹⁹. Реконструируя веберовскую концепцию происхождения европейского капитализма, Патрушев помещал ее в контекст общественных отношений, окружавших его героя. Бурный экономический подъем в странах Западной Европы, рационализация всего спектра общественных отношений «побуждали буржуазных ученых разрабатывать теорию генезиса и сущности» капитализма, и Вебер не без азарта включился в конкурентную борьбу. Итогом стал не только анализ религиозного чувства как мотива реальных общественных перемен, но и более широкая теория социального развития, по своим масштабам сопоставимая с марксистской. Но там, где у Маркса довлел примат материального, Вебер, как убедительно показано Патрушевым, раскрывал сложное взаимодействие «трех аналитических уровней – социальной структуры, действующего индивида и религиозной этики»²⁰.

Как и его главному герою, Патрушеву довелось жить в эпоху революционной модернизации общественных отношений. Но в отличие от Вебера, который попробовал себя и в качестве депутата городского совета, и в роли творца конституции новой Германии, Александр Иванович скрывался от глобальных потрясений и сопровождавших их бытовых невзгод за пишущей машинкой. В начале 90-х гг. он открыл для себя и для интеллектуальной аудитории целую плеяду немецких мыслителей, многие из которых в советскую эпоху являлись

¹⁸ Патрушев А.И. Расколдованный мир Макса Вебера. М., 1992. С. 6-7, 182-183.

¹⁹ Там же. С. 183.

²⁰ Там же. С. 144-145.

либо «фигурами умолчания», либо подвергались тотальному поруганию. Для Патрушева это стало символом личного освобождения от оков доктрины, довлевшей над ним большую часть его собственной жизни.

Не случайно, что первый из биографических очерков, последовавших за веберовским этапом в научной биографии ученого-германиста, был посвящен Фридриху Ницше – трагическому предсказателю модерна как эпохи «нового средневековья»²¹. Он был полемически заострен против крайних оценок любой направленности – как против апологетов, превозносивших ницшеанство как Библию современности, так и против их оппонентов, которые видели в трудах Ницше лишь «гимн насилию и войне», взятый на вооружение нацистами.

«Разумеется, существует несомненная ответственность мыслителей за их идеи. Но допустимо ли смешивать ее с ответственностью за дела? Любая система, основанная на господстве идеологии, в том числе и национал-социалистическая, предполагает такое перекраивание прошлого, при котором любые учения вплоть до античной философии могут превратиться в дубинку для избияния политического противника... Если у Ницше речь идет о достоинстве человека как личности, то у нацистов – о превосходстве. Яростный протест великого философа против посредственности и унылой серости был деформирован до разновидности массовой, убогой, но страшной идеологии»²².

Вполне закономерно, что следующим героем биографического очерка стал Освальд Шпенглер, один из самых известных толкователей и пропагандистов ницшеанства (обращает на себя внимание даже созвучие названий обоих очерков). Впервые Патрушев попробовал себя не в качестве ученого-аналитика, а в роли творца художественных образов, которые надолго остались в памяти благодарных читателей. Вот первые строки очерка, где описывается единственная встреча Шпенглера с Гитлером, разочаровавшая обоих. «25 июля 1933 г., чуть пополудни. В апартаментах одного из городских отелей беседуют двое мужчин. Первый, человек невысокого роста, с косой челкой темных волос. Лихорадочно горящие синие глаза, под длинным утинообразным носом топорщится щеточка усов... Его визави с едва скрытым презрением поглядывает на экспрессивные жесты собеседника, который упрекает его в консерватизме, в пренебрежении расовым фактором в истории и вообще в непонимании грандиозных задач новой эпохи. Разговор, который явно не получился, наконец закончен. Собеседники холодно, едва ли не враждебно прощаются друг с другом»²³.

В статье не было ни грана превознесения Шпенглера (в отличие от Ницше), хотя Патрушев справедливо отмечал, что к концу жизни его герой «окончательно понял криминальную природу новой власти, которая оказалась не союзником, а опаснейшим врагом его мировоззрения»²⁴. Один из самых ярких представителей «консервативной революции» был выведен за скобки оруженосцев германского фашизма, каким видела его советская историография.

²¹ Патрушев А.И. Жизнь и драма Фридриха Ницше // Новая и новейшая история. 1993. № 5.

²² Там же. С. 148-149.

²³ Патрушев А.И. Миры и мифы Освальда Шпенглера // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 122.

²⁴ Там же. С. 143.

Подобные научно-популярные работы символизировали поиск новых путей развития отечественной науки в первой половине 90-х годов. Ученые, сохранившие верность призванию, хотели вернуться к живому диалогу с общественностью, который отличал просветительскую деятельность российских историков второй половины 19 века. Биографические очерки о Ницше и Шпенглере до сих пор выложены на множестве сайтов в Интернете, их читали и читают не только историки и философы, но даже физики и математики²⁵. За очерками о Ницше и Шпенглере, которые своим общим объемом – шесть печатных листов – тянули на небольшую монографию, последовали биографии историков Карла Лампрехта, Вернера Конце и Курта Брейзига²⁶. Эти статьи закладывали основы российской ветви «интеллектуальной истории», тесно связанной со смежными гуманитарными дисциплинами.

Так уж сложились звезды, что 2000 год стал пиком научной активности А.И. Патрушева. Он печатался в ведущих исторических журналах, в альманахе «Диалог со временем», в университетских научных сборниках, открывая для себя все новые имена и темы. Его заинтересовало использование макросоциологических теорий в конкретно-исторических исследованиях, дискуссии о «модернизаторстве» национал-социалистического режима²⁷. Преодолев Атлантику с запада на восток, писал Патрушев, послевоенные теории модернизации (У. Росту, Б. Мур и др.) были подвергнуты сторонниками «социальной истории» серьезному переосмыслению. Они показали, что «процесс модернизации, который американцы рассматривали как чистый выигрыш, несет с собой и значительные негативные компоненты»²⁸. В то время как для социологов США модели модернизации, утвердившиеся в Японии и Германии, выступали в качестве всего лишь отклонений от магистрального пути развития, для историков ФРГ они отражали «разлад между индустриальным модернизмом и социально-политической консервацией», характерный, в частности, для Второго рейха.

Развивая эту тему, Патрушев одним из первых отечественных ученых дал развернутый анализ дискуссии немецких историков о том, был ли нацизм особым вариантом модернизации, или следует говорить о «воинствующем антимодернизме» Гитлера. Сам автор склонялся к первому варианту ответа, поставив вопрос о цене прогресса в «эпоху крайностей»: «Столь же ужасную цену заплатил и Советский Союз, также в первой половине XX века прорвавшийся в современность по пути, вымощенному костями миллионов людей»²⁹.

Отчасти предвосхищая современные дебаты историков о разного рода методологических и тематических поворотах, Патрушев приводил в качестве

²⁵ Интервью с Т.В. Никитиной (18 декабря 2018 г.).

²⁶ Патрушев А.И. Взлет и низвержение Карла Лампрехта // Новая и новейшая история. 1995, № 4; *его же*. Вернер Конце и пути немецкой социальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М. 1996; *его же*. Курт Брейзиг – еретик исторической науки // Диалог со временем. М. 1999.

²⁷ Патрушев А.И. Теории модернизации и их модернизация // Теоретические проблемы исторических исследований. Труды исторического факультета МГУ. М., 2000. Выпуск 3. С. 50-68.

²⁸ Там же. С. 56.

²⁹ Там же. С. 66.

ориентира научную этику своего героя: «Вебер не мог отвергать того очевидно-го факта, что ценностные постулаты решающим образом определяют процесс научно-культурного познания. Он не устал подчеркивать, что это познание не является простым отражением реальных структур... Выбор тем, проблем, теорий, понятий всегда продиктован направлением исследовательского интереса, определенным углом зрения, на которые и оказывают воздействие вненаучные ценностные ориентации исследователя»³⁰. Этот подход в полной мере сохраняет свое значение для нынешних и будущих поколений ученых-обществоведов, к числу которых относятся и историки.

Последней в ряду биографических очерков, принадлежащих перу А.И. Патрушева, стоит статья, посвященная историку и социологу Вернеру Зомбарту. Читателя в ней подкупает зрелое мастерство, с которым автор погрузил своего героя в интеллектуальную атмосферу Германской империи. Резкие смены зомбартовского мировоззрения связаны автором с «противоречием между его темпераментным и увлекающимся характером театрального склада и холодными рассудочными правилами этикета немецкого академического сообщества»³¹.

Патрушев подробно освещает дуэль двух титанов исторической социологии, размышлявших над путями становления современного им капитализма. За острыми спорами он увидел то общее, что объединяло взгляды Вебера и Зомбарта: «их роднило амбивалентное чувство: признание гигантской мощи капитализма, создавшего целый мир, преобразившего землю по своему образу и подобию, и в то же самое время ощущение сверх-, если не античеловеческого ее характера. Характера, в котором уже проступают контуры пределов, тех границ капитализма, какие он ставит своему создателю – человеку, а тем самым и самому себе»³². Так мог написать только глубоко мыслящий ученый и человек, которому не безразличны судьбы его собственной страны, в XX веке столь трагично пытавшейся выйти за предписанные капиталистическим мироустройством пределы.

Нет смысла характеризовать все рецензии Патрушева, регулярно появлявшиеся в академических журналах³³. Остановимся лишь на его оценках энциклопедии отечественных ученых, занимавшихся проблемами новой и новейшей истории. Он не просто рецензировал отдельные биографические справки, но дополнял их собственными впечатлениями о жизни и научных достижениях своих коллег по кафедре: И.П. Дементьева, Н.В. Сивачева, И.С. Галкина. Достаточно привести одну цитату, свидетельствующую об искренней признательности автора своим предшественникам: «Изучение даже сотен и сотен книг не в состоянии заменить непосредственные впечатления и знакомство с жизнью и ментальностью живущих в этой стране людей. Насколько же по-

³⁰ Патрушев А.И. Проблемы и значение творческого наследия Макса Вебера // Новая и новейшая история. 2000. № 6. С. 68.

³¹ Он же. Метаморфозы Вернера Зомбарта // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 123.

³² Патрушев А.И. Проблемы и значение творческого наследия Макса Вебера // Новая и новейшая история. 2000. № 6. С. 145.

³³ См. рецензии, опубликованные в журналах «Вопросы истории» (1975, №4, 1976, №12, 1986, №4), и «Новая и новейшая история» (1977, №2, 1978 №1, 1990 №5, 1995, №6).

государственному мыслил в этой связи И.С. Галкин, благодаря многолетним и настойчивым усилиям которого «птенцы его гнезда» – кафедры новой и новейшей истории МГУ, молодые преподаватели направлялись на длительные стажировки в изучаемые ими страны для сбора материала, улучшения языковой подготовки и просто знакомства со страной»³⁴.

С начала 2000-х годов Патрушева стал все больше увлекать научно-популярный жанр. Трудно сказать, что за этим стояло: признание «прикладного» характера исторической науки в современных условиях или тривиальное желание поправить семейный бюджет в нелегкие годы «переходной экономики»? Первой ласточкой стала книга «Любовь диктаторов», написанная вместе с Л.С. Белоусовым³⁵. Ее тематика отражала поиск сюжетов, которые могли бы заинтересовать широкую аудиторию, выйти в сферу «публичной истории». Впервые на полках отечественных книжных магазинов переводные биографии диктаторов XX века потеснило произведение российских историков.

Первый тираж, обозначенный в 10 тыс. экземпляров, быстро разошелся, книга нашла своего читателя. Следуя социокультурному тренду в мировой историографии, авторы попытались нарисовать общий психологический портрет своих «героев». Гитлера, Муссолини и Франко объединяли не только созданные ими политические режимы, но и то, что в детстве у каждого из них «в большей или меньше степени развился эдипов комплекс в форме бессознательного сексуального влечения к матери и бунта сына против отцовского самовластия, рожденного патриархальной традицией»³⁶.

Сквозь призму отношений с женщинами был показан характер Гитлера, все его мании и фобии, начиная с болезненной чистоплотности и заканчивая крайней степенью мизантропии. «Как раз в элементарных житейских отношениях с другими людьми, в том числе и с женщинами, отчетливо проявлялись неестественность и склонность к самоупоенности» Гитлера. Его отличал ярко выраженный «нарциссизм, уход от реальности и отсутствие любви или привязанности к кому или чему бы то ни было»³⁷. Требовалось лишь время, чтобы эти черты фюрера нашли свое отражение в практике созданного им Третьего рейха.

Параллельно Патрушевым создавались обзоры и очерки истории Германии разного объема и предназначения: от краткого ознакомления широкой аудитории с ключевыми моментами развития этой страны³⁸ до учебных пособий, адресованных студентам-историкам³⁹. Уже после его смерти вышла из печати объемистая «Германская история: сквозь тернии двух тысячелетий», связавшая в единую цепь события со времен легендарного Арминия и до прихода к власти Ангелы Меркель⁴⁰. Параллельно ученый принимал самое активное участие в подготовке первой отечественной энциклопедии по культурологии,

³⁴ Патрушев А.И. Время и судьбы историков // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 125.

³⁵ Белоусов Л.С., Патрушев А.И. Любовь диктаторов. Муссолини, Гитлер, Франко. М., 2001.

³⁶ Патрушев А.И. Диктаторы и женщины (Вместо предисловия) - Там же. С. 2.

³⁷ Там же. С. 193, 202.

³⁸ Патрушев А.И. Вехи германской истории. М., 2002.

³⁹ Патрушев А.И. Германская история в XX веке. М., 2004.

⁴⁰ Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М., 2007.

для которой написал более семидесяти статей по различным сюжетам интеллектуальной истории Европы. Около половины из них представляли собой биографические очерки выдающихся историков, философов и социологов⁴¹.

«Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель» – последняя из работ Патрушева, дошедшая до читателя. Символично, что эта книга вышла в издательстве МГУ им. М.В. Ломоносова – университета, в котором прошла вся научная жизнь Александра Ивановича. Ему он сохранял верность всю свою жизнь, благодаря за то, что работа на кафедре новой и новейшей истории дала ему возможность подняться на Олимп отечественной исторической науки.

На письменном столе ученого-германиста осталось огромное количество набросков и рукописей, находившихся на полпути к завершению. Среди них – научно-популярная работа, озаглавленная «Идеологи консервативной революции». Автор предполагал дать широкую картину германского консерватизма как одной из духовных предтеч нацизма, и в то же время подчеркнуть его отличия от «коричневой революции», которая воспользовалась его идейным багажом.

В проекте введения к книге представлена квинтэссенция авторского замысла, увы, так и оставшегося нереализованным: «Революционный консерватизм объединял группу весьма различных, но едва ли не самых блестящих и ярких немецких мыслителей Веймарского периода. Целью этого движения ставилось возрождение главных национальных ценностей на основе жесткой критики явлений современной цивилизации, техницизма и культурного пессимизма. Его ведущим представителям грезился апокалипсис новой истинной революции, которая уничтожит все прежние системы, перевернет или отбросит в духе философии Ницше все традиционные нормы и ценности и создаст новый Германский рейх невиданной мощи. Эти идеологи отказывали политике в праве на рациональные мотивы и цели и идеализировали насилие как самодостаточную ценность. В своей политической практике они стремились к созданию нового синтеза стиля и политического мышления. Объективно их иррационализм и нигилизм расчищали национал-социализму путь к власти»⁴².

Еще один научно-просветительский проект А.И. Патрушева, реализация которого не была завершена – популярный очерк развития европейской исторической мысли начиная с раннего нового времени⁴³. В архиве ученого остались наброски к биографиям Ницше и Зомбарта, Шпенглера и Гитлера, перевод первого тома книги Г.-У. Велера «История германского общества», которая так и не добралась до российского читателя. Остались оттиски статей с благодарственными надписями коллег, тщательно выверенные отзывы на кандидатские и докторские диссертации, подборки иллюстраций для будущих книг.

На протяжении всей своей научной жизни А.И. Патрушев сохранял верность сотрудничеству с журналом «Новая и новейшая история», где появилось

⁴¹ Культурология. Энциклопедия: в двух томах. М., 2007. Список статей А.И. Патрушева см. во втором томе энциклопедии. С. 1175-1176.

⁴² Патрушев А.И. Введение к книге «Идеологи консервативной революции» (рукопись).

⁴³ Патрушев А.И. От гуманизма до постмодернизма. Очерки исторической мысли Запада XVI – XX веков (рукопись). В рабочем компьютере автора сохранились оглавление книги, введение «Зачем нужна история?», заключение «Конец истории?», наброски отдельных глав.

более десяти его статей и рецензий. В год его смерти в журнале увидели свет сразу две его научные работы, которые отличали точный выбор проблемы исследования, удачная композиция и зрелость авторских выводов. Там же появился и некролог на безвременную смерть историка-германиста, скончавшегося 22 июля 2006 г.⁴⁴

Патрушев ушел из жизни на следующий день после своего шестидесятилетия. Что осталось? Статьи, монографии и научно-популярные книги, открывшие читателям интеллектуальную историю Германии в новое и новейшее время. Но главное даже не это. Александр Иванович остался в памяти коллег по кафедре уникальным ученым, не щадившим себя и работавшим по принципу «ни дня без строчки». Его научная и личная биография отразили тот переломный период, в котором оказалась отечественная историческая наука после распада СССР. На него пришлось не только приобретения, но и безвозвратные потери. Одной из таких потерь стала кончина Патрушева, ученого, жившего в истории и жившего историей, человека, всю свою жизнь тихо страдавшего от идеологической опеки и официального догматизма. Избавление от них произошло слишком поздно, так и не став подлинным освобождением его научной энергии.

Пытаясь найти свое место в непривычном укладе постсоветского общества, Александр Иванович двигался вперед методом проб и ошибок, много писал, забегая вперед и придумывая все новые и новые проекты, не имевшие перспективы практического воплощения. Коллегам и ученикам все чаще казалось, что он замкнулся в собственной скорлупе, потерял связь с коллективом единомышленников, который переживал трудные (не только в материальном плане) времена. Герои и демоны германской истории захватили власть над его личностью, стали препятствием для обыденной педагогической коммуникации со студентами и аспирантами. Мы так и не узнаем, смог ли бы он найти в себе силы для того, чтобы вернуться в реальный мир, оторвавшись от экрана старенького компьютера, который был главной роскошью его рабочего кабинета. С уверенностью можно сказать только одно: уйдя из жизни, А.И. Патрушев забрал с собой огромный мир прошлого, который он не просто изучал – в котором он жил.

⁴⁴ Александр Иванович Патрушев // Новая и новейшая история. 2007. № 1.

**ПРОФЕССОР ВИКТОР БОРИСОВИЧ КОНАСОВ:
ПЕДАГОГ, УЧЕНЫЙ, ЧЕЛОВЕК**

Научная биография профессора Виктора Борисовича Конасова является ярким примером творческого пути провинциального историка, ставшего ученым с мировым именем. Благодаря усилиям Виктора Борисовича, его коллег и учеников в российской историографии оформилось новое научное направление – история плена и интернирования Второй мировой войны. Неслучайно журналист и историк Г.А. Акиньев в книге о вологодских историках раздел о профессоре В.Б. Конасове назвал словом «Прорыв»¹.

В данной статье рассмотрены этапы педагогической и научной биографии вологодского ученого, показан его вклад в изучение малоизвестных страниц военной и германо-советской истории XX века, раскрыты особенности личности и человеческие качества. Источниками данной статьи послужили научные труды Виктора Борисовича, биографические очерки, а также личные воспоминания автора данной статьи.

* * *

Виктор Борисович родился 2 октября 1950 г. в Великом Устюге – родине русских землепроходцев и первооткрывателей. Прадед по материнской линии, Феодосий Александрович Лавдовский, был известным в Москве в начале XX в. художником-декоратором. Его полотна украшали шедшие на сцене МХАТа трагедию Шекспира «Кориолан», пьесу Островского «Снегурочка» и другие постановки. Дед по материнской линии, Владимир Феодосьевич Лавдовский, был военным хирургом и участником трех войн XX века. Во время советско-финляндской войны 1939-1940 гг. спасал раненых и обмороженных красноармейцев, в период Великой Отечественной – оперировал в госпитале № 1184 в г. Вологде (ныне одно из зданий Вологодского государственного университета). Мать – Наталья Владимировна Конасова (Лавдовская) – работала медсестрой в блокадном Ленинграде, затем помощником врача-эпидемиолога в поселке Красавино, начальником военного госпиталя в Великом Устюге, директором Великоустюгского медицинского училища².

Рассказы родных о пережитом в годы войны с детства формировали интерес к истории Великой Отечественной и судьбам ее участников. Любимыми предметами ученика школы № 11 г. Великий Устюг были история и литература. В 1971 г. Виктор Борисович окончил Великоустюгское педагогическое училище по специальности «учитель начальных классов». Работал учителем истории в Верхне-Югской восьмилетней школе Никольского района Вологодской области. После окончания службы в армии, в 1973 г., поступил на исторический факуль-

¹ Акиньев Г.А. Прорыв. Из жизни ученых. Вологда: ООО «Полиграфист», 2008. С. 57-142.

² Акиньев В.Б., Кузьминых А.Л., Судаков В.В. Виктор Борисович Конасов: жизненный путь и творческое наследие // Историк и его время. Памяти профессора В.Б. Конасова: сборник статей / под ред. В.В. Попова; сост. А.Л. Кузьминых. Вологда: Граффити, 2010. С. 7.

тет Вологодского государственного педагогического института. Среди преподавателей истфака в то время были два известных германиста: Александр Соломонович Бланк – крупнейший в Советском Союзе специалист по истории германского фашизма и антигитлеровского движения Сопротивления и Юрий Клавдиевич Некрасов – специалист в области истории средневековой Германии.

После завершения учебы на историческом факультете в 1977 г. Виктор Борисович работал учителем, заместителем директора технического училища № 5 г. Вологды, председателем профкома треста «Вологдагражданстрой, заместителем директора завода железобетонных изделий треста «Вологдасельстрой», учителем истории средней школы № 19 г. Вологды, преподавателем общественных дисциплин Вологодского строительного техникума. С 1990 г. В.Б. Конасов находится на преподавательской работе сначала в Вологодском молочном институте, затем в Вологодском институте повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров.

В условиях гласности и демократизации в период перестройки появляется запрос на изучение «белых пятен» истории советского общества и государства. Одним из активно обсуждаемых в то время был вопрос о демографических потерях Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Большое значение приобрела работа по установлению полных списков погибших в годы войны. Во второй половине 1980-х гг. Виктор Борисович принимал активное участие в подготовке «Книги-мемориала воинов, умерших от ран и захороненных на территории Вологодской области в годы Великой Отечественной войны»³ и «Книги-реквиема эвакуированных ленинградцев, умерших в госпиталях и захороненных в Вологодской области (1941–1945 гг.)»⁴. Под его руководством группа учащихся Вологодского строительного техникума участвовала в сборе документального материала об умерших в период эвакуации на территории Вологодской области. На основании архивных документов В.Б. Конасов составил список военно-медицинских учреждений на Вологодчине в 1941-1945 гг.⁵

В 1987 г. Виктор Борисович начал работу над кандидатской диссертацией на историческом факультете Ленинградского государственного университета. Научным руководителем В.Б. Конасова был назначен кандидат исторических наук, доцент Андрей Васильевич Терещук. Защита диссертации «Партийно-политическая работа в частях и учреждениях военно-санитарной службы Северо-Западного направления в годы Великой Отечественной войны» на соискание

³ Книга-мемориал воинов, умерших от ран в госпиталях и захороненных на территории Вологодской области в годы Великой Отечественной войны: [В 2 ч.] / Вологод. гос. пед. ин-т и др. Вологда: ВГПИ, 1988. Ч. 1. 509 с.

⁴ Реквием памяти эвакуированных ленинградцев, захороненных в Вологодской области в годы Великой Отечественной войны: [В 3 ч.] / Вологод. гос. пед. ин-т и др.; [Сост. Л.К. Судакова и др.]. Вологда: Вологод. обл. ком. защиты мира, 1990. Ч. 1: А – К. Вологда: Вологод. обл. ком. защиты мира, 1990. – 583 с.; Ч. 2: Л – Я / [Предисл. П.А. Колесникова, В.В. Судакова]. Вологда: Вологод. обл. ком. защиты мира, 1991. – 676 с.

⁵ Конасов В.Б. Военно-медицинские учреждения на территории Вологодской области и санитарные поезда с пунктом приписки в Вологде // Книга-мемориал воинов, умерших от ран в госпиталях и захороненных на территории Вологодской области в годы Великой Отечественной войны: [В 2 ч.] / Вологод. гос. пед. ин-т и др. Вологда: ВГПИ, 1988. Ч. 1. С. 503-510.

ученой степени кандидата исторических наук состоялась 27 июня 1990 г. в ЛГУ⁶. В ней была рассмотрена партийно-политическая работа в подразделениях, частях и учреждениях медицинской службы войскового, армейского, фронтового районов, госпиталях прифронтового тыла, военно-санитарных поездах. Автор подверг критическому анализу советскую историографию по вопросам развития военно-санитарной службы Красной армии в годы войны, изучил особенности работы медиков в экстремальных условиях военного времени, привел новые данные о потерях среди личного состава РККА и практике захоронений умерших.

Круг научных интересов В.Б. Конасова стремительно расширяется, растет уровень научных публикаций. Под его авторством публикуются статьи в авторитетных исторических⁷ и медицинских журналах⁸. В 1990 г. в московском издательстве «Прометей» вышла брошюра В.М. Подольского и В.Б. Конасова «Труд и подвиг прифронтовых медиков»⁹. В ней на примере Вологодской области была показана деятельность органов здравоохранения накануне и в годы Великой Отечественной войны, работа распределительного эвакуационного пункта (РЭП-95), санитарно-эпидемиологической службы, организация донорского движения. Приведенные авторами факты и цифры не только подчеркивали важный вклад работников госпиталей и военно-санитарных поездов в победу над врагом, но и заставляли читателя с иных позиций взглянуть на такие проблемы, как цена человеческой жизни, война и милосердие, повседневный, самоотверженный труд по спасению раненых воинов.

В начале 1990-х гг. Виктор Борисович обращается к проблеме военнопленных Второй мировой войны. Фактически он продолжал традиции, заложенные профессором Александром Соломоновичем Бланком, который первым из советских историков опубликовал книги по истории немецких военнопленных в СССР¹⁰. В.Б. Конасов одним из первых российских ученых получил до-

⁶ Конасов В.Б. Партийно-политическая работа в частях и учреждениях военно-санитарной службы Северо-Западного направления в годы Великой Отечественной войны: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. Ленинград, 1990. 18 с.

⁷ Конасов В.Б., Терещук А.В. К вопросу о безвозвратных людских потерях СССР в период Великой Отечественной войны // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. 6. Л.: 1989. Вып. 4. С. 3-11; Конасов В.Б., Терещук А.В. Новый подход к учету безвозвратных военных потерь в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 126-129.

⁸ Конасов В.Б., Лимин Б.В. Санитарно-эпидемиологическая служба Вологодской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Гигиена и санитария. 1987. № 12. С. 45-48; Конасов В.Б., Довгаленко В.А. Взаимодействие в работе распределительного эвакуационного пункта и областного отдела здравоохранения в годы Великой Отечественной войны // Военно-медицинский журнал. 1988. № 2. С. 23-25; *его же*. Шефская помощь военно-санитарным учреждениям Вологодской области в годы Великой Отечественной войны // Советское здравоохранение. 1988. № 10. С. 58-61; *его же*. Героизм медиков военно-санитарных поездов // Военно-медицинский журнал. 1990. № 1. С. 15-17; *его же*. Служба крови и донорское движение в Вологодской области в годы Великой Отечественной войны // Гематология и трансфузиология. 1990. № 12. С. 39.

⁹ Подольский В.М., Конасов В.Б. Труд и подвиг прифронтовых медиков. – М.: Прометей, 1990. 68 с.

¹⁰ Бланк А.С. Национальный комитет «Свободная Германия» – центр антифашистской борьбы немецких патриотов (1943-1945 гг.). Вологда: Книжное издательство, 1963. 92 с.; Бланк А.С., Левель Б. Наша цель – свободная Германия. Из истории антифашистского движения «Свободная Германия» 1943-1945 гг. М.: Мысль, 1969. 293 с.; Blank A. Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. – Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1979. 208 s.; Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М.: Патриот, 1990. 206 с.

пуск к архивным документам, на которых многие годы стоял гриф «Совершенно секретно». В 1991 г. в Вологде была издана небольшая брошюра «Гриф секретности снят (К истории немецких военнопленных в СССР)»¹¹. Автором поднимались вопросы соблюдения СССР положений международных конвенций о защите жертв войны, организации приема и эвакуации, лагерного быта и труда, медицинского обслуживания, оперативно-розыскной и политической работы с бывшими солдатами и офицерами вермахта.

Осенью 1991 г. В.Б. Конасов получает доступ в Особый архив (ныне – Российский государственный военный архив), в котором хранились документы Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. В личном досье историка оказались уникальные исторические источники: переписка Л.П. Берии с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым, документы за подписью министра иностранных дел А.Я. Вышинского, письма и документы генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса, генерала Гельмута Вейдлинга и др. Весьма продуктивной оказалась и работа в другом прежде закрытом для исследователей архивохранилище – Архиве внешней политики Российской Федерации. Поездки в Москву для работы в архивах продолжалась несколько лет, что в итоге позволило собрать солидную документальную базу для докторской диссертации.

В 1994 г. Виктор Борисович вошел в редколлегию военно-исторического журнала «Новый Часовой», издаваемого в Санкт-Петербурге. Его предшественник – эмигрантский военный журнал «Часовой» – выходил в 1929-1989 гг. в Париже и Брюсселе и, по сути, являлся летописью русского воинства в эмиграции и энциклопедией военной мысли за рубежом. В первом номере журнала, помимо других материалов, была напечатана статья В.Б. Конасова и А.В. Терещука «Узники войны (К истории иностранных военнопленных в России и СССР)»¹².

В 1995 г. Виктор Борисович был включен в авторский коллектив труда «Иностранные военнопленные в СССР в годы Второй мировой войны», работа над которым велась под руководством начальника Института военной истории Министерства обороны России В.В. Золотарёва¹³.

Большую поддержку в научных начинаниях В.Б. Конасову оказывал ректор Вологодского института развития образования В.В. Судаков. В июне 1995 г. они выступили в Гамбурге на 27 «Кирхентаге» – многотысячном форуме, проводимом раз в два года по инициативе евангелической церкви. Свое выступление вологодские ученые сопроводили демонстрацией выставки «Немецкие военнопленные в Вологодской области», которая вызвала большой интерес среди немецкой общественности, особенно среди родственников бывших военнопленных. Отклики на эту выставку, которая в течение двух лет экспонировалась в не-

¹¹ Конасов В.Б. Гриф секретности снят: (К истории немецких военнопленных в СССР). Вологда: Б.и., 1991. 55 с.

¹² Конасов В.Б., Терещук А.В. Узники войны. К истории иностранных военнопленных в России и СССР // Новый Часовой. 1994. № 1. С. 30-36.

¹³ Акинъхов Г.А. Прорыв... С. 67.

скольких городах Германии, были опубликованы отдельной брошюрой¹⁴. В июне 1997 г. в Лейпциге прошел очередной Кирхентаг, в котором В.Б. Конасов и В.В. Судаков также приняли участие¹⁵.

Одной из идей В.Б. Конасова было издание мартиролога военнопленных, захороненных на территории Вологодской области. О его подготовке свидетельствуют карточки на умерших военнопленных, которые сохранились в личном архиве ученого. Тем не менее, из-за сложностей, связанных с переводом, проверкой и систематизацией данных В.Б. Конасов не сумел завершить этот проект. Подготовить и опубликовать мартиролог удалось ученикам и коллегам Виктора Борисовича в 2009 году¹⁶.

Осенью 1995 г. Виктор Борисович принял участие в международной конференции, посвященной 50-летию окончания Великой Отечественной войны и завершению деятельности Национального комитета «Свободная Германия», которая проходила на базе Мемориального музея немецких антифашистов в подмосковном Красногорске. Контакты, завязанные тогда Виктором Борисовичем, в дальнейшем переросли в плодотворное научное сотрудничество со многими известными российскими и германскими учеными.

В 1996 г. увидела свет, пожалуй, главная книга в научной биографии Виктора Борисовича – «Судьбы немецких военнопленных в СССР»¹⁷. В ней впервые в отечественной историографии раскрывалась история дипломатического регулирования проблемы военного плена в годы Великой Отечественной войны, анализировались правовые аспекты пребывания немецких военнопленных в Советском Союзе, раскрывался процесс репатриации бывших солдат и офицеров вермахта, освещались судьбы представителей высшего германского военного командования. Книга вызвала живой интерес в России и за рубежом. Рецензии на нее опубликовали ведущие исторические журналы¹⁸. Продолжением новых идей и подходов В.Б. Конасова в области изучения истории военного

¹⁴ Zwischen zwei Kirchentagen: Aus der Geschichte deutscher Kriegsgefangener) / R. Dehnel, W. Konasow, W. Sudakow. Hamburg, 1996. 47 s.

¹⁵ Акинъхов Г.А. Прорыв... С. 67-71.

¹⁶ Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света...»: Т. 2: Иностранцы военнопленные и интернированные, умершие в Вологодской области в 1943–1949 гг. Вологда, 2009. 440 с.

¹⁷ Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы: Очерки и документы. Вологда: Изд-во Вологод. ин-та повышения квалификации и переподгот. пед. кадров, 1996. 320 с.

¹⁸ Ерин М.Е. Рец. на кн.: Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда, 1996 // Отечественная история. 1996. № 6. С. 195-196; Фарсобин В.В. Рец. на кн.: Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. – Вологда, 1996 // Вопросы истории. 1996. № 11-12. С. 147-149; Коротков Г.И. Сколько немецких военнопленных погибло в СССР? [Рец. на кн.: Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда, 1996.] // Военно-исторический журнал. 1997. № 6. С. 93-94.

плена стали монографии «...Пока не похоронен последний солдат»¹⁹ и «Судебное преследование немецких военнопленных в СССР»²⁰.

Осенью 1997 г. в Вологде прошла международная конференция «Проблемы военного плена: история и современность»²¹. О значимости этой конференции красноречиво свидетельствовал представительный состав участников и ее высокая оценка российской и зарубежной научной общественностью. По итогам работы конференции был принят ряд важных решений, в том числе о создании постоянной рабочей группы по координации исследований в области военного плена, о публикации сборников документов по истории пребывания иностранных военнопленных в СССР и ряд других.

Международная конференция в Вологде выявила ряд дискуссионных вопросов, главным из которых являлся вопрос о численности военнопленных в СССР. Дискуссия по этому вопросу была продолжена на конференции «Немецкие военнопленные в советском плену и советские военнопленные в немецком плену (1941-1956 гг.)», которая была организована Институтом по изучению последствий тоталитаризма имени Ханны Арендт при сотрудничестве с Институтом по изучению архивов ФРГ (г. Бонн) в июле 1998 г. в Дрездене. Виктор Борисович принял участие в работе конференции в составе официальной российской делегации.

В сентябре 1998 г. в Институте военной истории Министерства обороны РФ В.Б. Конасов защитил докторскую диссертацию «Политика Советского государства в отношении немецких военнопленных (1941-1956 гг.)»²². Тем самым был восполнен существенный пробел в отечественной историографии Второй мировой войны.

После получения докторской степени В.Б. Конасов стал профессором Вологодского института развития образования, а затем проректором по научно-методической работе. Одновременно Виктор Борисович преподавал на кафедре отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета, был заместителем председателя диссертационного совета по специальности «Отечественная история». Под его научным руководством на кафедре отечественной истории ВПГУ были подготовлены две кандидатские диссертации, а также 12 выпускных квалификационных работ²³.

¹⁹ Конасов В.Б., Судаков В.В., Быстрицкий А.Н. ...Пока не похоронен последний солдат: Очерки и документы. – Вологда-М.: Изд-во Вологод. ин-та повышения квалификации и переподгот. пед. кадров, 1997. 98 с.

²⁰ Конасов В.Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР: внешнеполитический аспект проблемы / В.Б. Конасов [под ред. В.А. Золотарева]. М.: Ин-т воен. истории М-ва обороны РФ, 1998. 163 с.

²¹ Проблемы военного плена: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции (23–25 окт. 1997 г, г. Вологда): в 2 ч. / редкол.: Е.А. Поромонов и др. Вологда: Изд-во Вологодского ин-та повышения квалификации и переподготовки пед. кадров, 1997.

²² Конасов В.Б. Политика советского государства в отношении немецких военнопленных (1941–1956 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ин-т военной истории. Москва: 1998. 36 с.

²³ Безнин М.А., Димони Т.М. Слово о Викторе Борисовиче Конасове – ученом и педагоге Вологодского государственного педагогического университета // Историк и его время. Памяти профессора Виктора Борисовича Конасова: сборник статей / Северное отд-ние Центра военной истории России Ин-та российской истории РАН [и др.]; [редкол.: А.Л. Кузьминых (сост.) и др.]. – Вологда: Граффити, 2010. С. 24-25.

В 2002 г. по инициативе В.Б. Конасова на базе ВГПУ было создано Северное отделение Центра военной истории Института российской истории РАН. Виктор Борисович стал руководителем этого отделения.

По инициативе профессора В.Б. Конасова в Вологде прошли всероссийские научные конференции «Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации» (2000)²⁴, «1941-1945: Уроки войны – уроки правды, мужества и патриотизма» (2005)²⁵, международный научный семинар «Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Немецкие военнопленные в СССР» (2005)²⁶.

Благодаря усилиям В.Б. Конасова значительно обогатилась источниковая база по истории Второй мировой войны. Он принимал непосредственное участие в подготовке сборников документов «Немецкие военнопленные в СССР. 1941-1955»²⁷, «Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР»²⁸, «На стыке фронта и тыла»²⁹, «Оборона Ошты в очерках и документах»³⁰, «Блокада: искры памяти»³¹. Виктор Борисович был членом общественной редколлегии, научным консультантом Книги Памяти Вологодской области.

Другим важным направлением научных изысканий Виктора Борисовича было изучение истории взаимоотношений СССР и Международного комитета Красного Креста. В 2000 г. в Москве вышла небольшая книга «Международный комитет Красного Креста – Советский Союз: дорогой сотрудничества и конфронтации (1939-1952 гг.)»³². В 2004 г. В.Б. Конасов выезжал в творческую командировку в Швейцарию по приглашению Германа Бергундталя – директора Музея основателя Международного комитета Красного Креста Анри Дюнанна. В рамках поездки В.Б. Конасов выступил с докладом в упомянутом музее в

²⁴ Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: материалы межрегион. науч.-практ. конф. / [редкол.: В. В. Судаков (пред.) и др.]: В 4 ч. Вологда: Вологод. ин-т развития образования, 2000.

²⁵ 1941-1945: Уроки войны – уроки правды, мужества и патриотизма: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Вологда, 24-25 февраля 2005 г.). Вологда: Издательство «Русь», 2006. 390 с.

²⁶ Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Немецкие военнопленные в СССР: Материалы Международного научного семинара (Вологда, 17-18 октября 2005 г.). Вологда, 2006. 96 с.

²⁷ Великая Отечественная. Т. 13 (2). Немецкие военнопленные в СССР, 1941-1955 гг.: Сб. документов. / сост.: В.Н. Варганов и др. М.: Терра, 1999. Кн. 1. 502 с.

²⁸ Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР (1940–1950-е гг.): Док., факты, коммент. / сост., авт. предисл. и примеч. Н.Ф. Бугай; авт. коммент. В.Б. Конасов. М.: Готика, 2001. 302 с.

²⁹ На стыке фронта и тыла: материалы к вуз. спецкурсу и шк. факультативу «Волог. обл. в годы Великой Отеч. войны» / В. Б. Конасов, Г. А. Акинъхов, В. В. Судаков; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. Волог. гос. пед. ун-т, Волог. ин-т развития образования. Вологда: 1999. 172 с.

³⁰ Оборона Ошты: в очерках и документах / В.Б. Конасов, Т.О. Спивак, В.В. Судаков, С.Н. Цветков; Администрация Вологод. обл. и др. Вологда: ИЦ ВИРО, 2002. 149 с.

³¹ Блокада: искры памяти / В.Б. Конасов, В.В. Судаков. Вологда: Изд-во Вологодского института развития образования, 2004. 344 с.

³² Конасов В.Б. Международный комитет Красного Креста – Советский Союз: дорогой сотрудничества и конфронтации (1939–1952): Ист. очерк и документы / В.Б. Конасов; [предисл. Г.А. Куманева]; Ин-т рос. истории РАН. – М.: Ин-т рос. истории РАН; Вологда: Ин-т развития образования, 1999. 99 с.

г. Хайдене. Год спустя состоялась ответная встреча на Вологодской земле, в ходе которой прошла презентация фильма об Анри Дюнане, а также брошюры «МККК – Россия: страницы истории»³³, подготовленной В.Б. Конасовым в соавторстве со швейцарским историком Хансом Аманном.

Виктор Борисович внес значительный вклад в изучение репрессивной политики советского государства. В 2006 г. результаты своих научных исследований по этой проблеме он обобщил в монографии «История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953 гг.)»³⁴. При непосредственном участии В.Б. Конасова велась подготовка «Книги памяти жертв политических репрессий Вологодской области», которая, к сожалению, так и не была издана.

В последние годы своей жизни Виктор Борисович плодотворно работал в таком жанре научного исследования, как историческая биография, подготовив серию замечательных очерков для книг «Выдающиеся вологжане», «Вологодская энциклопедия», «Генералы и адмиралы Вологодчины», «Здравоохранение Вологодчины». В 2006 г. в соавторстве с В.В. Судаковым издал брошюру «Полководец из Никольска», посвященную жизненному пути уроженца Вологодской области, дважды Героя Советского Союза Ивана Степановича Конева³⁵.

В.Б. Конасов был прекрасным популяризатором истории Отечества, истории своей малой родины. Им была разработана программа школьного факультатива «Вологодская область в годы Великой Отечественной войны», совместно с коллегами подготовлены книга для учителя «Эхо минувшей войны»³⁶, учебное пособие для старшеклассников «Сопrotивление и плен»³⁷. Виктор Борисович вел ряд спецкурсов для студентов и курсантов вологодских вузов, являлся одним из авторов учебника и хрестоматии по истории родного края. Всего перу Виктора Борисовича принадлежат более 250 работ, разных по жанру и проблематике.

Профессор В.Б. Конасов активно участвовал в общественной работе, являясь членом комиссии по помилованию при Губернаторе Вологодской области, членом Правления Вологодского отделения Российского фонда мира. Известный ученый плодотворно сотрудничал со средствами массовой информа-

³³ Конасов В.Б., Аманн Х. МККК – Россия: страницы истории / [вступ. слово: В.В. Судаков, Г. Бергундталь, А. Принцинг]; Вологод. ин-т развития образования [и др.]. Вологда; Хайден: ИЦ Вологод. ин-та развития образования, 2005. 17 с.

³⁴ Конасов В.Б. История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918-1953); Правительство Вологод. обл., Сев. отд-ние Центра воен. истории Ин-та рос. истории РАН, Вологод. ин-т права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. Вологда: ВИПЭ ФСИН, 2007. Изд. 2-е. 311 с.

³⁵ Конасов В.Б., Судаков В.В. Полководец из Никольска: малоизвестные страницы жизненного подвига И.С. Конева; Администрация Ни-кол. р-на Вологод. обл., Сев. отд-ние Центра воен. истории России Ин-та рос. истории РАН. – Никольск; Вологда: ИЦ ВИРО, 2004. 35 с.

³⁶ Конасов В.Б., Судаков В.В. Эхо минувшей войны: Из истории Вологод. обл. / [науч. ред. А.В. Терещук]. Вологда: Изд-во Вологод. ин-та повышения квалификации и переподгот. пед. кадров, 1994. 90 с.

³⁷ Конасов В.Б., Петелин Б.В. Сопrotивление и плен: документы и материалы по истории антифашист. движения Сопrotивления и воен. плена в Германии и СССР, 1933-1955 гг. / Вологод. гос. пед. ун-т, Вологод. ин-т развития образования. Вологда: Изд-во Вологод. ин-та развития образования, 2000. Ч. 1. 135 с.

ции. Его статьи и очерки регулярно появлялись на страницах областных и центральных газет и журналов, выступления и интервью звучали по областному радио и телевидению.

Большое внимание в своей научной, педагогической и общественной деятельности Виктор Борисович уделял патриотическому воспитанию молодого поколения, показывая многовековые традиции служения Отечеству, гуманное отношение к поверженному врагу, подвиги защитников Родины в годы Великой Отечественной войны, вклад вологжан в Великую Победу.

«Я рад, что жизнь мне подарила такую судьбу, – говорил Виктор Борисович в одном из своих последних интервью. – Мне кажется, что секрет любого успеха кроется в умении вкладывать в дело душу, а для этого надо любить то, чем ты занимаешься. Если не испытываешь душевного трепета перед архивным документом – не станешь настоящим историком; не бежишь с радостью в аудиторию – не будешь хорошим преподавателем. Я занимаюсь тем, что искренне люблю, наверное, поэтому все получается. Я – счастливый человек!»³⁸

К сожалению, судьба отпустила мало времени для жизни и творчества талантливого ученого. Виктор Борисович скоропостижно скончался 28 июня 2008 г. в возрасте 58 лет. Сердце не выдержало стремительного ритма жизни, колоссальных физических и нервно-психологических перегрузок.

2 октября 2010 г. в Вологодской областной универсальной научной библиотеке прошел вечер памяти, посвященный 60-летию со дня рождения В.Б. Конасова. Состоялась презентация научного сборника «Историк и его время», в котором приняли участие свыше 50 российских и зарубежных историков³⁹. В 2020 г. к 70-летию профессора вышел тематический номер журнала региональной истории «Historia provinciae»⁴⁰. Осенью 2021 г. в библиотеках Вологды и Череповца прошли презентации обновленного варианта монографии В.Б. Конасова «История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918-1953)», изданной при содействии Ассоциации жертв политических репрессий Совета ветеранов г. Череповца⁴¹.

Научные исследования В.Б. Конасова по истории Второй мировой войны, военного плена, пенитенциарной системы продолжают его ученики. В настоящее время в Вологодском институте права и экономики ФСИН России плодотворно трудятся его бывшие аспиранты: доктор исторических наук, доцент А.Л. Кузьминых и кандидат исторических наук, доцент Н.А. Белова, в Вологодском областном архиве новейшей политической истории – главный архивист С.И. Старостин. Все это свидетельствует о том, что научное наследие Виктора

³⁸ *Македонская И.В.* Гори, путеводная звезда // Источник. 2008. № 1. С. 42-43.

³⁹ Историк и его время. Памяти профессора Виктора Борисовича Конасова: сборник статей / Северное отделение Центра военной истории России Ин-та российской истории РАН [и др.]; [редкол.: А.Л. Кузьминых (сост.) и др.]. Вологда: Граффити, 2010. 530 с.

⁴⁰ «Historia provinciae»: журнал региональной истории. 2020. Т. 4. № 2. Тема номера: История Второй мировой войны в региональном измерении (памяти профессора Виктора Борисовича Конасова). URL: <http://hpchsu.ru/arkhiv/zhurnal-regionalnoy-istorii-t-4-2/> (дата обращения: 01.06.2022).

⁴¹ *Конасов В.Б.* История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953). Изд. 3-е., исп. и доп. Череповец: Порт-Апрель, 2021. 256 с.

Борисовича востребовано в наши дни, а память об ученом бережно сохраняется его коллегами и единомышленниками.

* * *

Судьба распорядилась так, что мне посчастливилось стать первым аспирантом Виктора Борисовича. В июне 2000 г. я с дипломом с отличием закончил исторический факультет Вологодского государственного педагогического университета. Передо мной встала сложная задача выбора жизненного пути. Поступали предложения о трудоустройстве в школы и вузы города, но, учитывая интерес к научно-исследовательской работе, решил поступать в аспирантуру. Закономерно возник вопрос выбора научного руководителя и научной специальности.

От заведующего аспирантурой ВГПУ Сергея Григорьевича Карпова узнал, что на кафедру отечественной истории приходит новый профессор – Виктор Борисович Конасов. В процессе работы над диссертацией я тесно общался с Виктором Борисовичем. Мы стали настоящими друзьями и единомышленниками. Меня поражала его демократичность и простота в общении с аспирантами и студентами, несмотря на высокие научные регалии. Важно отметить, что он не гнушался совместного научного творчества со своими учениками. За период моей учебы в аспирантуре мы в соавторстве подготовили несколько книг⁴². Как правило, я приходил с черновыми вариантами текста, Виктор Борисович их редактировал и дорабатывал, придавая тексту завершенность и выразительность. Эта совместная работа была необычайно ценным опытом для меня.

У Виктора Борисовича был уютный и гостеприимный дом и прекрасная семья: дочь Наташа, которая в то время училась на факультете журналистики, супруга Надежда Васильевна – незаменимый помощник во всех научных делах. Вспоминается следующий эпизод. В 2007 г. мы с Виктором Борисовичем собрались на международную научную конференцию в Сыктывкар. Поезд был ночной, до отхода оставалось 15 минут, и при посадке в вагон выяснилось, что Виктор Борисович забыл паспорт. Надежда Васильевна примчалась на такси с заветным документом.

В научном кабинете Виктора Борисовича была прекрасная библиотека с книгами по военной истории. Среди них были уникальные научные издания, в том числе на иностранных языках, с автографами известных историков. В шкафах хранились архивные тетради с выписками, вырезки из газет, разного рода справочные материалы, которые были «сырьем» для подготовки научных работ. Этот кабинет являлся настоящей «научной лабораторией», местом встречи с аспирантами.

⁴² Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат / Акад. военно-ист. наук и др. Вологда: ИЦ Вологод. ин-та образования, 2002. 232 с.; Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере (1939–1955): очерки и документы / [вступ. ст. В.В. Рацко]; Департамент культуры Вологод. обл. и др. Вологда: Департамент культуры Правительства Вологод. обл.: Изд-во Вологод. ин-та развития образования, 2002. 160 с.; Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Польские военнопленные в Грязовецком лагере НКВД (1939–1941 гг.): Ист. очерк, док. и материалы / Вологод. ин-т права и экономики Минюста России. Вологда: Ин-т права и экономики Минюста России, 2002. 85 с.

Виктор Борисович поражал своей работоспособностью и кипучей творческой энергией. Нередко в его кабинете свет горел целую ночь. Оставалось только догадываться, когда он успевал отдыхать. Важней чертой личности ученого был азарт в решении новых научных задач. Он всегда искал новые темы, участвовал в новых проектах, планировал новые встречи и поездки. Благодаря личным связям и контактам, ему почти всегда удавалось получать поддержку своим научным начинаниям и идеям. О широком круге научного общения свидетельствовала обширная переписка с коллегами-историками из России, Украины, Белоруссии, Германии, Австрии, Италии, Швейцарии и других стран.

Профессор Конасов любил жизнь во всех ее проявлениях. Он был страстным любителем поэзии и футбольным болельщиком. При этом сам писал стихи и обладал артистическим талантом. Среди курсантов Вологодского института права и экономики широкое хождение получила история о том, как на одном из занятий, чтобы оживить внимание аудитории, Виктор Борисович перед доской скрутил «колесо», чем сорвал бурные аплодисменты.

Несмотря на то, что круг научных интересов профессора В.Б. Конасова был необычайно широк, его работы объединяет одна важная черта: в их центре – человек, его драматическая судьба на фоне глобальных потрясений XX века. Подвиг медиков военной поры, трагедия плена, судьбы жертв сталинских репрессий – главные темы его научного творчества.

Виктор Борисович не боялся отстаивать свои научные взгляды и гражданскую позицию. Ему не раз говорили, что не нужно писать о «цене Победы», «пленных фашистах» и «врагах народа», лучше посвятить свои работы традиционным сюжетам и направлениям историографии, но, несмотря на это, он брался за «неудобные темы» истории и был первопроходцем в освоении новых областей исторического знания. Стремление к истине, ценность человеческой жизни, мир и взаимопонимание между народами – те вечные идеалы, которые он пропагандировал на страницах своих трудов и за преподавательской кафедрой. Эти ценности сегодня важны и актуальны как никогда.

**ИСТОРИЯ ГЕРМАНИИ КАК ПРИЗВАНИЕ: ПАМЯТИ УЧИТЕЛЕЙ
Ю.В. ГАЛАКТИОНОВА, Л.Н. КОРНЕВОЙ**

Развитие современной исторической германистики в Кузбассе и Кемеровском государственном университете неразрывно связано с именами известных российских историков-германистов, докторов исторических наук, профессоров Юрия Владимировича Галактионова (1949-2005) и Лидии Николаевны Корневой (1943-2020). Оба ученых прошли параллельный жизненный и творческий путь. Оба уроженцы Кемеровской области. Ю.В. Галактионов родился в Кемерово, Л.Н. Корнева в Сталинске (ныне Новокузнецк). Обоих связывает Томский государственный университет и личность основателя сибирской школы германистики, доцента Томского университета Николая Сергеевича Черкасова (1931-1993).

Л.Н. Корнева в 1967 г. окончила исторический факультет Томского государственного университета. Выбор изучения Германии Новейшего времени оказался неслучайным: При поступлении в ТГУ Л.Н. Корнева была включена в группу с углубленным изучением немецкого языка. Кроме того, большое влияние на ее выбор оказал Н.С. Черкасов, который, в конечном итоге, и стал научным руководителем кандидатской диссертации Лидии Николаевны¹. На выбор Ю.В. Галактионова истории Германии оказала судьба отца-фронтовика и наставничество старшего товарища, известного историка-германиста Александра Ивановича Борозняка. Ю.В. Галактионов также под руководством Н.С. Черкасова в 1980 г. защитил диссертацию². Характерно, что обе работы были посвящены историографии германского национал-социализма. Эта тема станет для обоих в дальнейшем основным объектом исследования.

Параллельные прямые Юрия Владимировича и Лидии Николаевны пересеклись в 1987 г., когда Ю.В. Галактионов, до этого работающий проректором в Кемеровском государственном институте культуры, был приглашен на должность заведующего кафедрой всеобщей истории Кемеровского государственного университета. Он оставался на этой должности до 2005 г. Л.Н. Корнева с 1979 г. уже работала на этой кафедре и прошла все ступени преподавательской вузовской карьеры от старшего преподавателя до профессора. Именно кафедра стала местом соединения научной и организационной деятельности Ю.В. Галактионова и Л.Н. Корневой, основателей школы кемеровской германистики и шире – школы изучения феномена тоталитаризма, демократии, международных отношений. Оба они совместно и индивидуально стали активно использовать открывшиеся во второй половине 1980-х гг. возможности, ибо «события, развернувшиеся в нашей стране во второй половине 80-х гг. в связи с началом пе-

¹ *Корнева Л.Н.* Проблемы сущности германского фашизма и взаимоотношений монополистического капитала с национал-социалистской партией в 1919-1933 гг. в буржуазной историографии ФРГ: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. 07.00.09. Томск: 1974. 25 с.

² *Галактионов Ю.В.* Критический анализ идеологии и пропаганды германского фашизма в документах и материалах Коминтерна, советской историографии, историографии ГДР: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. 07.00.09. Томск, 1980. 18 с.

рестройки, оказали огромное влияние на историческую науку СССР. Началось переосмысление её задач и методологических основ»³.

Первым шагом на этом пути стало переосмысление марксистской историографии национал-социализма, которой посвящено совместное пособие Галактионова, Корневой и Черкасова⁴. В 1990-х гг. произошли кардинальные изменения в российской исторической науке. Германистика не стала исключением в этом ряду. Начинают проводиться первые российско-германские конференции, устанавливаются прямые контакты с германскими коллегами. Воодушевленные такими эпохальными переменами Галактионов и Корнева активно включаются в формирование институционального и научного содержания «молодой» российской исторической германистики. Они участвуют в ряде российско-германских международных конференций 1990-х гг. в Челябинске, Екатеринбурге, Волгограде, Москве. Среди немецких коллег особо тесные дружеские и научные контакты установились со специалистом по истории России, профессором Рур-университета города Бохум, заведующим кафедрой Восточноевропейской истории, а затем основателем и первым директором Института германских исследований в Москве ГИИМ (2004-2009) Берндом Бонвечем (1940-2017)⁵. Первое знакомство Бонвеча с Сибирью, университетом, в который он прибыл в сентябре 1993 г. по приглашению Ю. В. Галактионова, прошло благополучно⁶.

Развитие контактов в 1990-е гг. в конечном итоге привело к осуществлению двух фундаментальных проектов. Это, во-первых, создание Западносибирского центра германских исследований (ЗСЦГИ) (1999-2021), объединившее историков-германистов, преподавателей вузов Кемерово, Томска, Новосибирска и Барнаула. ЗСЦГИ занимался координацией их научной и учебной деятельности, проведением международных и российских конференций⁷. Во-вторых, подписание в 1998 г. договора о сотрудничестве между Рур-университетом и Кемеровским государственным университетом (действовал до 2002 г.). В рамках этого договора взаимные университетские стажировки прошли десятки преподавателей, аспирантов и студентов как с российской, так и с немецкой стороны.

В свою очередь деятельность ЗСЦГИ сыграла в 2000-2010-х гг. большую роль в развитии не только сибирской, но и в целом российской германистики. Председателями центра в разное время были: 1999-2005 гг. Ю.В. Галактионов, 2006-2008 гг. С.А. Васютин, 2008-2020 гг. Л.Н. Корнева. В деятельности ЗСЦГИ можно выделить три главных направления. Первое – издание учебных пособий для ВУЗов по истории Германии. Всего было издано два таких посо-

³ Корнева Л.Н. К читателю // Галактионов Ю. В. Национал-социализм в Германии: проблемы изучения и преодоления: Избранные труды. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. С. 4.

⁴ Галактионов Ю.В., Корнева Л.Н., Черкасов Н.С. Марксистская историография германского фашизма. Кемерово: КемГУ, 1988. 83 с.

⁵ См. Корнева Л.Н. История России и Германии в судьбе немецкого ученого // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2018. Т. 2. №2. С. 91-110.

⁶ Корнева Л.Н. Памяти ученого: доктор, профессор Бернд Бонвеч и деятельность Западносибирского центра германских исследований // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. №57. С. 30.

⁷ Там же. С. 29-34.

бия. Фундаментальная трехтомная «История Германии»⁸, написанная и изданная при финансовой поддержке немецкого фонда Volkswagenstiftung в рамках программы фонда «Совместные пути в Европу». 12 авторов учебника получили возможность стажировок в Германии для изучения и подбора источников, знакомства с новейшей немецкой литературой. Первые два тома включали в себя главы по истории Германии с древнейших времен до начала XXI столетия, в третий том вошли источники по немецкой истории, большинство из которых были впервые переведены на русский язык. Общая редакция трехтомника осуществлялась Б. Бонвечем и Ю.В. Галактионовым, ответственными редакторами томов были С.А. Васютин, Е.П. Глушанин, Ю.В. Галактионов, Л.Н. Корнева. Рецензентами издания выступили авторитетные историки-германисты: доктор ист. наук, профессор М.Е. Ерин, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник Б.М. Туполев, а также ряд российских и немецких историков: Н. Фрай, К. Янзен, М. Франк, А.И. Борозняк, М.А. Бойцов. Второе издание трехтомника вышло уже после кончины Ю. В. Галактионова в 2008 г. в московском издательстве «Российские университеты». «История Германии» получила многочисленные положительные отклики и, как показало время, стало хорошим подспорьем в учебном процессе, особенно в учебных курсах, которые затрагивают историю Германии.

Вторым крупным учебно-издательским проектом ЗСЦГИ при поддержке гранта Европейского Союза на создание Центра ЕС в Сибири стало учебное пособие по социальной политике Германии⁹, которое тоже получило положительную оценку¹⁰.

Второе направление деятельности ЗСЦГИ, которое наметилось с самого начала, заключалось в проведении международных конференций, посвященных различным аспектам проблемы демократии и тоталитаризма, роли и места в истории сталинизма и национал-социализма, преодолению тоталитарного прошлого и проблемам политической культуры. Как писала Л.Н. Корнева, конференции стали «широкой площадкой для обсуждения российскими и немецкими историками болевых точек немецкой и советской истории XX века, что явилось своеобразным отражением на региональном уровне общероссийской тенденции»¹¹. Всего с 2000 по 2018 г. было проведено 9 конференций, в которых приняли участие российские и немецкие исследователи, специалисты по российской и германской истории. С проведением конференций тесно связано третье

⁸ История Германии: учебное пособие для студентов вузов: в 3 томах / Западносиб. центр герм. исслед.: под общей редакцией Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. Т. 1. 504 с.; Т. 2. 624 с.; Т. 3. 544 с.

⁹ Социальная политика и социальное государство в Германии: учебное пособие / Л.Н. Корнева (отв. ред.) [и др.]. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2014. 455 с.

¹⁰ Грошева Г.В. Социальная политика и социальное государство в Германии: учебное пособие / Л.Н. Корнева (отв. ред.) [и др.]. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2014. 455 с. // Сибирские исторические исследования. 2016. №3. С. 142-147.

¹¹ Корнева Л.Н. Западносибирский центр германских исследований: историография тоталитарного прошлого в Германии и России // Преодоление прошлого в Германии и России: опыт и уроки на будущее (памяти профессора А.И. Борозняка): материалы Международной научной конференции (16-17 февраля 2017 г., Липецк). Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 63-79.

направление в деятельности ЗСЦГИ – издание серии «Германские исследования в Сибири», в которой публиковались сборники материалов конференций и статей сибирских и не только историков. Всего вышло 9 выпусков серии. Последний девятый выпуск серии был посвящен 75-летию со дня рождения Б. Бонвеча¹². Излишне говорить, что во всех проектах ЗСЦГИ Ю.В. Галактионов (до 2005 г.) и Л.Н. Корнева принимали самое деятельное участие, становясь зачастую генераторами идей. Например, сама идея создания ЗСЦГИ принадлежала Ю.В. Галактионову.

Неотъемлемой стороной научно-организационной деятельности Ю.В. Галактионова и Л.Н. Корневой было руководство аспирантами. Юрий Владимирович успел подготовить только двух аспирантов: Е.В. Сердюк и О.Э. Терехова. В дальнейшем Е.В. Сердюк (Мороз) и О.Э. Терехов защитили докторские диссертации¹³: Под научным руководством Лидии Николаевны было подготовлено 6 кандидатских диссертаций¹⁴:

Научная деятельность Галактионова была также существенна, как и научно-организационная. В его научной деятельности можно выделить три периода, которые логически вытекают один из другого. Первый период 1974 – 1988 гг. – характеризуется трудами, написанными в советской парадигме развития исторической науки. В этот период в центре научных изысканий находится марксистская историография национал-социализма и фашизма вообще. Научной вершиной этого периода, несомненно, стала кандидатская диссертация.

Второй период начинается в 1989 г., охватывает примерно 10 лет и заканчивается защитой докторской диссертации¹⁵. В этот период Галактионов активно использует теоретико-методологические возможности, которые стали доступны российским историкам в 1990-х гг. В частности, одним из объектов его научных исследований стала историография теории тоталитаризма и ее преломление в историографии германского национал-социализма. Докторская диссертация по

¹² Германия. Государство, общество, человек: сборник научных статей / отв. ред. Л.Н. Корнева. Кемерово: АИ «Кузбассвузиздат», 2015. 288 с. Серия «Германские исследования в Сибири». Вып. 9.

¹³ Мороз Е.В. Феномен тоталитаризма в американской историографии: 1930-1980-е годы: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.09. Кемерово, 2006. 50 с.; Терехов О.Э. Германская историография идеологии «консервативной революции» как феномена интеллектуальной истории Веймарской республики: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.09. Томск: 2013. 45 с.

¹⁴ Костромин Н.Г. Теория и практика тоталитаризма в оценке французской исторической и политической мысли в XX веке: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.09. Екатеринбург: 2006. 28 с.; Арапина С.В. Германский трудовой фронт: создание и деятельность, 1933-1939 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03. Екатеринбург: 2006. 28 с.; Жаронкина Е.А. Политика американских оккупационных властей по денацификации и демократизации Западной Германии: 1945-1949 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03. Томск: 2009. 33 с.; Равнюшкин А.В. Осуществление потсдамских соглашений в английской оккупационной зоне Германии: 1945-1949 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03. Екатеринбург: 2007. 26 с.; Торопчин Г.В. «Ядерный фактор» в политике неядерных стран. Австралийский Союз и Федеративная Республика Германия: 1991-2011 гг.: сравнительная характеристика: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03. Томск: 2015. 27 с.; Антонов А.Е. Правый экстремизм и радикализм в Федеративной Республике Германия: Национал-демократическая партия и «движение за Германию»: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03. Томск, 2018. 25 с.

¹⁵ Галактионов Ю.В. Отечественная историография германского фашизма: 20-е годы – первая половина 90-х годов: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.09. Томск, 1997. 42 с.

отечественной историографии германского фашизма была написана на современном теоретико-методологическом уровне, получила положительные отзывы коллег-германистов и до сих пор остается единственным обобщающим диссертационным исследованием по данной проблеме. Материалы диссертации также нашли свое отражение в монографиях и учебном пособии¹⁶.

После защиты докторской начинается третий этап научной деятельности Юрия Владимировича, который прошел под знаком создания трехтомника по истории Германии. С одной стороны, по-прежнему не угасал его интерес к природе тоталитарных движений и режимов, С другой – он начинает более глубокое освоение и переосмысление новой для себя темы – послевоенного (1945-1949 гг.) устройства Германии, её освобождения от национал-социализма.

Презентация первого издания учебного пособия «История Германии». Слева направо первый ряд: Б. Бонвеч, Б.М. Туполев, Ю.В. Галактионов, Л.П. Белковец, Л.Н. Корнева, А.Е. Глушков, А.А. Мить. Второй ряд: Й. Морре, С.А. Васютин, Г.Г. Супругина, Т.А. Бяликова, О.И. Ющенко, В.Г. Павленко. Кемерово, 23 сентября 2005 г.

Научные интересы Лидии Николаевны, как уже было сказано выше, были связаны с западногерманской историографией национал-социализма. В силу объективных причин в советскую эпоху эта тема представлялась достаточно сложной для исследования (идеологические препоны, доступность и полнота источников и др.). Поэтому, сместив на некоторое время в 1980-х гг. научный интерес к бывшей восточногерманской (ГДР) марксистской историографии

¹⁶ Наиболее полное издание: Галактионов Ю. В. Отечественная историография германского фашизма (20-е годы – первая половина 90-х годов). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. 280 с.

национал-социализма, Л.Н. Корнева в начале 1990-х гг. вновь возвращается в проблематике западногерманской и затем объединенной германской историографии национал-социализма¹⁷. Основными творческими вехами Корневой на пути изучения германской историографии национал-социализма стали: учебное пособие¹⁸, монография, написанная на основе докторской диссертации¹⁹ и сама диссертация. Эти фундаментальные исследования вызвали широкий отклик у научной общественности и по праву считаются существенным вкладом в развитие современной российской исторической германистики.

В основе анализа Л.Н. Корневой германской историографии фашизма лежит рассмотрение дискуссионных теоретико-методологических подходов германских историков. В частности, в западногерманской историографии национал-социализма в 1945-1990-х гг. Корнева выделила несколько этапов ее развития и дала характеристику каждому из них. Автор отмечает, что немецкие историки проделали огромную работу по изучению национал-социализма, что было обусловлено не только их научным интересом, но и общественно-политическим долгом рассказать немецкому народу о преступном характере нацистского режима. Плюралистические теоретико-методологические подходы западногерманских историков позволили, по мнению автора, дать более объективную оценку национал-социализму.

В центре внимания докторской диссертации Л.Н. Корневой современный этап развития германской историографии национал-социализма, начавшийся в середине 1980-х гг. с так называемого «Спора историков». По мнению автора, именно современный этап германской историографии национал-социализма подвел итог ее развитию, выявил ее характерные черты и на этой основе привел к расширению проблемного поля исследования. По словам автора, к настоящему времени германская историография накопила большой материал по истории национал-социализма. «Его систематизация – важнейшая задача сегодняшнего дня»²⁰.

Профессионализм, традиции немецкой исторической науки и, одновременно восприятие новых тенденции и методов изучения истории, тщательность работы с источниками, объективность в оценке событий даже несмотря на некоторую политическую ангажированность, сделали, по мнению автора, германскую историографию национал-социализма неким образцом и эталоном в контексте исследования данной проблематики и важной частью демократического воспитательного процесса как в ФРГ, так и на Западе в целом. Л.Н. Корнева пришла к важному выводу о ее значении для науки и общества: «Немецкая ис-

¹⁷ Более подробно анализ научной деятельности Л.Н. Корневой: Терехов О.Э., Терехова О.Н. История Германии в судьбе сибирского ученого // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. №74. С. 214-217.

¹⁸ Корнева Л.Н. Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945 – 90-е годы»). Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 1998. 128 с.

¹⁹ Корнева ЛН. Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития (1985-2005). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. 275 с.

²⁰ Корнева ЛН. Германская историография национал-социализма... С. 6.

ториография национал-социализма имеет большие заслуги перед наукой и обществом»²¹.

Подводя итог вышесказанному, автор понимает, что в рамках данной статьи невозможно дать исчерпывающий анализ всех сюжетов, поднятых в ней, некоторые из них требуют детального рассмотрения. Например, более подробную характеристику научного наследия Ю.В. Галактионова или анализ деятельности ЗСЦГИ (Л.Н. Корнева в конце своей жизни лишь приступила к освещению этой деятельности). Мы надеемся, что эти сюжеты найдут свое отражение в будущем. Задача этой статьи – дать обобщающую характеристику научного наследия Ю.В. Галактионова и Л.Н. Корневой.

В заключение хотелось бы отметить, что автор на протяжении всей своей научной и преподавательской деятельности, начиная еще со студенческих лет, считает своими учителями в равной степени и Юрия Владимировича Галактионова, и Лидию Николаевну Корневу. Несмотря на то что автор был аспирантом Галактионова, Корнева приняла живейшее участие в ее подготовке. Буквально за два месяца до преждевременной кончины Ю.В. Галактионова мы обсуждали возможную тематику докторской диссертации. В свою очередь многолетнее общение с Л.Н. Корневой дало большую «дискурсивную пищу» для ума, в том числе и по докторской, первым читателем которой она была. Автор выражает бесконечную благодарность своим учителям.

В.А. ЗУБАЧЕВСКИЙ

МОЙ УЧИТЕЛЬ – НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ ЧЕРКАСОВ

Десять лет жизни, определившие мою дальнейшую судьбу, были связаны с Николаем Сергеевичем Черкасовым. Для понимания нашей общности несколько слов о себе. Со студенческой скамьи меня привлекала новейшая история Европы (первый период). По рекомендации доцента Омского госпединститута Владимира Трофимовича Фоменко осенью 1981 года приехал на кафедру новой и новейшей истории исторического факультета Томского государственного университета. Встретили меня радушно. На кафедре работали специалисты по истории США, Великобритании, Германии, но славистов не было. Меня же тянула история Германии и Польши, но в силу известных событий защиты диссертаций по Польше были запрещены. «Спасло» введение в Польше в декабре 1981 года военного положения: меня утвердили соискателем и назначили научным руководителем известного германиста Н.С. Черкасова. Николай Сергеевич предложил взять за основу германо-польские отношения в период Веймарской республики. По мере накопления материала тема звучала конкретнее: «Политика Германии в отношении Польши в связи с проблемой Данцига (Гданьска) и «Польского коридора» (1918-1933 гг.)». Как известно, ситуация в регионе стала поводом к началу Второй мировой войны.

²¹ Корнева Л.Н. Германская историография национал-социализма... С. 264.

Николай Сергеевич проявил ко мне участие с первых дней. Часто бывал у него дома (аспирантское общежитие было рядом), познакомился с женой – Нелли Александровной Хлыстовой и милыми дочками-школьницами. Разговаривал с ними на школьные темы (ранее работал учителем). Николай Сергеевич был хорошим семьянином. Любил дочек, заботился о них. В годы соискательства Н.С. Черкасов помог готовиться к сдаче кандидатских минимумов (в Томске их было три, а в Омске – два) и присутствовал на них. Специальность я сдал на третьем курсе аспирантуры.

В Омске после института работал учителем, а потом преподавателем в железнодорожном училище. Неожиданно для меня осенью 1983 года заведующий кафедрой новой и новейшей истории ТГУ, профессор Станислав Селиверстович Григорцевич предложил поступить в дневную аспирантуру.

В январе 1984 г. я приехал в Томск в качестве аспиранта. Меня уже знали преподаватели кафедры, познакомился с аспирантом Николая Сергеевича – Василием Микушовым, был на его защите и банкете. Вскоре обнаружилось, что немецкой и польской литературы по моей теме в научной библиотеке ТГУ нет. Беседовал с Николаем Сергеевичем о нашей проблеме: он предложил работать в библиотеках Москвы. Очень помогли спецхраны (в ИНИОНе, например, нацистская литература, журнал «Europäische Gespräche», газеты «Berliner Tageblatt», «Vossische Zeitung», «Völkischer Beobachter»). К сожалению, в 1990-е гг. произошла ликвидация спецхранов: бывшую там литературу и периодику «растасшили». Но «спасла» библиотека Института славяноведения и балканистики АН СССР (она была в Трубниковском переулке, а сейчас исчезла), где нашел много польских источников и литературы. Кстати, ИСБ АН СССР стал ведущей организацией моей кандидатской диссертации. Потом сотрудничал с институтом: участвовал в конференциях, печатал статьи в журнале «Славяноведение».

На третьем курсе работал в Тарту с немецкой литературой. В Вильнюсе, где в отличие от Варшавы, сохранилась богатая польская периодика, использовал газеты «Dziennik Powszechny», «Gazeta Gdańska», «Robotnik» и другие; редкий журнал польских националистических кругов «Strażnica Zachodnia» за 1920-е годы. К сожалению, во Львов не попал (там были польские источники), хотя в отличие от нынешних времен, наши аспирантские командировки ТГУ финансировал.

Николай Сергеевич редактировал диссертацию: ее научное содержание – во многом его заслуга. Он исправил мой «газетный» стиль. Диссертация и последующие публикации приобрели научный характер. Важно отметить, что благодаря Н.С. Черкасову своих студентов и аспирантов приучил к научному изложению работ.

Николай Сергеевич вовлек меня в научное сообщество. Как аспирант дважды участвовал в научных конференциях ТГУ, где познакомился с видными учеными из разных городов (например, А.И. Борозняком, Р.М. Илюхиной, С.З. Случом). В дальнейшем, в Москве, общался с ними на конференциях, в архивах и библиотеках.

Аспирантскую практику мне предложил вести С.С. Григорцевич – поскольку занимался конкретной историей, читал вместо него лекции по первому периоду новейшей истории Европы, включая создание Версальско-Вашингтонской системы. Николай Сергеевич читал второй период новейшей истории и спецкурс «Германский фашизм». Его научные интересы – историография германского фашизма, антифашистское движение Сопротивления, содержание основных течений историографии ФРГ, вклад историков ГДР в изучение феномена национал-социализма. Читать вместо него лекции еще не мог, хотя потом в университете вел спецкурс «Германский фашизм».

Осенью 1986 года диссовет закрыли на переаттестацию: наши защиты перенесли на лето 1987 года, а я был в аспирантуре не по направлению (надо было искать работу). Но повезло: успел пройти предзащиту и в октябре защитился. Первый оппонент – Рузанна Михайловна Илюхина – не смогла прилететь из Москвы, а правила были строгие. Николай Сергеевич договорился с профессором Борисом Георгиевичем Могильницким и у меня оказалось три оппонента. Б.Г. Могильницкий написал не просто отзыв, а целую «поэму».

После защиты в Томск почти не приезжал: все материалы были в Европе. Хотя мы (бывшие аспиранты) готовились к юбилею С.С. Григорцевича, но не собрались в силу трагических обстоятельств. Однако Николай Сергеевич был по делам в Омске и мы втроем (с бывшим аспирантом Н.С. Черкасова – Юрием Маковским) дружески общались. С Н.С. Черкасовым встречались на конференциях в Волгограде и Свердловске в 1989 – 1991 гг. (юбилеи Второй мировой и Великой Отечественной войн).

К сожалению, мой фотоаппарат «Зенит» остался в Омске (возить его по многим городам и на самолете было неудобно), поэтому фотографии вставить не могу (кроме фото участников Международной конференции в Свердловске в 1989 году).

Николай Сергеевич был историк огромной эрудиции, страстно увлекался научным поиском и преподаванием. Для нас Николай Сергеевич был наставником, который щедро делился идеями, гипотезами, помогал в создании концепций, редактировании диссертаций. Благодаря деятельности Н.С. Черкасова в Томском университете появилось новое научное направление, вышедшее за рамки томской историографической школы, – германистика. По словам А.И. Борозняка, будучи «сторонником объективного взвешенного подхода к западногерманской исторической науке», Н.С. Черкасов «констатировал, что в ФРГ действуют не только фальсификаторы прошлого, но и учёные, стремящиеся объективно осветить историю Сопротивления фашизму в Германии». Он, писал А.И. Борозняк, едва ли не единственный «из тогдашних учёных вёл прямую полемику с «односторонними оценками» немецкого Сопротивления, встречающимися в ряде работ историков Советского Союза и ГДР»¹.

¹ Борозняк А.И. Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии Германии XX века. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2004. С. 299.

Николай Сергеевич многие годы был внештатным лектором Томского обкома КПСС, лектором университета марксизма-ленинизма, общества «Знание». Он читал до 300 лекций в год по международному, а в годы перестройки – по внутреннему положению СССР, которые неизменно пользовались большой популярностью у слушателей. Н.С. Черкасов выступал с лекциями не только перед коллективами предприятий и организаций Томска и области, но и в других городах Сибири, европейской части страны. Николай Сергеевич оставался искренне верным идеалам социализма. Гуманизм, преданность идеям социальной справедливости обусловили его место среди тех, кто в рамках КПСС выступал за ее социал-демократизацию. Когда исчезли условия для развития этого направления, Н.С. Черкасов пришел в ряды Социалистической партии трудящихся и был председателем ее томского отделения, членом федерального Совета.

К сожалению, жизнь Николая Сергеевича была терниста. Как сын «врага народа» он не смог поступить на исторический факультет Ленинградского университета. Н.С. Черкасов поступил в Томский университет, где после его окончания проработал почти всю жизнь. Пишу «почти», так как в 1957 году Н.С. Черкасов был исключен из рядов КПСС, членом которой был с 1954 года, и уволен из Томского университета за «политическую неустойчивость». Обвинение он получил за слишком резкие по тем временам выступления против сталинизма и нежелание их прекратить. С трудом Н.С. Черкасов устроился в отдел снабжения Томского электромеханического завода. Работая на заводе, Н.С. Черкасов восстановился в партии. Благодаря поддержке своего учителя, ставшего ректором ТГУ, профессора А.И. Данилова, Николай Сергеевич вернулся на работу в Томский университет.

В конце сентября – октябре 1993 года в качестве помощника на общественных началах народного депутата РФ был в Москве (потом долгие годы – помощником депутата Госдумы РФ). Видел расстрел танками «Белого дома», сидел рядом с депутатами в здании Краснопресненского округа, которые вышли из парламента (Ельцин отключил канализацию), но ОМОН обратно их не пустил. Мне кажется, что народная трагедия привела Николая Сергеевича к безвременной смерти. 25 октября он скончался в читальном зале научной библиотеки ТГУ. Выехать из Москвы в силу ситуации в столице и проститься с Учителем я не смог.

В порядке ремарки замечу, что Томский госуниверситет стал для меня не только *alma mater*, а Николай Сергеевич – духовным и научным наставником. В Томске поженились мама и папа, но родила меня мама в Кемеровской области, где бабушка была главврачом одной из больниц. Мама Н.С. Черкасова работала хирургом в больнице Кемерово. В Кемерово Николай Сергеевич окончил среднюю школу. Так наши пути косвенно пересеклись задолго до 1981 года.

Здесь составители сборника считают уместным привести отрывок из воспоминаний Ольги Ивановны Ивониной из Новосибирска, учившейся у Н.С. Черкасова:

В моих воспоминаниях о лучшей поре моей юности – годах обучения в ТГУ и специализации по кафедре новой и новейшей истории Николай Сергеевич Черкасов предстает в разных ипостасях. Как блестящий лектор, способный за полтора часа аудиторных занятий развернуть перед нами панораму какого-либо значимого тренда современной истории стран Европы и Америки, наполненную описанием самых разных фактов и событий, он казался нам недостижимым идеалом преподавателя. Сегодня остается только сожалеть о том, что отсутствие у советского студенчества возможности записывать на диктофон такие лекционные курсы, лишает нас по достоинству оценить педагогическое мастерство университетских профессоров.

Конечно, мы старались фиксировать каждое слово из лекций Николая Сергеевича и выделяли на подготовку к сдаче экзамена по этому курсу максимум времени, опасаясь что-то упустить из многообразия проблематики и фактологии новейшей истории. Черкасов представлялся нам не просто авторитетом в области новистики, но и эталоном преподавателя, способного совместить в «ремесле историка» анализ достижений мировой науки, включая и остро дискуссионные оценки отдельных эпизодов и персоналий новейшей истории, презентацию результатов собственных исследований и подходов к изучению этого периода всемирной истории. О научной смелости Черкасова, подвергнутого репрессиям за демонстрацию на занятиях со студентами архивных источников (тогда, казалось, навсегда закрытых и для ученых, и для преподавателей), я узнала много позже из диссертаций, посвященных Томской школе исторических исследований. Но и сегодня я испытываю гордость от того, что многое, ставшее достоянием «гласности» в годы перестройки, мне было известно и понятно еще со студенческой скамьи благодаря Николаю Сергеевичу.

Насколько значимым оказался для меня лично такой метод преподавания истории, я убедилась уже в аспирантуре. Обязательным компонентом кандидатского экзамена был зачет по педагогической практике. Потратив неделю времени на подготовку одной только лекции, в которой должны были найти отражение все!!! факты и оценки «структурного кризиса в США последней трети XX века», я была уверена, что вполне справилась с поставленной задачей. Как же мне повезло, что Н.С. Черкасов не присутствовал на ее обсуждении! Его коллега и мой научный руководитель, С.В. Вольфсон, перечислив, как водится, все плюсы проведенного занятия, отметил только один минус – зато какой! В моей лекции не чувствовалось личной позиции автора, того, что сегодня историческая наука именует пафосным понятием «авторского эго», «субъектности», отражающих и мировоззренческое кредо автора, и характер используемой им методологии, источниковой базы и новизны интерпретации исторических событий. Показательно, что примером подготовки к лекционным занятиям был объявлен Н.С. Черкасов, который и прежде казался мне недостижимым идеалом вузовского преподавателя. Излишне говорить о том, как увеличилась после этого социальная и интеллектуальная дистанция в моем отношении к «мэтру» исторического факультета ТГУ.

В отношении к молодым ученым Н.С. Черкасов был столь же требовательным, сколь и благородным. Во время обсуждения на кафедре кандидатской диссертации по новейшей истории для подготовки отзыва ведущей организации Н.С. Черкасов полчаса! перечислял свои замечания и рекомендации, а в самом конце заключил: «В целом хорошая работа: в ней есть один факт, который мне прежде не был известен». В аудитории повисла МХАТовская пауза, которую через несколько минут прервал возглас Г.Г. Супрыгиной: «Николай Сергеевич, разве такое бывает?».

Позже, участвуя вместе с Н.С. Черкасовым в работе международных и всероссийских конференций, я узнала от него, что в Москве есть еще более эрудированные исследователи, например, Вадим Дамье. Конечно, я поверила профессору, на всю жизнь унаследовав от него уважение к фактической наполненности и достоверности любой творческой работы – будь то курсовая, диплом, диссертация, научная статья или тезисы научной конференции. Теперь и моим кредо стал лозунг: « в любом споре историков ссылка на документ – это лучший аргумент!»

Неожиданным образом человеческие качества Николая Сергеевича раскрылись мне в ходе командировок в Москву, где все необходимые мне для работы над диссертацией материалы находились в зале для специального пользования (ДСП) ВГИБЛ, ИНИОНа, ГПИБ. Для вчерашней студентки стало потрясением, когда Н.С. Черкасов, подойдя к моему столу в одном из залов ДСП, сообщил о том, что в Институте всеобщей истории сейчас проходит научный семинар с участием Фельштинского (тогда еще не эмигранта, но уже «диссидентствующего» автора очерков о финансовых истоках Октябрьской революции). Конечно, я с восторгом приняла это, и многие другие приглашения посетить научные мероприятия московских вузов и академических институтов, двери в которые открывал мне мой учитель, а теперь и коллега.

Насколько трепетно Николай Сергеевич относился к бытовым проблемам учащейся молодежи, стало ясно опять же в процессе общения с ним в Москве. Теперь многим не понять, как нелегко было снять на время учебной командировки комнату в Москве (оплата жилья университетом не предусматривалась); вовремя купить самый дешевый билет на поезд; узнать, в каких заведениях общепита можно вкусно и недорого пообедать; какие спектакли, концерты и выставки посетить (и как вообще на них попасть – к примеру, в Театр на Таганке). И здесь советы Н.С. Черкасова были полезны и уместны.

Как же мы завидовали аспирантам Николая Сергеевича! Накануне предзащиты или после состоявшегося обсуждения работ на кафедре, он подсаживался к своим подопечным, произносил сакраментальное «а теперь записывай!», и начинался совместный творческий процесс. Так рождались, доведенные до блеска и лоска заключения диссертаций, авторефераты, справки в ВАК. Понять степень такого подвижничества Черкасова сегодня смогут только те, кто пережил волнение перед выходом на защиту, и кошмар послезащитного оформления документов.

Международная научная конференция "Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства". Екатеринбург, 10-12 июня 1992 г. Фото 10 июня 1992 г.

В.И. МИХАЙЛЕНКО

**«КНИГИ, ОПЕРЕДИВШИЕ ВРЕМЯ»
(О ТВОРЧЕСТВЕ В.А. БУХАНОВА)**

В 2023 году Валентину Александровичу Буханову, доктору исторических наук, профессору Уральского государственного университета, исполнилось бы 75 лет. Жизнь отвела талантливому ученому-германисту всего 47 лет. Он скончался от быстротечной тяжелой болезни. Но в этот короткий для ученого срок он успел завершить главный научный труд, обращенный к исследованию европейской стратегии германского нацизма в ее идеологических и практических проявлениях¹.

Во второй половине 1980-х гг. на Урале сложился мощный центр германистики. Его душой были доктора исторических наук И.Н. Чемпалов (Свердловск) и А.И. Борозняк (Свердловск), А.Б. Цфасман (Челябинск) и П.Ю. Рахшмир (Пермь), уже имевшие неоспоримый авторитет в России и за рубежом. В этом блестящем окружении стремительно восходила звезда Валентина Буханова. Он был душой и организатором трех научных международных конференций, проведенных на рубеже 1980-1990-х гг. В 1991 г. он защитил докторскую диссертацию, и ее выводы были сразу же по достоинству оценены в научном

¹ Буханов В.А. Европейская стратегия германского фашизма. 1933-1939. Свердловск, 1991. 163 с.; *его же*. Гитлеровский «новый порядок» и его крах. 1939-1945. Идеино-политические проблемы. Екатеринбург, 1994. 166 с.

мире. Одной из наиболее глубоких рецензий на труды В.А. Буханова стала рецензия патриарха советской германистики Л.И. Гинцберга, который высоко оценил исследование². Памяти Валентина Александровича его друзья и коллеги издали небольшую брошюру, в которой поделились личными воспоминаниями и оценками исследовательской деятельности³.

Спустя почти два десятилетия друзья и коллеги В.А. Буханова объединили оба тома его исследований, написали вводную и заключительную части, издали и сделали электронную версию, доступную для массового читателя⁴. Интерес к исследованию В.А. Буханова проявило также издательство «Юрайт»⁵.

В чем же заключается особенный, «бухановский» метод исследования? Источниковая база трудов В.А. Буханова основывается на документах из Потсдамского архива, доступ к которым он получил в период длительной командировки в ГДР. Главное внимание было уделено фондам Центрального государственного архива в Потсдаме, изучению документов ведомства («империи») Розенберга, в состав которого входили внешнеполитическое бюро НСДАП, аппарат уполномоченного фюрера по контролю над мировоззрением и воспитанием членов нацистской партии, а в годы Второй мировой войны министерство по делам оккупированных восточных областей. Значительная часть архивных материалов была впервые введена Бухановым в научный оборот.

В.А. Буханов сосредоточил свое внимание на изучении внешнеполитических взглядов верхних эшелонов нацистской власти и расхождений между их отдельными группами по вопросам европейской стратегии. Соперничество концепций «нового порядка» автор рассматривает через призму деятельности нацистского ведомства на протяжении длительного периода. В центре внимания автора находились «служба Розенберга» со всеми подчиненными ей структурами. Среди других высших правительственных учреждений, конкурирующих с «империей» Розенберга, выделялись руководимое Геббельсом министерство информации и пропаганды, министерства иностранных дел, экономики и другие ведомства. Идеологическими функциями обслуживания «нового порядка» занималось ведомство Гимmlера.

Без малейшего преувеличения исследование В.А. Буханова гитлеровского «нового порядка» в Европе являются непревзойденными в отечественной и зарубежной литературе вплоть до настоящего времени. Он вскрыл нацистскую «кухню» обсуждения и формирования планов установления европейского «нового порядка» и тем самым доказал, что в действиях нацистского руководства на захваченных территориях присутствовала реализация хорошо выверенного плана, в них было много межведомственных конкуренций, но немного экспромта.

² Гинцберг Л.И. Рецензия // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 226-229.

³ Памяти Валентина Александровича Буханова. Екатеринбург, 1996.

⁴ Буханов В.А. Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах (1933-1945). под ред. В.И. Михайленко, А.И. Борозняка. 2-е изд., доп. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2013. 466 с. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/33704>

⁵ Буханов В.А. Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах (1933-1945); под ред. В.И. Михайленко, А.И. Борозняка. М.: Издательство Юрайт, 2018; Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2013. 465 с.

Нацистский режим как форма «прямой демократии». В.А. Буханов рассматривал национал-социалистический феномен в контексте европейского и мирового цивилизационного процессов как специфически германскую реакцию на «массовизацию» общества. Переход от демократии к тоталитаризму он рассматривал как «вовсе не как переход от свободы к несвободе, а от одной свободы к другой свободе». «Поэтому постановка очень привлекательной цели, которая показывается через призму новой свободы, означала освобождение от старых пут; это очень важный элемент внедрения в сознание тоталитарного мышления»⁶.

В веймарский период «национал-социалистическому движению удалось вобрать в себя элементы различных идейно-политических течений, скажем, консерватизма, либерализма, даже социализма». В.А. Буханов обращал внимание на то, что именно национал-социалисты поставили очень остро вопрос о социальной справедливости. «В результате получилась не эклектика, а очень любопытная, тщательно продуманная философия, которая звала к новой свободе, опять же возвращаясь к этому, под лозунгом нового порядка, реорганизации»⁷.

Именно В.А. Буханов обращал внимание на складывание консенсуса в тоталитарных государствах между режимом и обществом. «В такие времена существует иллюзия единения государства и большинства людей, и это даже не иллюзия, люди искренне верят в цели, провозглашаемые государством. Избавиться от этой слепой веры, быть критичным по отношению к самим себе – это и есть очень важный элемент покаяния»⁸.

В.А. Буханов отмечает, что розенберговский вариант нацистской идеологии паразитировал на извечном стремлении человека к свободе. Проповедуемый внешнеполитическим бюро НСДАП закон «органической свободы» являлся, по существу, универсальной отмычкой ко всей идеологической системе национал-социализма. На основе «органической свободы» конструировалась ортодоксальная по своему характеру европейская концепция «империи» Розенберга⁹.

В центре исследования находится идейная эволюция планов переустройства Европы на принципах нацистского «нового порядка».

В.А. Буханов о соперничестве и противоборстве между нацистскими ведомствами по вопросу о концепциях «нового порядка».

Наиболее точно значение исследований В.А. Буханова оценил в своей рецензии авторитетный германист Л.И. Гинцберг. Он отмечал, что достоинством работ Буханова является исследование вопроса о месте Англии в расчетах нацистов и связанные с этим серьезные разногласия между А. Розенбергом, с одной стороны, и И. Риббентропом, Р. Гессом и их единомышленниками, с дру-

⁶ Михайленко В.И. Интеллектуальные рефлексии начала 1990-х гг. на темы постсоветского транзита России // Koinon. 2021. Т. 2. № 4. С. 120. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.043.

⁷ Михайленко В.И. Интеллектуальные рефлексии начала 1990-х гг. на темы постсоветского транзита России // Koinon. 2021. Т. 2. № 4. С. 122. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.043

⁸ Там же.

⁹ Буханов В.А. Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах (1933-1945). Под ред. В.И. Михайленко, А.И. Борозняка. 2-е изд., доп. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2013. С. 210.

гой¹⁰. Как обосновал В.А. Буханов, Гитлер начал Вторую мировую войну не по розенберговским рекомендациям, а в соответствии с предложениями Риббентропа. «Курс был взят на серию войн, в ходе которых нацисты намеревались расправиться сначала с Францией и Англией, а затем с СССР и установить на континенте свой «новый порядок»¹¹.

В.А. Буханов анализирует причины неудачи Розенберга, которые, как показывает автор, коренились как в ортодоксальности воззрений Розенберга, часто оторванных от реальности, так и в противодействии им со стороны других нацистских лидеров – Риббентропа, Геббельса, Геринга и других. «Освещение борьбы между этими «империями» по проблемам европеизма, а подчас и по более общим внешнеполитическим сюжетам – одна из наиболее сильных сторон работ В.А. Буханова»¹².

Особенно Л.И. Гинцберг обращал внимание на глубокое проникновение В.А. Буханова в изучение «империи» Розенберга. Среди сотрудников Розенберга наиболее плодовитым был В. Дайц. В его мировоззрении проявились самые иррациональные идеи германского нацизма, такие как доктрина «крови и почвы» и «биополитика». Их основу составлял расизм в его самых крайних проявлениях. Л.И. Гинцберг акцентирует внимание на том, что в исследованиях Буханова раскрыты биополитические взгляды команды Розенберга, суть которых сводится к тому, что Европа – это биологический организм, который должен подчиняться иррациональным законам природы и по этой причине нуждается в автаркии. Ее настоящим центром является Германия, средоточие нордической расы, а Восточная Европа – естественный хинтерланд¹³.

В годы Второй мировой войны европейские установки «империи» Розенберга были отчасти реализованы, отчасти претерпели модификацию. По мере ухудшения положения Германии на фронтах усиливается сопротивление со стороны «прагматиков» теоретическим конструкциям розенберговской «империи» и попыткам их реализовать. Так, В.А. Буханов ссылается на указ министра хозяйства Функа, который запретил своим учреждениям сотрудничать с розенберговским Обществом европейского экономического планирования и великопространственной экономики, которое возглавлял Дайц.

Нацистские ортодоксы, к которым причисляют Розенберга, Гитлера, Гесса, Дарре, Дайца, имели ярко выраженный идеологический подход к представлениям о «новом экономическом порядке». Они настаивали на политически регулируемой экономике. При этом они неизменно подчеркивали биологический, расовый характер предлагаемого ими экономического переустройства европейской жизни. В.А. Буханов цитирует один из документов, подготовленных Дайцем: «Действительное сообщество труда возможно... лишь у людей и народов одной

¹⁰ Гинцберг Л.И. Рецензия // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 226-229.

¹¹ Буханов В.А. Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах (1933-1945). С. 211.

¹² Гинцберг Л.И. Рецензия // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 226-229.

¹³ Там же.

крови и одной почвы»¹⁴. Множество секретных нацистских документов содержали планы германизации народов и колонизации европейских территорий¹⁵.

В конце войны, отмечает В.А. Буханов, нацистские ортодоксы пришли к выводу о необходимости дополнения национал-социализма европейским социализмом и стремились придать своим программам «человеческий облик», «гуманизировать» их¹⁶. Как справедливо констатирует Л.И. Гинцберг, проект «европейского социализма», как и предыдущие, «имел целью замаскировать подлинную грабительскую сущность «нового порядка» в Европе, установление которого привело бы к безраздельному господству фашистской Германии и гибели десятков миллионов человек в угоду «расе господ»»¹⁷.

*«В нем не было ни капли лжи...» Коллеги и друзья о Валентине Буханове и его трудах*¹⁸.

А.И. Борозняк: «Последние годы были самыми плодотворными в биографии ученого. В докладах Буханова на международных конференциях, проведенных при его деятельном участии в Екатеринбурге в 1992-1993 гг., выдвигалось настоятельное, глубоко обоснованное требование новых подходов к проблематике характера и степени действенности национал-социалистической идеологии. Это тем более важно потому, что долгое время советская наука попросту отрицала само существование такой идеологии или же явно недооценивала степень ее воздействия на широкие массы населения. Смерть пришла к ученому, когда его мысль выходила на новый виток теоретического осмысления германской и европейской истории...».

В.И. Михайленко: «Валя был гордым, с высоким чувством собственного достоинства. Он очень боялся затронуть внутренний мир другого человека. В связи с этим многие знают Валентина Александровича как самого деликатного человека. Но не все знают, что он очень болезненно переживал, когда кто-либо самым бесцеремонным образом лез в его душу, пытался подавить его собственное «Я». Его решительный протест был чисто внутренним, он зачастую не подавал виду, но долго и болезненно переживал...».

Его утрата невосполнима. Александр Иванович Борозняк, узнав о смерти Вали, написал: «Ну вот, мы и осиротели...».

И.А. Бадалян: «Он ушел из жизни в тот момент, когда полнота его личностной одаренности – интеллектуальной, нравственной и гражданской – должна была бы проявляться самым убедительным и действенным образом. Ему суждено было превратиться в крупную величину – с ясно выраженным положительным знаком, и не мнимую, а весомую и подлинную, «натуральную», если воспользоваться сухим и строгим термином математической науки».

В.А. Кузьмин: «Я имею в виду его очень требовательное отношение к самому себе, его необыкновенно добросовестное отношение к своим должностным обязанностям, к выполнению какого-либо поручения, к любой прось-

¹⁴ Буханов В.А. Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах (1933-1945). С. 268.

¹⁵ Там же. С. 269.

¹⁶ Там же. С. 399.

¹⁷ Гинцберг Л.И. Рецензия // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 226-229.

¹⁸ Памяти Валентина Александровича Буханова. Екатеринбург, 1996. С. 5, 47, 48, 50, 51.

бе о помощи, обращенной к нему. И при этом ему была присуща удивительная скромность и критическое отношение к себе».

Л.Е. Стровский: «У него была какая-то удивительная природная застенчивость, свойственная далеко не многим... Он никогда не отзывался плохо о людях. Если же человек, о котором заходила речь, был ему не симпатичен, Валентин Александрович старался попросту переменить тему разговора».

А.Г. Нестеров: «Стремление не обидеть, не задеть другого человека было естественным свойством его натуры. По сути, оно было проявлением цельности его характера: он уважал человеческую личность, ее право быть личностью, быть самостоятельной. И – деликатно и ненавязчиво – он сохранял эти же права и для себя».

Вместо заключения. Профессор М.Е. Главацкий очень точно высказался о месте и роли нашего коллеги и друга: «Все, что касается Валентина Александровича Буханова, отмечено его талантом. Его место в наших сердцах и в науке никто не сможет занять».

Сам В.А. Буханов завершил свою монографию словами: «Исследование проблемы нацистских «империй», их роли и места во властной структуре гитлеровского режима, их воздействия на европейскую стратегию и политику Германии еще впереди»¹⁹.

Спустя почти три десятилетия с сожалением приходится констатировать, что место продолжателя исследований, начатых В.А. Бухановым, остается вакантным. Видимо, прав был А.И. Борозняк, утверждавший о трудах Буханова, – «книги, опередившие время»²⁰. Хотелось бы надеяться, что эта публикация станет стимулом к продолжению исследовательского дела, начатого В.А. Бухановым.

В.З. ГРИГОРЬЕВА

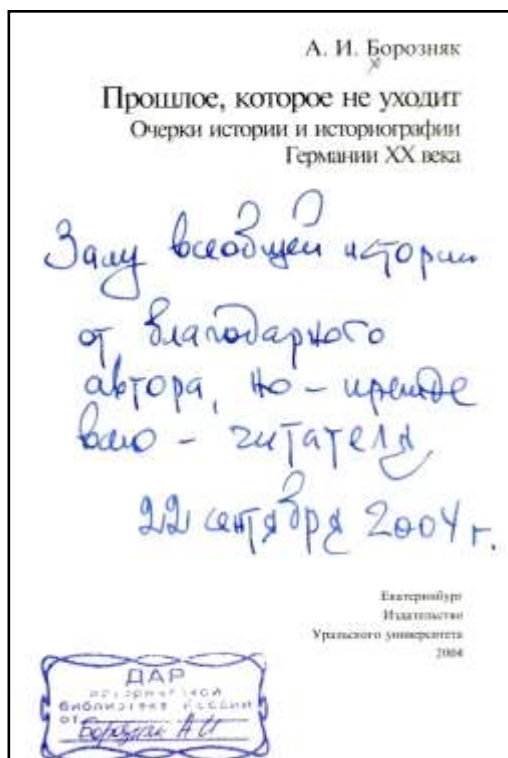
«ПРОШЛОЕ, КОТОРОЕ НЕ УХОДИТ»

Я пришла работать в Зал всеобщей истории Исторической библиотеки в декабре 1978 года и сразу окунулась в удивительную творческую атмосферу коллектива зэвэшников. Наши старшие коллеги А.Н. Горбачева, Н.М. Пашаева, Е.В. Бессонова старались научить нас, молодых сотрудников, всему, что знали и умели сами. Но главное – никогда не относиться к своей работе формально, видеть в каждом читателе не только «потребителя информации», а прежде всего коллегу. Работа многих отделов библиотеки, в том числе Зала всеобщей истории, выстраивалась в тесной координации с планами научных исследований институтов АН СССР, исторических факультетов вузов, а также с учетом проведения научных конференций внутри страны и за ее пределами, юбилейных и памятных дат исторических событий и деятелей.

¹⁹ Буханов В.А. Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах (1933-1945). С. 400.

²⁰ Борозняк А.И. Книги, опередившие время. Вместо послесловия // Буханов, В.А. Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах (1933-1945). С. 460-465.

Совместно с Отделом международного книгообмена решалась важнейшая задача – оптимально обеспечить исторические исследования зарубежными изданиями источников и научной литературы, привлекая к этой работе специалистов-историков.

Но сегодня речь пойдет о содружестве и сотрудничестве библиотекарей и германистов.

В конце 70-х – в 80-90-е годы читателями Исторической библиотеки было настоящее созвездие историков-германистов, среди которых было много участников Великой Отечественной войны: А.С. Бланк, Я.С. Драбкин, Б.А. Айзин, Д.С. Давидович, М.И. Семиряга, А.А. Галкин, И.Я. Биск, Л.А. Безыменский, И.М. Кулинич, М.И. Семиряга, А.Н. Мерцалов, Н.В. Фарбман, И.С. Кремер, А.А. Крупенников, Г.Я. Рудой, М.И. Орлова, В.Д. Кульбакин, Л.И. Гинцберг, В.А. Козюченко, Д.Е. Мельников, Г.Н. Горошкова, С.Р. Сухоруков, А.И. Борозняк, А.Б. Цфасман, П.Ю. Рахшмир, Н.С. Черкасов, М.Е. Ерин, Б.М. Туполев, В.А. Артемов, В.Г. Баев, Ф.И. Новик, Ю.В. Галактионов, Л.Н. Корнева, С.З. Случ, В.А. Буханов, В.Г. Павленко,

Л.Н. Бровко, Г.Н. Сапожникова, М.Б. Корчагина, Б.В. Петелин, Г.А. Космач, В.А. Космач.

Немногие ученые, работая в библиотеках, выражают свое отношение к этим важнейшим для них учреждениям в научных, или иного характера публикациях. Возможно потому, что часто высказывают свою благодарность или иные эмоции сотрудникам библиотек непосредственно в общении или оставляют записи в книгах отзывов. Поэтому интересно было прочитать в записках И.Я. Биска о работе над докторской диссертацией в библиотеках Москвы в начале 70-х годов XX в., в том числе в Исторической библиотеке, тем более, что газетный зал на пятом этаже старого здания уже как-то забылся: «Докторская диссертация «Пресса Веймарской республики как исторический источник» была защищена на заседании Совета по присуждению ученых степеней по историческим и филологическим наукам при Томском университете 31 мая 1974 года... Все источниковедение истории Веймарской республики было белым пятном на карте исторических знаний, но ликвидация газетно-журнальной лакуны оказалась делом неизмеримо более сложным и трудоемким, чем исследование мемуаристики, заняв целое десятилетие каторжного, хотя и любимого труда. В республике выходило 10 тыс. периодических изданий, одно перечисление которых – по одному названию на строку – заняло бы весь диссертационный объем. Многостраничная немецкая газета несопоставима с нашей четырехполосной. Часть изданий – не в латинице, а в готике. Не только по междуна-

родному, но и по внутрисоюзному межбиблиотечному абонементу газетные подшивки, естественно, получить нельзя было. К тому же в отечественных библиотеках лучше всего была представлена коммунистическая периодика (прежде всего в Институте марксизма-ленинизма и Музее революции), несколько хуже – буржуазно-демократическая, правую же прессу (особенно нацистскую) наши библиотеки в свое время почти не получали. Чтение пожелтевших полос старых газетных подшивок в подвальном этаже Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР или в подчердачном этаже зала периодики Публичной исторической библиотеки России вспоминается сейчас, когда с возрастом сил поубавилось, как непонятно каким образом преодоленное препятствие и видится как научный подвиг»¹.

Для многих германистов Историчка стала вторым домом. Москвичи приходили регулярно, многие – практически каждый день: Л.И. Гинцберг, Я.С. Драбкин, Б.М. Туполев, С.З. Случ, Б.А. Айзин... Лев Израильевич всегда был очень сдержан, немногословен; Яков Самойлович Драбкин – яркий, увлекательно рассказывающий; Борис Михайлович Туполев любил пошутить... Вспоминается один эпизод из научной конференции, которая проходила в Москве в Доме дружбы. В перерыве все пошли обедать в ресторан, зал с высокими потолками и прекрасной акустикой (возможно, это была «Прага», точно не помню). Мы сидели за большим столом, и Борис Михайлович рассказывал что-то смешное. А потом запел Марсельезу на французском. Я не знала, что он обладал мощным голосом и прекрасно пел. В огромном зале воцарилась тишина, и только мощно звучал голос Б.М. Туполева, а после – оглушительные аплодисменты посетителей ресторана.

В летние отпуска или по пути на международные конференции приезжали поработать в библиотеке преподаватели из разных городов страны: Липецка, Томска, Екатеринбург, Днепропетровска, Киева, Омска, Тамбова, Перми, Челябинска, Вологды, Волгограда, Брянска, Иванова, Кемерово, Саратова, Пензы, Ярославля, Череповца, Воронежа, Ужгорода... Часто из Вологды приезжал А.С. Бланк. Прочитав все его труды по истории антифашистского движения в Германии и зная его биографию, работу с немецкими военнопленными, смотрела на него как на легенду.

Общение с историками (часто за чаем) позволяло быть всегда в курсе происходящего в региональных вузах, получать информацию о научных конференциях, публикующихся изданиях, защите диссертаций и пр. Это помогало учитывать научные интересы наших читателей в работе библиотеки.

Историчка много делала для развития научных исследований, создавая вместе с учеными качественную источниковую базу. О плодотворном сотрудничестве историков и библиотекарей писали мои коллеги в одной из публикаций в журнале «Новая и новейшая история»: «...Библиотека имеет возможность получать важнейшую литературу по специальности в предельно сжатые сроки (книги заказывались заранее по печатным каталогам издательств, и библиотека

¹ Биск И.Я. Мой XX век: записки историка. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. С. 374-375.

получала их примерно в течение двух-трех месяцев после выхода из печати, а иногда и раньше – В.Г.) и даже удовлетворять индивидуальные запросы специалистов – пополнять фонд библиотеки по их рекомендациям... Заинтересованным учреждениям еженедельно рассылаются списки новых иностранных поступлений, причем информацию о книге читатель успевает получить раньше, чем сама книга будет отражена в каталогах. К этим, ставшим традиционными формам информации, сейчас прибавилась еще одна – выставка-информация новых иностранных поступлений»².

Сотрудники (Л.П. Северская, Г.М. Казакова, Е.Б. Алишоева) Отдела международного книгообмена (валюты для покупки иностранных изданий у библиотеки никогда не было) тщательно отбирали публикации источников, монографии, сборники статей, материалы научных конференций, которые затем проходили экспертизу у специалистов-историков. Ежегодно библиотека получала по международному книгообмену более 5 тысяч изданий, около 2 тыс. номеров журналов, причем 149 названий иностранной периодики в Москве можно было найти только здесь³. Ученый всегда мог заказать иностранную литературу по теме своих исследований и получить ее в кратчайшие сроки. Нашими постоянными внештатными «комплектаторами» были А.И. Борозняк, Н.С. Черкасов, Ю.В. Галактионов, С.З. Случ и многие другие. Приезжая в библиотеку, А.И. Борозняк привозил десятки заказов на иностранные книги; регулярно присылал описания необходимых изданий в письмах. Благодаря сотрудничеству ученых и библиотекарей Историчка имела один из лучших фондов в стране того времени по истории Германии. Очень интересно было прочитать оценку качества комплектования иностранной литературой фондов ГПИБ от С.З. Случа, который в то время был старшим научным сотрудником ИНИОН АН СССР (см. Приложение 1).

Настоящим научным событием были выставки-информации, на которых были представлены издания, например, по истории Германии, полученные библиотекой за текущий год или за два-три последних года. На такие мероприятия приходили до ста человек. Выставки-информации позволяли не только информировать читателей о новых поступлениях иностранной литературы в библиотеку. Большой массив экспонируемых изданий давал представление о развитии основных тенденций в зарубежной историографии, появлении новых тем. Выставки сопровождались обзором сотрудника зала всеобщей истории, обязательно проходило дальнейшее обсуждение полученных книг с нашими коллегами из отдела иностранного комплектования, и читатели могли высказать свои замечания и дать конкретные предложения по приобретению литературы В отзыве Н.С. Черкасова присутствует интересная мысль о разделении ответственности между библиотечными работниками и историками за полноту и качество комплектования. Интересно, что сам он в полной мере брал эту ответственность

² Горбачева А.Н., Пашаева Н.М. Историческая библиотека – исследователю // Новая и новейшая история. 1975. № 4. С. 243-244.

³ 50-летие Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР // Новая и новейшая история. 1989. № 3. С. 222.

на себя и тогда, когда сотрудничал с Исторической библиотекой, и тогда, когда помогал своей университетской (см. Приложение 2).

Я не раз слышала от А.И. Борозняка и Ю.В. Галактионова, что Н.С. Черкасов привез в библиотеку Томского университета чуть ли не вагон книг. И вот в сборнике избранных трудов Н.С. Черкасова, вышедшем к его 75-летию, нашла подтверждение этой истории. Н.А. Хлыстова в биографическом очерке о Николае Сергеевиче рассказывает со ссылкой на рукопись С.В. Вольфсона, как Н.А. Черкасов пополнял фонды Научной библиотеки Томского государственного университета (НБ ТГУ). Ему удалось договориться, чтобы дублетные экземпляры иностранной литературы, поступающей в спецхраны государственных библиотек (Ленинки, ИНИОН, ВГБИЛ), передавались в НБ ТГУ, а также получить трофейные немецкие книги из Академии МВД⁴.

Несмотря на то, что выставки-информации как форма сотрудничества библиотеки и ученых стали традиционными, они вызывали огромный интерес и стали неотъемлемой частью научной жизни исторического сообщества. Многие ученые отмечали значимость этого сотрудничества для научных исследований. В книге отзывов Зала всеобщей истории сохранились записи известных историков о таких выставках. Профессор Г.Н. Севостьянов писал: «Между сотрудниками Института всеобщей истории и ГПИБ установились замечательные традиции – ежегодные встречи с новой исторической книгой. Это очень важно и необходимо для исследователей, так как выставка-информация позволяет всегда быть в курсе книг, получаемых библиотекой. Таким образом, выставка является важным звеном в исследовательской работе» (Запись от 3 июня 1987 г.).

Л.И. Гинцберг, не очень щедрый на похвалы, записал свои впечатления о выставке иностранной литературы по истории Германии: «Я с большим интересом ознакомился с книжной выставкой по новой и новейшей истории Германии в кабинете всеобщей истории. Хотя я постоянно слежу за литературой по этим проблемам, все же и для меня ряд представленных изданий оказался сюрпризом...». Свои отзывы о выставке оставили также М.И. Орлова (МГУ), Б.М. Туполев (ИВИ АН СССР), Б.Л. Хавкин, доцент Башкирского государственного университета К.Г. Газизов.

Пока разбирала текст отзыва, написанного Львом Израильевичем, вспомнились строки профессора Воронежского университета С.В. Кретинина в память о Л.И. Гинцберге. В кабинете Льва Израильевича «непросто было найти место, чтобы сесть. Стулья, тумбочка, кушетка были завалены стопками книг и журналов. Сама комната при этом была забита стеллажами с книгами, журналами, папками... Хозяин всегда предлагал мне взять заинтересовавшее издание с собой, в Воронеж, при условии непременно возврата. При этом сетовал, что слишком многие пользуются его добротой, и книг не возвращают»⁵. Мне в этом плане несказанно повезло. Лев Израилевич отдал мне оригинальное издание

⁴ Черкасов Н.С. О германском фашизме и антифашистском сопротивлении: избранные труды. Томск, 2006. С. 399.

⁵ Кретинин С.В. Лев Израильевич Гинцберг: памяти историка-германиста // Германия и Россия: события, образы, люди: сборник российско-германских исследований. Вып. 5. Воронеж: 2007. С. 169.

журнала «Freies Deutschland», издававшегося немецкими антифашистами-эмигрантами в Мексике (номера журнала за несколько лет переплетены в два массивных тома). Для меня, занимавшейся тогда историей антифашистской эмиграции в Мексике, это был царский подарок! И еще хочу упомянуть один немаловажный факт. Лев Израилевич в 1955-1956 годах работал главным библиографом в Исторической библиотеке.

К научным мероприятиям (международным симпозиумам, конференциям, юбилеям историков, историческим датам) подготавливались, как правило, выездные выставки. Мы часто бывали с выставками в Доме дружбы на всесоюзных конференциях, где дружили с Австрией, ГДР, ФРГ и другими странами. Об одной из таких выставок оставил отзыв И.С. Кремер: «Выставка достаточно полно отражает большую деятельность советских издательств по публикации книг о ФРГ, а исследовательские институты и вузы много внимания уделяют изучению всех аспектов жизни этой страны. Выставка явилась украшением Всесоюзной конференции Общества СССР – ФРГ» (14.12.83). Далее Илья Семенович написал очень теплые слова работе сотрудников библиотеки на выставке. Упомянув эту встречу в далеких 80-х, не могу не сказать и о последней. Илья Семенович Кремер пришел в библиотеку весной 2019 года, когда Историчка уже открылась после ремонта. Он подбирал литературу для написания статьи. Впечатления от встречи описать невозможно... Казалось, что встретила старинного друга. Мы не виделись несколько десятилетий, но узнали друг друга. То, что библиотекари хорошо знают своих читателей и помнят их, вполне закономерно. Но то, что Илья Семенович вспомнил меня через столько лет, для меня было удивительно. Более того, он знал, где я работала и чем занималась (я уходила из библиотеки и вернулась назад только в начале 2018 года). Он рассказал, что работает, читает лекции в Московском государственном лингвистическом университете, собирался ехать в командировку. Мы иногда перезванивались, я поздравляла его с Днем Победы, а ему нужны были книги... Илья Семенович еще несколько раз приходил в читальный зал, а в марте 2020 года его не стало.

Очень тесным и плодотворным было сотрудничество с Институтом всеобщей истории. В 70-е годы прошлого века, например, к сессиям Комиссии историков СССР и ГДР, ученым секретарем которой была Г.Н. Горошкова, готовились выставки по тематике заседаний (Приложение 3); к юбилейным датам: к 50-летию Ноябрьской революции в Германии, к 100-летию со дня рождения Э. Тельмана и мн. др. (Приложение 4).

Историчка всегда была любимым местом встречи и общения историков со своими коллегами из других учреждений и городов; преподаватели встречались со студентами, обсуждали курсовые и дипломные работы; научные руководители – с аспирантами. Многие преподаватели вузов просили помочь своим студентам-дипломникам во время работы в библиотеке, сориентировать в поиске источников и литературы. Особенно это касалось студентов из других городов, приезжающих, как правило, на короткое время. Всегда охотно, с особым вниманием и отдачей работала со студентами Елена Васильевна Бессонова, практически обучая их библиографической грамотности и методике поиска ин-

формации. О важности этих знаний и навыков для будущих историков писал И.Я. Биск в своих записках: «Я всегда считал важнейшей задачей семинара (спецсеминара) обучение студентов методу нашей науки: во-первых, поиску (нахождению) источников и литературы и, во-вторых, умению критически к ним относиться». «...О каком бы курсе ни шла речь – приблизительно три первых семинарских занятия соответственно посвящались: ознакомлению с библиографическими пособиями и библиографическому поиску; методике анализа и конспектированию источников и литературы...». Важнейшими формами работы со студентами ученый считал экскурсии в библиотеки, архивы, музеи, статистические ведомства, типографии... с целью «наглядного ознакомления с «закулисной» стороной мест работы историка – учреждений, где хранятся, публикуются источники и литература...»⁶.

1.9.88.
 Вера!
 Не забывайте возмозно
 ошибки : ~ 10 сентября
 надо поехать заехать в
 Свердловск и конференцию
 "Взрыватели 2 м.в. и
 анж. борьба в Европе"
 Там выступить + уехать
 в пятницу.
 620083 Св., пр. Ленина 51.
 Ур. ун-т. ист. фак.
 доц. Михайленко В.И.

Студенты в Историчке занимались в Общем читальном зале, а в Зал всеобщей истории (научный зал) записывали только студентов-дипломников МГУ и МГИМО, но было некоторое исключение из этого правила. Региональные вузы присылали в Историчку для работы группы дипломников, которые становились читателями научного зала на определенный срок (Башкирский государственный университет, Днепропетровский государственный университет и др.). И это была замечательная практика для обеих сторон. «Мы, студенты-дипломники 5 курса Исторического факультета Башгосуниверситета, очень-очень благодарны вам, работники Зала всеобщей истории..., за то, что вы создали нам все условия для успешной творческой работы над дипломами... Мы, естественно, хотим защитить дипломные работы только на «отлично» и «хорошо».

Если к нам придет исследовательский успех, то в этом будет и доля вашей заслуги. Спасибо всем...» (запись в книге отзывов от 23 декабря 1966 года). С некоторыми бывшими студентами-дипломниками мы встречались в дальнейшем уже в аспирантском статусе.

⁶ Биск И.Я. Мой XX век: записки историка. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. С. 306-309.

Во время встреч в ГПИБ обсуждались темы будущих диссертаций, статей, монографий, рождались идеи и темы будущих научных конференций, договаривались, где они пройдут. Одним из центров притяжения в общении ученых разных возрастов, из разных регионов был Александр Иванович Борозняк. Настоящий ученый, обладающий глубокими знаниями и широкой эрудицией, доброжелательный, общительный, он успевал всем написать, со многими встретиться, поговорить и договориться, поделиться новыми идеями, всех расшевелить и задействовать...

Он хорошо знал и чувствовал людей, умел слушать и слышать, мог видеть в человеке то, что ускользало от других, глубоко оценить его потенциал. Часто по рекомендации Александра Ивановича будущий аспирант находил научного руководителя, молодой ученый – соавтора или возможность опубликовать свои исследования в серьезном научном издании. Так в начале 80-х годов Александр Иванович познакомил меня с Ю.В. Галактионовым и предложил нам написать статью о недавно вышедшей в ГДР серии в семи книгах «Kunst und Literatur im antifaschistischen Exil». Часть книг уже была в фонде Исторички, а полный комплект я привезла из поездки в ГДР. Это был фундаментальный труд об истории немецкой антифашистской эмиграции в СССР, Палестину, страны Европы и Америки. И Александр Иванович убедительно обосновал значимость этого издания и важность будущей статьи о нем. Наша совместная статья была принята и опубликована в «Ежегоднике германской истории» за 1983 год. Александр Иванович был удивительным знатоком не только научной литературы, всегда потрясало цитирование им в научных исследованиях произведений художественной литературы, видение в них глубокого философского смысла, современной значимости и актуальности.

Вспоминая Историчку и ее читателей того времени, пришла мысль посмотреть сноски в монографиях историков-германистов на иностранную литературу и проверить, есть ли эти книги в нашей библиотеке. Результат порадовал. Даже по исследованиям 50-60 годов (Гинцберг Л.И., Драбкин Я.С. Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры (1933-1945). М., 1961.; Драбкин Я.С. Революция 1918-1919 гг. в Германии: краткий очерк. М., 1958; Драбкин Я.С. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967) видно, что фонды библиотеки были отличной базой для научной работы.

В замечательном творческом сотрудничестве историков-германистов и библиотечных работников складывалось и простое человеческое общение, беседы в неформальной обстановке за чашкой чая, обсуждение культурных событий и пр. Иногда такие встречи оставляли, например, поэтический след (Приложение 5). Общение с Лидией Николаевной Корневой, Александром Ивановичем Борозняком, Юрием Владимировичем Галактионовым, Николаем Сергеевичем Черкасовым, Аркадием Беняминовичем Цфасманом много значило. Мне повезло общаться с ними не только в стенах Исторической библиотеки и научной сфере, но и в домашней обстановке. Мы иногда собирались у нас дома по разным поводам, и это общение было не менее ценным.

Приложения

Приложение 1

Комплектование иностранной литературы в ГНЦ отличается рядом важных преимуществ по сравнению с другими крупными библиотеками Москвы, в частности ИИОН АН СССР.

На мой взгляд это обусловлено следующими причинами:

- 1) возможностью для сотрудника непосредственно приехать лично в комплектование литературы путем подачи индивидуального заказа;
- 2) минимумом ~~своими~~ информации, необходимой для заказа книги, что незаменимо, принимая во внимание наше замкнутое положение относительно периодических справочных изданий;
- 3) преимуществами безусловного комплектования, позволяющего на протяжении многих лет заказывать литературу по определенной проблематике в значительном количестве (например, международные отношения в немецком языке, проблемы Франции, международные отношения в немецком языке), обеспечивая тем самым расширенное тематическое обеспечение библиотеки в целом;
- 4) оперативностью получения заказанной литературы, как правило в течение нескольких месяцев;
- 5) высокой квалификацией сотрудников Отдела комплектования ГНЦ, а также исключительно отзывчивым и доброжелательным отношением к читателям, со всеми их "невероятными" просьбами и предложениями.

Хотелось бы отметить и вполне реальный результат этого ~~высокого~~ комплектования иностранной литературы: Отдел немецкой науки ИИОН, входящий в состав РАС "Общественные науки имени Сергеева", комплектуется одним из ведущих разделов "набор Западная Европа в новое и новейшее время" на 80-90% за счет литературы, поступающей в фонд ГНЦ.

С. Смирнов
(ст. науч. сотрудник ИИОН АН СССР)

Компьютеризация источников информации и формирование проблематики ведения - в целом - качественно, квалифицированно и с большой любовью для многих научных работников страны. Западноевропейская историография (современная) представлена в ГИИБ, несомненно, лучше, чем в иных библиотеках Москвы.

Одно из компьютеризованных изданий, выходящее в ГИИБ, довольно качественно названо "Исторический справочник". Однако проблема в периодических изданиях - ежегодниках, таких как "Jahrbuch für Geschichte", "Jahrbuch für

Wirtschaftsgeschichte", "Jahrbuch für Geschichte der
sozialistischen Länder". Set jeder каніталіскага
исследованія ісцідных рэф, в год мал

"Faschismus-Forschung" а др.
Следы, ведома, вель сурэфіска сапарываю
здатк, вухад которых прадруку, год вель,
яко бібліографічэска сурэфіска ГДР работае
абразава: к журналу "Börseblatt für
deutsche Buchhandel" (ежедневник) прачітаючы
бібліяграфію, вель даннае о вухадящих
книгах располонен в виде £ картон
вель заюза с абедзельным индексом
вель кандай книги.

Фунда, вель вель ораментываю абодомы
прывады папуны "Фунда", в - вель вель
вель вель вель вель вель вель вель вель
книготоровне ораментываю.

По информации ГДР вель вель вель
вель вель вель.

А. Борозняк
к. и. н. з. Лунинск
30.5.81.

Выставка книг по истории Термании очень хорошо организована, продумана и, несомненно, принесет большую пользу тем, кто занимается историей этой страны. Большое спасибо организаторам выставки!

Надо сказать, что вообще комплектование ГПИБ зарубежной литературы по истории проводится на очень высоком уровне. Несмотря на то, что библиотека имеет значительные средства на приобретение книг, новая литература поступает сюда значительно быстрее, как правило, чем в другие библиотеки Москвы, имеющие большие средства на приобретение литературы. Хотелось бы, чтобы этот высокий уровень комплектования сохранился и дальше. Библиотека значительно быстрее и полнее, чем другие библиотеки Москвы, выполняет заказы ~~на~~ по межбиблиотечному абонементу. За это тоже большое спасибо от преподавателей (думаю, и от студентов), вузов, находящихся на периферии!

Целью ред. книг по новейшей истории, отсутствующих в других библиотеках Москвы, здесь есть. Небольшое замечание - как представляется, несколько слабее представлены в фондах библиотеки публикации источников по новейшей истории. Впрочем, ~~зато~~ в этом, видимо, новинки сами читают, которые в полной мере делают заказы на эти книги. Есть и предложение (просьба?) - нельзя ли организовать какое-то централизованное ~~или~~ размножение источников по новейшей истории для нужд исторических факультетов, находящихся на периферии?

Большое спасибо за выставку! И вообще за работу по комплектованию, имеющую огромное значение для историков нашей страны!

Н. Теркасов - доцент кафедры новейшей истории Томского гос. университета им. В. В. Куйбышева.

26 декабря 1977 г.

18.3.1975

25

Уважаемая Юлия Юлиановна и сотрудники ЦСР и ГИР с
 уважением и благодарностью хочу выразить глубокую
 благодарность сотрудникам Исторической
 библиотеки за организацию выставочных
 вставок к сессии нашей Комиссии.
 Выставки, подготовленные с огромным знанием
 особенностей на сессиях проблем, не
 только расширяют познания советских
 историков и историков ГИР о внешнеполитических
 документах и литературе, но и
 увеличивают научную значимость
 сессии, повышают их уровень научной
 работы. Особая благодарность всем
 участникам Ташаевой Лиде Михайловне
 за ее высококвалифицированную
 организацию и советы.

Зав. сектором истории второй
 мировой войны Института
 всеобщей истории АН СССР

Т. Тарашкина

Комментарий сектора истории
международного революционного
движения гарило благодарней
сотрудников исторической библиотеки
за организацию грезветского
интересной выставки мероприятий
по истории Западно-Европейского
социализма. Эта выставка
оказалась самым важным сектором
в его научно-исследовательской
работе. Особую благодарность вы-
ражаем сотрудникам выставки
Тере Захаровне Умаровой.
Было бы весьма полезно опу-
бликовать обзор выставки в одном
из научных журналов — например
в журнале «Новая и новейшая
история».

Зав. сектором истории между-
народного революционного движения
Института Всеобщей истории АН СССР

д.и.н. Кашаева Н.Н.
4.VI-1989 г. к.и.н. Красильников Е.Н.
к.и.н. Морганов,
мл. науч. сотрудник

Замечательным женщинам,
скромным и добросовестным
трудящимся для всеобщей истории
к дню 8 марта 1974г.

Библиотек хороших в мире много,
Но лучше "историчка", право, нет!
Ведь в ней всегда горит особый -
Добра, тепла, науки - свет,
Живи и здравствуй, "историчка",
Пусть не померкнет этот свет,
А женщинам ее прекрасным -
Мой восьмомартовский привет !!!

Искренне Ваш, читатель с 1974г.

РАЗДЕЛ II
РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ
В АКТУАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В.А. ТАЛАШОВА

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ СССР И ГДР
КАК ФАКТОР СОДЕЙСТВИЯ РАЗВИТИЮ СОТРУДНИЧЕСТВА
ИСТОРИКОВ-ГЕРМАНИСТОВ**

К концу 50-х годов XX века удалось в новых условиях и на новом уровне восстановить сотрудничество ученых-германистов двух стран СССР и Германии, которое прервалось в начале 30-х годов. Начавшаяся почти сразу после окончания Второй мировой войны полемика с историками ФРГ по ключевым вопросам новейшей истории Германии, раскол Германии на два государства привели к созданию Комиссии историков СССР и ГДР. Организационно она была оформлена в Москве на первом заседании, которое прошло 28 января – 5 февраля 1957 года. В работе первой сессии принимали участие 6 человек от ГДР и 12 человек от СССР. Проведению этого заседания историков предшествовала достаточно длительная и нелегкая работа, в которой огромную роль сыграл Аркадий Самсонович Ерусалимский¹. По предложению немецкой стороны он стал первым Председателем комиссии историков СССР и ГДР. Итоги работы были зафиксированы в Заключительном протоколе². Проблемы становления этой новой формы сотрудничества историков двух стран рассмотрены в статье М.В. Расчесовой³.

Уже на первых встречах и в первых документах Комиссии историков СССР и ГДР были сформулированы цели и задачи этого объединения историков двух стран, а также ряд актуальных для исследования тем:

- вопросы истории Второй мировой войны;
- изучение сущности и происхождения фашизма и антифашизма;
- русско-германские и советско-германские отношения;
- Великая Октябрьская революция и ее влияние на мировое развитие;
- Ноябрьская революция в Германии.

Первая научная конференция Комиссии историков СССР и ГДР прошла в Лейпциге 25-30 ноября 1957 года. С докладами от СССР выступали Д.Е. Мельников, В.Т. Фомин, Б.Т. Тартаковский, Г.Д. Розанов⁴. С этого времени Комис-

¹ Штеккер Эрика. У истоков сотрудничества историков ГДР и СССР. (Деятельность А.С. Ерусалимского в ГДР в 1955-1958 гг.) // Ежегодник германской истории (далее – ЕГИ). 1976. М.: Наука, 1977. 374 с. С. 89-109.

² Хромушина Г.Ф. Соглашение о научном сотрудничестве между историками СССР и ГДР // Вопросы истории. 1957. № 3. С. 193-194.

³ Расчесова М.В. Зарождение сотрудничества немецких и советских историков. Создание комиссии историков СССР и ГДР (1949-1961 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. № 5 (31). С. 78-86.

⁴ Тартаковский Б.Г. Первая научная сессия Комиссии историков СССР и ГДР. // Новая и новейшая история. 1958. № 2. С. 170-185.

сия историков СССР и ГДР стала постоянным фактором развития послевоенной германистики. Создание отдела германских исследований в ИВИ АН СССР, регулярные сессии ученых-германистов, которые поочередно проходили в СССР и ГДР, дискуссии и коллоквиумы по ключевым вопросам германской истории, личное общение создавали прекрасные перспективы совместных исследований. Советские исторические журналы 1950-80-х годов дают возможность представить историю этого объединения. Первые итоги работы были подведены в статье Г.Н. Горошковой «Дружба и сотрудничество. 10 лет Комиссии историков СССР и ГДР»⁵. Последующие шаги деятельности этого объединения анализировались на всех юбилейных заседаниях Комиссии⁶.

Анализ значения деятельности Комиссии историков СССР и ГДР в целом дал Лев Израилевич Гинцберг в 2005 году⁷. В этой статье он как активный участник Комиссии оценивает не только ее большое значение, но и обращает внимание на проблемы. Регулярные встречи поочередно в каждой стране, конференции не только в столицах, но и других городах для знакомства с жизнью стран, личные контакты и возможность совместной работы над актуальными темами были, безусловно, положительными сторонами. Но уже тогда возникали вопросы по тематике конференций: было много «пафосных», юбилейных тем, мало возможностей для научных дискуссий; узкий круг участников. В состав Комиссии входили по 6 человек с каждой стороны, хотя предусматривалось привлечение к работе Комиссии других историков-германистов для обсуждения актуальных проблем истории. Страна-организатор конкретной встречи имела возможность приглашения на научную конференцию более широкого круга участников, но приглашение для участия на конференции в страну-партнера было уже связано с визами, а это было не всегда реально. Уровень открытости и публикация материалов в двух странах были разные: в СССР чаще всего ограничивались обзорными статьями в «Вестнике АН СССР» и в исторических журналах, в ГДР материалы каждой сессии издавались специальными сборниками и широко комментировались в научных журналах и других научных изданиях⁸.

В данной статье автор не претендует на анализ результатов и проблем деятельности Комиссии историков СССР и ГДР, а попытается показать её влияние на развитие советской исторической германистики, новые формы сотрудничества и взаимодействия советских историков на примере деятельности со-

⁵ *Горошкова Г.Н.* Дружба и сотрудничество. 10 лет Комиссии историков СССР и ГДР // Новая и новейшая история. 1967. №4. С. 169-170.

⁶ *Жилин П.А.* Двадцатилетие Комиссии историков СССР и ГДР. (На основе доклада на юбилейном коллоквиуме в рамках 26 конференции историков); Хорст Бартель. Сотрудничество историков ГДР и СССР и развитие марксистско-ленинской исторической науки в ГДР (доклад на коллоквиуме) // Ежегодник германской истории. 1978. М.: Наука, 1979. С. 26-33; *Туполев Б. М.* 25-летие Комиссии историков СССР и ГДР // Новая и новейшая история. 1982. № 6. С. 213-214; *Борозняк А. И., Давидович Д.С.* К 30-летию Комиссии историков СССР и ГДР. Ежегодник германской истории. 1987. М.: Наука, 1988. С. 247-256.

⁷ *Гинцберг Л.И.* Опыт взаимодействия историков СССР – ГДР в 50-50-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 152-163.

⁸ Там же. С. 157-159.

зданного на кафедре всеобщей истории Вологодского государственного педагогического института (далее ВГПИ) Проблемного объединения по германской истории и творческого союза двух историков А.С. Бланка и А.И. Борозняка. А.С. Бланк принадлежал к советским историкам-германистам «среднего поколения», которые прошли войну, их становление как историков происходило в послевоенные годы. А.И. Борозняк принадлежал к «молодому поколению» историков-германистов, которые видели войну детскими глазами, но историками они становились в 50-60-е годы. Работая на кафедре всеобщей истории ВГПИ под руководством А.С. Бланка, я могла видеть, как развивалось сотрудничество двух ученых.

Источниками для первичного изучения вопроса об участии этих ученых в деятельности Комиссии историков СССР и ГДР стала периодическая литература за 1957-1985 годы, личный архив В.А. Талашовой и частично А.И. Борозняка (программы конференций), а также воспоминания автора о сотрудничестве известных историков-германистов, которые активно развивались в процессе деятельности Проблемного объединения по германской истории, созданного А.С. Бланком при кафедре всеобщей истории ВГПИ в 1971 году⁹.

А.С. Бланк начал работать в Череповце с 1955 года, куда был приглашен в педагогический институт на кафедру марксизма-ленинизма. В этот период в научном плане он уже активно начинает работать над темой, которая была связана с его военными годами. За время работы в лагере для военнопленных высшего офицерского состава в Красногорске (с февраля 1943 года), а затем через несколько месяцев в Суздале¹⁰ он как переводчик стал свидетелем и участником многих событий. Там начал формироваться уникальный личный архив будущего профессора.

Создание Комиссии историков СССР и ГДР и первые ее конференции показали, что с темы, которая в военные годы стали частью жизни А.С. Бланка, «снят гриф секретности...». В 1963 году в Вологодском книжном издательстве выходит его первая книга по проблеме, которая стала основной темой его научных исследований¹¹ «Национальный комитет «Свободная Германия» – центр антифашистской борьбы немецких патриотов (1943-1945 гг.)». В 1965 году вышла монография «Коммунистическая партия Германии в борьбе против фашистской диктатуры (1933 – 1945)»¹², на основе которой в Ленинградском университете была защищена докторская диссертация. Работы молодого ученого были замечены в научной среде и вызвали дискуссию не только в научных кругах. Бланк уверенно вошел в число замеченных историков-германистов СССР. В 1970 году он становится участником XIII международного конгресса исторических наук в Москве.

⁹ Проблемы германской истории. Материалы симпозиума, состоявшегося в Вологде 16-17 октября 1971 г. Вологда: 1973. Выпуск 2. 464 с. С. 456-457.

¹⁰ Бланк А.С. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М.: Патриот, 1990. 206 с.

¹¹ Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Национальный комитет «Свободная Германия» – центр антифашистской борьбы немецких патриотов (1943-1945 гг.). Вологда: Книжное издательство, 1963. 92 с.

¹² Бланк А.С. Коммунистическая партия Германии в борьбе против фашистской диктатуры 1933-1945. М.: Мысль, 1964. 396 с.

XIII международный конгресс историков показал новые потребности и технические возможности организации международных встреч ученых-историков: предварительная рассылка основных докладов участникам, расширение условий для дискуссии – все это становилось потребностью времени. Опыт работы с Комиссией историков СССР и ГДР и участия в международной встрече историков в Москве не могли не сказаться на планах молодого ученого. Так, все темы научных исследований его аспирантов с 1970 года связаны с новейшей историей Германии.

Естественно, что создание Комиссии историков СССР и ГДР не могло быть не замеченным историками-германистами нашей страны. Появление журнала «Новая и новейшая история» с 1957 года, в котором регулярно публиковалась информация о деятельности Комиссии, и Ежегодника германской истории с 1968 года¹³ создавали новые возможности для публикаций. В это же время (1969 год) произошло разделение Института истории АН СССР на два института – истории СССР (отечественной истории) и всеобщей истории. В соответствии с этим на исторических факультетах педагогических вузов страны произошло разделение кафедр на две – истории СССР (отечественной) и всеобщей истории. Как раз в это время первые публикации А.С. Бланка и А.И. Борозняка появляются в исторических журналах.

С 1974 года в СССР на исторических факультетах педагогических институтов страны было введено в качестве обязательной научной и учебной дисциплины изучение курса историографии новой и новейшей истории. В этом году в Вологде вышло учебное пособие для студентов исторического факультета «Историография новой и новейшей истории»¹⁴. Это издание стало первым и единственным трудом, в котором отразилось совместное творчество двух уже известных историков-германистов А.С. Бланка, А.И. Борозняка, а также автора данной статьи. К этому времени Комиссия историков СССР и ГДР стала постоянным фактором развития послевоенной германистики. Создание отдела германских исследований в ИВИ АН СССР, регулярные сессии ученых-германистов, которые поочередно проходили в СССР и в ГДР, дискуссии по ключевым вопросам германской истории и личное общение историков двух стран создавали прекрасные перспективы совместных исследований.

Сегодня, анализируя деятельность Бланка по организации проблемного объединения в Вологде, мне представляется, что он задумывал его как подструктуру Комиссии. Уже первая встреча историков-германистов, организованная им в Вологде в октябре 1971 г., в чем-то напоминала конференции Комиссии, и даже Конгресс. Широкий охват проблематики истории Германии от Средневековья до Новейшей истории (ФРГ и ГДР), структура и формулировки тематики секций открывали возможности широкого участия и включения в научную деятельность преподавателей-германистов из вузов. Начинают фор-

¹³ Ежегодник германской истории. 1968. М.: Наука. 1969.

¹⁴ Бланк А.С., Борозняк А.И., Талашова В.А. Историография новой и новейшей истории : учебное пособие для студентов исторических факультетов / Вологодский государственный педагогический институт. Вологда: ВПИ, 1975. 167 с.

мироваться связи с другими центрами изучения германской истории в нашей стране: Волгоград, Воронеж, Иваново, Днепропетровск, Ужгород, Томск, Челябинск, Кемерово, Пермь, Гомель, Липецк, Ярославль... Все эти рекомендации были прописаны в документах Комиссии историков СССР – ГДР. Причем, опыт организации исторической науки у коллег помогал увидеть и другие эффективные формы сотрудничества. В ГДР уже успешно работало Общество историков и региональные отделения в землях. К середине 60-х для советских историков стали доступны архивные фонды ГДР.

Сотрудничество историков двух стран создавало возможности совместных исследований. Это отчетливо видно в деятельности А.С. Бланка. В 1969 году в издательстве «Мысль» выходит первая совместная с историком ГДР Бруно Левелем книга «Наша цель – Свободная Германия: из истории антифашистского движения «Свободная Германия»¹⁵. Летом 1968 года

А.С. Бланк принимает своего немецкого коллегу в Череповце. Затем для перевода этой книги на немецкий язык в 1972 году уже А.С. едет в ГДР. К сожалению, таких личных контактов было мало, проблем с разрешением на выезд было намного больше.

В 1979 году уже в Берлине на немецком языке выходит книга «Красная капелла против Гитлера» в соавторстве с Юлиусом Мадером¹⁶. Научные контакты с историками ГДР развивались очень активно и Бланка как исследователя вопросов фашизма и антифашизма высоко оценивали в ГДР. Так, в 1981 году к 60-летию со дня рождения он получил поздравление от Гейнца Кесслера (немецкий солдат-антифашист, в первые дни войны с СССР перебежавший на нашу сторону и знакомый с А.С. по Суздалю), ставшего к тому времени заместителем Министра обороны ГДР, а в 1982 году он был награжден почетной медалью Комитета борцов антифашистского Сопротивления ГДР, которым практически не награждали иностранцев¹⁷.

Судьба еще одной книги А.С. Бланка сложилась печальнее. Книга «Немецкие военнопленные в СССР», написанная на русском языке и для русского читателя, не получила права на издание в нашей стране. И тогда ее рукопись, по словам самого автора, была куплена издательством АПН. В 1979 году она была опубликована в Кёльне на немецком языке и стала предметом обсуждения в немецком Парламенте¹⁸. Её до сих пор нет на русском языке.

Сотрудничество с немецкими учеными в рамках Комиссии и личных взаимоотношений с коллегами из ГДР способствовало тому, что в 70-е годы он получил микрофильмы архивов из ГДР по интересующим его вопросам истории¹⁹. Личная архивная база ученого была значительно расширена. Эта деятельность вызывала тревогу определенных кругов и без восторга встречалась

¹⁵ Бланк А.С. Левель. Б. Наша цель – свободная Германия: из истории антифашистского движения «Свободная Германия» (1943–1945 гг.). М.: Мысль, 1969. 293 с.

¹⁶ Blank A., Mader J. Rote Kapelle gegen Hitler : Dokumentarbericht. Berlin : Verlag der Nation, 1979. 528 S.

¹⁷ Кашин Р. Г. Опередивший время. Москва: Граф-пресс, 2006. С. 137.

¹⁸ Blank A. Die deutschen Kriegsgefangen in der UdSSR. Köln: Bibliothek Hahl-Rugenstein, 1979. 208 с.

¹⁹ Трунова В.В. XXIV научная конференция Комиссии историков СССР и ГДР, посвященная 100-летию со дня рождения В. Пика // Ежегодник германской истории. 1976. М.: Наука, 1977. С. 337-338.

руководством области и института. С большими трудностями удалось провести в Вологде четыре научных конференции и издать восемь сборников по проблемам германской истории, что стало заметным шагом в развитии советской германистики. Стремление А.С. Бланка выявить и объединить в первую очередь историков-германистов педагогических вузов страны было замечено МО РСФСР, при котором был создан Проблемный Совет по германской истории под его руководством.

Здесь поддержка и советы коллег-сторонников была особенно необходимы Александру Соломоновичу. Среди его соратников всегда были А.И. Борозняк, Р.Г. Кашин, А.Б. Цфасман и другие. Причем, Р.Г. Кашин в своей книге отмечает, что А. И. Борозняк был «желанным другом», который приезжал к нему в Вологду и не по делам. Значимой была и поддержка начинаний А.С. Бланка со стороны Д.С. Давидовича, бывшего тогда заместителем председателя Комиссии историков СССР и ГДР, председателем которой был уже П.А. Жилин. Личный архив А.С. Бланка полностью не сохранился и теперь восстановить страницы участия его в сессиях и конференциях Комиссии удалось по информации в журналах и только частично. А.С. Бланк принимал участие в научных конференциях Комиссии в 1973, 1974, 1975 годах (Москва), в Таллине (1979) и в Тбилиси в 1981 году, А. И. Борозняк в 1974, 1975, 1987 годах в Москве, в 1979 в Таллине, 1981 г. в Тбилиси и в 1985 году в Ереване. Они как бы дополняли и оттеняли друг друга в творчестве. Совместным было одно издание «Историография новой и новейшей истории». Оно не стало их «главным» трудом, а было всего лишь одним из первых учебных пособий по историографии, где каждый из авторов «делал» свои разделы, но общение в работе над этим изданием еще больше скрепило отношения.

Я не считала себя историком-германистом (мои научные интересы были связаны с Испанией), но в двух конференциях Комиссии историков СССР и ГДР мне довелось участвовать. Позволю себе несколько слов об этих конференциях.

Москва, декабрь 1975 года. XXIV сессия Комиссии. Она проходила в Доме дружбы с народами зарубежных стран на Калининском проспекте и была посвящена 100-летию со дня рождения Вильгельма Пика. На эту конференцию из Вологды были приглашены А.С. Бланк и я. На конференции был и А.И. Борозняк.

Тбилиси, октябрь 1981 года. XXX научная конференция историков СССР и ГДР по проблеме «Исторический опыт и значение братских интернациональных связей СССР и ГДР»²⁰. Александра Соломоновича пригласили как одного из видных историков страны с правом приглашения на конференцию еще двух историков из Вологодского Проблемного объединения. Он предложил мне и Р.Г. Кашину (Ярославль) подготовить тезисы, и когда их приняли – мы были включены в состав участников конференции. Это была наша последняя совместная поездка на научную конференцию Комиссии. Конференция проходила в Тбилисском государственном университете, жили мы на проспекте Руставели в центральной гостинице Тбилиси «Иверия». Благодаря историку-германисту

²⁰ Гроссман А.С. XXX конференция комиссии историков СССР и ГДР // Вопросы истории. 1982. № 1. С. 154-156.

Н. Киквадзе, который ранее был участником симпозиума в Вологде, мы в полной мере испытали, что значит грузинское гостеприимство.

Программа конференции была насыщенной, но не только заседаниями, но и неожиданностями. Поездка на Военно-Грузинскую дорогу неожиданно была заменена поездкой в Гори. Немецкая часть участников конференции не хотела ехать в Гори, и организаторам намеками пришлось сказать, что поездка в сторону Военно-Грузинской дороги невозможна по серьезным причинам. Когда вечером мы почувствовали, что в гостинице молчат все телефоны, а к единственному соединяющему с Москвой телефону-автомату в здании Центрального почтамта выстроилась огромная очередь, в которой мы увидели П.А. Жилина, председателя Комиссии историков СССР и ГДР, А.С. сказал: «Да, произошло что-то очень серьезное!». О том, что произошло тогда, я смогла узнать только в 1994 году в опубликованном списке межнациональных конфликтов в СССР. А когда мы с соседкой рано утром на следующий день слышали под окнами гостиницы лязг гусениц и, выглянув в окно, увидели, что весь проспект Руставели заполнен танками, только звонок А.С. успокоил нас – шла репетиция к параду 7 ноября...

В 1989 году не стало ГДР, а в 1991 году и СССР. В этих условиях Комиссия историков СССР и ГДР прекратила свою деятельность. Но традиции взаимодействия ученых-историков двух стран оказались сильнее уходящего времени.

**В.В. ИЩЕНКО
Ю.М. КОРШУНОВ**

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СОВМЕСТНОЙ РАБОТЫ: К ЮБИЛЕЮ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

В минувшем 2022 году свой 25-летний юбилей отметила Совместная комиссия по изучению новейшей истории российско-германских отношений (далее Комиссия). Она была создана в августе 1997 г. после взаимных консультаций на высшем уровне и последующего обмена нотами министерствами иностранных дел Российской Федерации и Федеративной Республики Германии¹. Сам факт причастности внешнеполитических ведомств двух стран к формированию Комиссии сразу придавал особую значимость новой структуре и одновременно обозначил практическую направленность в её работе: она была ориентирована на

¹ Копию переписки в августе 1997 между Министром иностранных дел ФРГ П. Хартманном и заместителем Министра иностранных дел РФ И.С. Ивановым на русском и немецком языках см.: Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Галле, 2002. Вып. 1. С. 12-14. Оригиналы дипломатической переписки по учреждению Комиссии были представлены на мини-выставке в Доме приёмов МИД России 6 июля 2017 г. при проведении в Москве юбилейного XX Пленарного заседания Комиссии и в его рамках научного коллоквиума, посвящённого столетию Российской революции 1917 г. (Коршунов Ю.М. Российско-германский научный коллоквиум «Столетие российской и германской революций 1917-1918 гг.». Москва, 6-7 июля 2017 г. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3(88). С. 165).

поиск и публикацию архивных документов, раскрывающих многие неизвестные детали отношений двух стран. Такой прикладной характер деятельности Комиссии неизменно проявлялся на протяжении 25 лет её существования².

Для создания Комиссии во второй половине 1990-х годов имелся целый ряд объективных предпосылок. Глобальные геополитические изменения в Европе начала 1990-х гг., в частности, распад Советского Союза и объединение Германии неизбежно ставили вопрос о глубинных исторических причинах этих событий, а также о необходимости объективного освещения истории российско-германских отношений в XX веке в целом³. Это подтверждает известный отечественный историк-германист, член Комиссии с первых дней её существования, доктор исторических наук Я.С. Драбкин, свидетельствуя, что интенсивное научное сотрудничество в исследовании истории Второй мировой войны и многих других острых вопросов развернулось лишь после воссоединения Германии. Именно в 1990-е гг. видный немецкий историк Г.-А. Якобсен совместно с коллегами из России начал реализацию проекта «Мюльхаймская инициатива»⁴, под эгидой которой в России и Германии регулярно стали проводиться научные мероприятия и издаваться труды историков на двух языках⁵.

Важным обстоятельством, диктовавшим необходимость создания совместной структуры, способной на системной основе организовывать изучение исторических судеб двух государств и народов в их многообразном переплетении, явилось то, что для истории России и Германии в XX веке характерна важная особенность – «колоссальная динамика социально-политических превращений»⁶. При этом многие страницы советско-германского прошлого оста-

² Правовой основой деятельности Комиссии является Соглашение между правительствами обоих государств о культурном сотрудничестве от 16 декабря 1992 г. (*Ищенко В.В.* Война и проблемы российско-германских отношений новейшего времени в деятельности Совместной комиссии историков России и Германии // Сталинград: чему русские и немцы научились за 60 лет // Труды Волгоградского Центра германских исторических исследований / Отв. ред. Н.Э. Вашкау. Волгоград, 2003. Вып. 2. С. 153-154). В этом настоящая Комиссия очень похожа на свою предшественницу – Комиссию историков СССР и ГДР, чьё формирование в начале 1957 г. основывалось на межгосударственных соглашениях между СССР и ГДР (*Борозняк А.И., Давидович Д.С.* К 30-летию Комиссии историков СССР и ГДР // Ежегодник германской истории (ЕГИ). 1987. М., 1988. С. 248). Весьма символичным является тот факт, что сегодняшняя Комиссия появилась на свет ровно через сорок лет после Комиссии историков СССР и ГДР.

³ *Ищенко В.В.* Указ. соч. С. 153.

⁴ См., например: Мюльхаймская инициатива: российско-германское партнёрство во времена больших перемен: статьи и документы / Отв. ред. и сост. Б.С. Орлов. М., 2010.

⁵ *Драбкин Я.С.* Потсдам и Карлсхорст в послевоенной Германии. Символы и реалии // Линия судьбы: Сборник статей, очерков, эссе / Отв. ред. и сост. В.Л. Телицын. М., 2007. С. 411.

⁶ *Ватлин А.Ю.* Образ Германии в исторической памяти россиян: итоги двадцатого века // Российско-германские отношения в контексте европейской безопасности: сборник статей / Отв. ред. Н.К. Меден. М.: Институт экономики РАН, 2009. С. 49-50. Данный вывод можно вывести за рамки XX века, имея в виду, что динамика российско-германских отношений циркулировала «от междинастических браков до кровопролитных войн» (*Ищенко В.В., Мирзеханов В.С.* О работе Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений // Вестник Российской академии наук (РАН). 2016. № 7. С. 646.

вались неизвестными⁷. Характерен факт: в 1990-е гг. в нашей стране при изобилии издания литературы по новейшей отечественной истории публикации работ по новейшей германской истории были единичными⁸.

Мощный импульс для создания Комиссии – возможно, самый важный – научное сообщество двух стран получило после рассекречивания и ввода в начале 1990-х гг. в научно-исследовательский оборот большого количества неизвестных ранее документов советского периода из российских федеральных и ведомственных архивов, обработка которых по советско-германской проблематике объективно нуждалась среди прочего в создании совместной группы специалистов по историко-архивным вопросам. В чём-то похожая ситуация имела место ещё в 1866 г., когда главным образом в результате рассекречивания архивов Ватикана был образован Германский исторический институт в Риме⁹. Недвусмысленно высказался о возникновении идеи по созданию двусторонней российско-германской Комиссии историков мюнхенский профессор, доктор Хорст Мёллер, ставший впоследствии её первым германским сопредседателем. Он считает, что, во-первых, начавшееся после объединения Германии улучшение отношений с Россией требовало прояснения многочисленных спорных российско-германских и советско-германских вопросов XX века, а для этого, во-вторых, нужен был доступ к ключевым архивным источникам.

«Комиссия» как структурное звено крупных научных объединений и как форма двустороннего научного сотрудничества не являлась новшеством ни для России, ни для Германии. В ФРГ имелась одна из крупнейших научных институций – Объединение неуниверситетских научно-исследовательских организаций, образованное в 1972 г. Оно подразделялось на шесть комиссий¹⁰. В Восточной Германии, внутри Общества историков ГДР, успешно функционировали специальные комиссии исторической науки: источниковедения; преподавания истории нового времени; новейшего времени; истории науки и техники; истории производства; теории, методологии и истории исторической науки¹¹. В ГДР имелись и такие научные структуры как Окружная комиссия по изучению истории локального рабочего движения в Берлине¹², Комиссия по истории фабрик и заводов «Нептун-верфи» в Ростоке¹³. В международном плане работала

⁷ *Ищенко В.В.* Десять лет спустя (из опыта Совместной российско-германской комиссии историков) // Германия и Россия в судьбе историка: сборник статей, посвящённый 90-летию Я.С. Дабкина / Отв. ред. В.В. Ищенко, А.И. Борозняк; сост. М.Б. Корчагина, В.Л. Телицын. М., 2008. С. 37.

⁸ *Ватлин А.Ю.* Германия в XX веке. М., 2005. С. 3.

⁹ Ещё до провозглашения Германской империи в 1871 г. В этом отношении весьма показателен тот факт, что второй Германский исторический институт за рубежом был учреждён в Париже почти сто лет спустя, в 1958 г.

¹⁰ *Вишнев О.В., Семенов А.Л., Шилов В.С.* Организация изучения новейшей истории в Федеративной Республике Германия и Западном Берлине: научные общества, высшие учебные заведения. Справочник. М.: Национальный комитет историков Советского Союза, ИВИ АН СССР, ИНИОН АН СССР, 1985. С. 88.

¹¹ *Ларина Т.О.* Изучение германской истории в СССР и ГДР в 1986 году // ЕГИ. 1987. М., 1988. С. 257, 258, 260, 261, 265, 266, 267.

¹² Там же. С. 266.

¹³ *Трунова В.В.* Изучение германской истории в СССР и ГДР в 1979 году // ЕГИ. 1980. М., 1982. С. 245.

Комиссия историков ГДР и СССР, а также аналогичные комиссии с учёными из других социалистических стран.

Получив первоначальный стартовый импульс от руководства России и Германии в 1994 г., Комиссия прошла за три года непростой путь обсуждений и согласований, касающихся основных форм и принципов организации её деятельности, пока не была окончательно конституирована в том виде, как она существует по сей день. В состав Комиссии входят 24 члена и секретариат, которые были разделены поровну на две части¹⁴ – российскую и германскую, взаимодействующих на паритетной основе. В ФРГ управление германской частью Комиссии с самого начала передавалось в одни руки. В момент создания это было Министерство внутренних дел, которое выделяло специальный бюджет для обеспечения деятельности Комиссии. В 2014 г. правительственным решением руководство работой германских членов Комиссии и их финансовая поддержка были переданы в ведение Уполномоченной Федерального правительства по делам культуры и средств массовой информации.

В Российской Федерации Комиссия изначально получила статус межведомственной структуры, деятельность которой по замыслу официальных лиц должны были на условиях кооперации контролировать Министерство иностранных дел, Российская академия наук, Росархив и Министерство обороны в лице его Центрального архива. Предполагалось, что такая мощная административная поддержка будет способствовать всестороннему и комплексному решению стоящих перед Комиссией задач. Однако отсутствие в российской части Комиссии – в отличие от коллег из ФРГ – централизованного бюджетного финансирования сильно затрудняло реализацию российскими членами Комиссии своих функций.

Во многом только благодаря поддержке различных российских фондов, среди которых, прежде всего, следует назвать Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ¹⁵), Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова и особенно РФФИ¹⁶, российская часть Комиссии могла все эти годы успешно функционировать.

Особо следует отметить вклад Историко-документального департамента МИД России в организацию пленарных заседаний Комиссии, проведённых в Москве.

Базовым научным учреждением российской части Комиссии является Институт всеобщей истории (ИВИ) РАН. Его многолетний директор на момент создания Комиссии, а впоследствии – научный руководитель ИВИ РАН академик А.О. Чубарьян остаётся бессменным российским сопредседателем Комиссии. В германской части первоначальной основой был Институт современной истории (ИСИ), Мюнхен-Берлин, директора которого Х. Мёллер и А. Виршинг до 2021 г. стояли во главе германской части Комиссии. После А. Виршинга со-

¹⁴ В то время, как её предшественница делилась на секции (Туполев Б.М. 25-летие Комиссии историков СССР и ГДР // Новая и новейшая история. 1982. № 6. С. 214).

¹⁵ В 2017 г. РГНФ был с сохранением некоторой автономии инкорпорирован в РФФИ.

¹⁶ Постановлением Правительства РФ № 1357 от 29 июля 2022 г. РФФИ переименован в Российский центр научной информации.

председателем германской части Комиссии стал директор Института изучения немецкой истории и культуры в северо-восточной Европе при Университете г. Гамбурга доктор, профессор Й. Таубер, а возглавляемый им институт – базовым в научной работе германской части Комиссии.

Главная цель Комиссии состоит в содействии российско-германскому научному сотрудничеству в области исторических исследований и укреплению российско-германских отношений в целом.

В Комиссию входят руководители государственных архивных ведомств России и Германии (Росархив и Бундесархив), архивов министерств иностранных дел обеих стран, архивных подразделений Федеральной службы безопасности России и бывшей службы государственной безопасности ГДР, а также учёные-историки из научно-исследовательских институтов и университетов России и Германии. Комиссия ежегодно проводит поочерёдно в России и Германии свои пленарные заседания, где подводятся итоги по реализации проектов, курируемых Комиссией. Одновременно в программы заседаний Комиссии неизменно включаются коллоквиумы или конференции по одной из наиболее актуальных проблем истории российско-германских отношений в XX веке. Материалы коллоквиумов и конференций в рамках Комиссии публикуются в специальном двуязычном издании «Сообщения Комиссии». К настоящему времени в свет вышло десять последних выпусков (2002, 2005, 2008, 2010, 2013, 2016, 2017, 2018, 2020, 2022 гг.)¹⁷. Вся актуальная информация о деятельности Комиссии размещена на её официальном сайте – www.rossijsko-germanskaja-istorija.ru.

Основная деятельность Комиссии заключается в реализации ведущихся ею историко-архивных проектов и издании на их базе трудов (на них проставляется гриф Комиссии), а также в организации международных научных коллоквиумов по самым актуальным проблемам, связанным с тематикой её работы. Успехов удалось достичь благодаря введению в научно-исследовательский оборот огромного количества архивных документов. В этой связи назовём прежде всего такие проекты как «Берлин-Москва. Коммунистическая партия Германии и Коминтерн в 1919-1943 гг.»¹⁸ и «Германия и Советский Союз в 1933-1941 гг.»¹⁹.

¹⁷ Подробнее о структуре, целях Комиссии и координации её работы см.: *Ищенко В.В.* Война и проблемы российско-германских отношений новейшего времени. С. 154; *Кориунов Ю.М.* Российско-германский научный коллоквиум в Москве // Вестник РФФИ. 2014. № 1(81). С. 98-99.

¹⁸ Это самый первый проект Комиссии, с которого в отечественном экспертном сообществе ведётся отчёт «хронологии ликвидации белых пятен» в области советско-германской истории (*Ищенко В.В., Чечевинников А.Л.* Белые пятна общей истории // Янтарный мост. Международный общественно-политический журнал. 2013. № 3(11). С. 48). Подробнее о проекте см.: *Ищенко В.В.* Десять лет спустя (из опыта Совместной российско-германской комиссии историков). С. 38-40. По названной тематике издано: *Weber H., Drabkin J., Bayerlein B., Galkin A.* Deutschland, Russland, Komintern. I: Überblicke, Analysen, Diskussionen. Neue Perspektiven auf die Geschichte der KPD und die deutsch-russischen Beziehungen (1918-1943). München: De Gruyter, 2014. 477 s. (сборник вводных статей к предстоящим публикациям архивных документов по истории Коммунистического Интернационала); *Deutschland, Russland, Komintern. II: Dokumente (1918-1943). Nach der Archivrevolution: Neuerschlossene Quellen zu der Geschichte der KPD und den deutsch-russischen Beziehungen. Hrsg. von H. Weber, J. Drabkin, B.H. Bayerlein.* Wissenschaftliche Bearbeitung: B.H. Bayerlein, G.J. Albert, unter Mitarbeit von M. Korčagina, N. Lebedeva. München, De Gruyter, 2015, 1840 s., Teilbände 1 und 2 (публикация архивных документов по истории Коммунистического Интернационала).

Ещё в 1970 – 1980-е гг. западногерманские архивы для изучения истории послевоенной Германии в период её четырёхсторонней оккупации в 1945 – 1949 гг. осуществили обширную программу микрофильмирования материалов англо-американских архивов сразу же после их рассекречивания.²⁰ Аналогичную расторопность и оперативность германская сторона в лице Бундесархива проявила в 1990-е гг., когда начался широкомасштабный процесс рассекречивания архивов Советской военной администрации в Германии (СВАГ)²¹, созданной Постановлением Совета народных комиссаров СССР № 1326/301 от 6 июня 1945 г. для управления Советской зоной оккупации (СЗО) Германии после окончания Второй мировой войны. Со второй половины 1990-х гг. по 2010 г. в результате договорённостей, достигнутых Росархивом и Бундесархивом реализовывался масштабный историко-архивный и информационно-технологический проект «Совместная программа по изучению, использованию и микрофильмированию документов Советской военной администрации в Германии»²², предполагавший в том числе издание документальных публикаций. С этой целью в рамках названной «Совместной программы по изучению, использованию и микрофильмированию документов СВАГ» в начале 2000-х гг. была основана серия «Советская военная администрация в Германии (1945-1949): документы, материалы, исследования»²³.

¹⁹ В рамках проекта опубликовано: *Deutschland und die Sowjetunion 1933-1941. Dokumente aus russischen und deutschen Archiven*. Bd. 1: 30. Januar 1933 – 31. Dezember 1934. Hrsg. von S. Slutsch und C. Tischler unter Mitarbeit von L. Kölm. München, Oldenbourg Verlag, 2014, 1553 S.; Bd. 2: Januar 1935 – April 1937. Hrsg. von S. Slutsch und C. Tischler unter Mitarbeit von L. Kölm. Berlin, De Gruyter, 2019, 1781 S. (публикация документов российских и немецких архивов).

²⁰ *Ищенко В.В.* Война и проблемы российско-германских отношений новейшего времени. С. 158.

²¹ Отечественная историческая наука выделяет уникальность СВАГ и как военно-политического органа (*Галдобина С.В.* Молодёжная политика Советской военной администрации в Германии в 1945-1949 гг. Историческое исследование: Автореф. дисс.... к.и.н. М., 2002. С. 1), и как оккупационного сообщества в социальном плане в целом (*Козлов В.А., Козлова М.Е.* «Маленький СССР» и его обитатели. Очерки социальной истории советского оккупационного сообщества в Германии. 1945-1949. М., 2021. С. 6). В частности, в мае 1946 г. СВАГ изыскала возможность провести в Берлинском университете конференцию историков СЗО по вопросам преподавания и изучения истории (*Машкин М.Н.* К 100-летию со дня рождения Отто Хётча // ЕГИ. 1976. М., 1977. С. 325).

²² *Von Jena K.* Das SMAD-Projekt – eine erfolgreiche deutsch-russische Archivkooperation // *Moskaus Spuren in Ostdeutschland 1945 bis 1949. Aktenerschliessung und Forschungspläne*. Hrsg. von D. Brunner und E. Scherstjanoi / *Zeitgeschichte im Gespräch*. Berlin, 2015. Band 22. S. 51, 54, 55.

²³ Насыщенность Координационного комитета серии архивными и научно-исследовательскими учреждениями (Бундесархив, Росархив, Государственный архив Российской Федерации, ИСИ (Мюнхен-Берлин), ИВИ РАН, Университет Северной Каролины (США), Центр изучения новейшей истории в Потсдаме) Я. Фойтцик считает «оптимальной организационной конструкцией», обеспечившей самую успешную реализацию публикаторской программы, хотя косвенно состав Координационного комитета серии отражал серьёзную конкуренцию в сфере научных исследований как в Германии, так и на международной арене в целом (*Foitzik J.* *Deutsch-russische Forschungen zur SMAD am Institut für Zeitgeschichte* // *Moskaus Spuren in Ostdeutschland 1945 bis 1949*. S. 43). Й. Лауфер, соавтор четырёхтомной документальной публикации Архива внешней политики МИД России «СССР и германский вопрос, 1941-1949 гг.» (четвёртой том готовился под эгидой Комиссии и вышел в свет с её грифом в 2012 г.) абсолютно справедливо называет Я. Фойтцика важнейшим исполнителем от Комиссии по проектам в рамках серии «СВАГ...» (*Lauffer J.* *Forschungen in russischen Archiven zu Fragen der deutschen Zeitgeschichte nach 1941. Ein Erfahrungsbericht* // *Moskaus Spuren in Ostdeutschland 1945 bis 1949*. S. 71).

Провозгласив изучение советской оккупационной политики в Германии в 1945 – 1949 гг. одним из своих приоритетов²⁴, Комиссия приняла в реализации «Совместной программы...» самое активное участие, избрав политику в сфере культуры в качестве тематики пилотного проекта, начавшегося осенью 2000 г. Германская часть Комиссии объясняет такой выбор тем фактом, что на конец 1990-х гг. именно по проблематике культуры количество рассекреченных архивных документов было наибольшим²⁵. Однако не следует сбрасывать со счетов тот факт, что именно в области культуры таится ключ к наиболее быстрому и наименее отягощённому восстановлению международных и межгосударственных отношений. В таком подходе едины и сотрудники СВАГ, и специалисты по её истории. Даже формальное признание немцами власти победителей способствовало установлению культурного контакта, когда вступали в действие механизмы как культурного притяжения, так и культурного отталкивания²⁶. Советские власти с первых же дней пребывания в Восточной Германии поставили перед собой задачу восстановления там культурной жизни, что могло бы помочь немцам смоделировать новую реальность или как минимум расположить их к её принятию²⁷. Вот почему значительное количество приказов СВАГ касалось именно культуры²⁸. В западной исторической науке существует точка зрения, что изучение использования советских моделей для изменения немецких образовательных и культурных норм является ключевым элементом к пониманию трансформации общества в Восточной Германии²⁹. Советско-германские контакты и сотрудничество в области культуры оказывали благоприятное влияние на состояние духовной сферы между нашими странами в течение всей второй половины XX века³⁰.

Итогом деятельности рабочей группы представителей Комиссии и российских архивистов стала фундаментальная документальная публикация, вышедшая как в нашей стране, так и в ФРГ³¹.

²⁴ *Болдырев Р.Ю.* Повседневная жизнь немецкой провинции в условиях советской оккупации, 1945-1949 гг. (на примере г. Галле на Заале) // Германия. Государство, общество, человек / Отв. ред. Л.Н. Корнева. Серия «Германские исследования в Сибири». Вып. 9. Кемерово, 2015. С. 168.

²⁵ *Foitzik J.* Op. cit. S. 44.

²⁶ *Тимофеева Н.П.* Война и послевоенное пребывание за границей как катализатор личного самоопределения офицеров Советской военной администрации в Германии, 1945-1949 гг. // Человек и личность в истории России, конец XIX – XX век: Материалы международного colloquium в Санкт-Петербурге, 7-10 июня 2010 г. СПб., 2013. С. 351.

²⁷ *Мудров С.Н.* Neues Deutschland. Управление пропаганды Советской военной администрации в Германии (1945-1947 гг.). Ярославль, 2011. С. 95.

²⁸ *Давидович Д.С.* Рождение новой, демократической Германии // ЕГИ. 1971. М., 1973. С. 461.

²⁹ *Naimark N.* The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945-1949. Cambridge (Mass.), 1995. P. 6.

³⁰ *Терехов В.П.* Холодный блеск Фортуны. М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2012. С. 252.

³¹ Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты. 1945-1949: Сборник документов / Отв. ред. и сост. Н.П. Тимофеева и Я. Фойтцик. При участии Ю.М. Коршунова, К. Кюнцель, Д.Н. Нохотович, Ю.Г. Орловой, Е. Рош. М., 2006, 976 С.; Die Politik der Sowjetischen Militäradministration in Deutschland (SMAD): Kultur, Wissenschaft und Bildung 1945-1949: Ziele, Methoden, Ergebnisse. Dokumente aus russischen Archiven. Verantwortliche Bearbeiter: J. Foitzik, N.P. Timofejewa, Bearbeiter: J.M. Korschunow, Ch. Kuenzel, D.N. Nochtowitsch, J.G. Orlowa und J. Rosch. München, 2005, 468 s.

Другим фундаментальным проектом по истории СВАГ, инициированным и реализованным Комиссией, стал справочник о структуре и функциях органов СВАГ, также изданный в обеих странах³². Несмотря на то что в 1990-е гг. в Германии и России в свет уже вышло несколько справочных изданий по истории СВАГ в 1945-1949 гг.³³, необходимость продолжения ввода в научно-исследовательский оборот новых масштабных массивов сваговских документов предполагало актуальность нового справочника, идею которого Я. Фойтцик сформулировал ещё в 2002 г. Обоснованность данной работы доказывается хотя бы тем, что объём справочника превышает тысячу страниц³⁴. Его выход в свет вкупе с предшествующим сборником документов стал хорошим подспорьем для всех, изучающих историю Второй мировой войны. Кроме того, отчасти была решена научно-практическая задача развития сотрудничества российских и немецких военных историков, на желательность углубления которого отечественная историческая наука обращала внимание во второй половине 2000-х гг.³⁵.

В целом можно сказать, что, несмотря на то, что СВАГ – это очень хорошо изученная тема по истории советской политики в германском вопросе³⁶, наличие огромной источниковой базы, распределённой по архивам России и Германии, позволяет продолжать работу и находить в политике СССР в Восточной Германии в 1945 – 1949 гг. новые вопросы, ответы на которые требуют дополнительных исследований³⁷.

³² Советская военная администрация в Германии. 1945-1949. Справочник / Отв. ред. Я. Фойтцик, Т.В. Царевская-Дякина, А.В. Доронин; при участии Х. Кюнцель, Д.Н. Нохотович. М., 2009, 1031 С.; SMAD-Handbuch: Die Sowjetische Militäradministration in Deutschland 1945-1949. Bearbeiter: J. Foitzik und T.W. Zarewskaja-Djakina unter Mitarbeit von Ch. Künzel und D.N. Nochtowitsch / Redaktion: J. Foitzik. München, 2009, 822 S.

³³ SBZ-Handbuch. Staatliche Verwaltung, Parteien, gesellschaftliche Organisationen und ihre Führungskräfte in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands 1945-1949. Hrsg. von M. Broszat und H. Weber. München, 1990; Foitzik J. Sowjetische Militäradministration in Deutschland (SMAD): 1945-1949. Struktur und Funktion. Berlin, 1999 (Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte, Bd. 44); Захаров В.В., Филипповых Д.Н., Хайнеманн М. Материалы по истории Советской военной администрации в Германии в 1945-1949 гг. Научно-справочное издание. Вып. 1 (политические структуры СВАГ). М., 1998, 247 с.; Вып. 2 (силовые структуры СВАГ). М., 1999, 376 с. В последнем справочном двухтомнике, к сожалению, отсутствуют сноски на отечественные архивные материалы, что можно объяснить как объективными причинами (поскольку книга готовилась тогда, когда процесс рассекречивания только начинался, исполнители по проекту вынуждены были избегать обычных ссылок на фонды, описи и дела (см.: Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941-1990. М., 2009. С. 5)), так и субъективными: не проставляя архивные легенды, авторы добиваются того, что другие исследователи будут давать ссылки по их книге, а не по архивным материалам, которые они, возможно, вообще не видели.

³⁴ Иначе понять историю СВАГ в 1945-1949 гг. очень сложно. Но рукопись такого размера неизбежно создала ряд организационных сложностей, в частности, издательские расходы не удалось уложить в бюджет Комиссии, поэтому пришлось обращаться за дополнительной поддержкой в ИСИ (Мюнхен-Берлин).

³⁵ Арзамаскина Н.Ю. Деятельность советских военных органов репатриации в Германии в 1945-1950 гг.: Автореф. дисс. к.и.н. М., 2007. С. 23.

³⁶ Laufer J. Op. cit. S. 73.

³⁷ Синдеев А.А. Недописанная история: 1949 год в Советской зоне оккупации Германии // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2019. № 3(107). С. 82.

Под эгидой Комиссии осуществлялись и индивидуальные проекты, причём, не только документальные публикации³⁸, но и монографии³⁹.

С самого начала работы члены Комиссии обращали пристальное внимание на необходимость осуществления проектов, связанных с историческим образованием. Первым успешным научно-практическим шагом было завершение в 2000-е годы проекта «100(0) ключевых документов по российской и германской истории в Интернете». Специально отобранные членами рабочей группы документы были оцифрованы и размещены на сайте Баварской государственной библиотеки. Этим ресурсом (URL:<https://www.1000dokumente.de/>) активно пользуются школьники, студенты-историки и вообще все желающие глубже и всесторонне ознакомиться с историей.

Следующий шаг был сделан в 2009 г. по рекомендации российско-германского форума «Петербургский диалог». Тогда Комиссия взяла курс на разработку концепции, подготовку содержания и издание трёхтомного пособия для преподавателей истории под названием «Россия и Германия: вехи совместной истории в коллективной памяти», охватывающего период XVIII – XX веков. Замысел по созданию учебной книги по истории состоял в том, что в ней все разделы должны быть написаны совместно двумя авторами – российским и германским учёными. Это обстоятельство предполагало поиск компромиссов и достижение консенсуса по интерпретации самых разных событий и явлений из истории отношений двух стран, встроённых в широкий международный контекст.

Многие факты, которые предстояло осветить соавторам, воспринимаются неоднозначно в каждой из стран. Думалось, что в процессе работы над текстом отдельных глав немецкие и российские специалисты смогут преодолевать конфликты исторической памяти, идти не путём поиска виноватых, а совместными усилиями устанавливать историческую истину. Таким образом, этот образовательный проект Комиссии создавал хорошие предпосылки, чтобы в практической плоскости был налажен диалог «памятей» в форме диалога учёных-историков, который должен в итоге способствовать достижению столь необходимого консенсуса в оценке прошлого. Более отдалённая перспектива реализации этого проекта виделась в том, чтобы дать возможность учащимся в обеих странах более или менее одинаково оценивать события ушедших веков.

Первоначально в России и Германии на русском и немецком языках соответственно в свет вышел том, посвящённый событиям XX века⁴⁰. Такой «обратный отсчёт» объяснялся тем, что в результате работы над ранее упоминавшимся проектом «100(0) ключевых документов по российской и германской истории в

³⁸ «Хоть раз напишу тебе правду». Письма солдат вермахта из сталинградского окружения / Отв. ред. Н.Э. Вашкау. М., 2013, 135 с.

³⁹ Томас Л.Я. Жизнь Г.В. Чичерина. М., 2010. 280 с. (рецензия на книгу написана д.и.н. В.П. Любыным (НИИ. 2011. № 5. С. 232-235)); Новик Ф.И. В ловушке холодной войны (советская политика в отношении Германии, 1953-1958 гг.). М.: Институт российской истории РАН, 2014. 367 с. (рецензия на книгу написана к.и.н. Р.В. Долгилевичем (НИИ. 2015. № 2. С. 195-198)).

⁴⁰ Россия-Германия. Вехи совместной истории в коллективной памяти. Том 3. XX век / Под ред. А.О. Чубарьяна, Х. Мёллера, В.В. Ищенко, Х. Альтрихтера. М.: ИВИ РАН, 2014, 400 с.; Deutschland-Russland. Stationen Gemeinsamer Geschichte – Orte der Erinnerung. Band 3. Das 20. Jahrhundert. Hrsg. von H. Altrichter, W. Ischtchenko, H. Moeller, A. Tschubarjan. München: De Gruyter Oldenbourg, 2014. 352 s.

Интернете» многие разделы по истории XX века были уже подготовлены членами Комиссии и подкреплены документами. Через непродолжительное время также на двух языках вышли первый (2018 г.) и второй (2019 г.) тома совместного пособия по истории, посвящённые соответственно XVIII и XIX векам⁴¹.

Результаты работы над совместным трёхтомным учебным пособием получили признание не только в России и Германии, но и на более широком пространстве балтийского региона Европы, о чём свидетельствует публикация фрагментов книги⁴², которую рецензенты даже называют «книгой примирения»⁴³.

Разумеется, такая многогранная и объёмная работа, какой является трёхтомное издание «Россия и Германия: вехи совместной истории в коллективной памяти» не могла быть абсолютно свободной от ряда недочётов, на которые обращалось внимание. Например, Я.С. Драбкин справедливо указывал на то, что в книге совершенно не упомянута роль для советско-германской истории XX века писателя Л.З. Копелева. Данная мысль представляется справедливой, поскольку в отечественном экспертном сообществе пособие видится как продолжение усилий России и Германии по узнаванию друг друга и ознакомлению с взаимными представлениями, начало которого было положено «Вуппертальским проектом» Л.З. Копелева⁴⁴. Однако это и другие замечания носят частный характер.

Сделаем оговорку: члены российско-германской Комиссии историков не являются изобретателями способа совместного написания учебной литературы по истории авторами из разных стран. Такой опыт в Европе существовал и раньше, но в целом он не получил широкого распространения и по разным причинам его трудно назвать успешным⁴⁵. Из-за этого некоторые аналитики высказывали определённый скептицизм в возможности его использования на нынешнем этапе антагонистического противостояния на пространстве исторической памяти⁴⁶.

Самым результативным и впечатляющим было сотрудничество учителей истории из Германии и Франции (по пять человек с каждой стороны), которые в период с 2006 по 2011 гг. совместно подготовили и издали «Историю Европы

⁴¹ Презентация всего трёхтомника прошла в Доме приёмов МИД России (Москва, ул. Спиридоновка, д. 17) 9 июля 2019 г.

⁴² *Борозняк А.И., Оберлокамп Е.* Эскизы к портрету Берлинской эмиграции: «Русская Германия» в 1920-е годы // Янтарный мост. Международный общественно-политический журнал. 2013. № 3(11). С. 52-57.

⁴³ *Тимофеева Т.Ю.* Вехи совместной истории в коллективной памяти // ННИ. 2015. № 5. С. 161. И это при том, что к началу XXI века, с точки зрения некоторых исследователей, российско-германского примирения после Второй мировой войны, в отличие от франко-германского, достичь так и не удалось (Дашичев В.И. Россия и Германия: взаимоотношения в разные времена // Российско-германские отношения в контексте европейской безопасности. С. 48).

⁴⁴ *Тимофеева Т.Ю.* Указ. соч. С. 160. См. также: *Кожевникова А.М.* «Вуппертальский проект»: от замысла до завершения // Альманах германской истории / Отв. ред. В.В. Ищенко, сост. А.А. Синдеев, Ю.М. Коршунов. М., 2013. Вып. 1. С. 139-158.

⁴⁵ Историки Польши и Германии, Украины и Польши много лет пытались преодолеть противоречия в интерпретации различных событий прошлого, но так и не смогли прийти к консенсусу.

⁴⁶ См.: *Лукьянов Ф.А., Миллер А.И.* и др. Историческая память – ещё одно пространство, где решаются политические задачи // Россия в глобальной политике. 2020. № 1.

и мира»⁴⁷. Данная трилогия охватывает в целом период от античности до современности. Немцам и французам тоже было очень непросто находить консенсус по самым разным и дискуссионным вопросам, таким как определение виновников развязывания мировых войн, отношение к коммунистическим партиям, объяснение причин традиционного противостояния Германии и Франции. От проекта российско-германской Комиссии его принципиально отличает ярко выраженная дидактическая направленность: наглядный материал – схемы, фотографии, диаграммы, карты, а также большое количество заданий для самостоятельной работы учащихся, удельный вес аналитической части незначителен, имеет вспомогательное значение. Российско-германские книги предназначены в первую очередь для преподавателей, сочетание аналитики и наглядности в них более сбалансированное, акценты в первую очередь сделаны на анализе причинно-следственных связей, показаны существующие альтернативные интерпретации.

Российско-германский опыт вкупе с германо-французским и некоторыми другими⁴⁸ хорошо иллюстрирует тенденцию развития европейской политики памяти в современных условиях.

Резюмируя, можно констатировать, что в рамках проекта «Россия и Германия: вехи совместной истории в коллективной памяти» Комиссии удалось наладить конструктивный диалог учёных обеих стран по самым разным сюжетам отношений двух государств и народов. Большинство глав трёхтомного пособия, охватывающего с XVIII по XX век, было написано вместе: из 69 глав, приходящихся на все тома, только в шестнадцати случаях не было достигнуто взаимопонимания между российскими и немецкими коллегами по интерпретации исторических событий.

Применительно к научно-образовательному направлению работы необходимо сказать, что после пленарного заседания Комиссии в 2005 г. в Саратове она наладила сотрудничество с Институтом международного изучения школьных учебников в Брауншвейге (ФРГ). В результате их совместной работы в 2008 г. под грифом Комиссии и данного германского института при поддержке Фонда «Фольксваген» и правительства ФРГ был издан учебник по истории Германии XX века, получивший позитивные отзывы⁴⁹. В июне 2009 г. в Посольстве ФРГ в Москве прошла презентация этой книги.

В конце 2000-х гг. Комиссия начала участвовать в интересном международном проекте – «трёхсторонней конференции историков России, Германии, Польши по Второй мировой войне», являющемся одновременно и научным, и внешнеполитическим. Идея и формат научного триалога были инициированы министерствами иностранных дел трёх стран по причине значимости и влияния

⁴⁷ <https://de.wikipedia.org/wiki/Histoire/Geschichte>

⁴⁸ Четырёхтомный польско-германский учебник «Европа – наша история» (<https://europa-unsere-geschichte.org/>).

⁴⁹ См., например, рец.: Долгилевич Р.В. История Германии XX века в новом измерении: источники, статистика, художественные документы: Пособие для учащихся средних и старших классов школ, гимназий, музеев, студентов, учителей / Сост. И. Бюлов при участии А. Германа. М., 2008, 688 с. // ННИ. 2010. № 1. С. 237-239.

истории войны на выстраивание современных международных отношений. Успех задуманного дела во многом объяснялся тем, что историческое и внешнеполитическое самосознание государств тесно взаимосвязаны⁵⁰.

В первой трёхсторонней конференции историков, прошедшей в Варшаве в мае 2009 г. по теме «Генезис Второй мировой войны: историография, новые исследования, новые взгляды», Комиссия была представлена отдельными членами, выступавшими с докладами, но в подготовке второй – «Вспоминая Вторую мировую войну: мемориальные комплексы и музеи в Центральной и Восточной Европе»⁵¹, состоявшейся в Берлине в начале июля 2010 г., Комиссия участвовала на условиях партнёрства⁵².

На аналогичной трёхсторонней конференции историков в Москве (январь 2012 г.) «Образы Второй мировой войны и их влияние на международные отношения»⁵³, организованной ИВИ РАН и МГИМО-Университетом МИД России, особо подчёркивалось, что диалог удачно дополняется сотрудничеством комиссий историков трёх стран в двустороннем формате⁵⁴. Начало конференции совпало с открытием российско-германского Года образования, науки и инноваций (2012 – 2013 гг.).

На московской конференции внимание обращалось на то, что, несмотря на высокий уровень интеграции, в рамках Евросоюза ещё не существует единой исторической памяти между новыми и старыми членами, как нет её между Россией, Польшей и Германией⁵⁵. Именно вопросам формирования исторической памяти⁵⁶ в России и Германии после Второй мировой войны был посвящён следующий проект, инициированный базовыми институтами Комиссии, – двухэтапная конференция «Вспоминая диктатуру и войну: болевые точки исторической памяти в России и Германии после 1945 г.» (март – Москва⁵⁷, май – Мюн-

⁵⁰ Мальгин А.В. Россия и Польша: сквозь призму «восточной политики» Евросоюза // Восточная Европа. Перспективы. 2011. № 2. С. 9-12.

⁵¹ *Erinnern an den Zweiten Weltkrieg. Mahnmale und Museen in Mittel- und Osteuropa*. Hrsg. von S. Tröbst und J. Wolf. Leipzig, 2011. 272 s.

⁵² Коршунов Ю.М. Мемориальные комплексы и музеи истории Второй мировой войны в Центральной и Восточной Европе // ННИ. 2011. № 1. С. 241-243.

⁵³ Коршунов Ю.М. Международная научная конференция о Второй мировой войне и современных международных отношениях // ННИ. 2012. № 3. С. 244-245.

⁵⁴ Чечевичников А.Л. Образы Второй мировой войны и их влияние на международные отношения. Обзор международной научной конференции историков России, Германии и Польши // Восточная Европа. Перспективы. 2012. № 1–2. С. 187.

⁵⁵ Там же. С. 188.

⁵⁶ Под исторической памятью мы понимаем представления больших общественных групп о тех или иных значимых исторических событиях или явлениях (войны, революции, социальные и политические общественные трансформации) (Ищенко В.В., Мирзеханов В.С. Указ. соч. С. 645). Актуальность изучения исторической памяти отечественным экспертным сообществом мотивируется тем, что для периода холодной войны было характерно вытеснение исторической памяти инструментализацией военного опыта, а это ставит перед новейшей исторической наукой задачи отхода от мифологизации и некоторых идеологических штампов (Бордюгов Г.Э. От испытания войной к испытанию правдой о войне // Сталинград: чему русские и немцы научились за 60 лет. С. 152).

⁵⁷ Коршунов Ю.М. Российско-германская научная конференция // ННИ. 2012. № 4. С. 214-215.

хен⁵⁸), включённая в перечень мероприятий в рамках российско-германского Года образования, науки и инноваций.

Комиссия вела научно-практическую работу и в контексте концепции научной дипломатии, разработанной РФФИ. Под этим термином РФФИ понимает спектр реальных дел, способствующих укреплению и развитию международного научного сотрудничества⁵⁹. При поддержке в том числе РФФИ и под его лозунгом «научная дипломатия в действии» в Воронеже в июле 2019 г. прошёл научный коллоквиум по истории советско-германских отношений в 1917 – 1991 гг.⁶⁰, а в целом необходимо подчеркнуть, что данное научно-практическое направление имеет в нашей стране позитивную перспективу⁶¹.

К сожалению, за прошедшие 25 лет Комиссии не всегда удавалось справляться с возникающими сложностями и избегать ошибочных решений.

Документальные публикации по таким успешным проектам, как «Берлин-Москва. Коммунистическая партия Германии и Коминтерн в 1919 – 1943 гг.» и «Германия и Советский Союз в 1933 – 1941 гг.», а также ряд других работ изданы только на немецком языке, что значительно сузило сферу их использования внутри России: в 2018 г. на пленарном заседании в Мюнхене член Комиссии д-р и. наук А.Ю. Ватлин привёл парадоксальный пример того, как студенты исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова при работе с книгой «Германия и Советский Союз в 1933 – 1941 гг.», просят перевести для них советские документы с немецкого языка (!) на русский.

В начале 2011 г. российская часть Комиссии поставила перед собой задачу возродить традиции «Ежегодника германской истории», издававшегося с конца 1960-х по конец 1980-х гг. ИВИ АН СССР и Комиссией историков СССР – ГДР. Предлагалось выпускать «Альманах германской истории». Идея была вынесена на совещание российских историков-германистов, состоявшееся в марте 2011 г. в ИВИ РАН. Выступая там, член Комиссии, д-р и. наук А.И. Борозняк обратил внимание присутствующих на то, что повторить уровень качества «Ежегодника» будет очень проблематично. Во-первых, не видно

⁵⁸ Материалы двух конференций опубликованы в виде сборника статей на немецком языке: *Erinnerung an Diktatur und Krieg. Brennpunkte des kulturellen Gedächtnisses zwischen Russland und Deutschland seit 1945*. Hrsg. von A. Wirsching, J. Zarusky, A. Tschubarjan, V. Ischtschenko. Berlin, 2015, 390 S. (Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte, Bd. 107).

⁵⁹ *Панченко В.Я.* Научная дипломатия в действии // Мир в исследованиях российских ученых: аннотированный каталог научной литературы, изданной в 1994-2017 годах при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований / Отв. ред. Р.А. Казакова; сост. Л.С. Крекшина, Я.В. Смирнова. М., 2018. С. 6.

⁶⁰ *Коришонов Ю.М.* Российско-германский научный коллоквиум «Советско-германские экономические отношения, 1917-1991 гг.» (Воронеж, 11-12 июля 2019 г.) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 3(96). С. 191. Как это ни парадоксально, мероприятие никак не упомянуто в подразделе «Сфера межобщественного, парламентского и гуманитарно-культурного сотрудничества» книги, подводящей итоги развития российско-германских отношений за 2019 г. (Германия. 2019 / Отв. ред. В.Б. Белов. М.: Институт Европы РАН, 2020. С. 127-129), хотя в зале воронежской рабочей встречи были размещены два стенда, демонстрирующие сотрудничество Воронежской области и немецкого бизнеса (*Коришонов Ю.М.* Там же. С. 187, 188).

⁶¹ Научная дипломатия: Учебное пособие / Под ред. Р.Ф. Додельцева, А.В. Шестопаля. М.: МГИМО-Университет МИД России, 2021. 171 с.

достойной замены д-ру и. наук А.С. Давидовичу, одному из авторитетнейших советских германистов того времени, который, обладая уникальным опытом работы в Коминтерне и СВАГ, будучи заместителем главного редактора «ЕГИ», имел широчайшие связи с германскими коллегами и прекрасно разбирался в тонкостях проблематики истории советско-германских отношений⁶². Во-вторых, под руководством А.С. Давидовича работали несколько сотрудников, которые занимались исключительно редакционной работой. «Сможет ли Комиссия, – задавал вопрос А.И. Борозняк, – обеспечить – в первую очередь материально – работу специализированной редакционной коллегии?»

Не самый оптимистический прогноз А.И. Борозняка позже подтвердился. В аннотации вышедшей в 2013 г. книги⁶³ содержится довольно амбициозная декларация о продолжении традиций «ЕГИ», но в «Альманахе», в отличие от своего предшественника, не было проставлено грифа Комиссии, не было оглавления на немецком языке, что весьма сужало возможность немецкоязычной аудитории быть в курсе работ российских учёных. В самом оглавлении труда, посвящённого, главным образом, столетию Л.З. Копелева, пропущено обозначение страниц 171 – 228, на которых в «Альманахе» содержится публикация архивных материалов фонда «Копелев» из Российского государственного архива литературы и искусства, что способно ввести читателей в заблуждение. «Альманах» не стал, подобно «ЕГИ», периодическим изданием, это был первый и на данный момент последний выпуск.

Несмотря на то что история считается важнейшим поставщиком аргументов для политиков⁶⁴, Комиссия, в отличие от своей предшественницы советского времени⁶⁵, никогда не участвовала в т.н. «войнах исторической памяти»⁶⁶. Резкое ухудшение международно-политической ситуации в Европе, начавшееся весной 2014 г.⁶⁷, не оказало негативного влияния на работу Комиссии. В октябре 2014 г. на её пленарном заседании, проходившем в Российском доме науки и культуры в Берлине и посвящённом столетию начала Первой мировой войны,

⁶² См. о нём: Давид Самойлович Давидович. Некролог // НИИ. 1990. № 3. С. 238; *Тартаковский Б.Г.* Все это было...: Воспоминания об исчезающем поколении. М., 2005. С. 280.

⁶³ Альманах германской истории / Отв. ред. В.В. Ищенко; сост. А.А. Синдеев, Ю.М. Коршунов. М., 2013. Вып. 1. 382 с.

⁶⁴ *Чечевишников А.Л.* Опыт совместной саморефлексии // Восточная Европа. Перспективы. 2011. № 1. С. 109.

⁶⁵ Ещё в канун рождения Комиссии историков СССР и ГДР в 1957 г. ясно предполагалось, что она будет вести борьбу против атлантической идеологии и космополитизма путём в первую очередь поиска в восточногерманских архивах материалов, раскрывающих корни империалистической политики агрессии (Штеккер Э. У истоков сотрудничества историков СССР и ГДР (Деятельность А.С. Ерусалимского в ГДР в 1955-1958 гг.) // ЕГИ. 1976. М., 1977. С. 95.).

⁶⁶ Исследователи также используют историко-юридическое понятие «войны памяти», когда посредством терминов оправдывается политическая линия того или иного правительства на данном этапе межгосударственных отношений (*Ложкин А.Г.* Современные территориальные споры и проблемы аннексии и оккупации: историко-правовые аспекты // Вопросы истории. 2019. № 5. С. 111-112).

⁶⁷ Интересно подметить, что оно с большой точностью было спрогнозировано на мероприятии историков-германистов в Москве в декабре 2008 г., на котором высказывалось мнение, что произошедшее в этом году вступление мира в полосу серьёзного экономического кризиса повлечёт за собой и внешнеполитическую нестабильность (

Меден Н.К. «Круглый стол» в Институте экономики РАН // НИИ. 2009. № 3. С. 247).

члены Комиссии были едины в мнении о том, что хотя масштаб мощного системного кризиса в Европе 2014 года несопоставим с событиями столетней давности, его анализ позволяет сделать вывод, что межгосударственные отношения в сфере науки, культуры и образования могут, в отличие от политических и экономических, не только оставаться на докризисном уровне, но и стать основой для последующего урегулирования международных противоречий⁶⁸.

Обоснованность такого вывода актуальна и в наши дни: юбилейный, десятый выпуск «Сообщений Комиссии», посвящённый столетию революций в России и Германии 1917–1918 гг., был опубликован весной 2022 г.⁶⁹, когда в очередной раз резко обострилось международно-политическое положение в Европе. Новая книга, как и вся двадцатипятилетняя деятельность Комиссии, может служить хорошим доказательством справедливости тезиса: «сотрудничество в науке вопреки холодной войне в политике»⁷⁰.

Четверть века – солидный отрезок пути, если говорить о человеческой жизни. К сожалению, время не пощадило некоторых наших товарищей по Комиссии. Никогда больше не будет с нами Якова Драбкина, Александра Галкина, Александра Борозняка, Германа Вебера, Йохена Лауфера, Бернда Бонвеча, Юргена Царуски, но память о них с нами навсегда.

⁶⁸ Коршунов Ю.М. Российско-германское научное мероприятие в Берлине // Вестник РАН. 2015. № 7. С. 662.

⁶⁹ <https://elibrary.bwv-verlag.de/book/10.35998/9783830543824>

⁷⁰ Левина Е.С. Взгляд из России. Научные контакты победителей и побеждённых в первое послевоенное десятилетие // Россия и Германия в XX веке: В 3 томах. Том 3: Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года / Под. ред. К. Аймермахера, Г.Э. Бордюгова, А. Фольперт. М., 2010. С. 531.

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ГЕРМАНИСТИКА В ЛИЦАХ,
КОНФЕРЕНЦИЯХ, ИССЛЕДОВАНИЯХ:
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА**

В России еще сохраняется традиция в изучении всеобщей истории как истории зарубежных стран в новое и новейшее время не только Европы и Америки, но и Азии и Африки. Среди европейских стран преобладала Германия, с которой, как отмечал известный дипломат и историк Ю.А. Квицинский, несмотря на все противоречия, конфликты и войны, были наиболее близкие отношения. «Если мы с немцами, да если мы вдвоем с Германией, то уж наверняка будем управлять не то Европой, не то целым миром... Эта идеология... прочно вошла в мышление нашего политического класса, начиная с Александра II и Горчакова, затем Ленина с Троцким, и кончая Брежневым и нынешним нашим президентом»¹.

Именно политика, а не история задавала направленность в принимаемых государством решениях, игнорируя знания и опыт профессиональных историков, диктуя им партийные установки. Тем не менее, после Второй мировой войны, когда в Европе и мире произошли огромные перемены, а на немецкой земле появилось социалистическое государство – ГДР, историческая наука должна была объяснить закономерность этих процессов и перспективы в развитии германского вопроса.

В феврале 1956 г. при Институте истории АН СССР была создана группа по изучению истории Германии. Главная задача состояла в том, чтобы объединить силы научных работников, занимающихся проблемами Германии, для совместного изучения наиболее актуальных вопросов немецкой истории. В группу вошли научные сотрудники московских исследовательских институтов, преподаватели МГУ, других столичных вузов. Организаторы заявили о привлечении исследователей из Ленинграда, Одессы, Ярославля и других городов².

В начале 1957 г. в Москве прошла встреча делегаций советских историков и историков ГДР, на которой обсуждались вопросы о совместном сотрудничестве в области научных исторических исследований. В состав делегации историков ГДР входили действительный член Германской Академии наук профессор Лео Штерн (руководитель делегации), действительный член Германской Академии наук профессор Юрген Кучинский, профессора Карл Оберман, Альберт Шрейнер, Гюнтер Мюльпфордт и доцент Стефан Дернберг (секретарь делегации). Советских историков представляли: чл.-корр. Академии наук СССР А.А. Губер (руководитель делегации), профессор А.С. Ерусалимский (заместитель руководителя делегации), академик В.П. Волгин, чл.-корр. АН СССР В.М. Хвостов, профессора М.М. Смирин, А.А. Новосельский, Б.Б. Кафенгауз, И.С. Галкин, заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК

¹ Квицинский Ю.А. Россия – Германия. Воспоминания о будущем. М., 2008. С. 15.

² Дякин В.С. Историческая наука в СССР. Группа по изучению истории Германии // Вопросы истории. 1957. №3. С. 194-195.

КПСС, кандидат исторических наук Е.А. Степанова, начальник Главного архивного управления, кандидат исторических наук Г.А. Белов, кандидаты исторических наук М.И. Михайлов и Б.Г. Вебер (секретарь делегации). На этой встрече решено было создать постоянно действующую смешанную комиссию историков СССР и ГДР, что должно было положительно сказаться на развитии научных связей³.

Непростой период становления взаимоотношений между историками двух стран, а также работу «совместной комиссии» подробно проанализировала в своей статье М.В. Расчесова. Она исследовала не только архивные документы, но и провела интересные интервью с известными российскими историками, членами комиссии Я.С. Драбкиным и М.Н. Машкиным. В ноябре 1957 г. в Лейпциге состоялась первая научная сессия комиссии историков СССР и ГДР, посвященная 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. На сессии обсуждались две основные темы: «Влияние Великой Октябрьской революции на Германию» и «Основные направления реакционной историографии Второй мировой войны». В работе сессии приняли участие 450 человек⁴.

Разумеется, центр отечественной германистики находился в Москве. С созданием в 1968 г. Института всеобщей истории АН СССР германистика стала одним из ведущих направлений в исторической науке. Через год состоялся первый выпуск «Германского ежегодника» (тираж 1750 экз.), в котором были опубликованы статьи советских и немецких историков⁵. Издание «Германского ежегодника», а также журнала «Новая и новейшая история», способствовали привлечению новых исследователей, расширению географии отечественной германистики. Большую научную и организационную поддержку и помощь региональной германистике оказали сотрудники Института всеобщей истории Я.С. Драбкин, М.Б. Корчагина, Г.Н. Сапожникова, С.Р. Сухоруков, Б.М. Туполев, А.М. Филитов и др.

Назовем, прежде всего, Волгоград, который имел историческое право на то, чтобы стать центром отечественной германистики. В 1923-1941 гг. в составе РСФСР существовала Социалистическая Республика немцев Поволжья, административной столицей которой был город Энгельс (до переименования Покровск). В 1939 г. почти 60% населения республики составляли немцы, значительное количество поволжских немцев работали в Саратове, Сталинграде, в различных учебных заведениях и промышленных предприятиях. С началом Великой Отечественной войны немецкая республика была ликвидирована, а все попытки ее восстановления в 60-80 гг., как и после распада СССР в 1991 г., ни к чему не привели. Но город был символом героической Сталинградской битвы –

³ Историческая наука в СССР. Соглашение о научном сотрудничестве между историками СССР и ГДР // Вопросы истории. 1957. №3. С. 193-194.

⁴ Расчесова М.В. Зарождение сотрудничества немецких и советских историков. Создание комиссии историков СССР и ГДР (1949-1961 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. №5. С. 83.

⁵ Ежегодник германской истории. Вып. 1: 1968 / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории, Комис. историков СССР и ГДР / Гл. ред. В.М. Хвостов. М., 1969.

началом коренного поворота во всей Второй мировой войне, о чем в Германии вряд ли забудут.

Первая конференция советских германистов в Волгограде состоялась в 1967 г. Организационные вопросы, связанные с материально-техническим обеспечением и агитационно-пропагандистской деятельностью, были решены благодаря Волгоградскому отделению Советского общества дружбы с ГДР (П.В. Хахалев, А.П. Невструев, В.Б. Василенко, А.М. Водовозов) и Волгоградскому Комитету защиты мира (Е.В. Безверхова, Г.М. Ковалева, О.Б. Сливина). Научное содержание конференции определяла кафедра всеобщей истории, проводившая встречи советских и германских историков вплоть до конца 1980-х гг. Научный потенциал зав. кафедрой, доктора исторических наук, профессора Владимира Александровича Козюченко и организаторский талант кандидата исторических наук доцента Виктора Николаевича Попова, по совместительству зам. председателя Волгоградского отделения Советского общества дружбы с ГДР, а также научные связи кафедры с Высшей педагогической школой в Цвиккау (ГДР), Институтом всеобщей истории АН СССР, региональными вузами страны, где занимались исторической германистикой (Вологда, Иваново, Липецк, Воронеж, Днепропетровск, Луганск, Ставрополь, Челябинск, Кемерово и др.) обеспечивали высокий профессиональный уровень выступлений, дискуссионность заседаний, душевную атмосферу встреч.

С этого времени до конца 1980-х гг. Волгоградский государственный педагогический институт превратился в своеобразный центр советской германистики, где регулярно проводились конференции с участием исследователей истории Германии из СССР и ГДР. Так, в апреле 1971 г. кафедра всеобщей истории выступила инициатором проведения научной конференции, в которой приняли участие сотрудники посольства ГДР в СССР, представители педагогического института Эрнста Шнеллера Цвиккау (ГДР) и Института истории АН СССР, а также историки Саратовского и Вологодского педагогических институтов. Сложно перечислить имена тех советских ученых-германистов, которые приезжали в Волгоград: Я.С. Драбкин, А.И. Борозняк, И.Я. Биск, А.С. Бланк, Ю.И. Егоров, Б.А. Туполев, Г.Н. Сапожникова, А.Б. Цфасман. Главными темами конференций являлись вопросы германского рабочего движения, истории Германской Демократической Республики, Социалистической единой партии Германии, историографии истории Германии, ФРГ, ГДР. Время диктовало иную методологическую базу исследования, подходы к изучению проблем. Вместе с тем богатый фактический материал, нашедший отражение в ряде сборников, до сих пор остается актуальным⁶.

Достойное место в отечественной германистике занимает вологодская школа, созданная талантливым советским ученым А.С. Бланком. Именно в Вологде проявился его яркий исследовательский талант историка-германиста, энергичного организатора, инициатора создания в России исследовательских

⁶ Эти материалы автору статьи предоставила д. и. н., профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществоведения Волгоградского государственного социально-педагогического университета Т.В. Евдокимова, близко знавшая В. А. Козюченко и В.Н. Попова.

центров по германской истории. Проблемное объединение в областной столице было создано в конце 1960-х гг. В Совет, председателем которого стал профессор А.С. Бланк, вошли Г.Н. Горошкова, Я.С. Драбкин, В.Е. Майер, В.А. Козюченко, Ю.Л. Бессмертный, К.Д. Петряев, И.Я. Биск, А.И. Борозняк и др., всего – 20 человек.

В середине октября 1971 г. в Вологде состоялся первый республиканский научный симпозиум «Проблемы германской истории», на котором было заслушано более 50 докладов и сообщений, посвященных «актуальным в научном и политическом отношении темам германской истории»⁷. Главными темами конференций являлись вопросы германского рабочего движения, истории Германской Демократической Республики, Социалистической единой партии Германии, историографии истории Германии, ФРГ, ГДР. В большинстве своем доклады и выступления не выходили за рамки марксистско-ленинской методологии, но богатый фактический материал, новизна поднимаемых авторами тем и вопросов нашли отражение в опубликованных статьях, которые по-прежнему востребованы российскими германистами.

Благодаря Бланку в историческую науку пришли новые способные специалисты, что стало существенным импульсом в развитии отечественной германистики. Сам А.С. Бланк не «замыкался» только на Вологде. В 1971 и 1972 гг. он был участником научных конференций в Волгограде. В августе 1970 г. принимал участие в работе XIII Международного конгресса исторических наук в Москве. Одна за другой издавались его книги по современной истории ФРГ, истории германского фашизма и антифашистского Сопротивления. Он был первым, кто обратился к такой сложной и неоднозначной проблеме как история военного плена⁸.

В мае 1983 г. в Вологде состоялась Республиканское координационное научное совещание по германской истории. По существу, совещание было «всесоюзным», ибо на этой встрече были представлены все направления и школы в отечественной германистике. Тематика совещания определялась его названием: «Прогрессивные, революционные, демократические, антифашистские традиции в германской истории», но содержание докладов оказалось значительно шире «революционной традиции». Иного просто не могло быть. Встреча собрала буквально «цвет» российской германистики, достаточно посмотреть программу совещания. Автор данной публикации выступил на секции с докладом о деятельности консервативного политика ФРГ Ф.Й. Штрауса, содержательность и новизна которого была отмечена на заключительном пленарном заседании руководителем секции А.И. Борозняком⁹. Преждевременная кончина Александра Соломоновича Бланка 20 января 1985 г. не позволила во-

⁷ См.: Проблемы германской истории: Материалы симпозиума, состоявшегося в Вологде 15-17 октября 1971 г. Вологда, 1973. Вып. II.

⁸ Blank A. Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1979.

⁹ См.: Петелин Б.В. Вологда в жизни и научной деятельности Александра Ивановича Борозняка // Преодоление прошлого в Германии и России: опыт и уроки на будущее (Памяти профессора А.И. Борозняка): Материалы Международной научной конференции, 16-17 февраля 2017 года. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 23-30.

плотить все задуманное. Но его имя, книги, дела и свершения живут не только в памяти тех, кто знал и учился у Александра Соломоновича, но известны и востребованы молодыми исследователями и студентами российских вузов¹⁰.

С конца 80-х гг. с приходом на кафедру всеобщей истории кандидата исторических наук, доцента Б.В. Петелина начинается непростой процесс возвращения современной германской истории в учебные планы и научные исследования. На историческом факультете было восстановлено преподавание спецкурса «История и историография фашизма» (данный спецкурс вел в свое время А.С. Бланк), введен новый спецкурс «Актуальные проблемы современной Германии», была расширена тематика курсовых и дипломных работ по германской истории. В ее изучении появились такие направления как деятельность западногерманских политических партий ХДС и ХСС, эволюция партийно-политической системы ФРГ, характер и содержание социально-политических проблем немецкого общества, германская политика западногерманских партий. Были восстановлены научные связи с историками-германистами Волгограда, Екатеринбурга, Воронежа, Иваново, Липецка, Кемерово, Ярославля, а также Центром германских исследований ИВИ РАН.

С началом 90-х гг. установились прочные связи с Мемориальным музеем немецких антифашистов (г. Красногорск). Именно здесь в 1993 г. на Международной конференции, посвященной 50-летию Национального Комитета «Свободная Германия» автор выступил с докладом о проблемах немецкого Сопротивления в трудах А.С. Бланка¹¹. Особенно полезными оказались связи с ММНА для студентов. В течение ряда лет они приезжали в Красногорск, изучали в музее документальные материалы, необходимые для подготовки дипломных работ. Большую помощь вологодским студентам оказали сотрудники музея и его руководство: директор А.А. Крупенников, заместитель директора по научной части В.А. Всеволодов.

Было продолжено изучение истории военного плена. На этом направлении активно проявил себя вологодский историк В.Б. Конасов. Привлекая неизвестные ранее архивные документы, автор провел всесторонний научный анализ проблемы немецких военнопленных в СССР¹². Публикации В.Б. Конасова, его выступления на конференциях не остались без внимания российских и зарубежных специалистов. Постепенно вокруг автора сформировался круг его последователей, а сам он не только издал ценную монографию о пребывании немецких солдат и офицеров в советском плену, но и успешно защитил в 1998 г. докторскую диссертацию по теме «Политика Советского государства в отношении немецких военнопленных (1941-1956 гг.)». Успехи вологодских уче-

¹⁰ *Петелин Б.В.* Моим учителям: Александр Соломонович Бланк // Влияние мировых войн на международные отношения в XX веке: вклад молодых исследователей: материалы второй Всероссийской научной конференции (22 апреля 2021 года, Липецк). Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 5-12.

¹¹ *Петелин Б.В.* Деятельность Национального комитета «Свободная Германия» в исторических трудах А.С. Бланка: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва-Красногорск. 7-9 сентября 1993 г. Серия С-1. Красногорск, 1994. С. 123-129.

¹² *Петелин Б.В.* Профессор В.Б. Конасов: между российской и германской историей // *Historia Provinciae* – Журнал региональной истории. 2018. Т. 2. №3. С. 145-172.

ных и поддержка местных органов власти позволили возродить традицию проведения научных конференций с участием историков-германистов.

В 1995 г. в Вологде были проведены две научно-практических конференции, посвященные 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Состав участников, несмотря на финансовые затруднения в вузах, был достаточно широк. По результатам работы конференций были изданы научные сборники. Вместе с вологодскими исследователями, свои статьи и тезисы опубликовали В.А. Артемов, А.И. Борозняк, А.А. Булдаков, Ю.В. Галактионов, В.П. Галицкий, Л.Н. Гаранин, С.В. Кретинин, Г.М. Садовая, М.В. Ходяков, В.Л. Черноперов, А.Б. Цфасман и другие участники.

Достигнутые успехи в изучении германской истории и военного плена позволили провести в Вологде 23-25 октября 1997 г. Международную научную конференцию «Проблемы военного плена: история и современность», которая получила высокую оценку среди российской и зарубежной научной общественности. По ее итогам был издан сборник в двух частях. Отметим, что вологодских историков занимали не только вопросы военного плена, но и антифашистского Сопротивления немецких патриотов. Изданное В.Б. Конасовым и Б.В. Петелиным учебное пособие стало весьма полезной книгой для студентов и преподавателей¹³.

Если в столице в 60-70-е гг. XX века существовали немалые возможности для развития отечественной германистики, то в провинции все держалось на энтузиазме конкретных преподавателей, которые своей преданностью исторической науке сумели добиться признания и уважения среди своих коллег. Именно таким человеком был и остался в памяти своих учеников профессор Виктор Александрович Артемов¹⁴. Его научная деятельность связана с Воронежским государственным университетом, где он учился и работал. В 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1989 г. докторскую по теме «Революционные марксисты Бремена в борьбе против империализма, войны и оппортунизма в СДПГ в 1905-1918 гг.». В.А. Артемов был участником научных конференций в Волгограде, Вологде, Москве, его статьи выходили в научных сборниках и исторических журналах, привлекая читателя своей актуальностью и аргументацией¹⁵.

Становление германистики в Воронежском университете пришлось на 90-е гг. В 1992 г. благодаря стараниям Виктора Александровича в Воронеже была проведена представительная научная конференция на тему «Германская социал-демократия: уроки истории». По итогам конференции был опубликован

¹³ Конасов В.Б., Петелин Б.В. Сопротивление и плен: документы и материалы по истории антифашистского движения Сопротивления и военного плена в Германии и СССР. 1933-1955 гг.: Учебное пособие. Вологда: Изд-во Вологодского института развития образования, 2000.

¹⁴ Кардашева Е.В. Об ученом и человеке: памяти профессора В.А. Артемова // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2005. № 2. С.312-318.

¹⁵ Артемов В.А. Были ли все немцы антисемитами и «добровольными подручными Гитлера?» // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23-25 октября г. Вологда, 1997. Часть I. С. 193-198.

небольшой сборник тезисов¹⁶. В октябре 1997 г. Виктор Александрович был одним из организаторов конференции «Европа XIX – XX в.: политическая мысль и общественные движения». Вместе со своими учениками профессор В.А. Артемов приложил много усилий для организации в 1999 г. Международной научной конференции «Россия и Германия: опыт и уроки отношений в XIX-XX вв.». Благодаря сотрудничеству с Институтом Европы РАН и Ассоциацией европейских исследований (АЕВИС) ему удалось активизировать на историческом факультете исследования по европейской тематике, точнее, по проблемам европейской интеграции. Появились первые курсовые и дипломные работы по этой проблеме, на нее были нацелены и аспиранты. Под его руководством кандидатские диссертации защитили С.В. Кретинин, Г. Агаджанян, А.В. Акульшина, Ю.В. Власова, С.И. Дмитриева, Н.А. Жуковская, Е.В. Кардашова. В 1997 г. итогом работы в этом направлении стала очередная книга профессора «Демократия и власть: Опыт сравнительного анализа политических систем крупнейших стран Западной Европы»¹⁷.

Следующим и вполне логичным шагом стало создание в 1999 г. Регионального центра германских исследований, где объединились не только ученые воронежских вузов, но и Липецка, Белгорода, Тамбова, Ельца. Виктор Александрович организовал издание сборника «Россия и Германия: События, образы, люди», в ежегодных выпусках которого публиковались российские и немецкие исследователи. Под его редакцией вышло три сборника, затем эту инициативу взял на себя доктор исторических наук С.В. Кретинин. В журнале «Новая и новейшая история» опубликована рецензия профессора Воронежского госуниверситета А.В. Глухой на десять выпусков сборника за 1998-2014 гг.¹⁸.

В 2004 г. вышла последняя прижизненная монография Виктора Александровича – «Германия и Россия на изломах истории»¹⁹. По признанию профессора, она стала определенным итогом его научной и преподавательской деятельности на протяжении прожитых в Воронеже лет. В нее, наряду с избранными научными статьями, вошли публицистические работы, опубликованные в 90-е гг. в воронежских газетах. Эти материалы передают дыхание времени и позволяют лучше понять большого ученого и талантливого, жизнелюбивого человека Виктора Александровича Артемова²⁰.

¹⁶ Германская социал-демократия: уроки истории: Тезисы научной конференции 11-12 сентября 1992 г. Воронеж, 1992.

¹⁷ Артемов В.А. Демократия и власть: опыт сравнительного анализа политических систем крупнейших стран Западной Европы. Воронеж: ВГУ, 1997.

¹⁸ Глухова А.В. Германия и Россия. События, образы, люди: Сборник российско-германских исследований. Воронеж, 1998-2014. Вып. 1-10; Новая и новейшая история. 2015. №2. С. 200-202.

¹⁹ Артемов В.А. Германия и Россия на изломах истории. Воронеж: ВГУ, 2004.

²⁰ Кардашева Е.В. Об ученом и человеке: памяти профессора В.А. Артемова // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 318.

В современной России принято сопоставлять историю двух стран²¹. Возможно, за этими сравнениями мы утрачиваем нечто большее, чем получаем в действительности? Российско-германские отношения первой половины

XX века переплетаются столь замысловато и причудливо, что кажется, отсутствует всякая логика их понимания: от «запломбированного вагона» и «германских денег» на революцию в России к Брестскому миру, а от него к революции в собственном доме «кредиторов»; от авантюристического выступления «спартаковцев» в январе 1919 г. к переговорам Радека и Секта, а далее к Рапалло, к сотрудничеству между Красной армией и рейхсвером, что не мешало коммунистам планировать вооруженное выступление в Веймарской республике осенью 1923 г.; от VII конгресса Коминтерна, объявившего войну германскому фашизму, до «пакта о ненападении» и «договора о дружбе и границе» 1939 г., а от них к трагедии 41-го года, а от него к маю 45-го. А сегодняшние отношения разве не есть те же самые «качели»? Параллелей здесь можно и не найти, но история – не геометрия, в ней параллели не только имеют точки соприкосновений, но и места пересечений²².

В 2007 г. был издан сборник материалов научной конференции «Российско-немецкий опыт и перспективы», состоявшейся в Москве в октябре 2005 г., под редакцией Берндта Бонвеча и А.Ю. Ватлина²³. Сборник составлен по разделам из советской и немецкой истории, но основной «опыт», судя по содержанию ряда статей, следует извлекать из практики преодоления тоталитаризма: в Германии «двойной тоталитаризм» – «диктатура Гитлера» и «диктатура Хонеккера», ну а «советский тоталитаризм», преодоление которого якобы дается с трудом, хорошо известен.

Профессор А.И. Борозняк, один из самых авторитетных отечественных германистов, в своей книге «Искушение» писал, что в Германии после объединения происходит «тихое торжество» концепции тоталитаризма²⁴. По его мнению, которое вполне обосновано автором, «конструкция тоталитаризма» сыграла «позитивную роль в исторической и политологической мысли западного мира...», но «объектом ее рассмотрения являются, как правило, сходные политические объекты в принципиально различающихся социумах. Сравнение тиранических режимов нередко сползает к их уподоблению»²⁵. То есть, оснований считать ее действительно научной, нет. Это всего лишь словесный конструкт, употребляемый в псевдонаучных дискурсах.

²¹ См., напр.: *Хавкин Б.Л.* Россия и Германия, 1900-1945. Сплетение истории. М.: Новый хронограф, 2014; *Павлов Н.В.* Россия и Германия: несостоявшийся альянс (история с продолжением). М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017.

²² *Петелин Б.В.* Ноябрьская революция в Германии и «российский след» // Молодая гвардия. 1999. №5. С. 188.

²³ Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: Материалы научной конференции российских и немецких историков (Москва, 28-30 октября 2005 г.): Сборник статей под ред. Берндта Бонвеча и А.Ю. Ватлина. М., 2007. 340 с.

²⁴ *Борозняк А.И.* Искушение. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М., 1999. С. 165.

²⁵ Там же. С. 167.

Тем не менее, «тоталитаризм» стал главной темой научных проектов Западносибирского центра германских исследований²⁶. Воздержимся от подробного анализа опубликованных Центром работ (в 5 и 7 выпусках есть и наши статьи), а обратимся к предыстории его создания. Среди российских историков до сих пор с большой теплотой вспоминают доцента Томского государственного университета Николая Сергеевича Черкасова, которого по праву можно считать основателем сибирской школы исторической германистики, что появилась в 70-е гг. в СССР²⁷.

С Николаем Сергеевичем я был лично знаком, вместе участвовали в научных конференциях, обменивались корреспонденцией. Как уже отмечалось, многие историки, узнав о том, что в Вологде профессором А.С. Бланком создано Проблемное объединение по германской истории, изъявили свое желание участвовать в его научных мероприятиях. Николай Сергеевич выступал с докладом о западногерманской историографии национал-социализма на майской конференции 1983 г. в Вологде. Вместе с ним были заявлены с докладами будущие руководители Западносибирского центра германских исследований Ю.В. Галактионов и Л.Н. Корнева.

В сентябре 1988 г. я приехал в Томск как участник большой научной конференции «Историческая наука и перестройка». Преобладали представители сибирских городов, но достаточно много было из Москвы, Ленинграда, вузов Урала. Я и Л.М. Макарова из Сыктывкара были самыми «северными» германистами. Все, кто тяготел к германистике, участвовали в секции «Историография всеобщей истории» и заседании круглого стола «Проблемы фашизма и тоталитаризма в современной буржуазной историографии», ведущим которого был Н.С. Черкасов.

В следующий раз мы встретились на традиционной конференции в октябре 1989 г. в Волгограде, посвященной 40-летию Германской Демократической Республики. Об этой конференции следует написать особо, но не в этот раз. Искать информацию в обзорах журнала «Новая и новейшая история» бесполезно: ее там нет. До Волгограда, в мае 1989 г., я участвовал в конференции в Москве, которая также была посвящена «успехам социализма в ГДР», но и об этой встрече советских и немецких историков информации нет. Отпраздновав юбилей, ГДР вступила в свой 41 год, который она не пережила... С Николаем Сергеевичем мы были в следующем году в Свердловске на конференции «Воз-

²⁶ Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии: Материалы международной научной конференции (г. Кемерово, 19-22 сентября 2001 г.). Серия «Германские исследования в Сибири». Кемерово, 2001. Вып. 1. 500 с.; Тоталитарный менталитет: проблемы изучения, пути преодоления: Материалы Международной научной конференции (г. Кемерово, 18-20 сентября 2001 г.). Серия «Германские исследования в Сибири». Кемерово, 2003. Вып. 3. 506 с.; Политическое насилие в исторической памяти Германии и России: сборник научных статей. Кемерово: «Кузбассвузиздат», 2007. 736 с. (Серия «Германские исследования в Сибири». Вып. 5); Разрушение и возрождение в истории Германии и России: Сборник статей Международной научной конференции (г. Томск, 23-25 сентября 2009 г.) Серия «Германские исследования в Сибири». Томск: Изд.-во Том. ун-та, 2010. Вып. 7. 550 с.

²⁷ Терехов О.Э. Изучение истории Германии в Кемеровском государственном университете // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. №53. С. 83-87.

никновение Второй мировой войны и антифашистская борьба в Европе», по результатам которой были опубликованы тезисы²⁸.

В 1990 г. в журнале «Новая и новейшая история» появилась содержательная статья Н.С. Черкасова, своеобразный выверенный ответ западногерманским авторам по поводу затянувшегося «спора историков»²⁹. Статья томского ученого обнажила всю иллюзорность этого спора, за которым крылось явное намерение переформатировать историю Второй мировой войны. Да, в этом «споре» правым был Николай Сергеевич, вот только последующие события – исчезновение ГДР, распад СССР, реального социализма в Восточной Европе уменьшили весомость российских аргументов. Н.С. Черкасов ушел из жизни в октябре 1993 г., в самые «черные дни» этого месяца, что не было простым совпадением для тех, кто близко его знал...

Большой след в отечественной германистике оставил замечательный ученый и собеседник профессор Михаил Егорович Ерин. Вся его научная деятельность была связана с Ярославским государственным университетом, историческим факультетом, деканом которого он был, а также заведующим кафедрой всеобщей истории. Предметом его научных интересов являлась партийно-политическая система Веймарской республики, конкретно, Партия центра. Он автор многих работ по этой теме, редактор научных сборников по истории Веймарской республики³⁰. Профессор М.Е. Ерин всегда был желанным автором для исторических журналов, особенно главного нашего издания «Новая и новейшая история», где раздел германской истории долгие годы курирует доктор исторических наук Б.Л. Хавкин, учившийся в аспирантуре у профессора А.С. Бланка.

Особый импульс получили встречи историков с открытием в 2005 году в Москве Германского исторического института³¹. С его первым директором профессором Б. Бонвечем связаны многие научные проекты, конференции, лекции видных историков и политиков Германии, на которые имели возможность приехать ученые из регионов России, молодые исследователи.

Остановимся на этом рубеже, что вовсе не означает исчерпание материала. Мы и дальше продолжим восстанавливать страницы истории отечественной германистики, знакомить читателей с ее представителями, научными конференциями и публикациями.

²⁸ Петелин Б.В. Осмысление истории: Движение Сопротивления и крах фашизма в оценка ХДС/ХСС // Возникновение Второй мировой войны и антифашистская борьба в Европе: Тезисы 1-го Международного коллоквиума. 12-14 апреля 1990 г. Свердловск: Урал. ун-т, 1990. С. 17-19.

²⁹ Черкасов Н.С. ФРГ: «спор историков» продолжается? // Новая и новейшая история. 1990. №1. С. 171-184.

³⁰ Ерин М.Е. Веймарская республика в новейших исследованиях российских историков (конец XX – начало XXI века): текст лекций. Ярославль: ЯрГУ, 2003. 58 с.

³¹ *Bulletin Nr. 1. Russland und Deutschland. Die gemeinsame Geschichte und ihre Erforschung. Beiträge zur Eröffnung des Deutschen Historischen Instituts in Moskau*, 12. September 2005. – DHIM, 2006.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ БОРОЗНЯК: ИСТОРИК И ЕГО ВРЕМЯ¹

Имя Александра Ивановича Борозняка известно каждому, кто занимается новейшей историей Германии. Последняя его статья «Понимать Россию без предубеждений политического характера», которая была опубликована в журнале «Новая и новейшая история» уже после его ухода, своим названием, взятым из переписки двух значительных фигур XX века – Льва Копелева и Генриха Бёлля, – стала своеобразным призывом к русским и немецким коллегам². Всей своей жизнью и научным творчеством А.И. Борозняк стремился навести мосты между культурами России и Германии, между историографиями и историками наших стран.

А.И. Борозняк был автором более 240 научных работ по проблемам современной германской истории, историографии ФРГ, методологии и истории исторической науки, в том числе 7 монографий³. Историки давно и безоговорочно признали его огромную эрудицию, широту и нестандартность мышления, умение вести спор, ставить острые и точные вопросы. Он задал вектор исследований на много лет вперед. Его труды вышли за пределы академического дискурса и стали явлением общественно-политической жизни.

О Борозняке писать легко и трудно. Легко потому, что он был человек открытый, парадоксальный, доброжелательный, любознательный, зажигающий, щедро дарящий идеи и темы. Трудно потому, что его нет с нами. Он ушел стремительно, как жил, общался, читал, работал. Без Борозняка историческая наука – российская и германская – осиротела.

Александр Борозняк родился 25 января 1933 г. в Киеве. Счастливое детство в любящей семье продолжалось до начала Великой Отечественной войны. Отец Иван Федорович ушел на фронт и в августе 1941 г. под Киевом погиб (о чем семья узнала гораздо позже...).

Летом 1941 г. Александр с матерью уехал на Дальний Восток, а дедушки и бабушки остались в Киеве и погибли в Бабьем Яру. Мама Рахиль Семеновна бы-

¹ В основу статьи положен очерк Н.Э. Вашкау и Б.Л. Хавкина об А.И. Борозняке: Н.Э. Вашкау, Б.Л. Хавкин. Александр Иванович Борозняк: историк и время // Новая и новейшая история. 2017. №4. С. 129-140.

² *Борозняк А.И.* Понимать Россию без предубеждений политического характера. О переписке Л.З. Копелева и Генриха Бёлля // Новая и новейшая история. 2016. № 1. С. 178-190.

³ *Борозняк А.И.* Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М., 1999; *его же.* ФРГ: опыт становления антитоталитарного согласия. Проблема «преодоления прошлого». М., 1999; *его же.* Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии Германии XX века. Екатеринбург, 2004; *его же.* Против забвения. Как немецкие школьники сохраняют память о трагедии советских пленных и остарбайтеров. М., 2006; *Boroznjak A.* Erinnerungen für Morgen. Deutschlands Umgang mit der NS-Vergangenheit aus der Sicht eines russischen Historikers. Gleichen, 2006; *его же.* Германия и Россия в XX веке. Страницы истории. Липецк, 2009; *его же.* Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М., 2014.

ла кандидатом биологических наук, работала с В.И. Вернадским, хорошо знала Н.И. Вавилова; она занималась воспитанием и образованием сына: привила Александру любовь к истории, литературе, немецкому языку, музыке, театру.

Закончив на отлично школу, Александр поступил в Благовещенский педагогический университет на факультет немецкого языка; затем увлекся историей Германии и стал студентом-историком. В 1955 г. он опубликовал первую статью в сборнике студенческих работ, посвященную Лейпцигскому процессу 1933 г. над коммунистами, которых нацисты обвиняли в поджоге рейхстага⁴. Закончив институт, Александр учительствовал в селе Иннокентьевка Амурской области.

В 1955 г. А.И. Борозняк, вопреки существовавшему правилу не призывать в армию сельских учителей с высшим образованием, был отправлен на действительную военную службу. Причина – конфликт с местным начальством, по мнению которого, молодой учитель слишком увлекался историей «поверженного врага» – Германии в ущерб преподаванию «единственно верного» ленинско-сталинского учения. Солдат-артиллерист Борозняк служил в Дальневосточном военном округе на Камчатке. Редкие свободные минуты он посвящал чтению книг и изучению немецкого языка. В письмах матери он вел диалог о прочитанных книгах, сообщал об успехах в занятии переводом, просил прислать новые книги.

«12.08.56 г. Сегодня воскресенье, вечер. Батарейка вся ушла в наряд, я каким-то чудом остался. Вчера был в удачном увольнении в Краскино, смог около трех часов посидеть в библиотеке ДОСа (дома Советской Армии. – *Н.В. и Б.Х.*) Что можно успеть за такое время? Перелистал том «Всемирной истории» (мне показалось кратко и суховато). Посмотрел еще «Огонек», «Юность», «Вокруг света». И я опять почувствовал, что есть где-то жизнь за стенами казармы. Но набрал полсапога воды. А сегодня читаю «Войну и мир». Трудно передать впечатление от стиля, манеры письма. Но это что-то неповторимое»⁵.

«12.09.56 г. Так много теряется времени зря, что, кажется, на гражданке буду экономить каждую минуту. И отдыхать придется маловато. Иногда читаю «Вопросы истории» и чувствую, до чего отстал... Все читаю «Войну и Мир». И кончать жалко. Книгу такую прочтешь, и сразу мир шире становится. Надо ее читать каждые 6-7 лет. Как чудесно написаны такие сцены, как князь Андрей в Отрадном, Наташа встречает его раненого. И еще: старый Волконский бормочет как будто о Мальбруке «бог весть, когда вернется», а думает о сыне, уходящем на войну. Вот еще какое дело. Сегодня получил письмо (очень милое) из Владивостокского книготорга, что там есть книги на немецком языке нужные мне, список прилагаю, еще альбом польского издания на русском языке «Парижская коммуна». Я очень тебя прошу выписать эти книги»⁶.

⁴ Борозняк А.И. Лейпцигский процесс 1933 г. – важный этап в борьбе против, фашизма: Сборник студенческих научных работ. Благовещенский государственный педагогический институт. Благовещенск, 1955. С. 3–17.

⁵ Личный архив А.И. Борозняка.

⁶ Личный архив А.И. Борозняка.

31.01.57. «25-го пришли газеты, в одном плохом журнале – мысль Маркса: "было бы весьма желательно, чтобы люди, стоявшие во главе движения, – до революции ли, в тайных обществах или печати, после нее ли, в качестве официальных лиц, были, наконец, изображены суровыми рембрантовскими красками во всей своей жизненной яркости. Все существующие описания никогда не рисуют этих лиц в их реальном виде, а лишь в официальной виде с котурнами на ногах и ореолом вокруг головы»⁷.

После демобилизации Александр Иванович вернулся к учительскому делу, преподавал историю в одной из школ г. Благовещенска-на-Амуре, но не оставлял занятия наукой. Осенью 1959 г. в его жизни произошла крутая перемена: он поступил в аспирантуру кафедры новой и новейшей истории Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина (МГПИ). Постоянная работа над собой, жажда знаний, критическое мышление, природная наблюдательность сразу выделили его среди аспирантов. Это заметил крупный историк и педагог, один из создателей вузовских учебников по новой истории, автор работ по истории революций 1830 и 1848 гг. во Франции и Парижской коммуны 1871 г. доктор исторических наук, профессор А.И. Молок. Учитывая знание немецкого языка и исследовательские интересы Борозняка, решили остановиться на проблеме рабочего движения в Западной Германии после разгрома нацизма. Работа с наставником проходила успешно. Молок позднее подарил молодому ученому свою монографию «Парижская коммуна 1871 года», написав на форзаце: «моему талантливому и верному ученику».

Годы учебы в аспирантуре совпали с хрущевской «оттепелью», когда не только расширились исследовательские горизонты, но и появились возможности для научной работы в социалистических странах. В 1961 г. молодой историк был направлен на годичную стажировку в ГДР. (В 1961 г. Борозняк был свидетелем сооружения Берлинской стены, как и в 1989 г. – ее разрушения). В Восточном Берлине его научным руководителем стал директор Института современной истории Германии и профессор Гумбольдт-университета Вальтер Бартель, автор работ о германской социал-демократии накануне Первой мировой войны, борец против нацизма, руководитель антифашистского подполья в концлагере Бухенвальд. Время, проведенное Борозняком в столице ГДР, было плодотворным: вышла в свет его первая публикация на немецком языке⁸, он познакомился с немецкими коллегами, с которыми поддерживал связи на протяжении последующих десятилетий. Молодой ученый начал заниматься западно-германской историографией, когда это не было принято в советской германистике. В 1963 г. А.И. Борозняк в МГПИ защитил кандидатскую диссертацию по политической истории западных оккупационных зон Германии в 1945 – 1947 гг.

Александр Иванович полностью погрузился в научную стихию. Историографические сюжеты требовали эрудиции, владения немецким языком, работы в московских библиотеках. Накопленные знания и опыт позволили ему в 1963

⁷ Личный архив А.И. Борозняка.

⁸ *Boroznjak A. Der Kampf um Artikel 41 der Verfassung Hessens. – Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin: 1962. № 3.*

году опубликовать статьи в солидных столичных журналах – «Новой и новейшей истории»⁹ и «Вопросах истории»¹⁰ Для преподавателя провинциального вуза это было большой редкостью.

В 1967 г. А.И. Борозняк был приглашен занять должность доцента кафедры всеобщей истории Липецкого педагогического института. Здесь в полной мере раскрывается его дарование как преподавателя. Научная эрудиция, глубокое знание предмета, широкий культурный кругозор в сочетании с блестящей манерой читать лекции – все это осталось в памяти его учеников на долгие годы. Одна из первых его учениц в Липецком пединституте Н.В. Сухарева пишет: «Высокоорганизованный человек, того же он требовал и от других. Он никогда не был сторонником «разжевывания» учебного материала и подачи его самым незамысловатым способом – прямым сообщением фактов, пересказом событий. Нет! Настоящий профессионал должен уметь сам осуществлять поиск нужной информации, добывать её из всех доступных ему источников, чтобы в дальнейшем проанализировать, сделать выводы и логично, доступно изложить в своём исследовании»¹¹.

Переезд в Липецк приблизил А.И. Борозняка к Москве. Он стал постоянным читателем столичных библиотек, любимой из которых была «Историчка». В зале Всеобщей истории этой библиотеки в 1970 – 1980-е годы его знали все сотрудники и многие читатели. Там же он любил назначать встречи с коллегами. Интенсивное общение с видными историками – А.С. Бланком¹², Д.С. Давидовичем¹³, Я.С. Драбкиным¹⁴ обогащало ученого не только в научном, но и в человеческом плане. Он был очень дружен с уральским коллегой – профессором Челябинского пединститута А.Б. Цфасманом. Дружба началась во время прохождения факультета повышения квалификации в Москве в 1969 году, где преподаватели из региональных институтов слушали лекции ведущих ученых МГУ, МГПИ, и продолжалась более 40 лет.

Важной вехой в научной биографии А.И. Борозняка стал его переезд в 1990 г. в Екатеринбург. Научные контакты и личное знакомство с уральскими учеными позволили сразу влиться в коллектив. Это было время бурных преобра-

⁹ *Борозняк А.И.* Из истории рабочего движения в Западной Германии // Новая и новейшая история. 1963. № 1; его же. Упущенные возможности – действительные и мнимые. Там же. 1966. № 2.

¹⁰ *Борозняк А.И.* Beitrage zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin // Вопросы истории. 1963. № 7; его же. Новые документы Эрнста Тельмана. Там же, 1965, № 1; его же. Бесплодные попытки оправдания фашистских военных преступников. Там же. 1965. № 5; его же. Реваншистская утопия и ее критика. Там же. 1965. № 8; его же. Профсоюзы ФРГ против фальсификации исторического прошлого. Там же. 1966. № 2; его же. Западногерманский историк о политике оккупационных властей США в Германии. Там же. 1966. №3.

¹¹ *Сухарева Н.В.* Компас моей жизни // Преодоление прошлого в Германии и России: опыт и уроки на будущее... С. 201.

¹² *Бланк А.С., Борозняк А.И., Талашова В.А.* Историография новой и новейшей истории: учебное пособие для студентов ист. фак. Вологда, 1975.

¹³ *Борозняк А.И., Давидович Д.С.* К 30-летию Комиссии историков СССР и ГДР. Ежегодник германской истории. 1987. М., 1988.

¹⁴ Я.С. Драбкин был редактором написанного А.И. Борозняком учебного пособия: *Борозняк А.И.* Коммунистическое и рабочее движение Западной Германии после Второй мировой войны. Воронеж, 1988.

зований в исторической науке, широких возможностей для чтения новых курсов, создания новых направлений, выхода на международные связи. А.И. Борозняк возглавил кафедру методологии истории в Уральском государственном университете. В 1991 г. защитил докторскую диссертацию «Рабочее движение и проблемы послевоенного переустройства Западной Германии», в 1992 г. получил звание профессора. В 1994 г. по жизненным обстоятельствам Александр Иванович вернулся в Липецк, где был утвержден в должности профессора факультета иноязычной культуры Липецкого педагогического института.

Расцвет научной деятельности А.И. Борозняка пришелся на конец XX – начало XXI в., когда ученый завоевал высокий авторитет и признание в исторической науке и искусстве ее преподавания. С 1996 г. А.И. Борозняк возглавлял кафедру социальной и духовной культуры Липецкого государственного педагогического университета, на базе которой проводились международные конференции, семинары, летние школы. Молодые преподаватели, аспиранты и студенты получали бесценный опыт общения с мастером. По его инициативе в университете проходили российско-германские встречи «Россия и Германия: диалог культур». Благодаря энергии и обширным контактам ученого в них принимали участие известные российские и германские историки. Из воспоминаний многолетнего участника «Копелевских чтений» Г.А. Бордюгова: «Александр Иванович понимал устарелость и формальность традиционных заседаний, поэтому вводил в программу работы дискуссии, круглые столы, презентации, мастер-классы, тематические выставки, просмотр и обсуждение документальных фильмов. Да и сами его выступления каждый раз были неожиданными и оригинальными – советские военнопленные, невольники «третьего рейха», анализ надписей воинов-победителей на стенах рейхстага и др. Обсуждения становились необыкновенно живыми, интерактивность вытесняла монотонность, да и неформальное общение после конференций часто сводилось к продолжению незавершенной, как это обычно бывает, полемики. И что еще меня поражало – студентам и аспирантам всегда предоставлялась возможность апробировать свои первые исследования в среде маститых ученых»¹⁵. Игорь Попов, выпускник факультета иноязычной коммуникации ЛГПУ 2008 года, вспоминая эти встречи и обсуждения, пишет: «Александр Иванович – это образец настоящего педагога, мыслителя. Он, как никто, видит своих студентов насквозь, умеет задать нужный "вектор" развития каждому индивидуально. Спасибо ему огромное за ценные жизненные уроки, мотивацию и поддержку».

¹⁵ Душа обязана трудиться.... Юбилейное издание, посвященное 80-летию профессора Александра Ивановича Борозняка. Липецк, 2003. С. 18-19.

Работы А.И. Борозняка по исследованию феномена национал-социализма, изучение им немецкого взгляда на историю России, рецензии на книги российских и германских авторов о войне 1941-1945 гг. следуют одна за другой¹⁶. Появляются на свет монографии, написанные увлекательно, ярко, полемически остро. Справедливо критикуя «вечно вчерашних» из ФРГ, историк, прекрасно ориентируясь в немецкой литературе, видит и другую сторону медали; он анализирует первые «неудобные» для спокойствия бюргеров публикации в немецких журналах, рассказывает о честной и правдивой книге И. Видера о Сталинградской битве¹⁷, подробно описывает ожесточенные нападки в послевоенной Западной Германии на антивоенный роман Э.М. Ремарка¹⁸.

После осквернения синагоги в г. Кёльне 24 декабря 1959 г. в ФРГ было созвано чрезвычайное заседание бундестага; влиятельные печатные издания выступили с серией статей о необходимости очистить государственный аппарат от бывших нацистов, пересмотреть содержание школьных учебников истории. Началась «переоценка ценностей», новый импульс которой дал «спор историков» ФРГ 1980-х годов.

В «споре историков», начатом Э. Нольте и А. Хильгрубером, были поставлены «неудобные вопросы» о нацизме и войне. К дискуссии подключились многие авторитетные исследователи, общественные деятели, журналисты. Обмен мнениями консолидировал прогрессивную часть исторического сообщества и показал, что в ФРГ, хотя и трудно, пошел процесс «преодоления прошлого». «Спор историков» нельзя считать завершенным. Это связано с состоянием общества, которое Нобелевский лауреат по литературе Генрих Бёлль охарактеризовал так: «Мы живем в настоящем, которое содержит в себе и все прошлое»¹⁹.

Частью «преодоления прошлого» было создание памятных комплексов на местах бывших нацистских концлагерей. А.И. Борозняк беседовал с первыми директорами и сотрудниками этих мемориалов, писал об их принципиальной и смелой позиции в отстаивании необходимости существования в ФРГ антина-

¹⁶ Борозняк А.И. Историки ФРГ о нацизме // Новая и новейшая история. 1997. № 1; *его же*. Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996; И. фон Риббентроп. Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. Из его наследия, изданного Аннелиз фон Риббентроп. М., 1996. Там же. 1998. №2; *его же*. *Chavkin B. Verflechtungen der deutschen und russischen Zeitgeschichte. Aufsätze und Archivfunde zu den Beziehungen Deutschlands und der Sowjetunion von 1917 bis 1991.* Stuttgart: Ibidem Verlag. 2007. 279 s.; *Хавкин Б.* Германия и Россия: сплетения современной истории: Статьи и архивные находки по проблематике отношений между Германией и Советским Союзом. 1917-1991. Штутгарт, 2007. 279 с. Там же. 2008. № 3; *его же*. *Долгилевич Р.В.* В тени Берлинской стены. Экономика Западного Берлина (1961–1965 гг.). СПб.: Алетейя. 2011. 112 с. Там же. 2012. № 5.

¹⁷ *Wieder J.* Stalingrad und die Verantwortung des Soldaten. München: 1962 (русск. перевод: *Видер И.* Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса. М.: 1965); *Борозняк А.И.* Сталинград. Мифы и реальность одного сражения. Франкфурт-на-Майне, 1992 // Новая и новейшая история. 1994. № 6.

¹⁸ *Remarque E.M.* Zeit zu leben und Zeit zu sterben. Stuttgart, Hamburg, 1954 (русск. перевод: *Ремарк Э.М.* Время жить и время умирать. М., 1992); *Борозняк А.И.* «Мертвые будут обвинять вас...» Роман Э. М. Ремарка "Время жить и время умирать" в контексте дискуссий о преступлениях нацизма. // Новая и новейшая история. 2008. № 1.

¹⁹ Цит. по: *Борозняк А.И.* Прошлое, которое не уходит. С. 3.

цистских памятных мест и выставок. Многие годы личной дружбы связывали российского историка с директором музея концлагеря Дахау Барбарой Дистель.

А.И. Борозняк исследовал развитие историографии ГДР, анализировал первые публикации, посвященные роли правящих элит Германии во Второй мировой войне и пришел к выводу, что дальше и глубже партийных постулатов СЕПГ в анализе болевых точек новейшей германской истории коллеги из ГДР не пошли. В ГДР «поиск научной истины ограничивался рамками жесткой идеологической установки», которая в материалах III съезда СДПГ приняла форму явно преждевременного тезиса, что в ГДР «ликвидированы корни фашизма»²⁰.

В годы горбачевской «перестройки» в СССР прошла «архивная революция», сопровождавшаяся невиданным ранее интересом общества к своей недавней истории. Казалось, наша страна пойдет дальше в переоценке и анализе собственного прошлого, включая историю Второй мировой войны. Национал-социалистический режим в Германии как объект исследования стал делом жизни его ближайших коллег – Н.С. Черкасова и В.А. Буханова²¹. А.И. Борозняк вместе с патриархом отечественной германистики Я.С. Дробиным обсуждал проблемы тоталитаризма: это была новая тематика в советско-российской историографии. Историки пришли к выводу, что по-прежнему актуально звучат слова немецко-американского политолога Ханны Арендт: «Истина состоит в том, что цена тоталитарного правления была столь высока, что ни Германия, ни Россия еще не оплатили ее в полной мере»²².

А.И. Борозняк был «человеком диалога». Одним из его интеллектуальных кумиров был М.Я. Гефтер. Памяти Гефтера он посвятил свою книгу «Искупление». Гефтер учил постигать «былое без вычерков». «Научимся ли мы этому?» – задавал Александр Иванович риторический вопрос. Свой метод работы он определял так: «обычно я иду от самого ясного к самому неясному, потом свожу». Александр Иванович очень тщательно оттачивал тексты и искал точные названия своих работ. Подзаголовок книги «Искупление» автор первоначально хотел сделать таким: «Драма преодоления прошлого: германский фашизм в зеркале исторической науки и исторического сознания ФРГ». Слово «драма» в первоначальном названии возникло под влиянием известного афоризма Эйнштейна «Наука – это драма. Драма идей»²³. В итоге книга вышла в свет с подзаголовком: «Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого?».

²⁰ Борозняк А.И. Жестокая память. С. 60.

²¹ Могильницкий Б.Г., Борозняк А.И. Памяти Николая Сергеевича Черкасова // Новая и новейшая история. 1995. № 1; Борозняк А.И. Профессор В.А. Буханов: личность и творчество // Россия и мир: панорама исторического развития: Сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2008.

²² Аренд Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 21.

²³ Лантева М.П. Александр Борозняк: штрихи к интеллектуальной биографии // Преодоление прошлого в Германии и России: опыт и уроки на будущее (памяти профессора А.И. Борозняка): Материалы Международной научной конференции Липецк, 16-17 февраля 2017. Липецк, 2017. С. 12.

А.И. Борозняк следил за всеми новинками литературы по специальности, часто посещал книжные выставки и ярмарки²⁴. Он узнавал из Интернета и издательских каталогов о новых книгах, свежих публикациях, был в курсе общественных дискуссий по новейшей истории. Российские и немецкие издательства охотно присылали историку экземпляры своих новых книг на рецензии²⁵.

После открытия в 2005 г. Германского исторического института в Москве (ГИИМ) А.С. Борозняка можно было часто встретить в библиотеке и на мероприятиях этого института. Обширное собрание редких немецких книг и журналов из богатейшей библиотеки по его пожеланию было передано Н.Э. Вашкау в дар ГИИМ.

К творчеству коллег А.И. Борозняк всегда относился заинтересованно; он искренне радовался их успехам. Так, публикацию 63 документов из российских архивов, осуществленную на немецком языке берлинским историком Х. Коппи (сыном казненных нацистами борцов антифашистской «Красной капеллы») и его московскими соавторами Ю.Н. Зорей (сыном погибшего в Нюрнберге заместителя генерального прокурора СССР, помощника главного обвинителя на Нюрнбергском процессе Н.Д. Зори) и Б.Л. Хавкиным он назвал «безупречной в археографическом отношении, качественным сдвигом в исследовании «Красной капеллы»²⁶.

А.И. Борозняк был постоянным участником международных коллоквиумов и конференций, посвященных «преодолению прошлого» и исторической памяти²⁷. В 2001 г., выступая в Москве на международной научной конференции «Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков», Борозняк в программном докладе обо-

²⁴ Борозняк А.И. Чему учит прошлое Германии? Заметки о научно-исторической литературе на стендах Лейпцигской книжной ярмарки 1996 г. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия 1. Гуманитарные науки. 1997. № 1; его же. Против забвения. «Черная серия» немецкого издательства «Фишер» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 1. М., 1999.

²⁵ Борозняк А.И. И.С. Кремер. ФРГ: внутривластная борьба и внешняя ориентация. М., 1977 // Новая и новейшая история. 1978. №6; его же. Лев Копелев и его Вуппертальский проект. Под ред. Я.С. Драбкина. М.: Изд-во "Памятники Исторической Мысли", 2002. Там же. 2003. № 2; его же. Д. Бальд. «Белая Роза»: от пребывания на фронте к акциям Сопротивления. Берлин, 2003. Там же. 2004. № 3; его же. ФРГ: волны исторической памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3; его же. N. Frei. 1945 und wir. Das Dritte Reich im Bewußtsein der Deutschen // Там же. 2006. № 1; его же. C. Leggewie, E. Meyer. «Ein Ort, an dem man gerne geht». Das Holocaust-Mahnmal und die deutsche Geschichtspolitik nach 1989. Там же. 2006. № 1; его же. Ich habe nur noch den Wunsch, Scharfrichter oder Henker zu werden // Там же. 2007. № 5; его же. «Ich werde es nie vergessen». Briefe sowjetischer Kriegsgefangener 2004-2006 // Там же. 2008. № 4; его же. Wette W. Militarismus in Deutschland. Geschichte einer kriegerischen Kultur // Там же. 2009. № 4; его же. Гроссманн О. Русский мир Дрездена. Прогулки по историческим местам // Там же. 2011. № 4; его же. Lustiger A. Rettungswiderstand. Über die Judenretter in Europa während der NS-Zeit // Там же. 2012. № 6; его же. Lev Kopelev und Heinrich Böll. Aufrechter Gang // Там же. 2012. № 6; его же. «Es lebe die Freiheit!» Die Geschichte der Weißen Rose und ihrer Mitglieder // Там же. 2013. № 4; его же. Was tun wir hier? Soldatenpost und Heimatbriefe aus zwei Weltkriegen // Там же. 2013. № 6; его же. Wette W. Feldwebel Anton Schmid. Ein Held der Humanität // Там же. 2015. № 1.

²⁶ Борозняк А.И. Прошлое, которое не уходит. С. 309.

²⁷ Борозняк А.И. Проблематика битвы на Волге в отечественной исторической науке 40-90-х гг. // Сталинград: чему русские и немцы научились за 60 лет: Материалы Международной научной конференции. Волгоград, 3-5 апреля 2003 г. Волгоград, 2003; его же. «Присвоение истории»: образы германского Сопротивления в историческом сознании ГДР и ФРГ. – Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: Материалы Международной научной конференции. М., 2008; его же. Нацистская агрессия против СССР в зеркале современной историографии ФРГ: новые ориентиры исследований // Новые подходы к изучению современной истории (к 40-летию ИВИ РАН). Материалы юбилейной научной конференции. М., 2011.

значил болевые точки, которые волновали историческое сообщество в начале XXI в.: «преодоление прошлого»: германский опыт, российская перспектива²⁸.

Именно А.И. Борозняк ввел понятие «преодоление прошлого» в современный российский исторический дискурс. Под этим процессом ученый понимал «не только критическое дистанцирование от периода 1933-1945 гг., но и, прежде всего, – усвоение его глубинной сущности, извлечение уроков из истории нацистской Германии, формирование гарантий от повторения трагедии гитлеризма»²⁹.

Постулат о преодолении прошлого стал для «четырех поколений немцев знаком длительного, многопланового, внутренне противоречивого процесса общенационального извлечения уроков из истории Третьего рейха, призывом к моральному очищению, восприятию и осмыслению правды о фашизме и войне, выработке иммунитета по отношению к тоталитарной инфекции, любым формам расизма, экспансионизма, агрессивного милитаризма»³⁰. Только человек, зашоренный «ритуализированным идеологическим фундаментализмом» (определение А.И. Борозняка), не пожелает увидеть, что современное величие и благополучие Германии связано с титанической работой всего германского общества по «преодолению тоталитарного прошлого».

Применение компаративного подхода к изучению процесса преодоления тоталитарного прошлого в России и в Германии было новым словом в исторической науке. А.И. Борозняк обращался к коллегам: позволительно ли, признавая явное сходство политического инструментария и методов достижения целей двух диктатур, игнорировать их столь существенные различия, как принципиальная несовместимость ценностных систем и противоположность основных установок? Длительность нацистского режима измеряется 12 годами, советский вариант тоталитаризма просуществовал по крайней мере в два раза дольше. Крушение «Третьего рейха» произошло под ударами извне, советский режим пал под воздействием неразрешимых внутренних противоречий. В СССР – при наличии «своего» Освенцима – не было «своего» Нюрнберга³¹.

Работа по политическому просвещению молодого поколения современной Германии стала для историка примером, который можно и нужно было использовать в нашей стране. Одним из таких примеров, важных как для Германии, так и для России, является история немецкого антигитлеровского Сопротивления. В истории антинацистского Сопротивления в Германии отражаются острые проблемы не только германского, но и российского восприятия прошлого. Отношение к немецкому антигитлеровскому Сопротивлению А.И. Борозняк считал важнейшим критерием преодоления тоталитарного прошлого³². Сopro-

²⁸ *Борозняк А.И.* Уроки Германии в России еще не востребованы // Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков: Международная конференция. М., 2002. С. 71-76.

²⁹ *Борозняк А.И.* Прошлое, которое не уходит. С. 14.

³⁰ *Борозняк А.И.* Уроки Германии в России еще не востребованы. С. 72.

³¹ *Там же.* С. 71.

³² *Борозняк А.И.* Германское Сопротивление в трактовках отечественной исторической науки. – Германия и Россия: события, образы, люди. Воронеж, 1998. Вып. 1.

тивление национал-социализму – тема современной истории, которая не потеряла свою актуальность; и в XXI веке она будет вызывать общественный интерес. С этим тезисом согласны и немецкие, и российские исследователи. Как подчеркивал А.И. Борозняк, «Движение Сопротивления в Германии воспринималось в нашей стране с неизменной симпатией и открытым сочувствием»³³.

Разумеется, в Германии и России – странах, переживших в XX в. самые страшные в своей истории диктатуры – нацизм и сталинизм, формирование культуры памяти шло и идет по-разному. Если в Германии прошлое принято «преодолевать», то России им принято гордиться. Однако исторический опыт антитоталитарного Сопротивления в обеих странах имеет много общего. Советский коммунистический и германский национал-социалистический «особые пути»³⁴, при всех их различиях, тесно переплетались между собой³⁵. А.И. Борозняк доказал, что «решающий прогресс в деле преодоления нацистского прошлого в ФРГ был достигнут... в пограничной зоне между историческим знанием и массовым историческим сознанием».

Как подчеркивал ученый, «в течение более чем 60 лет сначала в ФРГ и ГДР, а с начала 1990-х гг. – в новой Федеративной Республике практически непрерывно развертывались дебаты о характере и историческом значении германского движения Сопротивления. Эти дискуссии, выходя за рамки профессионального цеха, неизменно вызывали и вызывают немалый общественный резонанс, имевший в прошлом вполне определенную политическую основу. Ведь деятельность антинацистских групп успешно использовалась для легитимации государств в Восточной и Западной Германии: в коммунистическом подполье находили истоки ГДР, в событиях 20 июля 1944 г. – ФРГ»³⁶.

А.И. Борозняк отмечал существование в советской историографии «искусственной модели германского Сопротивления, в которой не было места людям и организациям, несогласным с советским режимом или неподконтрольным руководству Коммунистической партии Германии», что дало возможность в российской историографии пересмотреть эту модель. Изучая историю студенческой группы Сопротивления «Белая Роза», А.И. Борозняк подчеркивал, что «мюнхенские студенты не принадлежали и не могли принадлежать – в силу возраста – ни к одному течению, унаследованному от Веймарской республики. Их нельзя причислить ни к правым, ни к левым. Политические убеждения отдельных участников группы не всегда совпадали, распространявшиеся ею документы были результатом диалога. Именно это является основанием для того, чтобы «представить и признать германское Сопротивление во всем его многообразии и глубине»³⁷ – наряду с «Красной капеллой», с нелегальными группами

³³ Борозняк А.И. Германское Сопротивление в трактовках отечественной исторической науки. – Германия и Россия: события, образы, люди. Воронеж, 1998. Вып. 1. С. 160.

³⁴ Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия. М., 2010.

³⁵ Хавкин Б.Л. Россия и Германия 1900-1945: сплетение истории. М., 2014.

³⁶ Борозняк А.И. С.А. Мадиевский. Другие немцы. Сопротивление спасателей в Третьем рейхе // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 173.

³⁷ Steinbach P. Widerstand im Widerstreit. Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus in der Erinnerung der Deutschen. Paderborn, 1994. S. 19.

КПГ в Берлине и в Рурской области, с движением 20 июля 1944 г., с Национальным комитетом «Свободная Германия»³⁸.

Как впервые в отечественной литературе отмечал А.И. Борозняк, после объединения Германии «в исторической науке ФРГ определился (благодаря усилиям М. Брошата, Х. Моммзена, П. Штайнбаха и других ученых) подход к антифашистскому движению как явлению многомерному, результату действий различных политических и социальных группировок. Очевидной стала и условность идеологизированных трактовок Сопротивления. Подверглось пересмотру и уточнению само понятие антифашистской борьбы, в рамки которой стали включаться не только акции организованных, политически мотивированных антифашистов. Пришло время для изучения изолированных друг от друга и остававшихся долгие годы неизвестными поступков граждан третьего рейха, нашедших в себе мужество противостоять варварской идеологии, террору, уничтожению «неарийских народов»³⁹.

Можно по праву утверждать, что благодаря А.И. Борозняку подход российской историографии к проблеме Сопротивления изменился, что позволило, в частности, одному из авторов этих строк дать новое определение понятия Сопротивления и рассмотреть его внешнеполитические проявления⁴⁰. Концепция и структура диссертации «зрела» в процессе многолетних долгих диалогов с А.И. Борозняком: он ставил новые вопросы, советовал, вдохновлял. К сожалению, официальным оппонентом Александр Иванович стать не смог: помешала тяжелая болезнь.

Своим примером А.И. Борозняк доказал, что творческое историческое исследование может происходить только при «взаимообогащении научных школ, в условиях разномыслия и свободного обмена мнениями, рождения научных гипотез, их подтверждения и опровержения». Историк писал о коллегах, которые шли наперекор общественному мнению, брались за непопулярные сюжеты, изучали острые темы. Борозняк рассказывал о вызвавшей острые споры в ФРГ выставке «Вермахт. Война на уничтожение», о публикациях В. Ветте и Г. Юбершера о повседневности Второй мировой войны и «маленьком человеке» на войне, беседовал со знаменитым Х. Моммзеном, представлял российской общественности лекции и научные изыскания другого современного классика германской историографии – Х.-Х. Нольте.

А.И. Борозняк предлагал взять на вооружение опыт проведения в Германии научных сочинений школьников, посвященных повседневности национал-социализма, он беседовал с немецкими учителями и гимназистами, работал в фонде Кёрбера⁴¹. Результат: статья «О пользе школьных сочинений»⁴², вызвав-

³⁸ Борозняк А.И. Группа «Белая Роза»: германские антинацисты и их представления о России // Новая и новейшая история. 2009. № 2. С. 144-163.

³⁹ Борозняк А.И. С.А. Мадиевский. Другие немцы. Сопротивление спасателей в Третьем рейхе. С. 173-174.

⁴⁰ Хавкин Б.Л. Россия и Германия 1900-1945: сплетение истории. С. 252; Хавкин Б.Л. Немецкое антигитлеровское Сопротивление 1933-1945 гг. как фактор международных отношений: Дисс. ... д.и.н. М., 2015.

⁴¹ Фонд Кёрбера основан в 1959 г. немецким предпринимателем Куртом Кёрбером. Поддерживает проекты в области международной политики, образования, науки, культуры как в Германии, так и за ее пределами.

шая заинтересованный отклик специалистов. Эта статья дала импульс к написанию монографии «Против забвения. Как немецкие школьники сохраняют память о трагедии советских пленных и остарбайтеров»⁴³. Выступая в мае 2005 года в Волгоградском государственном университете в рамках Международной конференции перед учителями города Волгограда, он представил героев своей книги: Эрику Рихтер и Клауса Майвальда – немецких учителей, которые успешно занимаются с учащимися гимназий в рамках проекта по изучению истории национал-социализма в школе. Встреча была незабываемой!⁴⁴

Продолжая размышлять на темы исторической памяти, А.И. Борозняк попробовал сформулировать различия между разными ее видами: разделить память и то, что он попытался назвать «антипамятью», предположив, что из нее «и вытекли как кризис Веймара и всё в Германии последовавшее, так и у нас – наши беды. Из антипамяти «уроки» извлекаются куда как легче и проще – но все это обречено на провал рано или поздно. Проблемы свободы, истины и вины были в центре научного творчества А.И. Борозняка. Его труды выявляют связь исторической памяти с моральным климатом общества и его этическими ориентирами.

По словам профессора Фрайбургского университета ФРГ В. Ветте, «Борозняк как никто другой заслуживает высокого почтения за научный обмен между русскими и немецкими историками»⁴⁵. Со многими немецкими учеными А.И. Борозняк был знаком лично, не один раз встречался и вступал в дискуссии. Большим достоинством ученого является изложение взглядов и позиций западных коллег не только с помощью цитирования их трудов, но и личное восприятие автором их судеб, внешнего облика, манеры говорить, слушать и слышать собеседника. А.И. Борозняком написаны блестящие портреты немецких интеллектуалов, своими работами и непримиримой позицией повлиявших на изучение и переоценку истории национал-социализма: историка Ф. Фишера, воспитавшего своих учеников в русле «критической исторической школы»; философов К. Ясперса и Т. Адорно, которые не боялись идти против течения, указывали на опасность забвения нацистской диктатуры; историка К.Д. Брахера – автора фундаментальных исследований по германской и европейской истории XX века, М. Брошата, одного из родоначальников (наряду с Г. Моммзеном) концепции «функционализма», согласно которой политику Третьего рейха определял его бюрократический аппарат; Г. Моммзена, доклады которого на конференциях в России в 1990-е годы неизменно вызывали интерес; военного историка М. Мессершмидта, положившего начало фрайбургской научной школе и своей монографией «Вермахт в нацистском государстве» вызвавшего

⁴² Борозняк А.И. О пользе школьных сочинений // Родина. 2003. № 8.

⁴³ Борозняк А.И. Против забвения. Как немецкие школьники сохраняют память о трагедии советских пленных и остарбайтеров. М., 2006.

⁴⁴ См.: Женщина и война. 1941-1945. Россия и Германия: Труды Волгоградского Центра германских исторических исследований. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2006. Вып. 4; Вашкау Н.Э. Против забвения собственной истории: сочинения школьников в Германии и России // Международный диалог историков. Россия и Германия: проблемы межкультурного взаимодействия (1990-2020): Материалы Международной научной конференции. 24-25 октября 2019 г. Липецк. С. 240-252.

⁴⁵ Поздравительный адрес по случаю 70-летия А.И. Борозняка. – Личный архив А.И. Борозняка.

яростное неприятие консервативного крыла западногерманской исторической науки.

«Будущее уже начинается». Так озаглавил свою книгу Л.З. Копелев, творчество которого А.И. Борозняк неустанно пропагандировал. Он был организатором проведения с 1995 г. в Липецком педагогическом университете «Копелевских чтений»⁴⁶.

С основания в 1987 г. Совместной комиссии по изучению новейшей истории России и Германии А.И. Борозняк был активным участником ее работы, мотором увлекательных дискуссий и инициатором изучения многих научных тем. Он был членом редакционной коллегии «Сообщений комиссии» и автором ряда статей⁴⁷. В редколлегии журнала «Новая и новейшая история» Александр Иванович работал, к сожалению, недолго; но автором журнала он был более полувека – с 1963 года.

«Поучителен ли германский опыт для России? Применим ли германский опыт в России?» – спрашивал А.И. Борозняк в конце последней своей книги⁴⁸. Если ответ ученого на первый из этих вопросов, безусловно, положительный, то, отвечая на второй, он с сожалением отмечал, что «существует слишком много оснований для того, чтобы ответ не оказался утвердительным». Ибо «российскому социуму присуща общность пережитого, но не общность опыта – уроков, из этого опыта извлеченных»⁴⁹. К сожалению, немецкий опыт преодоления прошлого остался в России не востребуемым.

Об одной из его книг классик современной немецкой историографии Ханс-Хайнрих Нольте (воспоминания которого публикуются в этом сборнике) сказал: «Все жертвы, которых спрашивали или которых можно спросить сегодня, требуют: преступления не должны больше повториться. Этому должны способствовать и исторические исследования, и к этому стремится послевоенная историография. Этому служит книга Александра Борозняка «Воспоминание для будущего». Эти размышления, когда мы, немцы, идентифицируем или не идентифицируем себя с преступниками, когда мы возвращаемся назад, в свое

⁴⁶ Борозняк А.И., Воробьева О.В. Россия и Германия: диалог культур. Международные Копелевские чтения в Липецке // Новая и новейшая история. 1996. № 3; Борозняк А.И. Россия и Германия: диалог культур // Вторые Международные Копелевские чтения в Липецке. Там же. 1998. №3; Борозняк А.И., Смирнова Д.А. Третьи международные Копелевские чтения. Там же. 2000. № 4; Борозняк А.И., Воробьева О.В. Россия и Германия: диалог культур. IV Международные Копелевские чтения в Липецке. Там же. 2002. №6; Борозняк А.И. Пятые Международные Копелевские чтения в Липецке. Там же. 2007. № 4; *его же*. Надписи советских солдат на стенах рейхстага. Май 1945 года // Копелевские чтения 2012. Россия и Германия: диалог культур. Липецк, 2012.

⁴⁷ Boroznjak A. Die Vereinigung Deutschlands im Schriftum der russischen Historijgraphie. – Mitteilungen der Gemeinsamen Kommission für die Erforschung der jüngeren Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen. Bd. 3. München: 2008; Boroznjak A. Die russische Emigration und die Widerstandsbewegung in Deutschland am Beispiel der «Weißen Rose». – Mitteilungen der Gemeinsamen Kommission für die Erforschung der jüngeren Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen. Bd. 4. München: 2010; Boroznjak A. Das historische Gedächtnis an Krieg und Diktatur in Deutschland. Eine russische Perspektive. – Erinnerungen an Diktatur und Krieg. Brennpunkte des kulturellen Gedächtnisses zwischen Russland und Deutschland seit 1945. München: 2015.

⁴⁸ Борозняк А.И. Жестокая память. С. 342.

⁴⁹ Там же.

прошлое, требуют рефлексии. За то, что он идет впереди по этой дороге – мы благодарны Александру Борозняку»⁵⁰.

Но главные вопросы историка были обращены не к прошлому, а к будущему: «Будет ли в России востребован опыт Германии, сумеем ли мы отыскать дорогу к национальному согласию, к стабильной и человеческой демократии, дорогу к самим себе?... Какими будут, какими могут стать отношения между Россией и Германией, столь взаимосвязанные и столь сложные в прошлом?»⁵¹. Эти вопросы остаются...

А.И. Борозняк. 29 октября 2011 года. Бавария. Альпы

⁵⁰ Из письма Х.-Х. Нольте А.И. Борозняку от 25.01.2003 г. – Личный архив А.И. Борозняка.

⁵¹ *Борозняк А.И. Жестокая память. С. 343.*

**АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ БОРОЗНЯК
О ПРОБЛЕМАХ ФОРМИРОВАНИЯ
КУЛЬТУРЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

25 января 2023 года исполняется 90 лет со дня рождения Александра Ивановича Борозняка. Эта яркая личность ещё с далёких 90-х годов прочно обосновалась в российской научной элите. Впечатляет перечень регалий Александра Ивановича: доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, член Совета Центра германских исторических исследований Института всеобщей истории РАН, член Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений, член редколлегии журнала «Новая и новейшая история», член Международного Совета журнала «Zeitschrift für Geschichte» (ФРГ), действительный член Нью-Йоркской академии наук (США).

Что же вытекает из данного перечня? Во-первых, широкое признание научно-педагогической деятельности. Во-вторых, акцент на научные изыскания в области исторической германистики. Этот акцент сохранялся как в советскую эпоху, так и в постсоветскую. Но есть и существенная разница. Именно в постсоветскую эпоху основным содержанием исследовательского процесса явилась фундаментальная разработка аспекта исторической германистики, всецело связанного с проблемами формирования культуры исторической памяти. В настоящей статье мы попытаемся обстоятельно показать вклад А.И. Борозняка в освоение соответствующего проблемного поля.

Ученым, конечно же, двигали болевые точки. Когда началась Великая Отечественная война, его отец, Иван Фёдорович, сразу же ушёл на фронт. Погиб смертью храбрых в драматическом, трагическом и героическом сорок первом. Мама, Рахиль Семеновна, принадлежала к народу, который стал жертвой Холокоста. Останься Рахиль в Киеве, её и сына постигла бы трагедия Бабьего Яра. Эта трагедия не миновала ее родных и близких, оставшихся в украинской столице. Конечно, влияние войны чувствовалось и на Дальнем Востоке. Приходили похоронки. Эвакуированные граждане испытывали на себе тотальный дефицит всего и вся, голод, холод, разгул местного бандитизма.

На Александра повлияла и срочная служба в рядах Советской армии. Ядро офицерского состава – бывшие фронтовики. Они рассказывали правду о войне, в том числе и ту, о которой тогда не говорили вслух. Позднее информация собиралась и накапливалась во время поездок в ГДР, старую и новую ФРГ. А сколько было перелопачено документов и материалов за время работы в архивах – отечественных и зарубежных! От прочитанного часто пробирала дрожь.

Хорошо известно, что Александр Иванович сначала был сельским учителем, затем обучался в аспирантуре, после чего стартовала карьера вузовского преподавателя. Прошёл путь от рядового преподавателя до профессора, заве-

дующего кафедрой. Всё, что написано учёным по проблемам исторической памяти – это классика исторической науки.

Александр Иванович создал новое направление в российской исторической науке: разработку проблемы преодоления тоталитарного прошлого в период до и после объединения Германии 1989-1990 гг. В наследии учёного заслуживает особого внимания рассмотрение тенденции развития германской историографии фашизма. Он предпринял исследование имевшего широкий резонанс спора о нацистском прошлом Германии, так называемого «спора историков» 1986-1987 гг. Настоящий спор был спровоцирован вопросом известного западногерманского учёного Эрнста Нольте: «Не осуществили ли национал-социалисты, не осуществил ли Гитлер своё «азиатское» деяние лишь потому, что они и им подобные считали себя потенциальными или подлинными жертвами некоего «азиатского» деяния? Не предшествовал ли Освенциму Архипелаг Гулаг?». Этим тезисом, развитым им в работе «Европейская гражданская война 1917-1945. Национал-социализм и большевизм», изданной в 1987 году, Нольте отошёл от выработанной им же ранее общей концепции фашизма, чтобы утвердить более радикальную доктрину тоталитаризма. Коммунизм и фашизм по Нольте равны, или, по крайней мере, сравнимы. Он рассмотрел коммунистическую идею как предпосылку фашизма, который лишь защищался от более раннего и намного более агрессивного большевизма. При этом совершенные фашизмом преступления обрели в его толковании характер оборонительных мер. По рассуждениям Нольте выходило, что нацистское расовое убийство имело предтечей и происходило из коммунистического классового убийства.

Ряд западногерманских историков выразил своё возмущение тезисами Э. Нольте. Они однозначно выступили в защиту исторической памяти о проблемном комплексе, связанном со Второй мировой войной и об узловом звене данного комплекса: преступлениях нацистов. Александр Иванович продемонстрировал убедительную поддержку этих историков. Липецкому учёному весьма импонировала оценка ими «тезисов Нольте как попытки ревизионизма национального самосознания немцев и «деморализации». В результате спора Нольте потерпел поражение, и его теория была признана маргинальной». Профессор ЛГПУ блестяще показал закономерность именно такого финала.

Создаётся впечатление, что не было ни одного нового исследования германских учёных по анализируемой проблеме, мимо которого прошёл бы учёный Борозняк. Затем наступал черёд скрупулёзной систематизации подобных исследований. Большой удачей липецкого учёного следует признать установление общего и особенного в подходах к проблемам фашизма в историографии ФРГ и ГДР.

Следует обязательно обратить внимание на три базовые вещи А.И. Борозняка, свидетельствовавшие об освоении весьма актуального проблемного комплекса. Это – монография «Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого?», статьи «Третий рейх» в

зеркале современной германской историографии, «Историки ФРГ о нацизме»¹. Здесь фундаментально анализируются никак не совместимые подходы двух противоборствующих сегментов германского социума. Первый сегмент представлен демократической общественностью, второй – правыми силами. Учёный отвечает на весьма непростые вопросы: 1) удалось ли представлявшим правый лагерь публицистам убедить среднестатистического бундесбюргера в том, что не его страна, а другие страны виновны в развязывании Второй мировой войны и приходе к власти в Германии носителей коричневой чумы? 2) вписывается ли в настроения соотечественников их стремление принизить преступления вермахта? Указанное противоборство исследуется и в аксиологическом русле. Главный критерий преодоления прошлого – способность германского общества перманентно культивировать как демократические ценности в целом, так и антифашистские в частности. Первый сегмент создаёт для этого фундаментальную предпосылку своим постоянным вниманием к проблеме тоталитарного прошлого, своим желанием сохранять память о преступлениях нацистской диктатуры.

Монография «Искупление» привлекает внимание наличием множества сюжетных линий. После ее выхода автор понимал, что есть потребность в развитии данных линий в дальнейших публикациях. Впервые это было сделано в книге «Прошлое, которое не уходит»². Главное впечатление от прочтения книги: подкупает нестандартность исследования германской истории и историографии. Осуществлена системная реконструкция истории споров о проблеме Холокоста в германском исследовательском сообществе. Дан глубокий анализ освещения германскими коллегами по цеху тем, связанных с концлагерями-мемориалами, обращением немецких солдат с советскими военнопленными.

Читая наследие Александра Ивановича по истории нацистской диктатуры, невольно ловишь себя на мысли, что перед тобой историограф и культуролог в одном лице. Более того, создаётся впечатление о выдвигании на первый план именно Борозняка – культуролога. Хорошо известно наличие самых разнообразных аспектов изучения диктатуры носителей коричневой чумы его германскими коллегами по цеху. Борозняк концентрируется на исторических и педагогических аспектах.

Есть все основания считать образцом применения принципа историзма, историко-генетического метода анализа А.И. Борозняком развития историографии нацизма в ФРГ. Особо выделяется период второй половины 1940-х-1950-х гг. Это – период решительного торжества исторической правды в данной историографии. Была сформулирована и не подвергалась никакому сомнению идея личной ответственности А. Гитлера за развязывание Второй мировой войны и чудовищные преступления против человечества. В явном меньшинстве оказа-

¹ Борозняк А.И. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М., 1999. 288 с.; *его же*. «Третий рейх» в зеркале современной германской историографии // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 150-157; *его же*. Историки ФРГ о нацизме // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 62-74.

² Борозняк А.И. Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии Германии XX века. Екатеринбург, 2004. 330 с.

лись западногерманские историки, заикнувшиеся на неприязни идеи коллективной ответственности за то, что 30 января 1933 года грянул политический Чернобыль на германской земле. Их внутригерманские оппоненты напоминали о корнях этого политического Чернобыля. Новый рейхсканцлер искусно использовал настроения в обществе. А здесь были реальные признаки либо одобрения, либо молчаливого согласия. Среднестатистический немец верил в то, что А. Гитлер совершит чудо, обеспечит соотечественникам высокий жизненный стандарт. Борозняк убедительно показал, что западногерманские историки «полагали принципиально неверным считать, что граждане Германии были ничего не подозревавшими, застигнутыми врасплох жертвами»³. Сказали своё слово и инженеры человеческих душ. В книге читаем: «немалую роль в постижении горькой правды о национал-социализме сыграли побуждавшие у западных немцев чувства вины и ответственности произведения талантливых писателей Г. Белля, Р. Хоххута, З. Ленца»⁴.

Учёный скрупулезно разобрался с тематическим комплексом западногерманской историографии изучения нацизма, чётко проследил его становление и развитие. Он выступил как историк, историограф, культуролог, социолог, политолог, социальный психолог, правовед, философ в одном лице при экспертизе разработок в рамках данного комплекса. Это был симметричный ответ на междисциплинарность в исследовательском процессе со стороны западногерманских коллег. Конечно, историк, историограф требовались везде. При показе микрокосмоса человека в условиях «третьего рейха», разнообразных нюансов психики человека в условиях войны добавлялись культуролог, социолог, социальный психолог, философ. Практически все перечисленные отрасли имеют отношение к поиску ответа на вопрос: «Что побудило немцев доверить управление Германией нацистам?» Нет никаких изъятий, когда анализируются общественное сознание и поведение народных масс, становятся предметом исследования общественные отношения в целом в рамках установления и деятельности нацистской диктатуры.

Глубокий интерес вызывают размышления учёного на предмет сравнения тематических приоритетов в историографии ФРГ и ГДР. И там, и там первенство в шкале приоритетов принадлежало истории «третьего рейха». Количество публикаций по данной теме было больше, чем по остальным, вместе взятым. Обе историографии имели единый общий знаменатель по части культивирования в обществе осознания своей виновности и причастности к злодеяниям носителей коричневой чумы. Всё это делалось на основании результатов собственного исследовательского процесса. Доцент Пензенского госуниверситета Мария Владимцева пишет: «Данные установки начинали формировать у детей еще в школе в ходе уроков и внеклассных мероприятий, кроме того, проводились различные траурные мероприятия, на которых с целью недопущения в бу-

³ Борозняк А.И. Искупление ... С.131.

⁴ Там же. С.60.

дущем подобных методов решения проблем постоянно подчеркивалась вина немцев перед всеми остальными народами в развязывании войны»⁵.

А.И. Борозняк выявил то, что характерно сугубо для его коллег из ГДР, сконцентрированных на исследовании нацизма. Тема «третьего рейха» слагается из множества подтем. Гэдээрловцы, и только они, в первую очередь проводили исследование экономических аспектов истории «третьего рейха». Ядро содержания этой подтемы составляло выяснение роли монополий в установлении и распространении нацизма на территории Германии. Вторая подтема: внешняя политика гитлеровской Германии. Учёный продемонстрировал детальность, обстоятельность анализа реализации её направлений. Третья подтема: преступления «третьего рейха» в годы Второй мировой войны. Александр Иванович установил, что «ученые ГДР первыми приступили к разработке проблемы о преступлениях вермахта на оккупированных территориях СССР»⁶.

Всё ли делалось правильно в процессе формирования установок преодоления нацизма в ГДР? Ученый предельно аккуратен в ответе на поставленный вопрос. Он совершенно обоснованно не видит ошибок в данном вопросе в 1949 г. – начале 1980-х годов. Но вот дальше стала наблюдаться «эрозия антифашистского сознания». С каждым годом она становилась всё сильнее. Если до начала 80-х годов среднестатистический восточный немец воспринимал траурные и памятные мероприятия покаяния как нечто святое, то позднее его вполне удовлетворял формальный подход к их проведению. И как итог стали давать о себе знать националистические настроения. Они в первую очередь охватывали тех граждан ГДР, которые родились после войны. Логика мышления этого поколения восточных немцев была такова. Да, наши родители совершали преступления. Да, они несут за это ответственность. Но причём здесь мы? На нас такая ответственность не распространяется. Конечно, под властные структуры закладывалась мина замедленного действия. И вот здесь стали терять пропагандистские очки власти, учёные. Автор абсолютно прав в следующем своём выводе: «власти, а вместе с ними и ученые, предпочитали не замечать регресса в общественном сознании, роста неонацистских настроений среди молодежи ГДР»⁷.

Борозняк оригинален и убедителен в показе детерминант развития восточногерманской историографии. Конечно, правящая СЕПГ была политическим оплотом тоталитарного режима, систематически брала на вооружение жёсткие методы управления государством, с порога отвергала любые намёки на введение плюрализма мнений. Александр Иванович согласен, что это было. Но в удельном весе детерминант, по его мнению, преобладали следующие: «по-

⁵ *Владынцева М.В.* Российская историография о проблеме преодоления тоталитарного прошлого в Германии и ее связи с объединительным процессом 1989-1990 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41). Ч. I. С. 30. ISSN 1997-292x. Адрес журнала: [Электронный ресурс] www.gramota.net/editions/3.html содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/3-2/.

⁶ *Борозняк А.И.* Искушение ... С.140.

⁷ Там же. С.151-152.

пытки (пусть далеко не во всем удачные) разрыва с прошлым и извлечения уроков, вера в антифашистские идеалы»⁸.

Учёный дожил до 25-летия присоединения Восточной Германии к ФРГ. Все эти годы он задумывался над следующим вопросом: «Не потеряют ли публикации учёных объединённой Германии в качестве, объективности, исторической достоверности по сравнению с временами старой ФРГ и ГДР?» Историк в конечном итоге склонялся к тому, что потеря было больше, чем приобретений.

Первый тревожный звоночек прозвучал ещё задолго до завершения эры Гельмута Коля в объединённой Германии. Учёные и публицисты стали употреблять в качестве основополагающего понятие «новый немецкий национализм». И число таких авторов росло. Это было новое направление германской исторической мысли. В качестве лидера направления обозначился германский историк Р. Цительман. То, что пишет А.И. Борозняк о Р. Цительмане и его единомышленниках, побуждает задуматься над такими вещами. Есть память. Есть антипамять. Это – неологизм, введённый в историческую науку Александром Ивановичем. Сохранение памяти сопряжено с недопущением в германском социуме идей превосходства немецкой нации и духа высокомерия. Для страдающего антипамятью Р. Цительмана всё с точностью до наоборот. Он считает, что 3 октября 1990 года для его соотечественников открылось окно возможностей «для того, чтобы покончить с левоинтеллектуальным рефлексом ненависти, направленным на себя»⁹. Представители анализируемого направления твёрдо привержены тезису о Гитлере-модернизаторе. В заслугу преступнику номер один ставится кардинальное улучшение состояния германской экономики. Почему-то забывается, что предпочитаемая нацистским режимом модель экономического управления была весьма уязвима в долгосрочном плане. Второй заслугой гитлеровской клики называется присоединение территорий, для которых характерно преобладание немцев по паспорту. Это выдаётся за ключевой внешнеполитический успех и одновременно выносятся за скобки указание о том, что подобная политика противоречила фундаментальным нормам и принципам международного права. Данным нормам и принципам противоречила и линия на умиротворение Гитлера, проводимая традиционными западными демократиями.

В историографии объединённой Германии прослеживалась ещё одна тенденция, которая тревожила А.И. Борозняка. Сразу после объединения стартовал процесс утверждения концепции тоталитарного прошлого ГДР. Липецкий учёный выявил этапы этого процесса, определил его роль в формировании исторической политики германского государства.

Закономерно возникает вопрос: как германские коллеги по цеху соотносили политические режимы ГДР и гитлеровской Германии? Они в первую очередь разбирали политический режим ГДР. Причём, делали это с оглядкой на Гельмута Коля, его политических детей и внуков, чётко сформулировавших социальный заказ. От представителей исторической науки требовалось подать

⁸ Борозняк А.И. Искупление ... С. 154.

⁹ Там же. С.160.

политический режим ГДР таким образом, чтобы у среднестатистического бундесбюргера сформировалось определенное мнение. ГДР просуществовала с 7 октября 1949 года до 3 октября 1990 года. И всё это время в гэдэровских высоких кабинетах сплошь и рядом сидели самые настоящие преступники. Это, во-первых. Во-вторых, политический режим ГДР был более тоталитарным, чем политический режим «Третьего рейха». В-третьих, пройденный ФРГ исторический путь не имел альтернативы. Там всё делалось правильно.

Александр Иванович справедливо отмечал: «поспешная радикализация в обращении с наследством государства СЕПГ компенсирует угрызения совести, связанные с проблемами в извлечении уроков из нацистской диктатуры»¹⁰.

Ничего, кроме вреда, не принесло стремление исторического сообщества Берлинской Республики вынести за скобки выводы, положения, оценки, сформулированные историками ГДР. Липецкий учёный напоминал германским коллегам по цеху: «дискуссии с марксистскими теориями выполняли в ФРГ важную функцию: формировали собственную систему понятий и теоретических заключений»¹¹. Мария Владынцева пишет: «Можно заключить, что А.И. Борозняк согласен с позицией некоторых российских авторов, согласно которой объединение Германии при учете восточногерманского исторического опыта позволило бы построить более гармоничное и правовое общество в едином германском государстве»¹².

А.И. Борозняк был первым российским учёным, употребившим понятия «преодоление прошлого», «ритуализированный идеологический фундаментализм». Они прочно вошли в исторический дискурс постсоветской России. Авторская версия логической структуры понятия «преодоление прошлого» была сформулирована следующим образом: «не только критическое дистанцирование от периода 1933-1945 гг., но и, прежде всего, – усвоение его глубинной сущности, извлечение уроков из истории нацистской Германии, формирование гарантий от повторения трагедии гитлеризма»¹³. Первое из названных понятий трактовалось «четырьмя поколениями немцев как знак длительного, многопланового, внутренне противоречивого процесса общенационального извлечения уроков из истории Третьего рейха, призыв к моральному очищению, к восприятию и осмыслению правды о фашизме и войне, к выработке иммунитета по отношению к тоталитарной инфекции, любым формам расизма, экспансионизма, агрессивного милитаризма»¹⁴. Ведя речь о «ритуализированном идеологическом фундаментализме», А. И. Борозняк имел в виду неспособных самостоятельно мыслить членов социума, которые становятся лёгкой находкой для по-

¹⁰ Борозняк А.И. Искупление ... С.168.

¹¹ Там же. С.170.

¹² Владынцева М.В. Российская историография о проблеме преодоления тоталитарного прошлого в Германии... [Электронный ресурс] www.gramota.net/editions/3.html содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/3-2/.

¹³ Борозняк А.И. Прошлое, которое не уходит ... С.14.

¹⁴ Борозняк А.И. Уроки Германии в России еще не востребованы. – Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков: Международная конференция. М., 2002. С. 72.

литически активной части «вечно вчерашних». Будучи зомбированными, никто из них «не пожелает увидеть, что современное благополучие Германии связано с титанической работой всего германского общества по «преодолению тоталитарного прошлого»¹⁵.

Учёный был первым в отечественном историческом сообществе, кто адекватно охарактеризовал выступление президента ФРГ Р. фон Вайцзеккера в нижней палате парламента ФРГ 8 мая 1985 г. Он писал: «Ни один германский политик послевоенного времени не поднимался до той высоты чувств и высокой честности перед историей, которых достиг в своей речи Вайцзеккер. Он точно и беспощадно сопоставил тогдашнее и нынешнее восприятие окончания Второй мировой войны»¹⁶.

При каждом пребывании в ФРГ Александр Иванович обязательно находил время для посещения антинацистских памятных мест и выставок. Учёному много дали содержательные беседы с теми немцами, благодаря которым создавались памятные комплексы. Им часто приходилось проявлять гражданское мужество, пробивать стену непонимания, противостоять разного рода бюрократам и перестраховщикам. Сочетание методов устной истории с работой в архивах на местах позволило А.И. Борозняку масштабно представить роль этих мест в формировании культуры исторической памяти.

Профессор Уральского госуниверситета В.И. Михайленко оценивает труды А.И. Борозняка по проблеме исторической памяти как «заявку на равноправный диалог российского и германского обществ (имеющих европейские гуманистические корни) о своем недалеком и печальном «выпадении из истории»¹⁷.

Имея многолетний опыт педагогической работы в системе высшего образования, Борозняк серьёзно задумывался на предмет поиска оптимальных технологий формирования культуры исторической памяти у российской молодежи. Оказалось, что не нужно изобретать велосипед. Искомые технологии успешно работали в германских школах. Там добились глубокого знания повседневности национал-социализма юными немцами благодаря написанию ими научных сочинений. Липецкий профессор из первых рук узнал, как в этом вопросе взаимодействовали германские ученые, учителя и гимназисты. Школьники охотно шли на контакт, любезно предоставляли российскому ученому свои сочинения. Их было много, но Александр Иванович прочитал все, абсолютно все. Пройдёт совсем немного времени и появится его статья «О пользе школьных сочинений»¹⁸. Коллеги - историки из числа соотечественников выразили своё восхищение. Это вдохновило на подготовку книги «Против забвения. Как немецкие школьники сохраняют память о трагедии советских пленных и остарбайтеров».

Читая с карандашом в руках труды ученого, ощущаешь сформированное им собственное видение оптимальной духовно-культурной архитектуры социу-

¹⁵ Борозняк А.И. Уроки Германии в России еще не востребованы. – Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков: Международная конференция. М., 2002. С.71.

¹⁶ Борозняк А.И. Жестокая память . С. 154.

¹⁷ Борозняк А.И. Прошлое, которое не уходит ... С. 14.

¹⁸ Борозняк А.И. О пользе школьных сочинений // Родина. 2003. № 8.

ма. В её рамках высокая культура исторической памяти коррелируется с инструментариями для решения проблем свободы, истины, вины; поддается самому строгому аксиологическому измерению; по всем статьям выдерживает суд совести, суд морали, то есть высший суд. Проиллюстрируем это на примере статьи Александра Борозняка «Блокада Ленинграда и историография ФРГ». Строго следуя принципам исторической компаративистики, российский коллега отмечал: «Для России сражение под Ленинградом было и остается знаком неисчислимых потерь, принесенных во имя военной и нравственной победы над фашизмом. Но для Федеративной Республики Германии, для ее исторической памяти путь к постижению смысла блокады города на Неве оказался предельно трудным, долгим и противоречивым»¹⁹.

А.И. Борозняк обращал особое внимание на события, произошедшие 30 декабря 1947 г. – 29 октября 1948 г. в Нюрнберге, в зале, где ранее проходил Международный трибунал над главными немецкими военными преступниками. Здесь работал уже американский военный суд, который вошел в историю под названием «процесс ОКВ» (верховного командования вермахта). В преступлениях против мира и человечности обвинялись 14 генералов, среди них – отдававшие приказы войскам, осаждавшим Ленинград»²⁰. Были оглашены справедливые приговоры. К сожалению, это был последний процесс подобного масштаба. В ФРГ стала всё больше прослеживаться антипамять касательно ленинградской блокады.

«Непременным компонентом массового западногерманского чтения в 50-х годах стали серийные выпуски «солдатских историй», большая часть которых повествовала о «войне на Востоке», в том числе и в районе действий группы армий «Север». Солдаты и офицеры вермахта представляли смельчаками, СС и СД – злодеями, творившими грязные дела без ведома или вопреки армии, а русские – коварными варварами. В школьных учебниках ФРГ осада Ленинграда или не упоминалась вовсе или именовалась военным успехом вермахта. Память о блокаде практически не менялась с 50-х вплоть до 80-х годов, исторические события рассматривались «глазами преступников», Ленинград остался абстрактным местом в событиях войны»²¹.

Чем же всё это можно было объяснить? Что имело место: случайность или закономерность? «Столь явное несоответствие значимости битвы за Ленинград, с одной стороны, и масштабов (равно как и характера) ее освещения историографией ФРГ, с другой, не было случайным». Липецкий учёный показал, что «осуществленное германской армией целенаправленное убийство сотен тысяч мирных жителей Ленинграда не укладывалось в традиционную мифологическую схему о немецких солдатах как жертвах военных действий, об их невиновности в связи с «необходимостью исполнять приказы командования»»²².

¹⁹ Борозняк А.И. Блокада Ленинграда и историография ФРГ // Новая и новейшая история. – 2010. № 1. С. 121.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. С.123.

Борозняку удалось выявить точку отсчёта процесса демонтажа исторической антипамяти о блокаде. «Новое прочтение истории блокады Ленинграда начало утверждаться во многом благодаря знаменитой «Блокадной книге» Алексея Адамовича и Даниила Гранина, которая была (далеко не сразу!) воспринята в ФРГ как образец человеческого измерения войны»²³.

Можно смело утверждать, что 30 лет назад стартовала фундаментальная научная разработка указанной проблемы в историографии ФРГ. «Первый в ФРГ обстоятельный научный анализ военной ситуации в районе Ленинграда и действий вермахта, направленных против его мирных жителей, был опубликован в 1992 г. Очерк принадлежал перу историка Второй мировой войны Г. Юбершера. Автор впервые ввел в исследовательский оборот ряд документов из фондов Федерального военного архива во Фрайбурге»²⁴.

В 1993 г. опубликована книга журналиста Й. Фридриха «Закон войны». Среди главных ее достоинств обнаружение ценнейшего источника, о котором несколько десятилетий не упоминало западногерманское историческое сообщество. Речь шла о стенограммах процесса 1947-1948 гг. над гитлеровскими генералами. «Авторы последующих работ об осаде Ленинграда находились в иной, чем прежде, ситуации. Передвижная документальная выставка «Преступления вермахта», организованная в 1995 г. Институтом социальных исследований (Гамбург), взорвала привычные стереотипы о «чистом вермахте» и непричастности армейских кругов к злодеяниям нацистского режима. Первый вариант экспозиции датирован 1995-1999 гг., второй – 2000-2004 гг. Внимание посетителей неизменно привлекал детальный раздел о блокаде Ленинграда»²⁵.

Мой российский коллега справедливо отмечает, что тем самым была заложена плодотворная традиция визуального воплощения новейшей истории. Она «была продолжена Германо-советским музеем в берлинском районе Карлсхорст. Музей расположен в мемориальном здании, где в ночь с 8 на 9 мая 1945 г. была подписана безоговорочная капитуляция Германии. Подготовка к выставке «Блокада Ленинграда» шла более двух лет под непосредственным руководством директора музея П. Яна. Экспозиция действовала в Берлине (июнь-сентябрь 2004 г.) и в Гамбурге (январь 2005 г.), получив широкое освещение в прессе и по телевидению. Во время работы выставки были проведены коллоквиумы и круглые столы, в которых принимали участие немецкие и российские историки и публицисты. Повседневности жизни и смерти в осажденном, но непокоренном городе была посвящена статья специалиста по российской истории Б. Бонвеча – основателя и руководителя Германского исторического института в Москве. Достоянием читателей стали выпущенные в свет тогда же, в 2002 г., новаторские работы берлинского ученого Г. Хасса о ситуации в окруженном Ленинграде и о германской оккупационной политике в Ленинградской области»²⁶.

²³ Борозняк А.И. Блокада Ленинграда и историография ФРГ // Новая и новейшая история. – 2010. № 1. С.123.

²⁴ Там же. С.123-124.

²⁵ Там же. С.126.

²⁶ Там же.

Александр Борозняк выявил также наличие двух этапов в развитии современной германской историографии ленинградской блокады. Он вполне обоснованно утверждает, что эта историография «обрела новое дыхание благодаря трудам Й. Хюртера (Институт современной истории в Мюнхене) и И. Ганценмюллера (Йенский университет). Эти авторы (годы их рождения, соответственно, 1966 и 1969) представляют вошедшее ныне в пору зрелости поколение исследователей. Поколение, отказавшееся от претензий на научную монополию, стремящееся к отходу от прежнего недоверия, к диалогу с российской исторической наукой. Для ученых, о которых идет речь, является само собой разумеющимся признание преступного характера агрессии против СССР и осады города на Неве. Неопровержима, по твердому убеждению Хюртера, вина немцев за варваризацию этой страшной войны.

Ганценмюллер считает необходимым расширить научную перспективу и анализировать блокаду Ленинграда в связи с общими целями германского нападения на Советский Союз. Для профессора, доктора Йоханнеса Хюртера главной представляется «историографическая проблема акций вермахта в промежуточной зоне между ведением войны и преступлениями»²⁷. Мне довелось проходить стажировку в Институте современной истории в Мюнхене. Встречался с рядом научных сотрудников института, в том числе с Йоханнесом Хюртером. В беседе со мной он излагал ту же мысль.

А сейчас вновь о личном. 23-26 октября 2019 г. на базе Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» состоялась Международная научная конференция «Международный диалог историков. Россия и Германия: проблемы межкультурного взаимодействия» (1990-2020 гг.)). Кроме ЛГПУ в качестве организаторов этого солидного научного мероприятия выступили Московское представительство Фонда Розы Люксембург, Институт всеобщей истории РАН. В конференции приняли участие учёные из России, Германии, Беларуси. В числе участников был и автор этих строк. Конференция была приурочена к 30-летию со дня падения Берлинской стены. Главную роль в подготовке и проведении мероприятия сыграла профессор ЛГПУ, доктор исторических наук, профессор Нина Эмильевна Вашкау. На конференции не раз вспоминали Александра Ивановича, подчёркивали значимость его научного наследия.

Очных встреч с Александром Ивановичем у меня не было. В 1987 году дважды разговаривали по телефону. Кроме прочего, затрагивался вопрос об изучении Второй мировой войны. Я поздравил Александра Ивановича с выходом интересной статьи «Историки-марксисты ФРГ против фальсификации характера и итогов второй мировой войны»²⁸. Коллега заинтересованно расспрашивал об изучении истории войны в моей родной Беларуси. С тех пор я внимательно следил за творчеством Александра Ивановича, поражаясь его плодотворности, неугасающему интересу к современным публикациям в России и Германии.

²⁷ Борозняк А.И. Блокада Ленинграда и историография ФРГ // Новая и новейшая история. – 2010. № 1. С.126.

²⁸ Борозняк А.И. Историки-марксисты ФРГ против фальсификации характера и итогов второй мировой войны // Вопросы истории. 1986. № 12. С. 154-163.

Международная научная конференция «Международный диалог историков. Россия и Германия: проблемы межкультурного взаимодействия» (1990-2020 гг.)). ЛГПУ. В президиуме слева направо: Рюдигер Петер, Б.Л. Хавкин, Дитмар Вульф, С.Г. Алленов, М.В. Стрелец, 24 октября 2019 г.

С.Г. АЛЛЕНОВ

ФАШИЗМ КАК ЕВРОПЕЙСКИЙ ФЕНОМЕН В ОСВЕЩЕНИИ НЕМЕЦКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ И ИСТОРИОГРАФИИ: К 100-ЛЕТИЮ ИЗУЧЕНИЯ

Ввиду той страшной роли, которую фашизм сыграл в новейшей истории Германии и всей Европы, его изучение стало после окончания Второй мировой войны безусловным приоритетом немецкой исторической науки. В огромном множестве публикаций историки бывшей Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии стремились раскрыть сущность данного феномена и извлечь политические и нравственные уроки из недавнего прошлого своей страны. Однако их преимущественный интерес к немецкой разновидности фашизма не исключал представлений о нем как общеевропейском явлении, охватившем в 1920-е – первой половине 1940-х гг. большую часть стран Европы и нашедшем воплощение в ряде родственных по своей природе режимов. В начале XXI в. популярность такого широкого истолкова-

ния фашизма в историографии ФРГ заметно возросла. Сторонники данного подхода рассчитывают на своего рода синергетический эффект – качественное приращение знаний о фашизме за счет изучения и сравнительного анализа совокупности его конкретных проявлений.

Исследователи, обратившиеся к изучению фашизма как универсального феномена, нацеливают свои усилия на решение двух принципиально важных взаимосвязанных задач. Во-первых, это выработка дефиниции фашизма посредством отбора и обобщения существенных черт его национальных проявлений. Во-вторых – это, выражаясь популярным в данной среде языком М. Вебера, конструирование идеального типа фашизма путем перекомбинирования и синтеза соответствующего эмпирического материала. Такой подход должен, с одной стороны, способствовать выяснению сути фашизма и границ применения данного понятия, с другой – выработке некоего эталона для сопоставления и оценки подпадающих под это определение политических идеологий, движений и диктатур¹.

Несмотря на то, что нынешний этап немецких исследований европейского фашизма был инициирован зарубежными, прежде всего английскими коллегами, в Германии ему предшествовала собственная богатая традиция, которая насчитывает уже ровно сто лет². В данной статье предпринята попытка обзора основных этапов и направлений развития этой традиции, а также наиболее значимых трудов ее представителей. Речь пойдет преимущественно о тех немецких авторах – историках, политологах и политических публицистах, которые рассматривали фашизм как универсальное явление не только собственной, но и общеевропейской истории и употребляли это понятие именно в таком широком значении³.

Первые шаги в данном направлении были предприняты в Германии левыми, прежде всего коммунистическими оппонентами фашизма, которые распознали в нем смертельного врага пролетариата и рабочего движения сразу же после его выхода на политическую арену. Поиск ответов на вопросы о сущности фашизма, его корнях и перспективах развития имел для них не только теоретический, но и практический смысл, поскольку был связан с разработкой тактики антифашистской борьбы. И хотя сторонники Гитлера себя фашистами не называли, руководство Коммунистической партии Германии с самого начала установило их родство с чернорубашечниками Муссолини и взяло на вооруже-

¹ См., напр.: *Reichardt S.* Faschistische Kampfbünde. Gewalt und Gemeinschaft in Italienischen Squadrismus und in der deutschen SA. Köln, 2009. S. 26; *Bach M., Breuer St.* Das faschistische Minimum. Bausteine zu einem Idealtyp des Faschismus // *Faschismus als Bewegung und Regime. Italien und Deutschland im Vergleich.* Wiesbaden, 2010. S. 17–81.

² Издававшаяся в Веймарской Германии, ГДР и ФРГ литература о фашизме как европейском феномене эпизодически освещалась в советской и российской историографии в обзорах немецких исследований истории национал-социализма и трансформаций немецкой исторической памяти. См., напр.: *Мерцалова Л.А.* Германский фашизм в новейшей историографии ФРГ. Воронеж, 1980; *Борозняк А.И.* Историки ФРГ о нацизме // *Новая и новейшая история.* 1997. № 1. С. 62–74; Он же. ФРГ: Волны исторической памяти // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре.* 2005. № 2–3. С. 58–66.

³ Таким образом, за рамками данного обзора останется большая часть немецких работ, посвященных истории сугубо германского фашизма. Однако следует заметить, что не все их авторы, предпочитавшие использовать термины «национал-социализм» и/или «гитлеризм», были принципиальными противниками понимания фашизма как общеевропейского, в том числе и немецкого явления.

ние итальянский термин для обозначения его немецкого, а затем и других европейских аналогов. Так, уже летом 1923 г., представляя КПГ на Пленуме Исполкома Коммунистического интернационала, К. Цеткин отмечала в своем докладе, что фашизм, при всех различиях национальных проявлений, везде демонстрирует два неизменных атрибута: подстроенную под настроения масс мнимую революционную программу и ставку на разнузданный террор. Руководствуясь революционной теорией марксизма и сосредоточившись на раскрытии социально-экономической природы фашизма, немецкая коммунистка характеризовала его как продукт кризиса позднего капитализма и силу, призванную помочь буржуазии удержать свое классовое господство⁴.

Обилие глубоких оценок и точных прогнозов, высказанных в докладе Цеткин по горячим следам едва начавшихся событий позволяют отнести ее анализ фашизма к лучшим достижениям марксистско-ленинской мысли. Однако предпринятая вскоре «большевизация» (по сути, сталинизация) Коминтерна и искоренение разномыслия в его руководстве вели к снижению уровня его теоретических изысканий, в том числе и в области изучения фашизма. Во всяком случае выработанное к 1933 г. и закрепленное в 1935 г. решением VII Конгресса Коминтерна определение фашизма как «открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее террористических элементов финансового капитала»⁵ грешило односторонностью и не отражало всей полноты его политических, идеологических, социокультурных и социально-психологических свойств. Тем не менее, эта «классическая» дефиниция в течение более полувека служила ортодоксальным историкам-марксистам, в том числе в будущей ГДР, единственно возможной идейно-теоретической основой исследований фашизма.

В 1920-е гг. к изучению европейского фашизма обратились и теоретики немецкого социал-реформизма. Подобно коммунистам, они также увидели в нем международное явление, порожденное кризисом позднекапиталистической системы. Анализируя его, социал-демократы Р. Гильфердинг, А. Гурланд, О. Ольберг, А. Шифрин, как и лидер КПО А. Тальгеймер, также опирались на наследие К. Маркса и Ф. Энгельса, но в основном в той его части, которая касалась критики бонапартизма. Эти и целый ряд других авторов исходили из того, что послевоенный рост социальных противоречий подталкивал крупную буржуазию к уступке политического господства фашизму ради спасения своих экономических позиций. С данной точки зрения сам фашизм, родившийся из бунта средних слоев, воспринимался как современная форма предельно центра-

⁴ *Zetkin C.* Der Kampf gegen den Faschismus. Bericht auf dem Erweiterten Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale (20. Juni 1923) // Marxists' Internet Archive. URL: <https://www.marxists.org/deutsch/archiv/zetkin/1923/06/faschism.htm>.

⁵ См.: Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма. Резолюция по докладу т. Димитрова, принятая VII Конгрессом Коминтерна 20 августа 1935 г. // VII Конгресс Коммунистического интернационала и борьба против фашизма и войны: Сборник документов. М., 1975. С. 365.

лизованной государственной власти, подчинявшей себе все классы, включая ту же крупную буржуазию⁶.

Из взгляда на фашизм как модификацию бонапартистской диктатуры могли вытекать разные, в том числе диаметрально противоположные выводы. Так, Гильфердинг незадолго до своей гибели заявил, что нацистская Германия уже не является капиталистическим государством, поскольку власть в ней перешла к «тоталитарной бюрократии»⁷. В то же время М. Хоркхаймер объявил фашизм «самой современной формой монополистического капитализма», отстаивающего свое господство деспотическими средствами. Отсюда вытекал его категорический вердикт: «Кто не хочет вести речь о капитализме, тот должен помалкивать и о фашизме»⁸.

К сожалению, теоретические изыскания левых противников фашизма так и не увенчались своевременной выработкой эффективной практики антифашистской борьбы. «Классовый» подход коммунистов к определению его сути отвлекал их усилия и энергию шедших за ними рабочих масс на борьбу с мифическим «социал-фашизмом» и якобы уже «фашизированной» буржуазной демократией⁹. В свою очередь социал-демократы, идентифицировавшие себя с Веймарским режимом, тратили свои силы на попытки реформ, которые вряд ли могли вывести страну из системного кризиса. После прихода в 1933 г. НСДАП к власти немецким коммунистам и социал-демократам пришлось извлекать уроки из своих ошибок либо за колючей проволокой концлагерей, либо в подполье, либо в вынужденной эмиграции. Если большая часть активистов КПГ, искавших спасения от гитлеровского террора в Москве, вскоре пала жертвой сталинских репрессий¹⁰, то ряд левых интеллектуалов, не принявших революционной теории марксизма, продолжили работу в изгнании, в том числе в английских и американских исследовательских институтах и университетах. Среди них были В. Райх, а также представители Франкфуртской школы – Т. Адорно, Э. Фромм, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе и другие, предпринявшие на базе синтеза идей К. Маркса и З. Фрейда анализ социально-психологических истоков фашизма¹¹.

⁶ См., напр.: *Hilferding R. Zwischen den Entscheidungen* (Januar 1933) // Marxists' Internet Archive. URL: <https://www.marxists.org/deutsch/archiv/hilferding/1933/01/zwischen.html>; Bauer O. *Der Faschismus* // Ebenda. URL: <https://www.marxists.org/deutsch/archiv/bauer/1936/zwischen/faschismus.html>; *Thalheimer A. Über den Faschismus* // Ebenda. URL: <https://www.marxists.org/deutsch/archiv/thalheimer/1928/xx/fasch.htm>.

⁷ Цит. по: *Mandel E. Theorien über den Faschismus* // Internet-Archiv Ernest Mandel. URL: https://www.ernestmandel.org/de/textes/txt/theorien_uber_den_faschismus.htm.

⁸ *Horkheimer M. Die Juden und Europa* // Ders. *Gesammelte Schriften in 19 Bänden* / Hrsg. von A. Schmidt, G. Schmid Noerr. Bd. 4: *Schriften 1936–1941*. Frankfurt a.M., 1988. S. 308f.

⁹ См., напр.: *Коминтерн против фашизма. Документы* / Отв. ред. Н.П. Комолова. М., 1999. С. 4.

¹⁰ Подробнее см.: *In den Fängen des NKWD, Deutsche Opfer des stalinistischen Terrors in der UdSSR* / Hrsg. vom Institut für Geschichte der Arbeiterbewegung, Berlin 1991; *Watlin A. «Was für ein Teufelspack»: Die Deutsche Operation des NKWD in Moskau und im Moskauer Gebiet 1936 bis 1941*. Berlin, 2013.

¹¹ См.: *Reich W. Massenpsychologie des Faschismus*. Kopenhagen, 1933; *Fromm E. Furcht vor der Freiheit*. Zurich, 1945; *Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J. The authoritarian personality*. New York, 1950. Данное направление исследований было развито в послевоенной Германии К. Тевеляйтом (см.: *Theweleit K. Männerphantasien*. 2 Bände. Frankfurt a. M.-Basel, 1977, 1978).

В самой Германии процесс теоретического осмысления феномена фашизма возобновился лишь после ее поражения во Второй мировой войне. Поляризация послевоенного мира, нашедшая зримое воплощение в расколе страны, превратила эти исследования в передний край идеологической борьбы двух общественно-экономических систем.

Теоретико-методологической основой изучения фашизма в историографии социалистической ГДР оставалась оценка его социально-экономической природы Коминтерном. Фактически возведенная здесь, как и в СССР, в абсолют, она практически исключала поиск иных объяснительных моделей. В то же время богатые эмпирическим материалом труды восточногерманских историков, таких как Д. Айххольц, Л. Госсвайлер, К. Петцольд и М. Вайсбекер смогли дополнить исследования советских коллег углубленным анализом военных целей Германии и ее оккупационной политики, организации рабского труда и немецкого военного хозяйства, а также участия различных монополистических групп в этих и других преступлениях национал-социализма¹². Но хотя историки-марксисты предпочитали этому самоназванию слово «фашизм», приступить к систематическому изучению его ненемецких разновидностей они, несмотря на декларации таких намерений, так и не успели¹³.

В отличие от Германской Демократической Республики, режим которой позиционировал себя в качестве единственного наследника немецкой антифашистской традиции, в Западной Германии процесс осмысления и преодоления преступного прошлого принял более затяжной и многовекторный характер. Если в стране в 1945 г., по выражению самих немцев, наступил «час ноль», то и осознание произошедшей катастрофы здесь также приходилось начинать во многом с нуля. Усвоение эмигрантской традиции изучения фашизма здесь было затруднено, поскольку не все ее представители вернулись в страну, а вернувшиеся (нередко в составе оккупационных сил), хотя и удостоивались академических почестей и постов, не сразу адаптировались к возрождавшейся научной среде¹⁴. О первоначальном (часто подспудном) сопротивлении этой среды вли-

¹² См., напр.: *Eichholz D. Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939 – 1945. 3 Bände. Berlin (Ost), 1969; Pätzold K., Weißbecker M. Hakenkreuz und Totenkopf. Die Partei des Verbrechens. Berlin, 1981; Gossweiler K. Kapital, Reichswehr und NSDAP 1919–1924. Berlin, 1982; Idem. Aufsätze zum Faschismus. Berlin (Ost), 1986; Faschismus-Forschung. Positionen. Probleme. Polemik / Hrsg. von Eichholz D., Gossweiler K. Berlin (Ost), 1980; Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Von einem Autorenkollektiv unter Leitung von W. Schumann, K. Drechsler und G. Hass. 6 Bände. Berlin (Ost), 1974–1985. Критический анализ наследия историографии ГДР в области исследований фашизма см., напр.: *Thamer H.-U. Nationalsozialismus und Faschismus in der DDR-Historiographie // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1987. Bd. 13. S. 27-37; Käppner J. Erstarrte Geschichte. Faschismus und Holocaust im Spiegel der Geschichtswissenschaft und Geschichtspropaganda der DDR. Hamburg, 1999.**

¹³ См., напр.: *Faschismus-Forschung... S. 15.*

¹⁴ Так, М. Хоркхаймер вернулся на родину в 1949 г. и занял сразу две кафедры во Франкфуртском университете, К.Й. Фридрих работал по совместительству в 1956–1966 гг. профессором в Гейдельберге, Х. Ротфельс вернулся в ФРГ в 1951 г. и преподавал в Тюбингенском университете, З. Нойманн преподавал в 1949 г. в Мюнхенском университете и Свободном университете в Берлине, Ф. Нойманн принимал участие в основании Свободного университета в Берлине и стал в 1953 г. его почетным профессором. Профессорами Свободного университета в Берлине были также Р. Лёвенталь и Э. Френкель. И все же, судя по воспоминаниям В. Абендрота, ничто в те годы «так не обременяло в университете и среди интеллектуалов, как факт участия в борьбе против фашизма» (цит по: Казаков Е.А. Вольфганг Абендрот и Марбургская школа политологии – вузы ФРГ как поле политической борьбы времен холодной войны // *Новое прошлое. The New Past. 2021. № 4. С. 184.*)

нениям эмигрантов-антифашистов может свидетельствовать хотя бы тот факт, что признанные в мире классическими труды Ф. Нойманна и Э. Френкеля были изданы на родине авторов лишь спустя тридцать с лишним лет после их опубликования на английском языке в США¹⁵.

Что же касается исследователей, не покидавших Германию, но сумевших, как Ф. Майнеке, Г. Риттер или Л. Дейо, сохранить свое реноме, то предпринятый ими в послевоенные годы поиск причин «немецкой катастрофы» был, естественно, связан с попытками разгадать природу фашизма как явления именно немецкой истории. В то же время в их размышлениях звучали не только обвинения в адрес гитлеризма, в котором они видели продукт духовного кризиса, поразившего Германию, но и упрек всей новоевропейской культуре, которая если и не породила его, то, во всяком случае, не смогла выработать от него противоядие¹⁶.

В условиях развернувшейся с конца 1940-х гг. «холодной войны» фашистские режимы Европы стали рассматриваться обществоведами ФРГ по примеру их бывших соотечественников и англоязычных коллег через призму теории тоталитаризма. В 1950-х – 1960-х гг. эта теория, постулировавшая типологическое родство «правых» и «левых» диктатур как антиподов демократии, выступала в качестве не только парадигмы их анализа, но и идеологического конструкта, служившего дискредитации так называемого реального социализма. В историческом сообществе ФРГ она нашла приверженцев в лице К.Д. Брачера, Г. Лейбхольца, Г. Буххайма и ряда других видных обществоведов, взявшихся за выявление и описание «тоталитарных» элементов гитлеровского господства¹⁷. Поскольку, согласно их взглядам, эти элементы были присущи всем, даже идеологически полярным разновидностям тоталитаризма, то для них, казалось, не составляло труда установить сходство гитлеризма с итальянским фашизмом и другими идейно близкими ему «правыми» режимами. Вопреки этой очевидности адепты теории тоталитаризма настаивали на том, что понятие «фашизм» обозначает исключительно итальянские реалии и несовместимо с

¹⁵ См.: *Neumann F. Behemoth. Struktur und Praxis des Nationalsozialismus 1933–1944.* Frankfurt a.M., 1977; *Fraenkel E. Der Doppelstaat. Recht und Justiz im «Dritten Reich».* Frankfurt a.M., 1974. Книга Френкеля была впервые издана в Нью-Йорке в 1941 г. Текст книги Нойманна был впервые издан там же в 1942 г. в виде диссертации, защищенной в Колумбийском университете.

¹⁶ *Meinecke F. Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen.* Wiesbaden, 1946; Ritter G. *Europa und die deutsche Frage. Betrachtungen über die geschichtliche Eigenart des deutschen Staatsdenkens.* München, 1948; *Dehio L. Gleichgewicht oder Hegemonie. Betrachtungen über ein Grundproblem der neueren Staatengeschichte.* Krefeld, 1948. Также писавший о духовном неблагополучии эпохи А. фон Мартин был более склонен винить в «немецкой катастрофе» именно немецкую интеллектуальную традицию (см.: *Martin von A. Geistige Wegbereiter des deutschen Zusammenbruchs (Hegel, Nietzsche, Spengler).* Recklinghausen 1948).

¹⁷ См., напр.: *Bracher K.D. Die Auflösung der Weimarer Republik. Eine Studie zum Problem des Machtverfalls in der Demokratie.* Stuttgart, 1955; *Buchheim H. Totalitäre Herrschaft, Wesen und Merkmale.* München, 1962. Подробнее об исследованиях, проводившихся в рамках теории тоталитаризма в ФРГ, а также дискуссиях вокруг нее см., напр.: *Jänicke M. Totalitäre Herrschaft. Anatomie eines politischen Begriffs.* Berlin (West), 1971; *Schlangen W. Die Totalitarismus-Theorie. Entwicklung und Probleme.* Stuttgart, 1976; *Totalitarismus und Faschismus. Eine wissenschaftliche und politische Begriffskontroverse.* München, 1980.

национал-социализмом как уникальным явлением немецкой истории¹⁸. Более того, как справедливо замечали их оппоненты, они «недооценивали также и то, что коммунизм был укоренен в политической и идеологической традиции, прямо противоположной правому экстремизму, что большевистский режим в России выполнял совершенно другие социальные функции и опирался на совершенно иной базис, нежели фашизм или национал-социализм»¹⁹.

Поэтому неудивительно, что теория тоталитаризма нашла в Германии не только сторонников, но и жестких критиков в лице, например, таких авторов, как В. Хофман или М. Грайфенхаген²⁰. Сомнения в эвристической ценности этой теории порождали изменения внутри- и внешнеполитической обстановки (либерализация советского режима, полевение политического климата в самой ФРГ, приближение международной разрядки и т.п.), но прежде всего – результаты все более многочисленных эмпирических исследований, которые не укладывались в прокрустово ложе «идеального типа» тоталитаризма²¹.

Оборотной стороной снижения популярности теории тоталитаризма стало стремление западногерманских обществоведов рассматривать «правые» режимы межвоенной Европы как ипостаси фашизма, а также всплеск интереса к «генерическому понятию фашизма». Пионерскую роль в этом повороте сыграл вышедший в свет в 1963 г. бестселлер историка и философа Э. Нольте, само название которого – «Фашизм в его эпохе» – указывало на универсальный характер и транснациональный масштаб рассматриваемого явления. В своем труде, построенном на сравнении французской, итальянской и немецкой разновидностей фашизма, автор, следуя феноменологическому подходу и теории «идеальных типов», сосредоточил внимание на идеологии этих движений в том виде, в каком она представлена в текстах их вождей. В результате проведенного анализа Нольте определил сущность фашизма как «антимарксизм, стремящийся уничтожить противника путем разработки радикально противоположной, но, все же, сходной идеологии, а также почти идентичных, но соответственно измененных методов, которые всегда применяются в строгих рамках национальной автономии и самоопределения»²². Вскоре автор дополнил эту дефиницию фашизма перечнем его «идеально-типических» черт, которые прослеживал у всех его национальных проявлений. Наряду с поставленным во главу угла воинствующим антимарксизмом он включил в свой «фашистский минимум» антилиберализм, интенциональную враждебность консерватизму, принцип фюрер-

¹⁸ См. напр.: *Thamer H.-U.* Das Dritte Reich. Interpretationen, Kontroversen und Probleme des aktuellen Forschungsstandes // Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft / Hrsg. von K.D. Bracher, M. Funke, H.A. Jacobsen. Bonn, 1992. S. 511–512.

¹⁹ *Люкс Л.* Коммунистические теоретики о фашизме (1921–1935): озарения и просчеты // Исторические исследования. Два облика тоталитаризма. 2014. № 1. URL: <http://www1.kueichstaett.de/ZIMOS/forum/SchriftenreiheRuss1.html> С. 177–203.

²⁰ См.: *Greiffenhagen M., Kühnl R., Müller J.B.* Totalitarismus. Zur Problematik eines politischen Begriffs. München, 1972.

²¹ Среди таких работ чаще других упоминаются: *Mommsen H.* Beamtentum im Dritten Reich. München, 1969; *Broszat M.* Der Staat Hitlers. München, 1969.

²² См.: *Nolte E.* Der Faschismus in seiner Epoche. Action française – italienischer Faschismus – Nationalsozialismus. München, 2000. S. 41.

ства, а также наличие партии, обладающей собственными вооруженными отрядами и «претензией на тотальность»²³.

Свое определение фашизма Нольте относил к ряду движений, действовавших также и за пределами Франции, Италии и Германии. Более того, он распространял его на целую «эпоху» с 1917 по 1945 гг., содержание которой видел в борьбе крайне правых сил Европы против марксизма и угрозы мировой коммунистической революции. Став первым немарксистским автором в ФРГ, взявшим на вооружение широкое понятие фашизма, Нольте предпринял и одну из самых ранних попыток систематизации разработанных к тому времени подходов к изучению данного феномена²⁴. Затем его примеру последовал целый ряд западногерманских исследователей, представивших собственные систематизированные обзоры теорий фашизма. В 1960-е – 1970-е гг. дань этой теме отдали В. Альф, В. Шидер, Э. Мандель, Г. Шульц, Н. Кадричке и Г. Х. Гребинг²⁵. В дополнение к этим работам в Западной Германии была переиздана монография историков из ГДР Г. Лоцека и Р. Рихтера, посвященная, как указывалось в названии, критике «буржуазных» концепций фашизма, но содержащая также весьма жесткий разбор теории бонапартизма²⁶. В последующие десятилетия книжный рынок ФРГ заполняли книги Г. Вебера, В. Лутхардта, Л. Люкса, В. Путы, К. Фриче и других авторов, описывавших взгляды теоретиков КПГ и СДПГ на фашизм, а также дискуссии, которые те вели между собой в довоенный период²⁷.

²³ См.: Ders. Die faschistischen Bewegungen. Die Krise des liberalen Systems und die Entwicklung der Faschismen. München, 1966. S. 385.

²⁴ См.: Ders. Vierzig Jahre Theorien über den Faschismus // Theorien über den Faschismus / Hrsg. von E. Nolte. Köln / Berlin, 1967. S. 1–75. Более раннюю публикацию фрагмента этого текста см.: Ders. Zeitgenössische Theorien über den Faschismus // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1967. H. 3. S. 247–268.

²⁵ См.: *Schieder W.* Faschismus // Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Eine vergleichende Enzyklopedie. Bd. 2. Freiburg, 1968. S. 439 – 477; *Poulantzas N.* Faschismus und Diktatur. Die Kommunistische Internationale und der Faschismus. Paris, 1970; *Alff W.* Der Begriff Faschismus und andere Aufsätze zur Zeitgeschichte. Frankfurt am Main, 1971; Mandel E. Theorien über den Faschismus // Internet-Archiv Ernest Mandel. URL: https://www.ernestmandel.org/de/textes/txt/theorien_uber_den_faschismus.htm; Ders. Zu Troztkis Analyse des Faschismus // Internet-Archiv Ernest Mandel. URL: https://ernestmandel.org/de/textes/txt/zu_troztkis_analyse_des_faschismus.htm; *Kadritzke N.* Faschismus als gesellschaftliche Realität und als unrealistischer Kampfbegriff // Prokla. Zeitschrift für kritische Sozialwissenschaft. 1973. Bd. 3. № 8/9. URL: <http://www.prokla.de/index.php/PROKLA/article/view/1797>; Schulz G. Faschismus – Nationalismus. Versionen und theoretische Kontroversen. 1922–1972. Berlin, 1974; *Grebing H.* Aktuelle Theorien über Faschismus und Konservativismus. Eine Kritik. Stuttgart, 1974.

²⁶ *Lozek G., Richter R.* Legende oder Rechtfertigung? Zur Kritik der Faschismustheorien in der bürgerlichen Geschichtsschreibung. Berlin (Ost), 1979.

²⁷ См.: *Wippermann W.* Zur Analyse des Faschismus. Die sozialistischen und kommunistischen Faschismustheorien 1921–1945. Frankfurt a. M., 1981; *Weber H.* Hauptfeind Sozialdemokratie. Strategie und Taktik der KPD 1929–1933. Düsseldorf, 1982; *Luthardt W.* Struktur Aspekte der Weimarer Republik und des Nationalsozialismus – Diskutiert am Beispiel zeitgenoessischer sozialdemokratischer Analysen // PROKLA. Zeitschrift für kritische Sozialwissenschaft. 1983. Bd. 13. Nr. 52. S. 103–122; *Lux L.* Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921–1935. Stuttgart, 1985; *Pyta W.* Gegen Hitler und für die Republik. Die Auseinandersetzung der deutschen Sozialdemokratie mit der NSDAP in der Weimarer Republik. Düsseldorf, 1989; Arbeiterbewegung und Faschismus. Faschismus-Interpretationen in der europäischen Arbeiterbewegung / Hrsg. von H. Grebing, K. Kinner. Essen, 1990 (сборник докладов совместной конференции исследователей фашизма из ГДР и ФРГ); *Fritzsche K.* Faschismustheorie: Konzeptionen, Kontroversen und Perspektiven // Handbuch. Politische Theorien und Ideologien / Hrsg. von F. Neumann. Bd. 1. Opladen, 1995. S. 179–228.

В этом потоке публикаций, посвященных немецкому и международному опыту изучения фашизма, полнотой и тщательностью систематизации материала выделялись вышедшие под практически одинаковыми названиями в 1970-е гг., а затем неоднократно переизданные обзоры теорий фашизма В. Випперманна, Р. Кюнля и Р. Зааге. В книге берлинского профессора Випперманна эти теории были рассмотрены в «исторической», «систематической» и «критической» перспективе с точки зрения их политической подоплеки, концептуального содержания и убедительности в сравнении с конкурирующими объяснительными моделями²⁸. Обзор большинства этих теорий, предпринятый в монографии видного представителя Марбургской школы Кюнля, был дополнен, с одной стороны, разработкой общей методики анализа научных концепций, с другой – рассмотрением политических реалий, оказавших влияние на ход послевоенных дебатов о фашизме²⁹. В сравнении с трудами Випперманна и Кюнля первое издание работы Зааге отличалось более узким подходом, поскольку в центре внимания автора находились дискуссии о соотношении интересов крупного капитала, представителей массовой базы фашистских движений и фашистского государственного аппарата³⁰. Однако, будучи доработанной и переизданной спустя 30 лет, книга Зааге не только сравнялась с трудами коллег по объему рассмотренного материала, но и отчасти дополнила их анализом концептуального багажа новейших исследований фашизма³¹.

В целом наблюдения Випперманна, Кюнля и Зааге можно суммировать в виде сводного перечня примерно десяти выделенных и описанных ими теорий фашизма. В свете наиболее популярных из этих теорий фашизм предстает как ставленник крупного капитала («классическая» формула Коминтерна), как его союзник (теория бонапартизма), как отряд «взбунтовавшейся» мелкой буржуазии, как форма харизматического господства, как разновидность тоталитаризма, как продукт моральной деградации современного общества, как психопатологическое явление и как своего рода политическая религия. При всех различиях этих подходов их сторонники были едины в стремлении найти ответ на три ключевых вопроса: чем, собственно, является фашизм, в силу каких причин он возник, каким образом ему удалось в ряде случаев прийти к власти. Нетрудно заметить, что приоритет в разработке подходов, нацеленных на раскрытие социально-экономической подоплеки фашизма, его социально-психологических и социокультурных корней, принадлежал именно немецкоязычным историкам и обществоведам.

Вместе с тем бросается в глаза, что возобновившиеся в ФРГ в 1960-е – 1970-е гг. исследования фашизма, в основном, не выходили за рамки левого дискурса и несли на себе отпечаток не утихавших политических страстей. Как и полувеком ранее, подавляющее большинство этих работ принадлежало авторам, которые в той или иной степени испытали влияние марксизма и являлись

²⁸ См.: *Wippermann W. Faschismustheorien. Zum Stand der gegenwärtigen Diskussion.* Darmstadt, 1972.

²⁹ См.: *Kühnl R. Faschismustheorien. Eine Einführung.* München, 1976.

³⁰ См.: *Saage R. Faschismustheorien. Eine Einführung.* München, 1976.

³¹ См.: *Ders. Faschismustheorien. Konzeptionen und historische Kontexte. Eine Einführung.* Wiesbaden, 2007.

членами либо сторонниками левых партий или общественно-политических организаций. Основное содержание их изысканий, обращенных, как правило, к немецкой ипостаси фашизма, составляли попытки актуализировать старый теоретический багаж вкупе с критикой несогласных коллег³². При этом приверженцы «ортодоксального» и «критического» марксизма, последователи Л. Троцкого, А. Тальгеймера и Гильфердинга уделяли полемике между собой и оппонированию «буржуазной» науке значительно больше внимания, чем разработке собственных свежих идей³³. В центре их публикаций по-прежнему стоял вопрос о том, являлся ли фашистский государственный аппарат «агентом» монополистического капитала (как были убеждены, например, Г. Шэфер и Р. Опитц³⁴) или одной из элит в поликратической системе господства (как полагали В. Абендрот, В. Заггау и некоторые другие исследователи³⁵). Также не отличалось новизной и множество их частных штудий, направленных на раскрытие «классовой» сущности фашизма путем выяснения того, какие группы монополистического капитала оказывали ему преимущественную поддержку, каковы были объемы и механизм этой помощи и какие выгоды предприниматели получали взамен³⁶. Но, пожалуй, главным недостатком «левой» историографии фашизма – наряду с узостью ее проблематики (в частности, пренебрежением к вопросам идеологии) и сомнительной оригинальностью значительной части выводов – была неспособность увидеть ту принципиальную грань, которая отделяет его от либеральной демократии.

На фоне этих дебатов и публикаций выгодно выделялись исследования историков, которые, подобно В. Шидеру, Тамеру и Випперманну, базировали свои исследования на богатом эмпирическом материале, а также проводили детальный анализ «правых» движений и режимов в Германии и Италии с целью

³² Вероятно, стремление «левых» авторов использовать при обозначении гитлеровского движения и режима термин «фашизм» не в последнюю очередь диктовалось нежеланием упоминать в данном контексте (а значит, компрометировать) стоявшее в их самоназвании слово «социализм». В подавляющем большинстве работ «левые» использовали понятие фашизма как простой синоним понятия национал-социализм и лишь в редких случаях описывали им явления, которые имели место за пределами Германии.

³³ Еще в середине 1970-х гг. Х. Гребинг (активистка СДПГ) справедливо замечала, что обращение ее левых коллег к той или иной довоенной теории часто воспринималось в их среде как достаточный шаг вперед в деле познания фашизма (Grebing H. Aktuelle Theorien über Faschismus und Konservatismus. Eine Kritik. Stuttgart, 1974. S. 12).

³⁴ См.: *Opitz R.* Fragen der Faschismusdiskussion. Zu Reinhard Kühnls Bestimmung des Faschismusbegriffs // *Das Argument.* 1970. Н. 58. S. 280–291; *Ders.* Faschismus: Entstehung und Verhinderung. Frankfurt a.M., 1972; *Ders.* Faschismus und Neofaschismus. Frankfurt a.M., 1984; *Schäfer G.* Die Kommunistische Internationale und der Faschismus. Offenbach, 1973.

³⁵ См., напр.: *Das Problem der sozialen Funktion und der sozialen Voraussetzungen des Faschismus* // *Das Argument.* 1970. Н. 58. S. 251–257; *Saggau W.* Faschismustheorien und antifaschistische Strategien in der SPD. Theoretische Einschätzungen des deutschen Faschismus und Widerstandskonzeptionen in der Endphase der Weimarer Republik und in der Emigration. Köln, 1981.

³⁶ См., напр.: *Faschismus und Kapitalismus. Theorien über die sozialen Ursprünge und die Funktionen des Faschismus* / Hrsg. von W. Abendroth. Frankfurt am Main, 1967; *Sohn-Rethel A.* Ökonomie und Klassenstruktur des deutschen Faschismus. Frankfurt a.M., 1973; *Hecker K.* Der Faschismus und seine demokratische Bewältigung. München, 1996; *Agnoli J.* Faschismus ohne Revision. Freiburg (Breisgau), 1997.

выработки их типологии и обоснования общего понятия фашизма³⁷. Также важное место среди западногерманских исследователей проблемы заняли приверженцы «гуманистического» неомарксизма К. Пристер и Р. Кюнль, которые постарались дополнить социально-экономический анализ итальянского и германского фашизма применением грамшианской теории «культурной гегемонии». Тем не менее оба автора продолжали подчеркивать именно социальную функцию фашизма и были солидарны в том, что главным для его понимания является его цель, а не форма. Они оставались в убеждении, что эта цель заключалась не в реализации расовой доктрины, а в обеспечении прибылей монополий и подавлении сопротивления рабочего класса³⁸. Несколько особняком в ряду исследователей фашизма стоял Б. Мартин, который доказывал, что этот термин годится в качестве родового понятия для рассматриваемых феноменов в Германии, Италии и Японии только на стадии движений, но не в корне различных, как он полагал, диктатур³⁹.

И все же, нельзя не отметить, что в 1960-е – 1970-е гг. тема «фашизм и монополии» вошла в общественный и научный дискурс Федеративной Республики Германии, а ее осмысление – во многом под влиянием «левых» историков и публицистов – сыграло значительную роль в преодолении нацистского прошлого страны. Однако сам термин «фашизм» применительно к этому прошлому не получил здесь широкого распространения. Причиной тому была убежденность многих историков ФРГ, что использование этого «ненемецкого» термина приведет к обезличиванию национал-социализма, затушевыванию его беспрецедентной жестокости и – пусть и невольному – умалению памяти о Холокосте⁴⁰. Эти опасения, а также вызванный начавшимся распадом системы социализма скепсис западногерманского ученого сообщества относительно по-

³⁷ См., напр.: *Hoepke K.-P.* Die deutsche Rechte und der italienische Faschismus. Ein Beitrag zum Selbstverständnis und zur Politik von Gruppen der deutschen Rechten. Düsseldorf, 1968; *Lönne K.-E.* Der «Völkischer Beobachter» und der italienische Faschismus // Quellen und Forschungen aus den italienischen Archiven und Bibliotheken. 1971. Bd. 51. S. 539–584; *Thamer H.-U., Wippermann W.* Faschistische und neofaschistische Bewegungen. Probleme empirischer Faschismusforschung. Darmstadt, 1977; Einleitung des Herausgebers // Faschismus als soziale Bewegung. Deutschland und Italien im Vergleich / Hrsg. von W. Schieder. Hamburg, 1976. S. 11–24; *Lill R.* Italienischer Faschismus und deutscher Nationalsozialismus // Machtverfall und Machtergreifung. Aufstieg und Herrschaft des Nationalsozialismus / Hrsg. von Ders., H. Oberreuter. München, 1983. S. 169–188.

³⁸ См., напр.: *Priester K.* Der italienische Faschismus. Ökonomische und ideologische Grundlagen. Köln, 1972; *Kühnl R.* Deutschland zwischen Demokratie und Faschismus: Zur Problematik der bürgerlichen Gesellschaft seit 1918. München, 1969; *Ders.* Probleme der Interpretation des deutschen Faschismus // Das Argument. 1970. H. 58. S. 258–279.

³⁹ *Martin B.* Zur Tauglichkeit eines übergreifenden Faschismus-Begriffs. Ein Vergleich zwischen Japan, Italien und Deutschland // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1981. H. 1. S. 48–73.

⁴⁰ См., напр.: *Bracher K.D.* Kritische Betrachtungen zum Faschismusbegriff // *Ders.* Zeitgeschichtliche Kontroversen. Um Faschismus, Totalitarismus, Demokratie. München, 1984. S. 13–33; *Renner J.* Wenn Faschisten nicht «Faschisten» genannt werden. Kein Streit um Worte. Über die Wiederbelebung eines umstrittenen Begriffs // Der Freitag. Das Meinungsmedium. 26.09.2003. URL: <https://www.freitag.de/autoren/derfreitag/wenn-faschisten-nicht-faschisten-genannt-werden>; *Speckmann G., Wiegel G.* Faschismus oder «nationaler Sozialismus»? Neuere Tendenzen der Faschismusforschung // Zeitschrift Marxistische Erneuerung. 2007. Nr. 72. URL: <http://www.zeitschrift-marxistische-erneuerung.de/article/631.faschismus-oder-nationaler-sozialismus.html>.

знавательных возможностей не только «старого», но и обновленного марксизма привели в 1980-е гг. к временному спаду исследований фашизма⁴¹.

Оттеснение «фашистской» проблематики на периферию научного курса в ФРГ совпало с разгоревшимся в 1986–1987 гг. «спором историков», в центре которого встала оказавшаяся более злободневной проблема ответственности немцев за преступления нацизма и роли Холокоста в формировании немецкой национальной памяти и идентичности. Эти дебаты были спровоцированы новыми публикациями Нольте, который, модернизировав свою концепцию, выразил ее в форме риторического вопроса: «Не был ли Архипелаг ГУЛАГ первичнее Освенцима?», а также А. Хилльгрубера, предложившего смотреть на события конца Второй мировой войны глазами солдат вермахта и подвергнутого сомнению тезис о дне капитуляции Германии как дате ее освобождения⁴². В ходе разгоревшейся дискуссии эти смежные по своей сути позиции встретили отпор со стороны большинства немецких коллег, в том числе Ю. Хабермаса, Х.-У. Велера, Р. Лёвентала, Ю. Коки, Х. Флейшера, Э. Йэкеля, Х. Моммзена, М. Брошата, К. Зонтхаймера, Х.А. Винклера, Р. Аугштайна, Х. Хельблинга, Х. Майера, Х. Мёллера и других историков⁴³. Тем не менее, усиление антисоветской направленности концепции Нольте фактически превратило ее в один из самых агрессивных изводов теории тоталитаризма и привело к новому, хотя и недолгому всплеску популярности этой теории в Федеративной Республике Германии⁴⁴.

Третья после 1920-х – 1930-х и 1960-х – 1970-х гг. волна интереса немецких обществоведов к фашизму как универсальному феномену новейшей эпохи стала нарастать с конца 1990-х – начала 2000-х годов⁴⁵. Одной из попыток активизировать работу в данном направлении стало издание в 2002 г. материалов дискуссии вокруг предложенной Випперманом концепции, согласно которой фашизм не являлся агентом господствующих классов, но представлял собой во многом автономное явление, возникшее из «капиталистического общественного порядка» и приходившее к власти в союзе с ведущими силами этого

⁴¹ Симптомом начавшегося поворота стала дискуссия, развернувшаяся на коллоквиуме в Мюнхенском институте современной истории в ноябре 1978 г., большинство участников которой высказали сомнения в продуктивности исследований фашизма и объявили себя сторонниками теории тоталитаризма (см.: *Totalitarismus und Faschismus. Eine wissenschaftliche und politische Begriffskontroverse* / Hrsg. von Institut für Zeitgeschichte (München). Oldenbourg, 1980.

⁴² См.: *Nolte E.* «Vergangenheit, die nicht vergehen will» // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 6. Juni 1986. Подробнее о ходе дискуссии см.: «Historikerstreit». *Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung*, München, 1987.

⁴³ Критические отзывы о позиции Нольте см., в частности: *Weltbürgerkrieg der Ideologien. Antworten an Ernst Nolte* / Hrsg. von Th. Nipperdey. Berlin, 1993.

⁴⁴ См., напр.: *Pohlmann F.* *Marxismus – Leninismus – Kommunismus – Faschismus. Aufsätze zur Ideologie und Herrschaftsstruktur der totalitären Diktaturen*. Pffaffenweiler, 1995; *Totalitarismus, eine Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts* / Hrsg. von A. Söllner, R. Walkenhaus, K. Wieland. Berlin, 1997; *Pohlmann F.* *Deutschland im Zeitalter des Totalitarismus. Politische Identitäten in Deutschland zwischen 1918 und 1989*. München, 2001.

⁴⁵ См., напр.: *Faschismus und Faschismen im Vergleich* / Hrsg. von J. Petersen, Ch. Dipper, R. Hudemann. Greifswald, 1998; Vogt St., Traverso E., Weynand J., Zuckermann M., Wolter U. *Theorie des Faschismus – Kritik der Gesellschaft*. Münster, 2000.

порядка⁴⁶. И хотя фашизм у власти не посягал на отношения собственности, их сохранение, как и борьба с марксизмом, не являлось его основной функцией и не определяло его суть. По мнению Виппермана, сущность фашизма определялась расизмом, представлявшим собой ядро фашистской идеологии и «точку сбора» всех фашистских идеологов – вождизма, культа мужского начала и насилия, а также враждебности социализму, капитализму, модерну, феминизму и т.п. Таким образом расизм объявлялся общим для всех рассматриваемых движений и режимов элементом, позволявшим при всех их различиях говорить об их родстве и применять к ним единое определение фашизма. Чтобы не потерять из виду «особый случай» Германии, Випперман воспользовался предложенной ранее типологией Нольте, проводившего грань между «нормальным» (итальянским и восточноевропейским) и «радикальным» (германским) фашизмом. В этой шкале координат, учитывавшей «количественные» и «градуальные» различия фашизмов как качественно однородных феноменов, гитлеровский режим занял крайнюю позицию, поскольку пошел до конца в реализации расистской программы и превратил страну именно в «расовое», а не в «национальное» и «социалистическое» (как он себя позиционировал) государство⁴⁷.

Однако, несмотря на попытку Випперманна учесть в своих построениях актуальный опыт обсуждения Холокоста, его концепция не встретила поддержки большинства коллег. Прежде всего, они справедливо указали на неубедительность попыток представить итальянский «реальный тип» в качестве исходного пункта определения фашизма и в то же время объявить ядром его идеологии расизм. Как подчеркивали многие участники сборника, расизм не играл в Италии центральной роли. К тому же, оставалось непонятно, почему Випперманн объявлял Германию «особым случаем», если расизм представлял собой ядро фашистской идеологии в любой стране⁴⁸. Более того, такие авторы как В. Рёр, Кюнль и Пристер продолжали настаивать на том, что определяющая функция фашизма осуществлялась не в идеологической, а в социальной сфере, и что общей чертой всех его разновидностей была борьба против марксизма и рабочего движения⁴⁹.

Более решительный импульс к возобновлению систематических исследований фашизма пришел в ФРГ два года спустя. Этим импульсом послужили публикации английского историка Р. Гриффина, который, опираясь на модернизированную теорию «идеальных типов», предложил универсальную дефиницию фашизма, призванную, как он надеялся, положить конец «абстрактным и бесполезным дебатам об этом понятии» и стимулировать исследования самого обозначаемого явления⁵⁰. С точки зрения Гриффина, фашизм есть форма политической идеологии, сохраняющая во всех своих модификациях «неизменное мифологическое ядро в виде палингенетической формы популистского ультра-

⁴⁶ «Faschismus» – kontrovers / Hrsg. von W. Loh, W. Wippermann. Stuttgart, 2002. S. 54f.

⁴⁷ Ebenda. S. 59f.

⁴⁸ См., напр.: Ebenda. S. 126.

⁴⁹ См., напр.: Ebenda. S. 114, 127.

⁵⁰ См.: *Griffin R. Palingenetischer Ultrationalismus. Die Geburtswehen einer neuen Faschismusdeutung // Der Faschismus in Europa. Wege der Forschung* / Hrsg. von Th. Schlemmer, H. Woller. München, 2014.

национализма». Иными словами, фашизм – это революционный национализм, который всегда и везде, в том числе и после окончания Второй мировой войны, ставит во главу угла идею национального возрождения⁵¹.

Примечательно, что взявшийся установить согласие в международном ученом сообществе оксфордский профессор начал с упреков немецкой историографии, якобы «неспособной к широкому видению проблемы». Называя ее «замшелой», «ортодоксальной», «пристрастной», «провинциальной» и «очень политизированной», он призвал немецких коллег приобщиться к достижениям англоамериканской науки, в которой якобы уже наметился консенсус вокруг его дефиниции⁵². Если это была провокация, то она достигла своей цели. В 2002 г. по инициативе историков ФРГ была развернута широкая интернет-дискуссия, в которой приняли участие более 30 ведущих исследователей фашизма из Германии, Англии, США, Израиля и Канады. В дебатах, развернувшихся между ними, обозначился клубок противоречий не только между сторонниками и противниками теории Гриффина, но и между социологами и историками, приверженцами «левых» и «правых» взглядов, поборниками академической строгости и постмодернистских новаций. Эту картину дополняли нелестные оценки чужих национальных школ, звучавшие особенно резко на фоне всеобщих представлений о фашизме как квинтэссенции националистической идеи⁵³.

В целом, позиция Гриффина оказалась ближе его англоязычным коллегам, в то время как наиболее жесткая критика в ее адрес прозвучала из немецкого лагеря. Несмотря на то, что большинство участников обсуждения приветствовали попытку Гриффина выработать универсальное определение фашизма, практически никто из них (за исключением А. Умланда⁵⁴) не выразил безусловное согласие с сформулированной им дефиницией. Среди замечаний, высказанных немецкими оппонентами Гриффина, чаще всего звучала мысль о недопустимости сведения столь сложного феномена к одной лишь идеологии. Этой позиции придерживались К. Пристер, К. Хольц, С. Райхардт и отчасти Ф. Польшманн⁵⁵. Резче всего на этот счет высказалась Пристер, задавшая резонный вопрос: «что же останется от фашизма, если мы вынесем за скобки принцип

⁵¹ См.: Idem. *The Nature of Fascism*. London, 1991. P. 8–12.

⁵² См.: Idem. *Fascism's new faces (and new facelessness) in the "post-fascist" epoch* // *Erwaegen Wissen Ethik*. 2004. Vol. 15. H. 3. S. 287–300.

⁵³ Том материалов этой конференции см. также: *Fascism Past and Present, West and East. An International Debate on Concepts and Cases in the Comparative Study of the Extreme Right*. With an afterword by W. Laqueur / ed. by R. Griffin, W. Loh and A. Umland. Stuttgart, 2006.

⁵⁴ См.: *Umland A. Konzeptionelle Grundfragen vergleichender Rechtsextremismusforschung: Der Beitrag der Faschismustheorie Roger Griffins* // *Fascism Past and Present...* S. 224–233; *Ders. Einige Beispiele fuer die forschungspraktische Relevanz der Griffinschen Taxonomie* // *Ibidem*. S. 395–401.

⁵⁵ *Priester K. Vom Schleimpilz zum Wurzelstock* // *Fascism Past and Present...* S. 188–195; *Dies. Antwort auf die Replik von Roger Griffin* // *Ibidem*. S. 363–370; *Holz K., Weyand J. Faschistische Semantik und Organisationsstruktur* // *Ibidem*. S. 319–325; *Reichardt S. Faschismus – praxeologisch: Ein Kommentar zu Roger Griffin* // *Ibidem*. S. 196–201; *Pohlmann F. Der faschistische Proteus: Eine fortschrittliche Aufklärung aus England über das Wesen eines vergleichenden Phänomens* // *Ibidem*. S. 179–187; *Ders. Zweitkritik eines doppelt amputierten Faschismusbegriffs* // *Ibidem*. S. 360–363.

фюрерства, милитаризм, империализм, репрессивные диктаторские методы и специфический стиль в качестве возможных, но не обязательных элементов?»⁵⁶.

Не встретила однозначного одобрения коллег из ФРГ и попытка Гриффина ограничить рамки самой фашистской идеологии «палингенетическим» мифом. О содержательной узости вытекающей из него дефиниции заявляли Випперманн, Нольте, К. Хольц, Б. Мейерер и та же Пристер. Эти авторы полагали, что диапазон ее возможного применения будет чрезмерно широк и вряд ли позволит отличить фашизм от прочих националистических (и не только националистических) течений⁵⁷. Разногласия среди участников дебатов вызвали и такие вопросы, как соотношение в идеологии фашизма «революционных» и «консервативных» элементов, «позитивных» («созидательных») и «негативных» (разрушительных) интенций, модернистского и антимодернистского потенциала, рациональных и иррациональных мотивов. Также не нашел солидарного решения вопрос о степени преемственности «старого» и «нового» фашизма и масштабах угрозы, которую несет с собой неофашизм. Как и следовало ожидать, стремление Гриффина выяснить специфику послевоенных облиций фашизма вызвало несогласие Нольте, продолжавшего настаивать на том, что «эпоха» существования данного феномена завершилась вместе со Второй мировой войной. Отстаивая свою позицию, патриарх немецкой историографии вновь подчеркивал принципиальную новизну послевоенного мира, а значит, и тех крайне правых движений, которые желали этот мир изменить⁵⁸. Подтверждением точки зрения Нольте можно было бы считать указание Райхардта на отсутствие у этих движений той «будоражающей силы веры», которую разжигал до войны «исторический» фашизм⁵⁹. Но в то же время Пристер, опровергая мнения всех трех авторов, довольно убедительно доказывала, что обозначенные Гриффина «новые лики» послевоенного фашизма не так уж и новы⁶⁰.

Отвергнув в целом концепцию Гриффина, немецкие историки постарались активизировать собственные исследования фашизма как явления европейской истории, полагая, что тем самым открывают путь для более глубокого понимания сути и специфики его национальных проявлений. Вряд ли случайно, что наиболее заметных успехов при этом смогли добиться ученые, которые – как Випперманн, Шидер, Зааге или Кюнль – не прерывали исследований фашизма и в период «межсезонья» 1980-х – 1990-х годов. К ним присоединились более молодые коллеги – Рейнхардт, Бауэркемпфер и ряд других, старавшиеся

⁵⁶ *Priester K.* Vom Schleimpilz... S. 195.

⁵⁷ *Nolte E.* Faschismus – eine palingenetische Form von populistischen Ultra-Nationalismus? // *Fascism Past and Present...* S. 161–167. *Ders.* Ein letzter Rückblick auf einige Fragen der “Faschismus-Diskussion” // *Ibidem.* S. 347–352; *Wippermann W.* Schimmelpilze machen Käse, aber keine Faschismustheorie // *Ibidem.* S. 239–242; *Ders.* Verteidigung und Kritik der ideengeschichtlichen Faschismustheorie Roger Griffins // *Ibidem.* S. 407–411; *Meurer B.* Reicht der “alte” Faschismusbegriff oder brauchen wir einen “neuen”? // *Ibidem.* S. 339–347.

⁵⁸ *Nolte E.* Ein letzter Rückblick auf einige Fragen der “Faschismus-Diskussion” // *Fascism Past and Present...* S. 347–352.

⁵⁹ *Reichardt S.* Faschismus – praxeologisch... S. 199.

⁶⁰ *Priester K.* Vom Schleimpilz... S. 195.

опираться не на старые абстрактные схемы, но на тщательный анализ обильного фактического материала⁶¹.

Основными направлениями современного этапа немецких исследований европейского фашизма являются: сравнительный анализ все более широкого круга ультраправых движений и режимов первой половины XX в. в их социально-экономическом, социокультурном, идеологическом и институциональном измерениях; рассмотрение взаимодействий и взаимовлияний этих феноменов в транснациональной перспективе; выявление их общей сущности и разработка их дефиниции и типологий⁶². Не прекращается осмысление немецкого и международного опыта изучения фашизма, которому посвящаются как специальные исследования немецких историков, так и историографические разделы их конкретно-исторических работ⁶³.

К наиболее интересным результатам, достигнутым на этих направлениях, принадлежит вышедшая в 2005 г. книга Брёйера о национализме и фашизме, которая стала своего рода «немецкой альтернативой» теории Гриффина⁶⁴. По мнению немецкого историка, эта теория несостоятельна уже потому, что у фашизма нет собственной идеологии, а есть рыхлый конгломерат конкурирующих «смысловых образцов», к которым принадлежит в том числе и национализм. Более того, проведя сравнительный анализ взаимосвязей национализма и фашизма во Франции, Италии и Германии, автор доказывает, что и в этом конгломерате национализм занимает не главное место⁶⁵. Его вывод, а заодно и дефиниция фашизма, также базирующаяся на теории «идеальных типов», заключается в том, что фашизм является не интеллектуальным или социальным, но исключительно политическим феноменом, который «специфическим образом соединяет в одной партии насилие, харизму и патронаж»⁶⁶.

⁶¹ См., напр.: *Faschismus in Italien und Deutschland. Studien zu Transfer und Vergleich* / Hrsg. von S. Reichardt, A. Nolzen. Göttingen, 2005; *Bauerkämpfer A.* Op. cit.; *Wildt M.* Nationalsozialismus oder deutscher Faschismus? // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 2017. H. 2. S. 103–115.

⁶² См., напр.: *Scholz B.* Italienischer Faschismus als «Export»-Artikel (1927–1935). Ideologische und organisatorische Ansätze zur Verbreitung des Faschismus im Ausland. Trier, 2001; *Patel K.K.* Der Nationalsozialismus in transnationaler Perspektive // *Blätter für deutsche und internationale Politik*. 2004. Nr. 9. S. 1123–1134; *Bernhard P.* Repression transnational. Die Polizeizusammenarbeit zwischen Drittem Reich und italienischem Faschismus, 1933–1943 // *Die Polizei im NS-Staat. Beiträge eines internationalen Symposiums an der Deutschen Hochschule der Polizei in Münster* / Hrsg. von W. Schulte. Frankfurt a.M., 2009. S. 407–424; *Grunert R.* Der Europagedanke westeuropäischer faschistischer Bewegungen 1940–1945. Paderborn, 2012. S. 287–300; *Ders.* Autoritärer Staatenbund oder nationalsozialistischer Großraum? «Europa» in der Ideenwelt faschistischer Bewegungen // *Zeithistorische Forschungen*. 2012. Nr. 9. S. 442–448; *Kaiser B.* Faschismus universal // *Neue Ordnung*. Jahrgang 2014. II. URL: <http://www.neue-ordnung.at/index.php?id=743>; *Bauerkämpfer A.* Der europäische Faschismus in transnationaler Perspektive // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 2017. H. 2. S. 170–184; *Weißmann K.* Faschismus. Eine Klarstellung, Schnellroda, 2009; *Reichardt S.* Globalgeschichte des Faschismus // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 42–43. 16.10.2017. S. 10–16.

⁶³ См., напр.: *Röhr W.* Faschismusforschung im Spiegel der Kritik. Berlin, 2014; *Häusler A., Fehrenschild M.* Faschismus in Geschichte und Gegenwart. Ein vergleichender Überblick zur Tauglichkeit eines umstrittenen Begriffs. Berlin, 2020.

⁶⁴ См.: *Breuer St.* Nationalismus und Faschismus. Frankreich, Italien und Deutschland im Vergleich. Darmstadt, 2005.

⁶⁵ Ebenda. S. 10–11.

⁶⁶ Ebenda. S. 59.

В свою очередь Випперманн, справедливо настаивавший на том, что теория фашизма должна быть сравнительной и плюралистичной, также проводил компаративный анализ его проявлений в Испании, Аргентине, Юго-Восточной Европе, Франции и Италии. Из того общего, что он нашел в политическом стиле и идеологии этих движений и режимов, он выстроил собственную дефиницию. Согласно ей, фашизм объединяет в себе вождизм, вооруженные боевые отряды, культ мужественности и насилия, а также антисоциалистические, антикапиталистические, антимодернистские и антифеминистские моменты. Ядром фашистской идеологии Випперманн по-прежнему считал расизм. На этой основе он уточнил и свою типологию фашизмов, которая, впрочем, по-прежнему мало отличалась от той, что ранее предложил Нольте. Согласно Випперманну, фашизм носил в Италии «нормальный» характер, в Центральной и Юго-Восточной Европе проявился в своей «классической» форме, а в Германии развился в свой наиболее «радикальный» вариант⁶⁷.

Значительным шагом вперед в исследованиях европейского фашизма можно считать тезис Райнхарда о необходимости отказа от составления бесчисленных каталогов его признаков и перехода к изучению динамики его практических проявлений⁶⁸. Обоснование своего «праксеологического» подхода этот историк предпринял в изданном впервые еще в 2002 г. 800-страничном бестселлере, который был посвящен сравнительному анализу деятельности боевых отрядов фашизма – итальянских сквадр и немецких СА до захвата власти Гитлером и Муссолини. Обратив внимание на повседневную жизнь штурмовиков и сквадристов, автор постарался показать, что она говорила о сути фашизма больше, чем его идеология или источники финансирования. В этих отрядах он увидел «стержневой элемент» фашизма как движения, форму его функционирования, в которой слились идеология, практика и менталитет. Сам фашизм предстает в концепции Райнхарда как жизненный стиль, адепты которого всем своим существом тяготели к жизни в мужском сообществе, агрессивному национализму и насилию, которое являлось не средством завоевания власти, но самодовлеющей целью фашистского движения⁶⁹.

В оценке эвристических преимуществ праксеологического подхода с Райнхардом солидаризовался Шидер, который, имея в виду Италию, выделял три фазы развития фашизма как движения, как силы, обретающей власть и как режима. К этим фазам, как полагал Шидер, в Германии добавилась четвертая – процесс радикализации фашизма и его превращения в «тотальный диктаторский режим»⁷⁰. Таким образом, современные исследования фашизма в ФРГ отходят от преимущественного рассмотрения его идеологии как дефинитивного ядра и все больше обращаются к его политической практике и стилю.

⁶⁷ *Wippermann W.* Faschismus. Eine Weltgeschichte vom 19. Jahrhundert bis heute, Darmstadt, 2009.

⁶⁸ *Reichardt S.* Was mit dem Faschismus passiert ist. Ein Literaturbericht zur internationalen Faschismusforschung seit 1990. Teil 1. // *Neue Politische Literatur.* 2005. Nr. 3. S. 385–406.

⁶⁹ См.: *Reichardt S.* Faschistische Kampfverbände... См. также: *Der Faschismus in Europa. Wege der Forschung...* S. 78–87.

⁷⁰ *Schieder W.* Faschistische Diktaturen. Studien zu Italien und Deutschland. Göttingen 2008.

Заметным свидетельством готовности немецкой историографии к преодолению отставания от исследований фашизма, проводившихся в Англии и США, стало опубликование в 2014 г. материалов международной конференции, состоявшейся двумя годами ранее в Мюнхенском институте современной истории. С одной стороны, немецкие участники, по сути, признали, что оперирование понятием национал-социализма там, где можно было вести речь о фашизме, в конечном счете затруднило понимание многих аспектов не только европейской, но и собственно немецкой истории. С другой стороны, немецкие редакторы и авторы сборника, обратившиеся к изучению фашистских движений и режимов, выдвинули собственные концепции, расширяющие возможности познания их общей природы. Таковы, например, попытки рассмотреть эти явления сквозь призму теории «политической религии» (М. Баумайстер), применить к ним веберовскую модель «харизматического господства» (М. Бах) или представить расистское восприятие «своего» и «чужого» в качестве их центрального объединяющего и определяющего элемента (Т. Шлеммер и Х. Воллер)⁷¹. Работы этих и растущего числа других авторов, обобщающих опыт эмпирических исследований этих явлений, подтверждают, что различия между ними были не столь значительны, как это представлялось ранее большинству немецких историков, что они имели транснациональный характер и что им можно найти единое определение.

Однако в целом, отмечая успехи, достигнутые в последние годы немецкими исследователями фашизма, следует признать, что сегодня еще рано говорить о выработке его дефиниции, которая четко указывала бы на определяемый объект и его бесспорные уникальные свойства. Появлению такой дефиниции и тем более единой теории фашизма (если она в принципе возможна) должно предшествовать не только дальнейшее изучение различных аспектов его истории, но и осмысление уже накопленного в этой области историографического багажа.

⁷¹ См.: Der Faschismus in Europa. Wege der Forschung, Zeitgeschichte im Gespräch / Hrsg. von Th. Schlemmer, H. Woller. München, 2014. S. 72, 109, 126, 144.

КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КРИЗИС ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Германская революция ноября 1918 г. привела к падению Германской империи. Кайзер Вильгельм II бежал из страны и в мгновение ока казавшаяся стабильной и неизменной, система империи пала. Германии удалось избежать масштабной Гражданской войны на собственной территории, но, тем не менее, она имела место как в форме битв на пограничных территориях восточной части империи, в сражениях внутри страны, между республиканским правительством и самопровозглашенными советскими республиками. Одновременно с политическими столкновениями стала вырабатываться и критическая оценка самой революции и утвердившейся Веймарской республики. Это касалось как конкурирующих с социал-демократами немецких коммунистов, нацеленных на захват власти и ликвидацию Веймарской конституции и создание немецкого большевистского режима с перспективой, так и монархических и националистических групп, стремящихся к свержению Веймарской демократии ради установления истинно немецкого правления, не связанного с деятелями и принципами германской революции 1918 г. Курс на мировую революцию или на создание националистического немецкого государства стали векторами развития политического процесса, между которыми колебались политические столкновения в веймарской демократии.

Наряду с правыми политическими партиями, которые в первые годы Веймарской республики старались эволюционизировать, найти свое место в новой политической системе, но впоследствии сплотились вокруг Немецкой национальной народной партии, наиболее распространенной формой объединения стали политические клубы, которые не были ориентированы на участие в парламентской деятельности, а представляли собой место политических контактов, обсуждений и политической пропаганды.

Первоначально в рамках германской революции они способствовали дискуссии по наиболее злободневным вопросам, затем же превратились в организации политической пропаганды, либо прекратили свое существование. Для объединения сил они использовали политических сторонников вокруг печатных органов, создание «круга друзей» газеты или журнала, выполнявшего двойственную функцию – распространения газеты и окупаемости издания. С другой стороны, для объединения сторонников, не входящих в состав клуба, но поддерживавших его политическую позицию и способных отдать свои голоса за силы, на которые ориентировались политические клубы. Таким образом, их можно рассматривать как непартийные формы политической агитации, дающие ее сторонникам возможность проявления политической активности вне членства в определенной партии.

Среди берлинских политических клубов правой ориентации в первые годы Веймарской республики выделялся «Июньский клуб», который был основан на

руинах «Немецкого общества 1914 г.» через организацию «Антибольшевистская лига» 13 июня 1919 г. Первое заседание прошло на квартире Г. фон Гляйхена в доме № 121(i) на Потсдамерштрассе, что позволило сначала именовать это общество как «И-клуб» по номеру корпуса дома. Свое политическое звучание он приобрел после подписания в Версале мирного договора 28 июня 1919 г. С этого момента у него возникло конкретное название «Июньский клуб», что указывало на политическую позицию объединения, нацеленную на борьбу с условиями Версальского мира и объединяемой с ним Веймарской республикой.

В их стремлении к указанию на месяц года можно увидеть определенную политическую моду, так как наравне с «Июньским клубом» существовал и «Ноябрьский клуб», в котором собиралась берлинская интеллигенция, придерживавшаяся левых политических взглядов, поэтому отражение в названии носило символический характер.

В 1919 году «Июньский клуб» начал издавать «Малый политический словарь» под редакцией М.Х. Бёма и газету «Die Gewissen». На ее страницах представлялись новые консервативные идеи, нацеленные на формулирование критической политической позиции по отношению к германской революции и Веймарской республике. Ключевую роль в издании и деятельности «Июньского клуба» играл Мёллер ван ден Брук, ставший не только теоретиком нового консерватизма, получившего название консервативной революции, но и душой самого клуба, трагическая смерть которого в 1925 г. привела и прекращению существования самого объединения¹.

Во многом концептуально ключевые положения представителей консервативной революции были сформулированы им. Можно утверждать, что высказанная Мёллером ван ден Бруком политическая позиция, попытка установления политических контактов с большевистским эмиссарами в начале 1920-х гг., своеобразный интеллектуальный диалог между консервативной революцией и большевизмом послужили основанием для определения своеобразного конструктивного подхода к одобрению перспективы германо-советского сближения. В пестрой картине политических сил возникали с трудом понимаемые политические союзы, которые объединяли в себе на первый взгляд диаметрально противоположных людей, но этот диалог был обусловлен наличием общей политической позиции или общих политических противников.

Политическая позиция Мёллера ван ден Брука представляла собой точку зрения сторонников восточной ориентации германской внешней политики, определяемой необходимостью противостояния Версальской системе. В реализации данной задачи большое значение имело нахождение политических союзников, чьи интересы могли быть объединены или чье положение на европейском пространстве оказалось схожим. Таким государством оказалась Советская Россия, которая после окончания Гражданской войны столкнулась с необходимостью политического признания и у которой на западных границах оказался схожий с Германией политический враг – Польша.

¹ Подробнее о деятельности «Июньского клуба» см.: *Артамошин С.В.* Консервативная революция в интеллектуальном пространстве Веймарской республики. СПб., 2018. С. 148-159.

Следует указать на то, что советская ориентация внешнеполитических представлений Мёллера ван ден Брука объяснялась не столько некой симпатией к России, сколько тем, что политический диалог с большевизмом позволял достичь германских целей. Определенное значение имело и то, что большевизм представлялся ему наиболее близким по причине креативности практических действий и наличия готовности к реализации смелых и нестандартных политических шагов. С точки зрения деятельности политических элит Веймарской республики эта направленность консервативной революции сочеталась с заинтересованностью рейхсвера в преодолении ограниченного положения, в которое поставил Версальский мирный договор германское государство. Конечно, найти устойчивые контакты между Мёллером ван ден Бруком и Х. фон Сектом достаточно сложно, вместе с тем политический контакт между генералами рейхсвера и членами Июньского клуба, где Мёллер ван ден Брук играл одну из руководящих ролей, несомненен.

Как справедливо утверждал германский историк Г.-Й. Швиерскотт, бремя Версаля предопределяло внешнеполитическую позицию консервативной революции². Написанная Мёллером ван ден Бруком в первые послевоенные месяцы книга «Право молодых народов» носила явную политическую направленность, нацеленную на то, чтобы высказать позицию германского государства в период проведения Парижской мирной конференции, которая совершенно не интересовала страны Антанты как таковая. Его обращение к американскому президенту Вильсону имело конкретную политическую цель: побудить его через поддержку германской стороной новаторских американских принципов нового мироустройства, предлагаемых им в рамках озвученных «14 пунктов», выступить в качестве защитника германских интересов. Не случайно Мёллер ван ден Брук отнес США к числу стран так называемых «молодых народов», где вместе с Германией оказалась и Россия. Место германского государства на европейском пространстве представлялось ему достаточно четко. «Германия является естественным позвоночником континента, вокруг которого может сомкнуться и сгруппироваться все, что ещё останется после войны европейским»³. Его призывы к политическому равноправию для «молодых народов» представляли собой скрытую тенденцию к сохранению за Германией политического влияния в Европе после окончания Великой войны. Подписанный 28 июня 1919 г. в Версале мирный договор развеял его политические иллюзии и заставил избрать новую тактику в политической борьбе уже против вступивших в силу условий Версальского договора.

Мёллер ван ден Брук возглавил группу сторонников консервативной революции, которая выступала за необходимость ориентации на восток, т.е. за развитие германо-советских отношений, поскольку возможность нормализации германо-британских, а тем более германо-французских отношений была весьма сомнительной. Поэтому он стал выступать с призывом создания «восточного

² *Schwierskott H.-J.* Arthur Moeller van den Bruck und der revolutionäre Nationalismus in der Weimarer Republik. Göttingen, 1962. S. 44.

³ Moeller van den Bruck. Das Recht der jungen Völker. München, 1919. S. 19.

фронта» против политики Антанты. Следует обратить внимание на то, что данная позиция совпадала с мнением части рейхсвера, которая считала необходимым рассмотрение действий Красной армии в ходе Гражданской войны в России как благоприятной предпосылки для решения германского вопроса в Силезии. Доходило до того, что предпринимался поиск возможных контактов между сторонами для совместного удара против польских национальных сил. Однако поражение Красной армии в сражении под Варшавой сделало бесперспективным выработку возможного плана скоординированных действий большевистских и германских сил. Перспектива создания «антизападного фронта», предлагаемая консервативной революцией в лице Мёллера ван ден Брука, основывалась не только на общем противнике в лице Польши, а за ней Франции и Великобритании, но и на представлениях о том, что общий враг определяется не только внешнеполитическими интересами, но и мировоззренческим единством, так как большевистская позиция носит антизападный, антиантантовский характер. Это должно было сблизить данные политические силы в борьбе против либеральной демократии.

Таким образом, Мёллер ван ден Брук был убежден в том, что ключевые проблемы современного германского послевоенного общества в основном предопределены ограничительными и унижительными для германского государства положениями Версальского мирного договора. Он считал, что веймарский политический порядок являлся следствием мирного договора, чуть ли не его творением, поэтому пересмотр политической системы Веймарской республики обусловлен необходимостью ревизии Версальского мира, то есть внутриполитические проблемы могут быть разрешены посредством решения внешнеполитической проблемы⁴. Связка Версаль-Веймар стала для немецкого правого движения, вне зависимости от партийной принадлежности и времени деятельности, моделью политической пропаганды, позволявшей обеспечить привлечение как сторонников движений, так и потенциального электората, который мог бы усилить позиции немецких националистических правых сил в парламентской системе республики.

Начиная с 1920-х годов, консервативная революция стала вести антилиберальную пропаганду, возлагая на либеральных и социал-демократических политиков ответственность за поражение кайзеровской Германии в Великой войне и последующий мир, превративший Германию в виновника мирового столкновения. Мёллер ван ден Брук видел в подписании Версальского мира проявление политической слабости, и в силу вступления в действие ограничительных статей и системы репараций в германском обществе ширилась тенденция к усилению политической власти, приданию ей авторитарного характера. Отсюда вытекал парадокс консервативных сил Германии, которые вынуждены были действовать революционно, не способствовать сохранению и стабилизации веймарской политической системы, а наоборот, всячески вести ее к краху, стремиться к революционному ее изменению. Это положение и объясняет до-

⁴ Moeller van den Bruck. Das dritte Reich. 3. Auf., bearb. von Hans Schwarz. Hamburg; Berlin, 1931. S. 207.

статочно парадоксальное положение самого веймарского консервативного течения, вошедшего в историю под определением «консервативная революция».

Важнейшим компонентом консервативного крыла, возглавляемого Мёллером ван ден Бруком, был поиск вероятных союзников. В этом направлении наметилась тенденция к поиску политических контактов как с большевистскими эмиссарами в Германии, в частности, с Карлом Радеком, так и с самими немецкими коммунистами. Таким образом, рассматривался вариант объединения радикально правых и радикально левых в некий политический союз при оговоренных условиях. Данная направленность достаточно ярко подчеркивает наличие политических сил в Германии среди несистемной оппозиции, которые стремились к выработке альтернативной социал-демократической позиции в отношении политического сотрудничества с большевиками и их сторонниками в Германии. Фактически речь шла о создании революционного фронта против преодолевших революцию социал-демократических и либеральных политических сил⁵. Одним из факторов политического сближения должно было стать то, что консерваторы, так же как и немецкие коммунисты, считали Версальский мир несправедливостью, как «великий обман» немецкого народа⁶. Версальский договор представлялся французским диктатом над германскими территориями, позволившим Франции «утвердить свое континентальное доминирующее положение с помощью военных средств, цепляясь за параграфы и пулеметы»⁷. Преодоление немецким народом Версальского мирного договора будет иметь существенные внутривнутриполитические последствия для германского государства, так как в результате этого произойдет объединение политически расколотого общества и «немецкий пролетариат вернется к немецкой нации»⁸.

Предрасположенность консервативной революции к сотрудничеству с коммунистическими силами совпадала с тенденцией правительственных сил, возглавляемых рейхсвером – необходимостью политического объединения с Советской Россией как основания противостояния политическому доминированию Франции и Великобритании. Конференция в Генуе и подписание Рапалльского мирного договора между Веймарской республикой и Советской Россией в 1922 г. являлись не ситуативным проявлением политической неудовлетворенности обеих государств итогами конференции, а результатом достаточно продолжительного процесса поиска взаимодействия. Заключение Рапалльского соглашения виделось Мёллеру ван ден Бруку основой для дальнейшего политического взаимодействия, направленного, прежде всего, на внутреннюю трансформацию германского общества в единую антивеймарскую систему. Однако этот союз предполагал принцип невмешательства большевиков во внутренние дела германского государства и уж точно не большевизацию Германии.

Отличительной особенностью деятельности консервативной революции и немецких коммунистов была разновекторная направленность приложения их уси-

⁵ Moeller van den Bruck. Das dritte Reich. 3. Auf., bearb. von Hans Schwarz. Hamburg; Berlin, 1931. S. 198, 148.

⁶ Ibid. S. 120.

⁷ Ibid. S. 229-230.

⁸ Ibid. S. 200.

лий. Так, консервативная революция в основном представляла собой интеллектуальное течение, стремящееся к выработке политических идей и проведению антивеймарской политической агитации, в то время как КПП, при поддержке Коминтерна, стремилась к политической революции через вооруженное восстание, в результате которого рассчитывала захватить власть в Германии. Консервативные революционеры надеялись, что им удастся провести разграничительную черту между германскими национальными и большевистскими интересами.

Мёллер ван ден Брук видел в Веймарской республике «либеральную интермедию»⁹, в которой реализовались идеологические антинациональные положения либеральной и социалистической мысли. Он усматривал в событиях ноября 1918 г. простой мятеж, нацеленный на удовлетворение социально-политических интересов. Революции недоставало националистической направленности действий, ориентированных на создание «государства для нации»¹⁰. Национализм вызывал у социал-демократов страх перед национальными и радикальными организациями, в которых он видел врагов, а не возможных союзников. Революционный момент требовал объединения усилий всех политических сил в борьбе против общего врага, однако веймарские политики, даже если решились «сказать слова, которые отличались резкостью», делали это в рамках утвержденной Антантой системы. «Они надеялись на время, на благоразумие мира и на какую-то подобревшую Лигу Наций, вместо того, чтобы самим определять время»¹¹. Вместо того, чтобы разорвать систему и действовать, не оглядываясь на нее, веймарские политики предпочли согласиться с нею. Мёллер ван ден Брук полагал, что необходимо было решительно дистанцироваться от Версальской системы и проводить германскую политику вопреки ей. Подобный политический курс был бы радикально национальным и поэтому немецким. Одним из главных недостатков веймарской системы Мёллер ван ден Брук считал отсутствие решительности, которая бы позволила внести революционность в германскую жизнь. Революционная энергия была энергией деятельности, способной подвести германское население к разрыву с установившейся системой послевоенного мира и создать условия для последующих кардинальных политических изменений. Следует отметить, что Мёллер ван ден Брук понимал ту степень риска, которая последует за подобными решительными действиями, но надеялся на то, что внутренняя сила немецкого характера проснется, когда иноземная опасность постучится в каждый дом. Однако революционная энергия была подавлена веймарскими политиками, сумевшими перенести революционный накал в спокойное парламентское русло. На смену революционной энергии пришел избирательный бюллетень.

Мёллер ван ден Брук полагал, что немцам нечем гордиться в Веймарской республике. Несмотря на то, что черно-красно-золотое знамя веет над Германией и с ним ранее связывались немецкие надежды, то сейчас даже оно преврати-

⁹ Moeller van den Bruck. Das dritte Reich. 3. Auf., bearb. von Hans Schwarz. Hamburg; Berlin, 1931. S. 250.

¹⁰ Ibid. S. 254.

¹¹ Ibid. S. 18.

лось в «символ великого немецкого разочарования»¹². Веймарская республика создала «разорванный парламентаризм», который фактически являлся формой выражения партийного господства, где происходят битвы партийных интересов и партийного эгоизма. Для немцев парламентская политика была лишь пустой тратой времени, и Мёллер ван ден Брук считал, что народ все больше убеждается в этом, и настанет день, когда парламентская система падет.

«Консервативная революция» стала в оппозицию по отношению к Веймарской республике по политическим причинам. Мёллер ван ден Брук отрицал, что борьба с Веймарской республикой определялась только наличием республиканской формы. Он постоянно отмечал, что для консерватизма форма неважна, важно содержание, т.е. проводимый государством политический курс. Противостояние Веймару являлось противостоянием его политике. «Политика ее правительства является политикой исполнений или, как можно сказать, она ведет к полнейшему развалу империи, закату нации и разложению людей». Он утверждал, что благодаря революционным выступлениям и внешнеполитическому Версальскому диктату в германском народе просыпается имперское чувство, способное послужить основой германского возрождения. «Из мусора революции в народе, несмотря на все противоречия, вопреки ландшафтам, племенам и классам проснулась воля к империи, за которую держалась и будет держаться Германия»¹³.

Политическую борьбу против Веймарской системы Мёллер ван ден Брук определял как «освободительную борьбу», восклицая: «Ни один немец не может жить, если не живет Германия!»¹⁴. Таким образом, «консервативная революция» стремилась объединиться с набирающим обороты националистическим движением в Германии в деле свержения Веймарской системы, а также выступить в качестве идейного творца новой консервативно-революционной идеи, которая виделась ее интеллектуалам в качестве будущего национального третьего рейха.

¹² Moeller van den Bruck. Das dritte Reich. 3. Auf., bearb. von Hans Schwarz. Hamburg; Berlin, 1931. S. 277-278.

¹³ Ibid. S. 228-229.

¹⁴ Ibid. S. 205.

ПАМЯТЬ О ПОГИБШИХ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАНАХ (1941-1945): ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Значительное расширение круга проблем, оказавшихся после распада СССР в поле зрения российских ученых, привело к появлению публикаций, посвященных темам, которые ранее замалчивались. Важную роль в этом сыграла и большая доступность архивных источников. Начавшееся преодоление советского наследия нашло свое выражение, в частности, в трудах историков, впервые обратившихся к эпохе послевоенного урегулирования германского вопроса и затронувших принципы международного гуманитарного права, многообразие практик его применения после завершения военных действий в Европе. К числу этих трудов относятся работы В.Н. Земскова, впервые заявившего тему репатриации перемещенных советских граждан после победы стран антигитлеровской коалиции¹. К ее изучению подключились также П. Полян² и А.А. Шевяков³. Вышедшие позже труды российских историков обнадеживают перспективой преодоления наследия советского времени в отношении данной темы⁴. Но не все работники нацистского принудительного труда – советские военнопленные и «восточные рабочие» вернулись на родину.

Многочисленность соотечественников, потерявших жизнь в нацистской Германии, требовала колоссальных усилий советской оккупационной власти. Летом 1945 г. началась деятельность Управления по репатриации при военном совете Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) и Отдела репатриации Советской военной администрации в Германии (СВАГ)⁵. В ведение последнего входило, наряду с прочим, перезахоронение и установление личности погибших в неволе советских граждан, оформление и учет их могил. Свое место занимала и фиксация злодеяний нацистов в отношении советских граждан. Деятельность советских офицеров, занятых решением данных вопросов, должна быть рассмотрена в рамках сложной проблемы послевоенной советской политики памяти в Германии, не привлекавшей до недавнего времени внимания ученых⁶. Обращение к ней позволяет выявить новые грани, необходимые для понимания столь важных вопросов, как культура памяти современ-

¹ Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан, 1944-1951 годы // История СССР. 1990. № 4.

² Полян П.М. Жертвы двух диктатур: оstarбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996.

³ Шевяков А.А. «Тайны» послевоенной репатриации // Социологические исследования. 1993. № 8.

⁴ См., например: Арзамаскин Ю.Н. Заложники Второй мировой войны: репатриация советских граждан в 1944-1953 гг. М.: 2001.

⁵ В июне 1946 г. было создано единое Управление по делам репатриации граждан СССР и иностранных граждан, через год его преобразовали в отдел в связи с завершением массовой репатриации.

⁶ Эта проблема была впервые заявлена автором данной статьи. См.: Тимофеева Н.П. Советские военнопленные в Германии: коммеморативные практики первых послевоенных лет // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. №4. С.108-118. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-108-118.

ных России и Германии. Важной частью этой темы является память о погибших в годы нацизма советских гражданах – военнопленных и «восточных рабочих». Ее проблемы и перспектива составляют содержание данной статьи.

Решение задач, стоявших перед советской оккупационной властью в Германии, требовало сотрудничества с немцами. В марте 1946 г. Главногоначальствующий СВАГ В.Д. Соколовский издал приказ №89, в соответствии с которым на немецкие органы местного самоуправления и руководство предприятий, где обнаруживались захоронения работников принудительного труда – советских граждан, возлагалась ответственность за состояние могил. Места захоронения советских военнопленных и «восточных рабочих», погибших в Германии в годы войны, зачастую указывали немцы – свидетели преступлений нацистов⁷. К августу 1947 г. только в Восточной Германии было зафиксировано 89 320 могил, в том числе массовые захоронения советских граждан⁸.

Работа советских военных миссий велась и на Западе страны⁹. Наибольшим напряжением она отличалась в английской оккупационной зоне, где находились многочисленные трудовые лагеря и крупные лагеря для советских военнопленных. Холодная война ухудшила положение советских военных миссий в Западной Германии. Британское командование, например, запретило их прямой контакт с бургомистрами¹⁰, что затрудняло работу по благоустройству кладбищ, где были похоронены погибшие в нацистской Германии советские граждане. При этом количество обнаруженных массовых могил – траншей по-прежнему оставалось значительным.

Рост международной напряженности и сократившийся штат сотрудников советских военных миссий привели к определенной формализации процесса и увеличению числа безымянных захоронений. Допускались и досадные ошибки. Германские историки Эрика и Герхард Шварц обнаружили, что при перезахоронении советских солдат и офицеров, погибших во время битвы за Берлин в Рефельде (район Барним, севернее Берлина), часть имен красноармейцев оказалась не учтена¹¹. Аналогичные ситуации были возможны и при перезахоронении останков погибших в Германии и идентифицированных советских работников нацистского принудительного труда. Случившаяся при этом погрешность не всегда замечалась.

⁷ См. подробнее: Акт 1941 г. 21 дня февраля месяца. Фирма Калленбах и смерть советских военнопленных в Вайсенфельсе. Автострада // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7317. Оп. 20. Д. 149. Л. 355.

⁸ Краткая истории отдела репатриации и розыска граждан Объединенных наций СВАГ (июнь 1945 – 1948). Книга первая // ГАРФ. Р-7317. Оп. 21. Д. 1. Л. 47.

⁹ См. подробнее: *Тимофеева Н.П.* Советские военнопленные в Германии: коммеморативные практики первых послевоенных лет. С.108-118.

¹⁰ См. подробнее: Начальник группы Уполномоченного Совета министров СССР по репатриации советских граждан из Западной Германии (английская зона) Скрынник начальнику управления по репатриации ГСОВГ генерал-майору тов. Вершинину. 5.05.1946 // ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 21. Д. 2. Л.164-166.

¹¹ Чтобы эти имена не были утрачены, ученые обратились к автору данной статьи с просьбой о содействии и опубликовании в России, Белоруссии и Украине списка выявленных ими имен бойцов. На опубликованный в «Российской газете» список представленных немецкими коллегами имен откликнулась внучка одного из погибших при взятии Берлина красноармейцев.

Постепенно, после образования двух немецких государств, уход за отдельными могилами и кладбищами с захоронениями советских граждан стал делом исключительно немцев. Часть могил была с течением времени забыта, а реконструкция кладбищ приводила иногда к потере ими аутентичности. В ФРГ многие кладбища изменились до неузнаваемости. Например, в 1956 г. в процессе реконструкции был взорван обелиск в Зандбостеле (Нижняя Саксония), установленный в память о погибших советских военнопленных¹².

После внесения изменений в Закон о погребениях в 1960-е гг. повысился статус захоронений советских работников нацистского принудительного труда. Признание последних «жертвами войны и тирании» означало защиту их захоронений со стороны государства ФРГ¹³. Тем не менее, в 1960-е гг. советские дипломаты были вынуждены вмешаться, например, в процесс преобразования кладбища военнопленных в Берген-Бельзен (Нижняя Саксония)¹⁴, где находился один из крупнейших нацистских лагерей для советских военнопленных и погибло около 20 000 заключенных. Процесс реконструкции кладбища в Берген-Бельзен проходил под контролем немецкого Объединения лиц, преследовавшихся при нацизме (Verein der Verfolgten des Naziregimes – VVN). Свою роль играла и Рабочая группа, созданная при Мемориальном комплексе Берген-Бельзен в его поддержку. Работа финансировалась германским Народным союзом по уходу за военными захоронениями. Пристальное внимание международной и немецкой общественности к кладбищу советских военнопленных в Берген-Бельзен дало положительный результат – реконструкция состоялась в соответствии со всеми необходимыми требованиями¹⁵.

В начале 1960-х гг. было реконструировано и одно из самых крупных в Германии кладбищ советских военнопленных, погибших в шталаге №326 (VI К) Зенне¹⁶. Реконструкция данного кладбища позволила понять в целом си-

¹² О местах памяти о советских военнопленных в Германии см. подробнее: *Meier E., Winkel H.* Unbequeme Erinnerung. Sowjetische Kriegsgefangene im kollektiven Gedächtnis in Deutschland und der Sowjetunion/Russland. Неудобная память. Советские военнопленные в коллективной памяти в Германии и в Советском Союзе / в России // Dimensionen eines Verbrechens. Sowjetische Kriegsgefangene im Zweiten Weltkrieg. Масштабы одного преступления. Советские военнопленные во Второй мировой войне. Katalog zur Ausstellung. Каталог выставки. Berlin: Metropol Verlag. S. 224 – 239.

¹³ Закон о погребениях 1965 г. См.: URL: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav#_bgbl_2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl165s0589.pdf%27%5D_1630959990626 (дата обращения 24.06.2022).

¹⁴ Следует отметить амбивалентный характер послевоенной советской политики памяти. С одной стороны, в СССР замалчивалась проблема военнопленных, с другой – на дипломатическом уровне прилагались усилия по сохранению известных кладбищ и захоронений советских работников принудительного труда за рубежом.

¹⁵ См. подробнее: Радикальная реконструкция в 1960-е гг. // *Петру З., Келлер Р.* «Спите, дорогие товарищи...» Кладбище лагеря военнопленных Берген-Бельзен. История и культура исторической памяти. Со статьей Натальи Еске о скульпторе Микеле Мухине. Гёттинген, 2017. С. 65-77.

¹⁶ На кладбищенском обелиске обозначены 65 000 погибших. В соответствии с более поздними данными число жертв колеблется здесь между 30 000 и 100 000. По предположению известного германского историка Рейнхарда Отто, принятая в 1945 г. цифра была выбрана произвольно в связи с настоятельной рекомендацией американцев определить примерное среднее число жертв этого лагеря. См.: *Otto R.* Die Rekonstruktion von Gefangenenfriedhöfen am Beispiel des Lagerfriedhofes des Stalag 326 (VI K) Senne in Ostwestfalen / *Отто Р.* Реконструкция кладбищ военнопленных на примере лагерного кладбища шталага 326 (VI К) Зенне в восточной Вестфалии // Für die Lebenden der Toten gedenken / Во имя живых помнить о погибших. Dresden, 2003. S.119.

стему построения кладбищ для советских военнопленных, идентифицировать многих погибших.

Рейнхард Отто называет некоторые из этих кладбищ: два кладбища в лагере VI А Хемер, несколько кладбищ в лагере VI С Батхорн (Эмсланд)¹⁷, по одному – в лагере VI F Бохолт¹⁸ и лагере 308 (VIII Е) Нойхаммер (Нижняя Саксония), 4 ареала захоронений находятся в лагере 304 (IV Н) Цайтхайн под Ризой.

В названных выше и многих других лагерях умерших регистрировали, а факты захоронений фиксировали. На исходе войны и в первое послевоенное время соответствующие документы были доступны, но не востребованы в связи со статусом бывших советских военнопленных в СССР. Таким образом, последние оказались отнесены к категории «без вести пропавших» на несколько послевоенных десятилетий.

Судьбу и место захоронения многих «пропавших без вести» в Германии советских военнопленных стало возможно выявить благодаря международному проекту «Советские и немецкие военнопленные и интернированные. Вопросы изучения Второй мировой войны и послевоенного периода», который по поручению Федерального правительства Германии был разработан фондом «Саксонские мемориалы»¹⁹ и стартовал в 2000 г. В рамках этого проекта были заключены соответствующие соглашения с архивными службами Российской Федерации (2000 г.), Республики Беларусь (2002 г.) и Украины (2004 г.). До 2006 г. его научное руководство осуществляли известные немецкие ученые Рольф Келлер²⁰ и Рейнхард Отто²¹.

В Беларуси работа велась во всех шести областных архивах, на областном уровне она началась, но не была завершена и в Украине.

Россию в данном проекте представляла Ассоциация «Военные мемориалы», позже – АО «Корпорация ЭЛАР» (Электронные архивы). Они обработали фонды около 30 региональных архивов. В 2007 г. в результате этого проекта по инициативе Министерства обороны Российской Федерации в Интернете появился Обобщенный банк данных «Мемориал»²², который содержит ныне 17

¹⁷ На главном из них похоронено более 100 000 человек, в основном больных туберкулезом, работавших в шахтах Рурской области. См.: Otto R. Die Rekonstruktion von Gefangenenfriedhöfen am Beispiel des Lagerfriedhofes des Stalag 326 (VI K) Senne in Ostwestfalen / Отто Р. Реконструкция кладбищ военнопленных на примере лагерного кладбища шталага 326 (VI К) Зенне в восточной Вестфалии. S. 118.

¹⁸ На каждой могиле здесь стоит маленькое надгробие из бетона, на котором указаны номер могилы и личный номер военнослужащего.

¹⁹ Исполнителем проекта являлся Центр документации в Дрездене, действующий как рабочий отдел фонда «Саксонские мемориалы». Сайт Центра документации располагает ныне значительной базой данных о погибших на территории Саксонии гражданах СССР и кладбищах, где покоится их прах. Отдельно представлены советские военнопленные. См.: URL: <https://ru.stsg.de/cms/dokstelle/kladbishcha-v-saksonii>. (Дата обращения 24.06.2022).

²⁰ См.: Keller R. Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/ 1942. Behandlungen und Arbeits-einsatz zwischen Vernichtungspolitik und kriegswirtschaftlichen Zwängen. Göttingen: Wallstein Verlag, 2011. 511 s.

²¹ Отто Р., Келлер Р. Советские военнопленные в системе концлагерей Германии / Пер. с нем. Л.В. Ланника и Н.А. Власова; под науч. ред. Е.Л. Киселевой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. 400 с.

²² См.: URL: <https://obd-memorial.ru/html/> (дата обращения 24.06.2022).

млн цифровых копий документов о безвозвратных потерях и 20 млн именных записей о потерях Красной армии, имена 1 млн военнослужащих – узников нацистских лагерей. Обнародованы первичные места захоронений более, чем 5 млн солдат и офицеров²³.

После того, как проект был отозван у фонда «Саксонские мемориалы»²⁴, он был переформатирован. Его участниками стали германский Народный союз по уходу за военными захоронениями, Германский исторический институт в Москве, с российской стороны проект поддержало Управление министерства обороны по увековечению памяти погибших при защите Отечества и АО «Корпорация ЭЛАР»²⁵.

Эта работа была прервана весной 2022 г., но на институциональном и индивидуальном уровне ее продолжают не только ученые, но и исследователи без степеней и званий. Например, д-ру Рейнхарду Отто удалось выявить 200 имен советских военнопленных, погибших на расстрельном полигоне Хербертсхаузен²⁶, действовавшем при концентрационном лагере Дахау²⁷. На протяжении многих лет гражданка ФРГ Надя Телен-Кодер занимается идентификацией погибших в нацистской Германии советских работников принудительного труда и выступает против анонимности посвященных им мемориальных досок. С 2015 г. она занята выяснением судеб 201 работника нацистского принудительного труда, погибших в Зутропе²⁸, Варштейне²⁹, Эверсберге³⁰. В большинстве своем это советские граждане и их дети, похороненные в безымянных могилах на Французском кладбище в Мешед (земля Северный Рейн-Вестфалия)³¹. Результаты работы, которая ведется в Германии, должны быть известны в России.

Процесс идентификации погибших в нацистской Германии советских граждан, снижение числа анонимных памятных досок на их могилах, содержание в уважительном порядке кладбищ, а также отдельных захоронений «восточных рабочих» и советских военнопленных требует активного взаимодействия российских и германских ученых, архивов, мемориальных комплексов и

²³ См.: URL: <https://obd-memorial.ru/html/> (дата обращения 24.06.2022).

²⁴ Полученные данные были обработаны в Мемориальном комплексе Флоссенбург (ФРГ), с ними можно познакомиться в Интернете. Представленный отчасти и на русском языке сайт не обеспечивает, к сожалению, эффективный поиск искомых данных. См.: URL: <https://memorial-archives.international/> (Дата обращения 25.06.2022). С 1.01.2017 г. рабочий отдел фонда – Центр документации в Дрездене предоставляет справки о пленных красноармейцах и «восточных рабочих», находившихся в лагерях или похороненных на саксонской территории.

²⁵ 22 июня 2016 г. по поводу данного проекта было сделано совместное заявление министров иностранных дел России и Германии Сергея Лаврова и Франка-Вальтера Штайнмайера.

²⁶ См. подробнее: <https://www.kz-gedenkstaette-dachau.de/historischer-ort/virtueller-rundgang-umgebung/ss-schiessplatz-hebertshausen/> (Дата обращения 25.06.2022).

²⁷ Письмо Р. Отто от 7.06.2022 // Личный архив автора статьи.

²⁸ В годы Второй мировой войны в Зутропе была реализована нацистская программа «эвтанизии» или убийства нетрудоспособных людей.

²⁹ Город в земле Северный Рейн-Вестфалия входит в состав района Зост, где в годы Второй мировой войны находился завод по производству аккумуляторов, на котором работали иностранные работники принудительного труда, прежде всего, советские граждане.

³⁰ До 1975 г. город в районе Мешед в Северном Рейне - Вестфалии.

³¹ Письмо Н. Телен – Кодер от 27.06.2022 // Личный архив автора статьи.

музеев. Сотрудничество в сфере памяти о советских жертвах Второй мировой войны не должно быть прервано. В противном случае неизбежен риск нового разрыва общего информационного пространства и утраты данных, ведущих к окончательному забвению значительной части этой многочисленной группы советских жертв нацизма. После опыта долговременного репрессивного замалчивания в СССР судеб военнопленных и «восточных рабочих» такая перспектива не может быть признана.

А.М. ЕРМАКОВ

УЗНИКИ СОВЕСТИ: КАТОЛИЧЕСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В КОНЦЕНТРАЦИОННОМ ЛАГЕРЕ ДАХАУ

Лидеры германского нацизма стремились заменить христианскую веру верой в национал-социализм. Гитлер, а не Христос, должен был стать «пророком», «идолом», «мессией». Министр пропаганды Геббельс связывал Гитлера, а не Христа с «чудесами» и «знаками», воспринимал партийные съезды как «торжественные мессы», а линейки штурмовых отрядов – как «почти религиозные торжества, окутанные бесконечным мистическим очарованием». На плацу, а не в христианских церквях, проходили службы национал-социалистическому богу. Геббельс жаловался, что Гитлер по тактическим соображениям запретил ему порывать с церковью и выплата церковного налога доставляет ему «сильнейшую боль»¹. В Третьем рейхе велась постоянная антицерковная пропаганда, временами переходившая в настоящую травлю. Она приносила свои плоды: эсэсовские охранники концентрационных лагерей развлекались, подвергая священнослужителей и монахов особым унижениям и истязаниям, а на скатертях и стенах кегельбана в комендатуре Дахау были изображены «мерзкие карикатуры на папу и священников»².

Несмотря на то, что отношения между германским государством и римско-католической церковью были отрегулированы конкордатом 20 июля 1933 г., несмотря на антикоммунизм, сблизивший католический клир и нацистов, 8 тысяч католических священников и монахов в гитлеровской Германии были подвергнуты разного рода репрессиям³. «Католики больше всех (из христианского сообщества)... пострадали от нацистского режима, многие из них закончили свою жизнь в тюрьмах и концлагерях. Это были узники совести, преданные строгим нравственным принципам веры. Не зря даже фашистский адвокат на одном из судебных процессов заявил, что вся вина обвиняемых со-

¹ *Goebbels J. Tagebücher 1924-1945. Hrsg. von Ralf Georg Reuth. Bd. 3. 1935-1939. München, Zürich, 1992. S. 1059-1060.*

² *Kreuz und Hakenkreuz. Der Kampf des Nationalsozialismus gegen die katholische Kirche und der kirchliche Widerstand. Hrsg. von J. Neuhäusler. München, 1946. Teil I. S. 27.*

³ *Hürten H. Deutsche Katholiken 1918-1945. Paderborn, 1992. S. 44.*

стоит только в том, что «они католики»», - пишет российская исследовательница Л. Н. Бровко⁴.

В 1935-1936 гг. в Третьем рейхе проводились показательные процессы над священниками по обвинениям в нарушении валютных правил, а в 1936-1937 гг. – по обвинению в гомосексуализме и соvrращении. Многие дела рассыпались, не дойдя до суда, по некоторым были вынесены оправдательные приговоры, часть приговоров была отменена апелляционным судом. Те же, кто был признан виновным, в соответствии с тогдашней правоприменительной практикой были приговорены к одному-двум годам тюремного заключения⁵. В середине 1937 г. нацистский режим установил с церковью «перемирие»: показательные процессы против священников и представителей орденов прекратились. Вероятно, Гитлеру потребовалось спокойствие внутри страны для реализации внешнеполитических планов. В дневнике Геббельса за 16 февраля 1937 г. зафиксировано, что сейчас нацистскому вождю «не нужна никакая борьба с церковью. Через несколько лет ожидается большая всемирная борьба»⁶.

«Перемирие» не означало полного прекращения преследований. Часть священников, оправданных судами, а также часть тех, кто отбыл тюремное заключение, была взята под превентивный арест и отправлена в концлагерь⁷. Со временем главным местом заключения священников и представителей орденов стал концентрационный лагерь Дахау, основанный в марте 1933 г. Первыми узниками духовного звания в нем стали протестантские священники, пробывшие в заключении с апреля по июнь 1935 г. По данным немецкого историка Николауса Вахсмана, в это время среди заключенных концентрационных лагерей насчитывалось «от силы несколько десятков католических и протестантских священников»⁸. В мае 1938 г. в Дахау поступили первые католики из аннексированной Австрии, взятые под «превентивный арест»: профессор Иоганн Холльштайнер из Вены (освобожден в 1939 г.), пастор Маттиас Шпанланг (погиб в Бухенвальде в 1940 г.) и редактор католической газеты Георг Шеллинг (освобожден в мае 1945 г.). В апреле 1939 г. в Дахау появился первый немецкий католический священник - капеллан Эрих Зельцле, который находился под «превентивным арестом» еще с 1937 г. 10 сентября 1939 г. в концлагерь прибыли 17 чешских католических священников, а сразу же после нападения на Польшу в сентябре 1939 г. в Дахау стали поступать польские священнослужители. Все пасторы попадали в «штрафную роту» и размещались в «штрафных бараках» №15 и 17.

⁴ Бровко Л.Н. Церковь и третий рейх. М.- СПб., 2009. С. 324-325.

⁵ См.: *Brüning G.* Briefe und Gespräche 1934-1945. Hrsg. von C. Nix unter Mitarbeit von R. Phelps und G. Pettee. Stuttgart, 1974. S. 60; *Hoffmann E., Janssen H.* Die Wahrheit über die Ordensdevisenprozesse. Bielefeld, 1967; *Hockerts H.G.* Die Sittlichkeitsprozesse gegen katholische Ordensangehörige und Priester. 1936/1937. Eine Studie zur nationalsozialistischen Herrschaftstechnik und zum Kirchenkampf. Mainz, 1971. S. 58.

⁶ *Goebbels J.* Op. cit. S. 1043.

⁷ *Hockerts H. G.* Op. cit. S. 163.

⁸ *Вахсман Н.* История нацистских концлагерей. М., 2015. С. 126.

27 сентября 1939 г. в Дахау временно разместился военный полигон, и большинство католических заключенных было переведено в Бухенвальд, но уже 18 февраля 1940 г. Дахау вновь стал лагерем для отбывания «превентивного ареста», и оставшиеся в живых узники были в него возвращены. 10 ноября 1940 г. имперское министерство по делам религии направило председателю Фульдской конференции епископов кардиналу Бертраму письмо, в котором говорилось, что по решению рейхсфюрера СС и шефа германской полиции Гимmlера «все священники, до сих пор находившиеся в различных концентрационных лагерях, отныне будут собраны в концлагере Дахау. Там они будут заняты только на легких работах. Им также будет предоставлена возможность ежедневно читать или посещать мессу»⁹. Некоторые исследователи связывают послабления священнослужителям с усилиями апостольского нунция в Германии Чезаре Орсениго. Однако он вел переговоры с нацистскими властями осенью 1940 г., а первые часовни появились еще в августе 1940 г. в концлагерях Заксенхаузен и Бухенвальд. 17 ноября 1940 г. священники в Бухенвальде были освобождены от тяжелых работ и получили разрешение на пользование четками и молитвенниками¹⁰.

В источниках приводятся различные данные о количестве религиозных узников Дахау. В мае 1943 г. настоятель ордена францисканцев из Судетской области Петрус Мангольд и пастор Эмиль Тома составили список католических духовных лиц, с которыми они встречались в концлагере. Мангольду удалось передать список на свободу. В нем были названы имена 208 пасторов из 46 епархий Германии, Австрии и протектората Богемия и Моравия, а также из Люксембурга. Кроме того, в список внесены имена 18 евангелических пасторов. Список неполон, так как в нескольких местах составителями сделаны пометы «В других бараках», «Некоторые в других бараках» и «Многие в других бараках». Больше всего среди узников было пасторов из епархий Линца (22 человека), Мюнстера (15), Трира, Фрайбурга (по 12), Майсена (11), Падерборна, Гурка (по 10)¹¹.

По данным Иоганнеса Нойхойслера, 15 марта 1945 г. в Дахау находились 1 493 католических священника, представлявших 144 епархии и 25 наций, в том числе 791 поляк, 261 немец, 122 француз, 73 чеха, 64 австрийца, 34 бельгийца, 29 итальянцев, 19 югославов, 19 этнических немцев (фольксдойче), 8 люксембуржцев, а также венгры, швейцарцы, англичане, американцы, русские и священники других национальностей¹². Особенно много узников было из епархий Мюнстера (24 человека), Линца (22), Фрайбурга, Бреслау (по 17), Трира (14), Майнца и Лимбурга (по 13). О церковном сане заключенных священнослужителей известно, что среди них были один архиепископ, 2 архимандрита, епископ, 2 аббата, 2 викария, 4 прелата, 11 каноников, 11 университетских профессоров, 3 настоятеля монашеских орденов, 482 пастора, 342 капеллана, 176 пре-

⁹ Richardi H.-G., Philipp E., Lücking M. Dachauer Zeitgeschichtsführer. München, 1998. S. 288.

¹⁰ Lenz J. Christus in Dachau. Ein Religiöses Volksbuch und ein kirchengeschichtliches Zeugnis. Wien, 1957. S. 77, 85.

¹¹ Kreuz und Hakenkreuz. Teil I. S. 336-349.

¹² Ibid. S. 349.

подавателей религии, 30 военных пасторов. В марте 1945 г. в «пасторских бараках» содержались 382 члена религиозных орденов, в том числе 26 иезуитов, 17 бенедиктинцев, 16 паллотингов, 11 францисканцев, 10 кармелитов¹³.

В начале 1970-х гг. вышла в свет книга воспоминаний с названием «Мы, 2 600 пасторов в концлагере Дахау»¹⁴. В соответствии с современными подсчетами, за время существования Дахау в нем побывало 2 720 священников, в том числе 132 были переведены в другие лагеря, 314 освобождены, 1 034 умерли в лагере. При освобождении лагеря 29 апреля 1945 г. в нем находилось 1 240 священников. Среди узников преобладали католики - 2 579 человек, кроме них в Дахау были заключены 109 протестантских священников, 22 православных, 8 старокатолических и 2 мусульманских¹⁵.

Самой многочисленной национальной группой среди священнослужителей были поляки – 1 780 человек. В отличие от остальных пасторов и монахов, лишенных свободы за какие-либо «нарушения», многие польские пасторы оказались в лагере только за то, что они поляки. Смертность среди них была самой высокой – 868 человек (48,76%). Нойхойзлер подсчитал, что за 1940-1945 гг. через Дахау прошли 2 800 польских священников и монахов. К моменту освобождения лагеря в живых оставалось 816 человек, а «все остальные, за исключением двоих или троих, переведенных в другие лагеря, умерли». Среди них был и архиепископ Влоцлавека Михаил Козаль, по одним сведениям умерший от тифа, а по другим – убитый инъекцией фенола¹⁶. Следующей по численности была группа немецких и австрийских пасторов: из 447 узников погибли 94 человека (21,02%). Кроме того, в «пасторских бараках» оказались 156 французов (из них умерли 10), 109 чехов (умерли 24), 63 голландца (умерли 17), 50 югославов (умерли 4), 46 бельгийцев (умерли 9), 28 итальянцев (умер 1), 16 люксембуржцев (умерли 6). Помимо этих крупных групп в Дахау попадали и отдельные представители других государств: 5 датчан, 3 литовца, 3 венгра, 2 албанца, 2 англичанина, 2 грека, 2 швейцарца, 1 норвежец, 1 румын, 1 испанец и, наконец, 3 священника без гражданства¹⁷.

Лагерная администрация Дахау саботировала распоряжение Гимmlера и подчинилась только его повторному приказу - в январе 1941 г. все пасторы были размещены в бараках № 26 (раньше предназначался для вновь прибывших), 28 и 30. «Пасторские бараки» были переполнены: вместо 50 человек в каждом боксе (штубе) находилось от 100 до 300 узников, а каждый барак состоял из четырех боксов. 10 марта 1941 г. «пасторские бараки» были изолированы от остальной территории путем установки проволочного ограждения с воротами, которые охранялись самими заключенными¹⁸. Об эффективности этой меры в условиях, когда каждый узник боролся за собственное выживание, свидетель-

¹³ Kreuz und Hakenkreuz. Teil I. S. 349.

¹⁴ Kiesel E. Schutzhäftling Nr. 22 838. KZ Dachau // Freiburger Diözesan Archiv. Bd. 90. 1970. S. 57.

¹⁵ Zámečník S. (Hrsg. Comité International de Dachau). Das war Dachau. Luxemburg, 2002. S. 170–180.

¹⁶ Kreuz und Hakenkreuz. Teil I. S. 350.

¹⁷ Zámečník S. Op. cit. S. 170–180.

¹⁸ Schneider R. Bericht des Pfarrers Richard Schneider über seine Erlebnisse im Konzentrationslager Dachau // Freiburger Diözesan Archiv. Bd. 90. 1970. S. 32, 34.

ствуют воспоминания бывшего советского заключенного Н. Ф. Ятченко: «К таинственным закоулкам Дахау принадлежал и “черный колпак” (так в тексте – А. Е.) - два барака с заключенными католическими священниками»¹⁹.

Пасторам было разрешено иметь четки и требники, с 25 марта 1941 г. они были освобождены от работы. Теперь им полагался «отдых» до обеда и после обеда, который они формально могли использовать для сна, обучения и чтения. Кроме того, в часы «отдыха» священников заставляли петь и «заниматься спортом». С 11 апреля до сентября 1941 г. священники получали лучшее питание, оплаченное Ватиканом. В их рацион входили, например, большее количество хлеба, ежедневно четверть литра какао, 1/8 литра пива, в обед полагалась четверть литра вина, которое они должны были «пить до дна» в присутствии эсэсовской охраны, причем эта церемония сопровождалась постоянными издевательствами²⁰.

Первое католическое богослужение в Дахау состоялось 22 января 1941 г. Часовня была обустроена в первом боксе 26 барака. В ней одновременно могли сидеть 300 или стоять 500 человек. Первым «лагерным капелланом» стал польский пастор Павел Прабуцкий, который в годы Первой мировой войны был немецким офицером. Служить мессу мог только Прабуцкий, а доступ в капеллу и участие в богослужениях были разрешены лишь узникам «пасторских барачков». 7 февраля 1941 г. в Дахау появились протестантские пасторы из Германии и Голландии, которым лагерное начальство вскоре разрешило пользоваться той же часовней. Участник французского антифашистского Сопротивления социалист Жозеф Рован, прибывший в Дахау в начале июля 1944 г., объяснял такую привилегию, противоречившую намерениям нацистской верхушки покончить с церковью, тем, что нужно было успокоить население и священников, встревоженных акциями «эвтаназии», а также с помощью церкви сохранить антибольшевистское единство немецкой нации. По мнению Рована, победы Советского Союза на фронтах войны тревожили Ватикан и немецкий епископат, которые по-прежнему рассматривали нацизм как меньшее зло по сравнению с большевистским атеизмом²¹.

Обустройство «пасторских барачков» и условия выживания священников в Дахау мало чем отличались от положения остальных узников концлагеря: побои, издевательства, телесные наказания, изнурительная заправка постелей, непосильный труд, болезни, лишение пищи за мнимые провинности. Как и остальные заключенные, они старались выполнять один из важнейших законов выживания в лагере - «не бросаться в глаза»²². «Священнослужители, - пишет Н. Вахсман о середине 1930-х гг. - нередко становились объектом яростных нападок. Лагерные охранники-эсэсовцы были воинствующими антиклериками... Их оскорбления словом были столь грубы, а меры физического воздействия столь жестоки, что даже жены некоторых лагерных эсэсовцев выражали сочувствие священнослу-

¹⁹ Ятченко Н. Ф. Не должно повториться! Воспоминания бывшего узника Штуттгофа и Дахау. Калинин, 1982. С. 52.

²⁰ Lenz J. Op. cit. S. 74-76.

²¹ Rovan J. Geschichten aus Dachau. Stuttgart, 1989. S. 158-159.

²² Lenz J. Op. cit. S. 29, 30.

жителям»²³. Пастора Жана Бернара, прибывшего в лагерь в составе группы из 11 заключенных, эсэсовцы сразу окрестили «поповской свиньей» и специально унижали²⁴. Другому священнику нацисты «устроили бичевание колючей проволокой и увенчали его венцом с шипами нашего Господа», - пишет Иоганнес Нойхойзлер²⁵. С субботы Вербного воскресенья до Пасхального понедельника (28 марта – 6 апреля) 1942 г. на бараки 28 и 30 было наложено особое наказание: каждый день до и после обеда узники занимались маршировкой, бараки на это время полностью освобождались, вещи выбрасывались в грязь. В обеденный перерыв и вечером заключенные приводили вещи в порядок и вновь заносили в помещение. Обеды в эти дни были отменены. В результате за 10 дней умерло от 70 до 80 человек из 1 500 узников этих бараков²⁶.

Как и остальные заключенные, пасторы и монахи видели во сне свои любимые блюда, а заядлые курильщики мечтали о табаке. Рихард Шнайдер пишет: «Нужно упомянуть еще один “порок”, особенно распространенный среди немецкого клира – страсть к курению. У многих эта страсть была столь сильна, что они не могли отказаться от нее даже во времена тяжелейшего голода, и это настолько перегружало сердце, что из организма больше не могла выводиться излишняя жидкость. Некоторые из 42 умерших от голода пасторов могли бы выжить, если бы сами не готовили себе могилу бессмысленным курением»²⁷. «Появились югославские сигареты, крепкие, дорогие – частный бизнес эсэсовских дивизий, они запасаются подобным товаром в тех странах, которые недавно обрели “свободу”, и сбывают их на черном рынке, - вспоминал Жан Бернар. - Затем появился еще болгарский, а затем и греческий табак. “Забудь! – сказал один опытный товарищ по заключению. - Мы слишком слабы, курильщики долго не протянут”»²⁸. Любителей табака не останавливали и суровые наказания – однажды Бернара застал за курением капо Раш и жестоко избил его. Тем не менее, курильщики считали, что сигарета бодрит и, кроме того, позволяет завести полезные знакомства²⁹.

В Дахау имелись «особые узники», которые отбывали заключение отдельно от остальных в камерах лагерной тюрьмы. Их лучше кормили, двери их камер не запирались, и они могли свободно посещать друг друга, а также выходить на свежий воздух. Среди «особых узников» были и выдающиеся представители духовенства. 11 июля 1941 г. узниками Дахау стали выдающийся представитель евангелической «исповедальной церкви» Мартин Нимёллер, а также католические прелаты Михаэль Хёк и Иоганнес Нойхойзлер. Нимёллер был арестован в 1938 г., Хёк и Нойхойзлер – в 1941 г., все они находились под превентивным арестом. Отметим, что Нойхойзлер подготовил документальную

²³ Вахсман Н. Указ. соч. С. 127.

²⁴ Bernard J. Pfarrerblock 25487: Dachau 1941-42. 4. Aufl. Luxembourg, 2004. S. 27-28.

²⁵ Kreuz und Hakenkreuz. Teil I. S. 350.

²⁶ Bernard J. Op. cit. S. 112.

²⁷ Schneider R. Op. cit. S. 41.

²⁸ Bernard J. Op. cit. S. 69.

²⁹ Ibid. S. 155. См. также: Ивенс С. Как небеса темны: 1400 дней в тисках нацистского террора. М., 2005. С. 372-383.

книгу «Преследование католической церкви в Третьем рейхе», которая была опубликована на английском языке в 1940 г. в Лондоне и в 1942 г. в Нью-Йорке. На первом американском процессе по Дахау в ноябре-декабре 1945 г. он выступал свидетелем, а в марте 1946 г. выпустил свое главное произведение – книгу «Крест и свастика» с предисловием кардинала Михаэля Фаульхабера³⁰. В 1944 г. «особыми узниками» стали французский епископ Габриэль Пиге и немецкий военный пастор Карл Кункель³¹.

19 сентября 1941 г. лагерное начальство разделило священников по национальному признаку. В 26 бараке остались только пасторы из Германии и Австрии, остальные же были помещены в бараки 28 и 30 и лишились доступа в часовню. Преемником Прабучского стал священник из Линца Франц Онмахт, сам же Прабучский умер от голода 30 августа 1942 г. «Неарийским» священникам были запрещены требники, четки, кресты, Библии, молитвы и исповеди, питание стало выдаваться по обычной для Дахау норме, возобновился и труд наравне с остальными «непривилегированными» заключенными. О тяжелейших условиях существования свидетельствует тот факт, что из 530 польских священников, прибывших в Дахау 29 октября 1941 г., выжило только 82.

Привилегированное положение немецких и австрийских священников тоже сохранялось недолго. С 1 января 1942 г. на них были возложены чистка снега и разноска чанов с пищей по баракам. 75-килограммовые чаны были непомерно тяжелы для ослабленных и оголодавших людей. Жан Бернар, проведший в Дахау 18 месяцев, в день освобождения весил 47 кг³². Вскоре немцы и австрийцы тоже были переведены на обычный лагерный паек и привлечены к работам. Трудились они чаще всего на «плантации» - лагерном огородном участке. Их день начинался в 3 часа утра с протестантской молитвы, потом в 3.30 проводилась католическая месса, а с 4 часов утра день протекал по обычному лагерному распорядку. Такой режим был даже более суровым, чем прежде в «штрафном бараке», где подъем производился в 5 часов утра³³.

Положение духовенства стало улучшаться, когда 1 сентября 1942 г. комендантом лагеря был назначен Мартин Готфрид Вайс, остававшийся на этой должности до 31 октября 1943 г. Он разрешил немецким священникам получать посылки, благодаря которым их шансы на выживание значительно выросли. Был смягчен лагерный режим. Примерно в это же время меняется эсэсовская охрана: молодые фанатичные нацисты были отправлены на фронт, а на их место пришли охранники старших возрастов. Кроме того, Вайс заменил самых жестоких эсэсовских надзирателей и капо. Бывший узник «пасторского барака» Р. Шнайдер вспоминал: «После поражений под Сталинградом и в Северной Африке, а еще больше после вторжения союзников во Францию лагерная дисциплина все больше смягчалась. На пользу узникам пошло и то, что охранники больше не были эсэсовцами в собственном смысле слова. Это были участники

³⁰ Kreuz und Hakenkreuz. Teil II. S. 25.

³¹ «Für eine Zeit Dachauer»: Karl Kunkel. Faustpfand der SS // <https://www.sueddeutsche.de/muenchen/dachau/kz-dachau-sonderhaeftlinge-1.5090445> (дата обращения - 24 сентября 2022 г.)/

³² Bernard J. Op. cit. S. 199.

³³ Schneider R. Op. cit. S. 30.

войны 1914-1918 гг.»³⁴. Руководствуясь христианскими заповедями, священники, выступавшие в качестве свидетелей на судебном процессе по Дахау в ноябре-декабре 1945 г., давали показания в пользу «гуманных» нацистов: коменданта лагеря Мартина Вайса и лагерфюрера Михаэля фон Редевца. Все же и Вайс, и Редевец были приговорены американским трибуналом к смерти и казнены 29 мая 1946 г.

Священники, как и другие узники Дахау, становились жертвами бесчеловечных медицинских экспериментов. В июле 1942 г. профессор Клаус Шиллинг начал опыты с малярией, которые проводил на 120 польских пасторах. В ноябре-декабре 1942 г. 39 польских и один голландский священник попали в число подопытных доктора Генриха Шютца, изучавшего флегмону. Девять человек в результате опытов погибло. Нетрудоспособных узников 26, 28 и 30 бараков ждала та же участь, что и других ослабевших заключенных – газовая камера в замке Хартхайм. Первой жертвой среди них стал пастор Фридрих Каррас, убитый 26 января 1942 г. В мае в газовую камеру была отправлена большая группа польских священников. Последний раз польские пасторы попали в транспорт нетрудоспособных 14 октября 1942 г., а убийства немецких священников в Хартхайме прекратились после того, как католическому пастору Герману Шайперсу удалось передать своей сестре, что он попал в барак для нетрудоспособных, узников которого умерщвляют газом. Ее жалоба в РСХА с угрозой разглашения возымела действие. Всего в газовой камере замка Хартхайм погибло 320 священников³⁵.

Нойхойзлер констатировал, что многие священники и миряне-католики из оккупированных стран терпели в концлагере «невыразимые страдания» за свою веру³⁶. Такие слова были призваны сконструировать единство клира и верующих, однако отношения между немецкими священниками и католиками-мирянами в Дахау были далеки от идиллических. Источники зафиксировали неоднократные конфликты между ними. Когда в июле и сентябре 1944 г. в концлагере появилось много молодых французов – участников движения Сопротивления, часть из них пожелала посещать католические мессы. Так как пребывание в часовне было разрешено только немецким священникам, то они выставили для охраны часовни протестантских пасторов, вооруженных палками. Позднее французы-католики все же добились права посещать воскресные богослужения³⁷. Другой конфликт произошел зимой 1944/45 г., когда борцы французского Сопротивления предложили тайно проносить облатки в бараки для больных в спичечных коробках. Немецкие пасторы высказались против такого обращения с телом Христовым, и просфоры для последнего причастия умирающих появились в бараках только после вмешательства епископа Пиге, к мнению которого как старшего по сану немцы прислушались³⁸.

³⁴ *Schneider R.* Op. cit. S. 30. S. 43.

³⁵ *Kaiser B.* Christus im KZ: Glaubenszeugen im Nationalsozialismus. Augsburg, 2011. S. 102.

³⁶ *Kreuz und Hakenkreuz.* Teil I. S. 350.

³⁷ *Rovan J.* Op. cit. S. 166.

³⁸ *Rovan J.* Op. cit. S. 166-167.

Лагерная действительность ставила священников перед нравственным выбором. Как и другие узники, не все католики могли проявить несгибаемую волю и избежать соблазна выжить любой ценой. После освобождения одни из них создавали идеализированный образ католического духовенства в Дахау, другие, напротив, не скрывали своего разочарования. Католический священник Эмиль Кизель в январе 1946 г. вспоминал: «В общем и целом то, что я увидел в пастырском бараке в Дахау, было для меня катастрофой. Как раз то, о чем священники чаще всего старались говорить, было там представлено меньше всего: любовь. Наоборот, там люди становились свидетелями самого грубого эгоизма, связанного с безжалостностью и нетоварищеским поведением. Возможно, я вижу все в слишком черном свете, но у меня нет цели изображать в розовом свете вещи, которые таковыми не были. В годы своего ареста я стал мудрее и поэтому хочу все описать так, как испытал на себе. Чего стоят красивые речи и слова, за которыми не следуют дела? Самым большим моим разочарованием были представители орденов и высшие клирики. Большинство из них не смогло отречься от своей барской натуры и понять, что именно в лагере нужно закрыть глаза на то, кем они были до лагеря... Долгое время я жил в другом бараке среди профессиональных преступников, асоциальных типов, поляков, русских, югославов, чехов и французов. Это были не священники, но это были хорошие товарищи и хорошие люди. А в пасторском бараке?»³⁹.

Протестантский священник Нико Рост так оценивал узников «пасторского барака»: «Барак номер 26 не был единым целым. В конечном счете, здесь были всего лишь люди. Люди с хорошими и плохими человеческими качествами. Здесь были простые, даже ограниченные сельские пасторы и капелланы, а также иезуитские пасторы с потрясающе глубокими знаниями в различных областях. Здесь были как необыкновенно образованные люди, так и монастырские братья, горизонт которых был ужасающе узким. Здесь были реакционные элементы, мечтавшие о “сословном государстве”, и пасторы из партизанских отрядов. Здесь были священники, критиковавшие своих епископов, но были и приверженцы австрийского кардинала Инницера (в современной Вене есть площадь кардинала Теодора Инницера, а венская епархия вручает ежегодную премию имени Инницера за научные достижения. – А. Е.), который до сего дня не сказал ни одного слова против Гитлера. Здесь были друзья Франко и одновременно те, кто высказывал симпатии к басконским пасторам, сражавшимся против Франко с оружием в руках»⁴⁰. Некоторым не была чужда и зависть. Жан Бернар рассказывает о том, что когда было объявлено о его освобождении, один из узников «не нашел никакого другого способа выразить свою зависть, кроме как дать мне пинка, которым указал мне верное направление»⁴¹.

Другой узник «пасторского барака», Рихард Шнайдер из Фрайбурга, делает акцент на национальных различиях между заключенными священнослужителями. Самая многочисленная группа, польские священники, были настро-

³⁹ Kiesel E. Schutzhäftling Nr. 22 838. KZ Dachau // Freiburger Diözesan Archiv. Bd. 90. 1970. S. 53-54.

⁴⁰ Rost N. Goethe in Dachau. Hamburg, 1980. S. 150-151.

⁴¹ Bernard J. Op. cit. S. 197.

ены враждебно к немцам. «Они считали справедливым нанесение любого вреда и не расценивали кражу съестного как большой грех, даже если при этом пропадала вся дневная порция, и обворованный был вынужден голодать 24 часа».

Вторая по численности группа - немецкие и австрийские пасторы - вели себя по-разному: одни раздавали свои продуктовые посылки всем без различия вероисповедания, другие не делились ни с кем, даже если съестное портилось. Чешское духовенство распадалось на две части: немецко- и чешскоговорящее. Последние не особенно строго соблюдали целибат и, как считает Шнайдер, с равнодушием относились к своему долгу, в частности, пропускали воскресные мессы, а молитвеннику и книгам, рекомендованным церковью, предпочитали газеты. Кроме того, многие чешские священники были яркими националистами, настроенными против немцев. К клирикам из Нидерландов, Бельгии и Люксембурга Шнайдер относится с симпатией. «Расхлябанным и националистическим» был французский мирской клир, а орденские клирики из Франции - «безупречны». Священники из епархий Старсбурга и Меца и в лагере не стеснялись называть немцев бошами, не был исключением и епископ Пиге. Французы постоянно нарушали все лагерные правила, и стоило больших усилий сглаживать эти нарушения, чтобы сохранить пасторский барак и вместе с ним часовню. Наконец, Шнайдер выражает сочувствие священникам, носившим розовый винкель за нарушение параграфа 175, и считает, что гомосексуалистов нужно принудительно лечить, что они заслуживают сострадания, а не отвращения. Он отмечает, что эсэсовская охрана особенно третировала их, но не сомневается в том, что все обладатели розового винкеля действительно были гомосексуалистами⁴².

Резкую критику духовных узников Дахау дает Жозеф Рован: «Немецкие клирики рассматривали существование церкви и сохранение богослужений как благо само по себе. Большинство из них вступило в конфликт с нацистской системой из-за искоренения душевнобольных и имело о нацизме только приблизительное представление как о неоязыческом движении. Они оставались в плену той консервативной, националистической и антибольшевистской картины мира, которая до 1933 г. образовывала политическое кредо немецкого католицизма – за некоторыми примечательными исключениями, которые, правда, составляли явное меньшинство»⁴³. Ровану стоило большого труда убедить одного ольденбургского пастора, восторгавшегося «крестовым походом» против испанских республиканцев, в том, что Испанская фаланга и германские нацисты – явления одного порядка.

Негативно относится Рован и к епископу Клермон-Феррана Габриэлю Пиге. Рован пишет, что Пиге «не обладал политическим кругозором» и, повторяя за де Голлем, называет его «слепым приверженцем маршала Петена». Действительно, Пиге стал первым епископом, которого Петен принял после своего назначения на пост Главы Французского государства. Архиепископ не одобрял деятельность Сопrotивления и далеко не сразу стал выступать против преследований партизан и евреев, поэтому был арестован лишь «по иронии судьбы»

⁴² *Schneider R.* Op. cit. S. 40-43.

⁴³ *Rovan J.* Op. cit. S. 161.

или в результате чрезмерного служебного рвения местного гестаповского чиновника. «Хотя он не мог понять, за что был депортирован в Дахау, он проявил большое самообладание»⁴⁴. Рован не знает или попросту умалчивает о том, что в рождественской проповеди 1940 г. Пиге назвал немцев «моторизованными остготами XX века» и призвал верующих не вставать перед ними на колени⁴⁵. Такие слова не были само собой разумеющимися в стране, охваченной пацифистскими и соглашательскими настроениями. Что касается резкой оценки политического кругозора Пиге, то понимание национальных интересов Франции в годы Второй мировой войны настолько разнилось, что и бойцы Сопротивления, и коллаборационисты искренне обвиняли друг друга в предательстве. Добавим, что Пиге участвовал в спасении от нацистов еврейских детей и в 2000 г. был удостоен звания Праведник народов мира. В Дахау охранники подвергали его побоям и особо изощренным унижениям, а также давали худшую пищу.

На более широкую дискуссионную проблему о степени информированности немецкого населения о нацистских преступлениях выводит вопрос об осведомленности немцев о существовании и функциях концлагеря Дахау. Как и в случае с Холокостом, одни современники и историки утверждают, что «обыкновенные немцы» не имели возможности ничего узнать, другие буквально вопиют: «Не верьте этому! Если кто-то из немцев не знал, то только потому, что не желал знать»⁴⁶.

Источники позволяют утверждать, что ни само существование Дахау, ни пребывание в нем священников не были секретом. Желающие могли узнать и об ужасах, которые происходят в концлагере. Разумеется, распространение информации о Дахау было запрещено, приходские газеты, в которые просачивались какие-то сведения, подлежали конфискации. С тех священнослужителей, которых выпускали на свободу, брали подписку о неразглашении, нарушение подписки в условиях повального доноительства было чревато повторной отправкой в Дахау. «Один австрийский пастор после своего освобождения из Дахау рассказал дома, что знакомый ему священник получил пресловутые 25 ударов палкой. Он тяжело поплатился за это. Гестапо узнало об этом, и пастор снова попал в концлагерь», - рассказывает Нойхойзлер⁴⁷. Иезуитский пастор Ленц, выступавший свидетелем на главном процессе по Дахау, письменно засвидетельствовал: «В течение семи лет я был в различных концентрационных лагерях. И я полагал, что внимательно следил за всем происходящим. Но процесс только теперь открыл для меня вещи, о которых я не имел ни малейшего понятия, например, об использовании человеческой кожи для изготовления перчаток, абажуров и других предметов для СС. Стоит ли удивляться, что внутри лагеря об этих и других вещах не только не знали, но и даже понятия не имели?»⁴⁸

⁴⁴ *Rovan J.* Op. cit. S. 167.

⁴⁵ *Kaiser B.* Op. cit. S. 37, 41.

⁴⁶ См., напр.: *Erbrich E.* Ich hab' das Lachen nicht verlernt. Die Lebensgeschichte von Edith Erbrich aufgezeichnet von Peter Holle. Neu-Isenburg, 2014. S. 10.

⁴⁷ *Kreuz und Hakenkreuz.* Teil II. S. 20.

⁴⁸ *Ibid.* S. 21.

В 1943 г. католические узники Дахау Карсл и Тайсен были сурово наказаны за то, что попытались передать на свободу письмо, в котором рассказывалось об опытах профессора Шиллинга по заражению малярией и опытах доктора Рашера по заражению флегмоной. Когда письмо было перехвачено, Карлса, сочинившего его, две недели держали в лагерном бункере, а Тайсена, который собрал статистические данные из канцелярии санитарной части, на три недели отправили в темную камеру «стоячего бункера». После этого случая по приказу берлинского гестапо все заключенные священники и монахи были отстранены от работы в лагерных канцеляриях, санитарной части и в других местах, где они могли собирать данные о положении дел в лагере⁴⁹.

При этом существование и предназначение Дахау не были секретом, по меньшей мере, для немецких священников. Тот же Нойхойзлер вспоминает, что накануне ареста в феврале 1941 г. его 12 раз вызывали в гестапо и на каждом допросе угрожали отправкой в Дахау. Более того, информация о существовании концлагеря в Баварии широко распространялась в зарубежной прессе с момента его создания⁵⁰. В 1933 и 1934 гг. в СССР была опубликована на немецком, а потом и на русском языке небольшая книга «В лагере смерти Дахау» немецкого коммуниста Ганса Баймлера, бежавшего из лагеря⁵¹. После этого книга была перепечатана одной швейцарской газетой, а в Лондоне появился ее перевод на английский язык. Баймлер писал разоблачительные статьи о Дахау в иностранные газеты и журналы, выступал по советскому радио. Нелегально его книга распространялась и в Германии⁵². В 1936 г. в Швейцарии и в 1938 г. в Советском Союзе вышла в свет книга о Дахау бывшего узника, социал-демократического журналиста и писателя Юлиуса Церфасса, писавшего под псевдонимом «Вальтер Хорнунг»⁵³.

На лагерном жаргоне концлагерь Дахау называли по первым буквам – КЛД (KLD – Konzentrationslager Dachau). Сами заключенные часто расшифровывали KLD как kann lange dauern – может продолжаться долго⁵⁴. Действительно, многие священники, находившиеся в лагере, стали жертвами превентивного ареста, и срок их заключения не был установлен приговором. В доверительном распоряжении Гиммлера от 27 августа 1941 г. предписывалось «на долгий срок» отправлять «в какой-нибудь концлагерь», антинемецки настроенных чехов и поляков, коммунистов «и им подобный сброд», а также «всех попов-подстрекателей»⁵⁵. Так, австрийский пастор Иоганн Ленц попал в Дахау 10 августа 1940 г. вследствие доноса. В подписанном Рейнхардом Гейдрихом

⁴⁹ Kreuz und Hakenkreuz. Teil II. S. 24.

⁵⁰ См.: Коллет. Фашистские застенки // Правда. 1933. 3 июня. С. 4; Изаков. 141 убийство в концлагере Дахау // Правда. 1933. 19 июля. С. 4; Изаков. Убийства и пытки в Дахау // Правда. 1933. 24 июля. С. 4; Зверские расправы в фашистских застенках // Правда. 1933. 3 декабря. С. 4; Пытки в германских концлагерях // Правда. 1939. 4 января. С. 5.

⁵¹ См.: *Beimler H.* Im Mörderlager Dachau. Moskau, 1933; Беймлер Г. Лагерь смерти Дахау. М., 1933; *Беймлер Г.* Коричневые убийцы: (В лагере смерти Дахау). Сталинград, 1934.

⁵² *Вахсман Н.* Указ. соч. С. 29.

⁵³ *Hornung W.* Dachau. Eine Chronik. Zürich 1936; Хорнунг В. Дахау. Ленинград, 1938.

⁵⁴ *Lenz J.* Op. cit. S. 29, 30.

⁵⁵ *Kempner B.* M. Priester vor Hitlers Tribunalen, München, 1966. S. 10.

предписании на превентивный арест говорилось: «Своим поведением он угрожает прочности и безопасности народа и государства; он наносит глубочайшие оскорбления руководителям Движения, а это вызывает опасения, что он и впредь будет продолжать антигосударственные действия и пытаться подорвать доверие населения к правительству и партийному руководству»⁵⁶. Красный винкель, полагавшийся марксистам и находящимся под превентивным арестом, носил и молодой католический священник Герман Шайперс, арестованный в начале октября 1940 г. В его личном деле было записано, что он «угрожает прочности и безопасности народа и государства, поскольку дружески общается с представителями других народов». Священник был заключен в тюрьму, а в Рождественский сочельник 1940 г. в его личном деле появился новый документ: «Шайперс – фанатичный приверженец католической церкви и поэтому способен нести в население беспокойство. Поэтому необходим дальнейший превентивный арест в концлагере Дахау»⁵⁷.

Оборотной стороной превентивного ареста была возможность выйти на свободу. С 27 марта по 11 апреля 1945 г. из Дахау было выпущено 173 немецких католических и протестантских священника. В литературе высказывается предположение, что приказ исходил от Гимmlера, который в преддверии краха нацистского режима стремился наладить отношения с Ватиканом⁵⁸. За все время существования Дахау из него было выпущено 208 немецких и австрийских священников, 78 поляков, 5 французов, 10 голландцев, 2 югослава, 2 люксембуржца, 1 бельгиец и 1 чех⁵⁹. Священник из Люксембурга Жан Бернар, который был узником «пасторского барака» с середины мая 1941 по 6 августа 1942 г., не знал, кто добился его освобождения, известие об этом было для него полной неожиданностью, а сама процедура обретения свободы заняла совсем немного времени – на следующий день он уже находился дома⁶⁰.

Большинство же выживших узников Дахау обязаны своей свободой войскам держав-победительниц. 24 апреля 1945 г. в южном направлении были вывезены привилегированные «особые заключенные», среди них Нимёллер, Нойхойзлер и Пиге (упомянутый выше Хёк еще 5 апреля был переведен в монастырь Шайерн, где содержался под арестом его брат). «Особые заключенные» были освобождены американскими войсками 4 мая. Вечером 26 апреля из Дахау в направлении Тироля вывели пешим маршем 7 000 узников, в том числе обитателей «пасторских бараков», еще способных передвигаться. Чтобы держать эвакуацию в секрете от населения, движение колонны начали в 10 часов вечера, однако в ночной тишине гулко раздавались стук деревянной обуви узников и выстрелы эсэсовцев. Убитые или обессиленные заключенные оставались лежать на обочине дороги. Местных жителей, пытавшихся передать

⁵⁶ *Lenz J.* Op. cit. S. 16.

⁵⁷ *Kaiser B.* Op. cit. S. 95, 97.

⁵⁸ *Ibid.* S. 64.

⁵⁹ *Zámečník S.* Op. cit. S. 170–180.

⁶⁰ См.: *Bernard J.* Op. cit. S. 197–200.

несчастливым воду или продукты, охрана отгоняла⁶¹. Дахау был освобожден американскими войсками 29 апреля 1945 г.

Таким образом, вследствие изоляции «пасторских барачков» от остального лагеря основным источником сведений об условиях в них могут быть только воспоминания бывших заключенных. Эти источники показывают, что католические узники Дахау из Германии и стран Европы испытали на себе нацистский произвол: первые находились в лагере под «превентивным арестом», а пребывание в нем вторых было обусловлено их национальностью и гражданством. Освобождение от работы и улучшенный рацион питания давали священникам и монахам больше возможностей выживания, чем остальным заключенным Дахау. При этом в самом лучшем положении благодаря продуктовым посылкам оказались немецкие католики, они же дольше остальных были освобождены от непосильной физической работы. На другом полюсе находились польские пасторы, подвергавшиеся особому глумлению по национальному признаку и имевшие худшие шансы на выживание среди других национальных групп католиков. Далекое не все узники совести были борцами антифашистского Сопротивления, многих сближали с гитлеровским режимом антикоммунизм, антисоветизм, антимодернизм и гомофобия. Но все заключенные «пасторских барачков» были узниками совести. Помощь и сочувствие евреям, осуждение «эвтаназии», защита католической религии и церкви от нападков фашистов, защита морали от разлагающего влияния нацистской идеологии – вот свидетельства того, что священники и монахи не были случайными жертвами нацистского террора.

Концентрационный лагерь Дахау.
Монумент памяти

⁶¹ *Kaiser B. Op. cit. S. 108-109.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ВАЛЬТЕРА БЕНЬЯМИНА В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ АВТОРОВ в 2010-х гг.

Вальтер Беньямин (1892-1940), немецкий философ и историк, к началу XXI в. приобрел статус мыслителя мирового масштаба. При этом внимание к нему российских авторов претерпевает структурные изменения.

В 2000-х гг. речь шла скорее о работах ознакомительного характера, то есть о попытках развернуть и понять глубину интеллектуального потенциала немецкого ученого. Их задачей являлась концептуализация результатов его исследований и презентация их в системном единстве.

В 2010-х гг. на первый план выходит инструментализация изученных и объясненных, понятых и проанализированных концепций и понятий немецкого философа в исследованиях более широкого плана. Они становятся ориентирами в интеллектуальном движении ученых.

Для обоснования высказанного мнения об изменениях в отношении к историческим взглядам Беньямина со стороны отечественных авторов проведем анализ достигнутых ими результатов в работах 2010-х гг.

В предлагаемой статье мы поставили следующие задачи: а) какие работы Вальтера Беньямина привлекали внимание российских авторов для объяснения его исторических взглядов, служат для этого источниковой базой? б) какие проблемы ставили перед собой отечественные исследователи в изучении исторических идей немецкого мыслителя и какие методы они выбирали для их решения? в) какие смежные сферы гуманитарного знания привлекались авторами для анализа исторических идей Беньямина?

Изменение в характере постижения интеллектуального наследия Беньямина в отечественной историографии в 2010-е гг. демонстрирует в первую очередь источниковая база исследований. Прежде основу для нее составляли переводы на русский язык, авторами которых далеко не всегда выступали историки, или же переводы на другие языки, в первую очередь английский. В 2010-е гг. речь шла об использовании материалов на немецком языке. Во многом это было связано именно с изменением отношения к идеям мыслителя. К этому времени в отечественной историографии оформилась основа концептуального подхода к изучению прошлого Беньямина и задачи исследователей вышли на уровень критики и инструментализации его идей. Отсюда объяснимый интерес к поиску оригинальных вариантов текстов работ мыслителя, а также к его личной переписке.

Значительной частью исследуемого архива Беньямина для российских авторов продолжают оставаться его автобиографические тексты. В определенной мере это продолжает традицию прежних этапов беньяминоведения, важной вехой для которого стало русское издание «Московского дневника»¹. Концепту-

¹ Беньямин В. Московский дневник / пер. с нем. С. Ромашко; общ. ред. и послесл. М. Рыклина. М., 1997.

ализированные на основе его изучения конструкции успешно применялись при работе с новым материалом. В первую очередь с текстами самого Беньямина.

Так, А.В. Ерохин в качестве именно «последовавших за московскими текстами» рассматривает работы Беньямина начала 1930-х гг., посвященные Берлину: «Берлинская хроника» и сотворенное из нее «Берлинское детство на рубеже веков»². При этом, обосновывая предложенную последовательность и мнение об идейной значимости «Московского дневника», автор отмечает: «Важно подчеркнуть, что обращение к родному городу, Берлину, произошло у Беньямина уже после посещения Москвы и параллельно с работой над большим и неоконченным исследовательским проектом, посвященным Парижу («Passagenwerk»), где Беньямин жил в эмиграции с 1933 года вплоть до немецкого вторжения в 1940 году»³. Такой интерес к «московским текстам» Ерохин объясняет тем, что «краткосрочное пребывание в Москве зимой 1926-1927 годов стало одной из важных ступеней на пути Беньямина к его методу «исторической диалектики»⁴.

Русский перевод эссе Беньямина «Произведение искусства в эпоху технической воспроизводимости» и «О понятии истории» (в первом переводе получившее также название «Тезисы о философии истории»)⁵ продолжал определять историографию его идей в 2010-е гг. Приобретенный к этому времени багаж понимания этих работ открывает путь к конкретно-историческим вопросам. Л.В. Ажимова обращает внимание на философское осмысление феномена кино Беньямином. Мыслитель признается автором в качестве «одного из первых философов, поставивших вопрос о роли кинематографа в трансформации социальных процессов». При этом, по мнению Ажимовой, «Беньямин считает, что появлению нового вида искусства всегда предшествует формирование некой социальной потребности, которая не может быть удовлетворена в условиях существующей художественной культуры». Эта социальная потребность нашла свое выражение в «устаревших формах искусства» со своими «неординарными, зачастую шокирующими и нелепыми направлениями», в числе которых предстают дадаизм, кубизм, футуризм⁶.

Исторической задачей авангардистских направлений в искусстве XX в. Ажимова видит попытку «подорвать принципы классической художественной культуры, нарушая привычные представления о реальности», а конкретно говоря – через создание раздробленной реальности. Это лишало произведения искусства традиционной ауры, созданные таким образом «они без прикрас изображают реалии современного мира и тем самым оказывают шокирующее воз-

² *Ерохин А.В.* Образы Берлина и Москвы в автобиографических текстах В. Беньямина // Немское духовное наследие в мировой культуре. К 60-летию Юрия Леонидовича Цветкова / Отв. ред. И. С. Киселёва, П. В. Николаева. Иваново, 2011. С. 366.

³ Там же. С. 367.

⁴ Там же. С. 368.

⁵ *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избр. эссе / предис., сост., пер. и примеч. С.А. Ромашко. М., 1996; Беньямин В. Тезисы о философии истории / В. Беньямин; пер. с нем. С. Ромашко // Новое лит. обозрение. 2001. № 46.

⁶ *Ажимова Л.В.* Философское осмысление феномена кино В. Беньямином // Вопросы философии. 2013. №1. С. 85.

действие на публику»⁷. Автор обращает внимание на повышение роли масс в процессах социальной истории, что и подчеркивал Беньямин в своем объяснении феномена кино: «Новая социальная реальность характеризуется прежде всего повышением роли масс в политических и исторических процессах. Сегодня именно массы активно преобразуют действительность... Техника – лишь средство, с помощью которого происходит трансформация сущности и формы искусства в соответствии с образом существования и особенностями чувственного восприятия представителей масс. Современное искусство ориентировано на массы, представители которых ищут развлечений и не способны концентрировать внимание на произведениях художественной культуры»⁸.

Использование оригинальных текстов Беньямина и критика традиционного взгляда на его исторические идеи в работах 2010-х гг. привели к тому, что в кругу исследований появляются материалы, ломающие традиционный взгляд на его исторические идеи. Известная записка, которой Беньямин сопроводил свою книгу «Происхождение немецкой барочной драмы», для немецкого политического философа Карла Шмита является таким примером.

Как подчеркивает И.М. Чубаров, «на это короткое письмецо, лежащее на самом видном месте, но до сих пор как следует не прочитанное, любят ссылаться как на свидетельство признания значительного влияния политико-правовых идей Карла Шмитта на Вальтера Беньямина»⁹. В своей статье Чубаров не соглашается с устоявшимся к этому времени мнением о природе взаимовлияния идей Беньямина и Шмитта и стремится его опровергнуть. Традиционный взгляд, по мысли Чубарова, сформировался благодаря ошибочному тезису Агамбена, произвольно отредактировавшего при издании один из текстов Беньямина. Автор отмечает, что «в отличие от Шмитта, Беньямина интересовали не условия легальности полицейских репрессий или легитимности фюрерства в ситуации крайней необходимости, а условия самой этой необходимости, делающей возможным в том числе и ненасильственные средства разрешения социальных конфликтов. Таким горизонтом выступало для него насилие «божественное», или чистое, строго отличаемое от насилия в природе и соответствующих положений естественного права»¹⁰.

Для Чубарова это особенно явно проявляется на фоне близкой им обоим в период Веймарской республики «критики идей правового государства, парламентской демократии и других социальных институтов эпохи модерна»: «когда Беньямин говорит о недостатках веймарской демократии, о компромиссах, на которые шла республика в условиях политических и финансово-экономических кризисов 1920-х и начала 1930-х годов, он, скорее всего, имеет в виду введение немецким парламентом фиктивного чрезвычайного положения (смысл статьи 48 Веймарской конституции), которое свидетельствовало о неспособности либеральных демократов противостоять надвигающемуся фашизму, и даже от-

⁷ Ажимова Л.В. Философское осмысление феномена кино В. Беньямином // Вопросы философии. 2013. №1. С. 86.

⁸ Там же. С. 87.

⁹ Чубаров И.М. Беньямин Шмитту не товарищ, или Ошибка Агамбена // Логос. 2012. № 5.

¹⁰ Там же. С. 50.

крывающего ему путь. Шмитт же ищет в эти годы социологические и юридические оправдания пришествию к власти фюрера, восхищаясь его «правозащитными» решениями. Автор подчеркивает, что Шмитт «по сути, отождествляет разум и насилие, делая их функциями или инструментами бытия, понимаемого как перманентная *bellum omnium contra omnes* друзей–врагов» в то время, как у Бенямина остается «исторически не решенной проблема соотношения разума и насилия»¹¹.

Касаясь полемики Шмитта и Бенямина, О.В. Горяинов подчеркивает, что «ставки данного философского спора неизбежно политические»¹². Горяинов исследует продолжение этой дискуссии между двумя мыслителями вплоть до гибели Бенямина и обнаруживает ее «видимые следы» даже в его «предсмертном» эссе «О понятии истории». При этом для Горяинова конкретно «Политическая теология» Шмитта выступает ответом на статью «К критике насилия» Бенямина. Автор близок Чубарову в том, что «там, где мысли Бенямина и Шмитта соприкасаются в едином порыве (критика парламентаризма, теорий общественного договора и правового позитивизма), они тем не менее расходятся в выводе о субъекте принятия решения. «Невозможный субъект» Бенямина превращается в «суверенного субъекта принятия решения в чрезвычайном положении» у Шмитта»¹³. Однако Горяинов не согласен с возможным тезисом, что «Беньямин своей «Критикой насилия» подготовил интеллектуальное пространство для развертывания знаменитой теории Шмитта, содержательно не чуждой теме «окончательного решения» нацистской Германии, что делает саму мысль еврейского философа потенциально опасной». Для Горяинова ситуация выглядит обратной: «Вступая на территорию «Критики насилия», Шмитт поставил себя в двусмысленное положение... Опираясь на целый ряд допущений «анархиста» Бенямина, Шмитт не может изъять из своей мысли этот исток, подспудно делающий его этатистскую концепцию «децизионизма» не столь уж и далекой от предельного анти-правового анархизма»¹⁴. В качестве истока антиправовая позиция Бенямина, выраженная в статье «К критике насилия», оказывает на «политико-теологическую» концепцию Шмитта более серьезное и очевидное воздействие, чем его репутация как «нацистского юриста»¹⁵.

Тезис о значимости анархизма в интеллектуальном наследии немецкого мыслителя Горяинов раскрывает в своей другой работе, посвященной понятию нигилизма у Бенямина в противопоставлении его понятию «голой жизни» (*bloßes Leben*). Интересно то, что – как и Чубаров при рассмотрении, впрочем, другого аспекта взаимовлияния идей Шмитта и Бенямина – Горяинов обращает внимание на ущербность позиции Агамбена, основанной на преувеличенном единстве беняминовского понятия «голой жизни» и шмиттовского понятия

¹¹ Чубаров И.М. Бенямин Шмитту не товарищ, или Ошибка Агамбена // Логос. 2012. № 5. С. 66.

¹² Горяинов О.В. «Чрезвычайное положение» в условиях «божественного насилия»: ответ Карла Шмитта Вальтеру Бенямину // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: право. 2013. – №1. – С. 6.

¹³ Там же. С. 15.

¹⁴ Там же. С. 16.

¹⁵ Там же. С. 16.

«реальной жизни» (*wirkliches Leben*), сливающихся собственно в ницшеанском понятии «жизни».

Свое мнение Горяинов основывает на собственном прочтении «нигилизма как метода политики», который он находит в неизданном при жизни Бенямина «Теолого-политическом фрагменте», определяемом российским автором «одним из самых загадочных текстов» из наследия немецкого мыслителя. Он видит его как «набросок политической программы, радикализм которой представляется чрезмерным даже для такого бескомпромиссного мыслителя как Бенямин»¹⁶. По мысли Горяинова, нигилизм именно как «метод мировой политики» осознавался Бенямином в «определенном историко-философском контексте», и предпринятые в этом направлении шаги немецкого мыслителя были особенно значимы в реабилитации метода нигилизма для современной политической философии вообще. В таком понимании нигилизма как метода мировой политики, считает Горяинов, необходимо рассматривать формулирование в отношении идей Бенямина тезиса Агамбена «*Homo sacer*», который исследователь и обнаруживает у итальянского философа в проблематике «подлинной анархии» как «действительной эмансипации, т.е. таком освобождении человека, которое выходит за рамки юридических и теологических детерминаций, которые соответствуют онтологии производительности и долга»¹⁷.

Интересная практика работы с архивом Бенямина представлена в статье А.В. Ерохина, Л.Н. Ерохиной¹⁸. Она показывает, насколько полезны в отношении анализа идейного наследия столь многостороннего и глубокого мыслителя, как Бенямин, может быть даже опыт журналистской деятельности. Авторы предлагают рассмотреть «творческую оригинальность Бенямина не только как публициста, но и как эссеиста, критика и исследователя» на примере опубликованной им серии интервью в газете «Ди литерарише Вельт» в 1927-1929 гг.¹⁹. Авторы полагают, что эти интервью, «скорее, можно считать отчетами, эссе или мимолетными биографическими зарисовками, основанными на черновых записях бесед, которые, в свою очередь, были пропущены через интенсивный процесс авторской рефлексии». Отсюда и объяснимый интерес к этим источникам: автор создает пространство интервью, но, оставаясь субъектом, позволяет читателю увидеть себя в качестве объекта внимания, поскольку опредмечивает собственные мысли.

В столь противоречивой исторической реальности, какой была Германия конца 1920-х гг., высказанные автором интервью мысли не могли остаться аполитичными. К тому же и сам Бенямин старался это подчеркнуть. Авторы исследования приходят к выводу: «Интервью Бенямина в целом не столько ин-

¹⁶ Горяинов О.В. Нигилизм как метод: от «голой жизни» к рабам и технике (Бенямин, Агамбен и контуры политической онтологии анархизма) // Философская антропология жертвы: от архаических корней к современным контекстам. Самара, 2017. С. 117.

¹⁷ Там же. С. 132.

¹⁸ Ерохин А.В., Ерохина Л.Н. Из журналистской практики Веймарской республики: интервью Вальтера Бенямина в газете «Ди литерарише Вельт» (1927-1929) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2020. №20.

¹⁹ Там же. С. 345.

формативны, сколько идейно и политически заострены, актуализированы. Он использует жанр интервью для выражения многих своих политических и научных идей, но делает это исключительно корректно и умело»²⁰.

Конкретизация и инструментализация изученных концепций и понятий Бенямина позволяет в 2010-е гг. по-новому зазвучать и тому материалу, который основывался на первых переводах работ немецкого философа. Примером этому становится проблема «чужого» в новом, «ином мире», обнаруженная Ю.В. Ватолиной в исторической ткани «Московского дневника» в качестве «скандала». Автор характеризует поездку немецкого мыслителя в Советскую Россию скорее как «паломничество в «новый мир»: «Оно предстало как встреча двух «миров»: новоевропейского, существовавшего под эгидой «разволшебствования», «разочарования» – Entzauberung (М. Вебер) и российского, втянувшегося благодаря революции в процесс стремительной ресимволизации»²¹. Причину неудачи московского путешествия Бенямина Ватолина видит в том, что «такая чужеродная среда, топос «иноного» вызывает катаклизмы, связанные с топосом Я, местом Я, и тогда «почва» (Grund) превращается в бездну (Abgrund)... Общая скованность создает помехи для отчетливого видения и понимания, как бы закрывает для Бенямина «мир»»²². «Скандальным» итогом этого опыта автор определяет то, что «при встрече с «чужим миром» новоевропейский человек обнаруживает удивительную неспособность войти в него как «гость». Конечно, что-то в «иных мирах» он способен принять, освоить, но чаще всего в подобной ситуации вследствие астении его охватывает беспокойство, переходящее в чувство невыносимости самого факта существования «иноного»»²³.

Разбирая методы, с которыми российские исследователи подходят к анализу исторических взглядов Бенямина, необходимо обратить внимание на сравнительный подход. Основанные на нем исследования как раз отвечают задачам инструментализации. Компаративистская перспектива становится особенно привлекательной в отечественной историографии 2010-х гг. как в анализе изменений в концепциях и понятиях, предложенных самим Бенямином, так и в раскрытии их особенностей через сравнение с близкими концепциями и понятиями его коллег по интеллектуальному цеху. Примером этого можно назвать работы Л.Н. Полубояриновой, А.В. Степина, А.А. Стрельниковой²⁴.

²⁰ *Ерохин А.В., Ерохина Л.Н.* Из журналистской практики Веймарской республики: интервью Вальтера Бенямина в газете «Ди литерарише Вельт» (1927-1929) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2020. №20. С. 346.

²¹ *Ватолина Ю.В.* Встреча с «чужим» как «скандал»: опыт В. Бенямина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2014. С. 117.

²² Там же. С. 120.

²³ Там же. С. 121.

²⁴ *Полубояринова Л.Н.* Шарль Бодлер и Вальтер Бенямин о фотографии: (политический и эстетический аспекты) // Древняя и новая Романия. 2014. № 13; *Степин А.В.* В. Бенямин и Д. Кампер: распад ауры и морок медиа // Философия и культура. 2015. № 2; *Степин А.В.* Стоп-кран истории. В. Бенямин, М. Хайдеггер, Д. Кампер: монография. М.-Нижний Новгород, 2017; *Стрельникова А.А.* Москва 1920-х годов в восприятии немецких публицистов: «Русские путевые картины» Э. Толлера и «Московский дневник» В. Бенямина // Россия – Германия: литературные встречи (1880-1945). М, 2017.

Об особой роли сравнительного метода в работах отечественных авторов беньяминоведения в 2010-е гг. было четко заявлено на состоявшейся в 2016 г. в Санкт-Петербурге представительной V Международной конференции по компаративным исследованиям национальных языков и культур ««Московский дневник» Вальтера Беньямина и хождения западных интеллектуалов по мукам России (XX век)». Особенностью ее стал не только масштаб мероприятия, но и проблемная широта докладов участников. Конкретно-историческая предметность тематики выступлений свидетельствовала именно о выходе отечественного беньяминоведения на уровень инструментализации. Авторами представленных исследований были не только историки, но и представители других гуманитарных наук, что доказывает тезис о смежном характере многих актуальных проблем беньяминоведения в 2010-е гг. Тексты докладов участников конференции были опубликованы в первом номере журнала «Логос» за 2018 г.

Смежной областью для исторического беньяминоведения 2010-х гг. является филология. Интересны выводы филологов в отношении структурности, происхождения и образности его идей. В работе Р.В. Гуревич, посвященной автобиографической прозе Беньямина 1930-х гг., подробно разбираются образы Берлина, которые определяют для него воспоминания детства. Автор демонстрирует именно «историчность» сохранных к моменту создания «Берлинской хроники» и «Берлинского детства на рубеже веков» архитектурных памятников или материальных предметов. Как отмечает Гуревич, если в первом тексте «постепенно обнаруживается, что автора в его воспоминаниях интересует не сам субъект или его судьба в городе Берлине, а то, что он метафорически называет «лабиринт», то есть «спуск», поиски самого себя в далеком детстве, проведенном в этом городе»²⁵, то в итоге второй текст «рождает множество ассоциаций о времени и вечности в бытии отдельного человека, о жизни и смерти вообще, о жизни и судьбе немецкого интеллигента XX века, о детстве как исходной точке всех наших потенций и т.д. Два плана – взгляд ребенка и нерожденного – плотно переплетены и взаимопронизывают друг друга»²⁶. При этом, по мнению Гуревич, они преследуют «разные цели»: «В «Берлинской хронике» автор теоретически осмысливает процесс воспоминания, его теория имеет принципиальное отличие в ряде пунктов от взглядов М. Пруста на воспоминания, рождаемые произвольной памятью. «Берлинское детство на пороге столетия» – автобиографическое произведение, где В. Беньямин «останавливает» время детства, связывает его с конкретными эпизодами, с определенным укладом жизни, ясно осознавая, что это время исчезнет вместе с его изгнанием из нацистской Германии, вместе с гибелью его родных и целого народа»²⁷. Иными словами, первый текст формулирует методологию исследований для второго текста.

²⁵ Гуревич Р.В. Автобиографическая проза В. Беньямина // Известия Смоленского государственного университета. 2011. №4. С. 197.

²⁶ Там же. С. 201.

²⁷ Там же. С. 204.

Обратившись к «Берлинском детству на рубеже веков» и предлагая филологическую перспективу для его анализа, О.В. Тихонова подчеркивает «естественность» обращения Бенъямина к автобиографической литературе в своем «стремлении осмыслить «эпоху рубежа», ее ключевые моменты, осознать суть катаклизмов, сопутствовавших коренным переменам европейской и мировой истории, определить свое место в этом потоке, сносившем привычный миропорядок»²⁸. Историческая конструкция эссе Бенъямина предстает для Тихоновой в тесной взаимосвязи с особенностями детского восприятия мира: «Действительно, ностальгическое чувство перемежается здесь с историческим чутьем, личное – с эпохальным. Настроение печали сменяется светлой тоской, острый трагизм – (само) иронией. История – это течение жизни, но и история впечатлений от жизни маленького мальчика, данная во взгляде «снизу», со стороны, из «укрытия» своего мира»²⁹. При этом, как и другие авторы бенъяминоведения, Тихонова берет на вооружение концепт фотографии, играющий «большую роль» и во взгляде Бенъямина на первые годы своей жизни: «В «Берлинском детстве» «фотографический» принцип моментального «слепок» с реальности сталкивается с «принципом негатива»: в «картинке» современного мира события и его реалии обретают контрастный («обратный») смысл, меняются местами его знаки, приоритеты, «общий» (фоновый) и «крупный» планы, заставляя неожиданно увидеть то, что видится только из необычного ракурса»³⁰. Продолжение влияния детского взгляда на мир в фиксации реальности прошлого Тихонова обнаруживает у Бенъямина в продуманном отборе и структурировании материала: «Возникают специфические «ориентиры» для героя – знаки детского восприятия. Это особая оптика повествования, восприятие времени, традиции и установки «большого» мира, запреты и обязанности»³¹. Тихонова характеризует сердцевину берлинского пространства Бенъямина как «малый мир детства – или «ближний круг» привычек, привязанностей, увлечений, местечек и укромных уголков, а также людей». С другой стороны, «враждебным, наоборот, выступает пространство, открытое или увеличенное в площади, «давящее» на ребенка (здесь это улицы, бассейн, физкультурный зал). Оно заполняется чужими людьми, настораживает или пугает. «Личный круг», напротив, требует одиночества, он самодостаточен»³².

Вопрос о близости трудов отечественных авторов в 2010-е гг., посвященных историческим идеям Бенъямина, другим областям гуманитарного знания заставляет вспомнить уже рассмотренные выше работы мыслителя. Так, при всей тематической близости, например, статьи Чубарова³³ и Горяинова³⁴ далеки друг от друга в источниковой базе и выбранном пути решения единой пробле-

²⁸ Тихонова О.В. «Прекрасная эпоха» «Берлинского детства» В. Бенъямина // Национальные коды европейской литературы в контексте исторической эпохи: монография. Нижний Новгород, 2017. С. 129.

²⁹ Там же. С. 131.

³⁰ Там же. С. 131-132.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 133.

³³ Чубаров И.М. Бенъямин Шмитту не товарищ, или Ошибка Агамбена.

³⁴ Горяинов О.В. «Чрезвычайное положение» в условиях «божественного насилия»: ответ Карла Шмитта Вальтеру Бенъямину.

мы. Исследование Чубарова близко сфере истории искусства, а работа Горяинова – истории и теории права. Такое теоретическое расхождение представителей беньяминоведения объясняется не столько их интеллектуальной и аналитической подготовкой, сколько открытостью идейного наследия Беньямина для исследований, представляющих различные сферы гуманитарного знания.

В прежние годы – в 1990-е гг. и в 2000-е гг. – задачи концептуализации ограничивали внимание историков-беньяминоведов первостепенностью вопросов понимания теории и методологии немецкого мыслителя. В 2010-е гг. открывающиеся возможности инструментализации позволяют авторам конкретизировать и решать поставленные задачи, используя знания из широкого пространства гуманитарного знания, создавая замысловатые методологические конструкции для своих исторических работ, посвященных идейному наследию Беньямина с привлечением достижений смежных направлений.

Другим итогом инструментализации идейного наследия немецкого мыслителя становится материализация и даже конкретно овеществление достигаемых результатов исследований. Это выражалось в том, что авторы работ предлагали читателям непосредственно – в виде сохранившихся письменных или археологических источников – наблюдать то, о чем писал Беньямин. Примером этого можно рассматривать работы, посвященные «городским практикам» Беньямина, будь то Москва, Берлин, Париж. Вещественные источники или кино-, фото- и аудиоматериалы в этих работах дают возможность прочувствовать эпоху, когда жил мыслитель, но с перспективой, предлагаемой российскими авторами в 2010-х гг. С этим направлением также можно полемизировать, что еще раз подчеркивает актуальность работ В. Беньямина.

Е.В. ОБРАЗЦОВА

СЕМЬЯ КАК ФАКТОР РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ РАБОТНИКОВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ В СССР

Опыт людей, прошедших через плен, принудительный труд на чужбине и возвращение на Родину очень важен для понимания как зарубежной истории, так и истории СССР. Исследование этой темы приобретает ныне чрезвычайную важность в связи с естественным уходом поколения очевидцев.

Предполагаемая интерпретация проблемы базируется на источниках личного происхождения, в том числе нарративно-биографических интервью. В статье нами были использованы материалы, полученные в рамках проектов: «Биографическая документация рабского и принудительного труда в нацистской Германии» (2005 г.), «Женщины Равенсбрюка» (2004 – 2005 гг.), «Индивидуальная и коллективная память о войне и оккупации в Воронеже и Воронежской области. 1942 – 1943» (2009). Большое значение имели ресурсы онлайн-архива «Принудительный труд. 1939 – 1945. Воспоминания и история».

Респонденты, с которыми работали историки, рождены преимущественно в 1920-е гг. Значительная часть опрошенных состояли в браке в 1940-х гг. После репатриации бывшие работники принудительного труда возвращались в семьи родителей. Нарратив имел свои особенности, которые определялись полом и возрастом респондентов. Рассказы женщин носили более эмоциональный и личный характер, в то время как мужчины ставили акцент на трудовой и общественной деятельности.

Численность советских граждан, оказавшихся на чужбине, по официальным данным составляла 5 423 216 человек¹. Из них к 1 мая 1947 г. к месту жительства вернулись 3 588 834 человек. Значительная часть мужчин призывного возраста была отправлена в Советскую Армию и рабочие батальоны. Женщины в основном возвращались к постоянному месту жительства².

Семья, как универсальный социальный институт, являлась основным фактором ресоциализации бывших работников принудительного труда после возвращения в СССР. Успешность или безуспешность восстановления отношений с близкими влияла на все остальные сферы жизни. Возобновление контактов с родственниками в значительной степени зависело от пережитого в условиях неволи. Воспоминания о семье, о доме помогали переносить тяготы плена. Встречу с родными ждали, надеялись на то, что они живы и здоровы.

Процесс ресоциализации репатриантов в Советском Союзе был длителен. Это объяснялось, прежде всего, тем, что в СССР отсутствовала система поддержки на институциональном уровне. Функцию такого института ресоциализации взяла не себя семья.

Взаимоотношения между родителями и детьми складывались под влиянием различных факторов. Родственники во время разлуки приобрели свой травмирующий опыт. Они пережили военные действия, оккупацию, эвакуацию. За годы разлуки радость встречи могла быть омрачена недопониманием, каждый считал свою боль сильнее. А.П. Штепа вспоминала встречу: «Приехала я домой. Папа дома был, мама дома была... И как Вам сказать, такие недовольные лица были какие-то у родителей, что я приехала с голыми руками. Вот там соседи привезли столько-то, девчонки привезли столько-столько»³.

Перед вернувшимися людьми стоял ряд задач, среди которых – восстановление здоровья, поиск работы, получение образования. Времени на отдых после возвращения не оставалось, необходимость требовала участия в хозяйственной жизни семьи. Кому посчастливилось вернуться к родным, могли рассчитывать на психологическую и материальную поддержку близких.

¹ Справка отдела регистрации и учета Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации о количестве гражданского населения, возвращенного в СССР и направленного к месту постоянного жительства по состоянию на 1 сентября 1945 г. // Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944 – 1952: сборник документов: в 2 т. М., 2019. Т. 1. С. 386.

² Из справки Отдела регистрации и учета Управления уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации об итогах работы органов репатриации на 1 мая 1947 г. // Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944 – 1952: сборник документов: в 2 т. М., 2019. Т. 2. С. 74.

³ Транскрипт интервью. Штепа Анна. Интервью за 312, 12.07.2005: Архив интервью // Принудительный труд 1939-1945. URL: <https://archiv.zwangsarbeit-archiv.de/ru> (дата обращения 15.04.2022).

Одной из важнейших жизненных задач для вернувшихся являлся поиск партнеров для совместной жизни. Немногие имели опыт отношений до возвращения на родину. Некоторые бывшие работники принудительного труда пережили романтические отношения с иностранными гражданами. Трагедия этих отношений заключалась в отсутствии перспективы совместного будущего. Травмирующий опыт разлуки впоследствии мог повлиять на отношения с представителями противоположного пола уже на родине. Антонина Михайловна Сердюкова после насильственной депортации из Франции и вынужденного разрыва с мужем так и не смогла построить отношения с другими мужчинами: «Я ничего не считала, я Клода не могла забыть. Я всех с ним сравнивала. Марк был красавец, но не такой, как Клод»⁴.

Послевоенное советское общество продолжало оставаться патриархальным. От молодых людей «требовалось» создать семью, завести детей. При этом число женщин в возрасте от 15 до 60 лет превышало количество мужчин на 12 071 тысяч человек⁵. Девушки, понимая, что на «брачном рынке» имелся недостаток мужчин, решение о замужестве принимали скоропалительно, после нескольких встреч. Женщины подчеркивали отсутствие желания вступить в брак, а заключение союза рассматривали как вынужденную неизбежность. Стратегия поиска партнера для создания семьи была различна. Некоторые женщины выходили замуж за советских военных еще в Германии или после возвращения. Молодых людей иногда знакомили родственники.

Следует отметить, что создание семьи не всегда было синонимом заключения акта гражданского брака. В интервью отмечались случаи сожительства, а сигналом для необходимого похода за «штампом в паспорте» могла стать беременность или рождение ребенка. Виктор Степанович Жабский вспоминал о том, что он заключил брак со своей супругой после двух лет знакомства: «Ну, короче, сблизились настолько, что она забеременела... И вот пятого мая у нас назначена... регистрация... Пятого мая умирает Сталин. То есть марта... Эх, она тут в панику. Она же боится: „Надо зарегистрироваться там.“ Ну, и отложили нам на 15-го марта. Вот 15-го марта точно. И вот это до 15-го марта она, я ее понимаю, она жила на иголках»⁶.

Отношения в парах, где один из супругов пережил принудительный труд или плен, могли иметь серьезные особенности. Нередким явлением в браке были случаи умалчивания об опыте пребывания на чужбине и пережитом. Этому способствовало несколько причин. Позиция вернувшихся из плена военнообязанных или работников принудительного труда в общественном мнении оставалась уязвимой и неодобряемой. Эта категория жертв войны оказывалась в поле внимания органов внутренних дел. Как женщины, так и мужчины старались

⁴ Транскрипт интервью. Сердюкова Антонина. Интервью за 311, 25.12.2005: Архив интервью // Принудительный труд 1939-1945. URL: <https://archiv.zwangsarbeit-archiv.de/ru> (дата обращения 15.04.2022).

⁵ Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник / Росстат. М., 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/> (дата обращения 07.05.2022).

⁶ Транскрипт интервью. Виктор Жабский. Интервью за 316, 25.12.2005: Архив интервью // Принудительный труд 1939-1945. URL: <https://archiv.zwangsarbeit-archiv.de/ru> (дата обращения 15.04.2022).

не распространять информацию о своем прошлом. Нежелание повторно переживать травму, полученную в неволе, приводило к молчанию и закрытости человека. Замкнутость, разный опыт могли привести к отчуждению и разводу. Расторжение брака не были редкостью для людей, прошедших плен и принудительный труд. Число разводов среди этой категории не противоречило общей статистике, которая составила в 1950 -1965 гг. 1,6 на тысячу населения. В 1975 г. на сто браков приходилось двадцать восемь разводов⁷.

В своих интервью очевидцы редко затрагивали интимную сферу жизни семьи. Однако по косвенным размышлениям респондентов можно сделать вывод, что опыт экстремального насилия не прошел бесследно, и они испытывали проблемы. Это могло проявляться в боязни близости, нежелании иметь детей. Одна из респонденток вспоминала: «А Вы представляете, как мы еще жили. Вот тут трое детей, три кровати, а мы вот... И отгородиться ведь нельзя! И что была за жизнь... Мужу жена нужна, да? А мне он и на дух не нужен... Почему? ... Дети ж у меня здесь. Ну а потом, кто ж их знает, может, они не спят!... Это не жизнь была, а ад кромешный... Я прожила для детей и мужа!».

Среди бывших работников принудительного труда встречались неполные семьи. Такой тип семьи представлен, прежде всего, матерью и ребенком, в том числе и приемным. Одиночество могло быть сознательным выбором женщины. Ольга Васильевна Головина мотивировала отказ выйти замуж за отца своей дочери обидой и нежеланием переезжать в другой город: «Он уехал. Я так поговорила с мамой, мама была у меня мудрый, вообще, человек. Она: «Ну, как же? Девочка же будет считаться без отца? Вы же не расписаны». Я говорю: «Ну и что же? У нее есть я, у нее есть ты, у нее есть тетка. ... Наташа будет мою фамилию носить. А, может, когда она захочет, может, к тому времени, когда вырастет, можно будет поменять фамилию. Выйдет замуж, тем более». Я говорю: «И, вообще, какое это имеет значение?»... Я говорю: «Мама, какая разница?» Я говорю: «Но ты пойми: здесь я знаю, куда мне пойти. Если мне плохо – я пришла к тебе, поделилась с тобой. Здесь у меня подруги, я с подругами. Здесь у меня друзья. Причем, не просто друзья, а друзья, которые помочь могут в тяжелое время. А что я буду в Питере?»⁸

Взаимоотношения с детьми в семьях бывших работников принудительного труда могли иметь свои особенности. Люди, пережившие опыт экстремального насилия, демонстрировали межпоколенческую передачу травмы. В работе отечественных исследователей Н.В. Тарабриной и Н.В. Майн описаны несколько механизмов передачи травматического опыта, среди них: молчание, свертоткрытость, идентификация и проигрывание⁹. Травматическое действие на детей оказывала именно невысказанность. Младшее поколение утаивало «секрет»

⁷ Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1979. URL: <http://www.detskiysad.ru /raznlit/ brak.html> (дата обращения 16.02.2022).

⁸ Транскрипт интервью. Одинокова Анна. Интервью за 300, 27.07.2005. Архив интервью // Принудительный труд 1939-1945. URL: <https://archiv.zwangsarbeit-archiv.de/ru> (дата обращения 15.04.2022).

⁹ Тарабрина Н.В., Майн Н.В. Феномен межпоколенческой передачи травмы (по материалам зарубежной литературы // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 3. URL: <https://clck.ru/jZvqj> (дата обращения 26.05.2022).

на эмоциональном уровне как что-то постыдное. В некоторых случаях исследователи отмечали передачу нарушений от родителей детям. Среди таких отклонений психологи указывают значительную уязвимость в стрессовых ситуациях, чувство вины, тревогу и депрессии, фобии и панические реакции¹⁰. Однако проблемная интерпретация, которую дают исследователи, нуждается в междисциплинарном рассмотрении.

Особую роль в процессе ресоциализации бывших работников нацистского принудительного труда после их возвращения играла семья. Успешность и скорость адаптации репатриантов зависела от взаимоотношений с близкими. В случае если родственники поддерживали, помогали психологически и материально, ресоциализация проходила быстрее. С другой стороны, травматический опыт способствовал развитию психических расстройств, которые становились препятствием в построении отношений с близкими. Семья при благоприятных условиях могла стать институтом ресоциализации бывших работников принудительного труда.

Е.С. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ ХДС ГДР В НАЧАЛЕ 1950-х гг.

В конце 1949 г. официальный курс на строительство социализма в Германской Демократической Республике (ГДР) еще не был провозглашен, но выбор был уже сделан. Христианско-демократический союз (ХДС) ГДР как кадровая партия должна была превратиться в управляемую и послушную организацию, полностью зависимую от председателя союза Отто Нушке. Теперь новыми назначенцами были только прокоммунистические члены ХДС. Контроль со стороны Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) и Советской контрольной комиссии возрос. В таких условиях Христианско-демократический союз вступил в новый 1950 г.

С отстранением бывших председателей ХДС Якоба Кайзера и Эрнста Леммера начинался постепенный отход линии партии от постулатов «христианского социализма». Новому социалистическому государству нужны были другие христианские демократы, которые стремились бы совместно с СЕПГ строить новое немецкое общество. ХДС как партии биконфессиональной необходимо было сохранить свое религиозное лицо и защищать интересы католиков и протестантов в новом государстве, где атеизм предлагался основным мировоззрением людей. Против верующих советские функционеры не выступали. Им был известен немецкий консерватизм, поэтому цели искоренить в людях веру они не ставили. Необходимо было лишь скорректировать постулаты христианской демократии руками самих функционеров ХДС. Новая идеология

¹⁰ Тарабрина Н.В., Майн Н.В. Феномен межпоколенческой передачи травмы (по материалам зарубежной литературы) // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 3. URL: <https://clck.ru/jZvqj> (дата обращения 26.05.2022).

должна была отвечать философским и мировоззренческим принципам марксизма. Но такие реформы устраивали не всех. С 1949 г. социальный состав союза претерпевает изменения.

Традиционно статистические данные по численности и социальному составу готовились христианскими демократами к съездам партии. Данные по возрастному составу и профессиональной занятости членов ХДС за 1949-1950 гг. представлены в таблицах 1,2.

Таблица 1 – Изменение возрастного состава членов ХДС в 1949-1951 гг.¹

Возрастной состав	1.10.1949	1.8.1950	1.11.1951
16 – 25 лет	11,9%	13,2%	12,8%
26 – 35 лет	14,5%	14,8%	15,7%
36 – 45 лет	20,5%	20,3%	20,7%
46 – 55 лет	22,2%	21,9%	22,5%
56 – 65 лет	19,4%	18,5%	18,4%
свыше 65 лет	11,5%	10,7%	9,8%

Таблица 2 – Изменение количества членов союза по профессиональному признаку в 1949-1952 гг.²

Род занятости	1.10.1949	1.8.1950	1.11.1951	1.11.1952
Рабочие	16,8%	17,7%	15,5%	18,7%
Служащие	25,7%	26,1%	28,3%	27,7%
Крестьяне	15,8%	14,6%	13,9%	13,3%
Ремесленники и торговцы	11,8%	11,7%	11,5%	10,7%
Свободные профессии	3,7%	4,5%	4,4%	4,5%
Домохозяйки	18%	19,2%	20,2%	15,9%
Другие	8,2%	6,5%	5,9%	9,1%

Таким образом, за два года в ХДС происходит ряд изменений. Намечалась тенденция на омоложение рядов христианских демократов. Многие представители старшего поколения были вынуждены покинуть Восточную Германию, не приняв чрезмерного вмешательства СЕПГ в дела партии. Что касается профессиональной занятости христианских демократов, то по всем показателям

¹ Составлено на основе: Arbeitsbericht der Union für die Teilnehmer der 5. Jahrestagung vom 15. bis 17. September 1950 in Berlin – Staatsoper, Archiv für Christlich-Demokratische Politik ACDP III-031-A160 Sankt Augustin; Auswertung der Jahresstatistik bis 1. November 1951. Vorlage für die Sitzung des Politischen Ausschusses am 4. Dez. 1951, ACDP VII-011-1841 Sankt Augustin. Автор работал с документами архива в ноябре-декабре 2015 г.

² Составлено на основе: Arbeitsbericht der Union für die Teilnehmer der 5. Jahrestagung vom 15. bis 17. September 1950 in Berlin – Staatsoper, ACDP III-031-A160 Sankt Augustin; Auswertung der Jahresstatistik bis 1. November 1951. Vorlage für die Sitzung des Politischen Ausschusses am 4. Dez. 1951, ACDP VII-011-1841 Sankt Augustin (дата работы: ноябрь 2015); Statistik CDU. Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der DDR im Bundesarchiv (SAPMO BArch) DY 30/IV/2/15/3. S.168. Berlin.

происходило увеличение, кроме категорий крестьян и других. Все же многие с/х работники предпочли перейти в Крестьянскую демократическую партию (КДП) или в СЕПГ.

Что касается численного состава ХДС, то с каждым месяцем количество членов союза уменьшалось. Данные за 1950-1952 гг. представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Динамика роста количества членов ХДС в 1950-1952 гг.³

Земля	1.1.1950	1.1.1951	1.7.1951	1.10.1951	1.1.1952
Берлин	-	1755	1842	1910	1928
Бранденбург	24900	20528	18321	17873	17642
Мекленбург	28227	23986	22803	22465	21867
Саксония-Ангальт	46604	41116	38190	38008	37060
Саксония	70961	60451	56022	54941	53554
Тюрингия	35296	33206	32482	32417	32163
Всего	205988	181042	169660	167614	164214

К 31 октября 1952 г. в ХДС было 155 823 члена, что на 5,7% меньше, чем в мае того же года. Женщин в союзе по-прежнему было много – 38,9%, хотя процент домохозяек из них сократился.

В «первом государстве рабочих и крестьян на немецкой земле» церковь была на особом положении. Поэтому ХДС как партии, защищающей интересы верующих, предстояло правильно позиционировать себя по отношению к церкви и государству. В ГДР партия должна была играть роль посредника между ними, но не выходить за рамки дозволенного, границы которого определяла СЕПГ.

Функционеры союза понимали, что проблема взаимоотношений между государством и церковью в ГДР есть. Эти внутривластные трудности, по их мнению, использовались противниками ГДР в пропагандистской деятельности. 5 декабря 1950 г. союзом были составлены тезисы для заседания политического комитета по вопросу государства и церкви. Среди прочего в документе значилось, что «...2) ХДС как партия христиан, действуя на основе христианской ответственности, не позволяет государственным структурам вмешиваться в вопросы внутрицерковной организации и призывает всех к ответственному сотрудничеству; 3) ХДС ожидает от церквей и религиозных общин ГДР, что они признают конституцию как основу для отношений между государством и церковью. Безусловное уважение государственных законов и всего политического и общественного порядка должно быть следствием этого. Отделение церкви от государства не значит, что церковь может представлять государство в государстве, которое ведет свое особое существование и будет при этом желательным центром враждебных по отношению к ГДР намерений. ХДС ожидает от церквей, что они призовут своих верующих к ответственному сотрудничеству во всех общественных делах и отказу от всякого рода препятствий госу-

³ Составлено на основе: Mitgliederstand. Mitgliederbewegung für die Zeit von 1946-1952, ACDP VII-011-5911. Sankt Augustin.

дарственным должностным лицам во время исполнения ими своих обязанностей. Где все же будут происходить нарушения, ХДС обязуется предоставлять защиту и помощь государству вопреки воле церкви; 5) ХДС остерегается себя от снова и снова появляющемся намерении политического раскола католиков и протестантов по политическим причинам. Союз приветствует каждую организационную единицу христиан всей Германии, объединившуюся благодаря общегерманским интересам. Однако партия сожалеет, что бывают такие организации, которые выступают против ГДР...»⁴.

Проблема взаимоотношения церкви и государства и роли в ней ХДС поднималась на шестом съезде ХДС в октябре 1952 г. Высказываясь по поводу задач ХДС, Нушке отметил: «...наша цель – призывать христиан к сотрудничеству в общественной жизни и подводить христианских людей к государству. Наша главная задача в том, чтобы церковь и государство не противопоставлялись друг к другу. Поэтому важна наша роль посредника»⁵.

На многие вопросы взаимоотношений партии и церкви, партии и государства, роли ХДС в социально-экономической и политической жизни ГДР должна была ответить новая идеология союза, пришедшая на смену уже не отвечающему требованиям времени «христианскому социализму». «Христианский реализм» был принят в качестве партийной идеологии в 1951 г. и, в отличие от предыдущей идейной платформы, был документально засвидетельствован под названием «22 тезиса христианского реализма».

12 июня 1951 г. в Берлине по инициативе Нушке была открыта «Центральная партийная школа ХДС», названная его именем. Руководителем школы был назначен временно замещающий председателя ХДС Саксонии-Ангальт Карл Бросман⁶. Школе было поручено обучать партийных функционеров всех уровней основам идеологии марксизма-ленинизма и умению связать это учение с догматами христианской веры.

Во вступительном слове на открытии учебного заведения Нушке указывал на ошибочность существующего утверждения, что христианство и коммунизм – это как огонь и вода. Чтобы понять истинность его утверждения, все христиане должны как можно быстрее ознакомиться с учением марксизма-ленинизма⁷. В образовательной программе и в воспитательном плане школы марксизм-ленинизм, наряду с «христианским реализмом», занимал главное место. Для слушателей были созданы все условия для совершенствования идеологической подготовки.

Партийным руководством перед школой ставились такие задачи: «а) проведение учебных курсов для обучения функционеров центрального и районного уровней; б) выработка учебного материала для партийного просвещения;

⁴ Wort der CDU zum Verhältnis von Staat und Kirche. Vorlage für die Sitzung des Politischen Ausschusses am 5. Dezember 1950, ACDP VII-011-1315. Sankt Augustin.

⁵ Otto Nuschke. Mensch. Politiker. Journalist. Berlin, 1953. S.173.

⁶ Richter M. Die Ost-CDU 1948 – 1952. Zwischen Widerstand und Gleichschaltung. Düsseldorf, 1991. S. 319.

⁷ Karl Marx in christlicher Sicht und Naturwissenschaften und dialektischer Materialismus. Vom Juni 1951, ACDP VI-015-034. Sankt Augustin.

в) тесное сотрудничество с Научной рабочей группой; г) руководство районными школами партии и их проверка по идеологической линии; д) контроль партийных консультантов по идеологической линии»⁸.

По образу центральной партийной школы «Отто Нушке» с 1952 г. в регионах было создано 6 окружных партийных школ: «Георг Дертингер» в Веймаре, «Геральд Гёттинг» в Шверине, «Магнус Дедек» во Фридерсдорфе, школы в Халле, Кэнсдорфе, Берлине⁹.

Как результат работы политического комитета ХДС и партийной школы на свет появилась уже упоминаемая новая программа партии под названием «22 тезиса христианского реализма». Документ был впервые озвучен 19-21 октября 1951 г. на партийной конференции в саксонском Мейсене. Сама рабочая конференция была апогеем партийной работы за 1951 г. Тем более, что в этом году ХДС не проводил съезда и этот факт добавлял мероприятию политического и организационного значения.

О том, что партийная конференция и принятые на ней «тезисы» имели важнейшее значение для союза, свидетельствует отчет, подготовленный сразу после конференции. В нем отмечалось: «...Мейсенское заседание доказывает, что Христианско-демократический союз ГДР вырос и окреп. Мы способны предпринимать научное и идеологическое основание нашей политики, которая имеет для христиан целой Германии большое значение. Это доказывает, что мы продвинулись вперед в борьбе за мир и единую Германию»¹⁰.

Мейсенская конференция также имела большое значение для подтверждения дружбы и сотрудничества христианских демократов с СЕПГ: «...мы стремимся не к отрицательной, а к положительной дискуссии с марксизмом-ленинизмом, и что мы ищем не противоположности, а точки соприкосновения. Необходима бдительность против враждебных идеологий, приходящих с Запада...»¹¹.

Что касается идеологической платформы конференции, то в тезисах по новому были сформулированы курс и партийная идеология ХДС. В документе прописывалось программное и идеологическое обоснование новой подчинённой роли союза целевым установкам советской стороны и СЕПГ. На место пропаганды религиозных христианских убеждений пришла пропаганда марксизма-ленинизма, дополняемая специально созданным для этой цели христианским словарём. Пропаганда марксизма-ленинизма в ХДС должна была увязываться с «христианской лексикой». Но не для того, чтобы критиковать марксизм, а, наоборот, для укрепления марксистской идеологии внутри партии. Это новое партийное мировоззрение ХДС должно было успешно применяться ВКП (б) СССР и СЕПГ для коммунистической агитации христианского населения Германии.

⁸ Plan für die Schulungsarbeit für das Jahr 1953. Vorlage für die Sitzung des Politischen Ausschusses am 28.11.52, ACDP VII-011-1841, S.4. Sankt Augustin.

⁹ Plan für die Schulungsarbeit für das Jahr 1953. Vorlage für die Sitzung des Politischen Ausschusses am 28.11.52, ACDP VII-011-1841, S.5. Sankt Augustin.

¹⁰ Die Bedeutung der Meissener Tagung und die sich aus ihr ergebenden Aufgaben für unsere Mitglieder, ACDP III-033-A 159, S.1. Sankt Augustin.

¹¹ Die Bedeutung der Meissener Tagung und die sich aus ihr ergebenden Aufgaben für unsere Mitglieder, ACDP III-033-A 159, S.6. Sankt Augustin.

По указанию генерального секретаря Геральда Гёттинга президиум ХДС постановил положить «22 тезиса христианского реализма» в основу идеологической работы и обучения в партийной школе. С января 1952 г., организовывались специальные годовые курсы по научному изучению «тезисов» и практическому ознакомлению с ними рядовых христианских демократов, где партийное руководство и научные работники школы должны были разъяснять обучающимся, в чем заключается смысл «христианского реализма»¹².

Тем не менее, «22 тезиса» не получили признания ни на западе, ни на востоке Германии. Члены ХДС ГДР не высказывали явного расположения к проповедованию христианской веры по коммунистическим принципам, к извращению её таким образом. На Западе же пресса ФРГ жестко отреагировала на эту пропагандистскую акцию. По мнению ее обозревателей, все идеологические усилия сводятся к одному: «христианский реализм» есть сталинизм в христианском макияже»¹³.

Новая идеологическая платформа союза еще раз свидетельствовала о том, что ХДС стал политическим придатком СЕПГ, разделив многие постулаты социализма. Именно для этого была принята новая программа партии, уже название которой было созвучно государственной идеологии ГДР («социалистический реализм» – «христианский реализм»). «22 тезиса христианского реализма» расцениваются как документ настоящей политической унификации. Как и всякая другая идеология, «христианский реализм» стал обязательным для каждого члена союза.

Такая политика ХДС ГДР на практике способствовала подавлению программной самостоятельности христианских демократов и подготавливала почву для неограниченного признания марксизма-ленинизма. Тем не менее, они уже на шестом съезде ХДС больше не использовались в качестве идеологической основы партии. Главной идеологической платформой ХДС был официально определен марксизм-ленинизм¹⁴.

Правительство ГДР, взяв курс на строительство социализма, очень торопилось формировать «строителей нового общества». Раскол Германии и Европы произошел, конфронтация между Востоком и Западом усиливалась. Строительство социализма в ГДР потребовало значительных усилий как от самого немецкого народа, так и от советских властей.

Вплоть до падения Берлинской стены ХДС ГДР выступал в блоке с СЕПГ и рядом других партий и общественных организаций, входя в Национальный фронт ГДР. По сути, партия являлась послушным проводником политики СЕПГ среди немецких христиан. 1 – 2 октября 1990 г. в Гамбурге был проведен 38-й съезд ХДС ФРГ, который вошел в историю партии как «объединительный»¹⁵. 3 октября 1990 г. ХДС ГДР вошел в состав ХДС единой Германии.

¹² Die Bedeutung der Meissener Tagung und die sich aus ihr ergebenden Aufgaben für unsere Mitglieder, ACDP III-033-A 159, S.11. Sankt Augustin.

¹³ Richter M. Die Ost-CDU 1948 – 1952. Zwischen Widerstand und Gleichschaltung. Düsseldorf, 1991. S. 321.

¹⁴ Richter M. Die Ost-CDU 1948 – 1952. Zwischen Widerstand und Gleichschaltung. Düsseldorf, 1991. S. 321.

¹⁵ Петелин Б.В. Ранняя история Христианско-демократического союза: Конрад Аденауэр – Якоб Кайзер – Отто Нушке. 1945 – 1952. Череповец, 2014. С. 113.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Алленов Сергей Георгиевич, кандидат исторических наук, доцент, г. Воронеж (Россия)
2. Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского, г. Брянск (Россия)
3. Божик Кристина Богдановна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, г. Москва (Россия)
4. Вашкау Нина Эмильевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк (Россия)
5. Ватлин Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва (Россия)
6. Ветте Вольфрам, доктор исторических наук, профессор, г. Фрайбург (ФРГ)
7. Григорьева Вера Захаровна, главный библиотекарь Научного читального зала Государственной публичной исторической библиотеки России (ГПИИБ России), г. Москва (Россия)
8. Дамье Вадим Валерьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, г. Москва (Россия)
9. Добровольский Евгений Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, учитель истории Центра образования имени И.А. Милютина, г. Череповец (Россия)
10. Евдокимова Татьяна Васильевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществоведения Волгоградского государственного социально-педагогического университета, г. Волгоград (Россия)
11. Ермаков Александр Михайлович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль (Россия)
12. Зубачевский Виктор Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, социологии и политологии Омского государственного педагогического университета, г. Омск (Россия)
13. Ивонина Ольга Ивановна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск (Россия)
14. Ищенко Виктор Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий Отделом обеспечения деятельности научных подразделений и международного научного сотрудничества Института всеобщей истории РАН, ответ-

ственный секретарь российской части Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений, г. Москва, (Россия)

15. Канинская Галина Николаевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, г. Ярославль (Россия)

16. Кленышева Наталья Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк (Россия)

17. Кожевникова Анастасия Михайловна кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, г. Ставрополь (Россия)

18. Коршунов Юрий Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, сотрудник секретариата российской части Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений, г. Москва (Россия)

19. Карпович Олег Валерьевич, аспирант кафедры истории славянских государств Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно (Республика Беларусь)

20. Кузьминых Александр Леонидович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, г. Вологда (Россия)

21. Малашук Павел Владимирович, преподаватель Бобруйского медицинского колледжа Могилёвской области, г. Бобруйск (Республика Беларусь)

22. Михайленко Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Института социальных и политических наук Уральского Федерального университета, Заслуженный деятель науки РФ, г. Екатеринбург (Россия)

23. Некрылова Ольга Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, г. Елец (Россия)

24. Нольте Ханс-Хайнрих, доктор исторических наук, профессор, г. Ганновер (ФРГ)

25. Образцова Екатерина Васильевна, кандидат исторических наук, МБУДО ЦРТДиЮ «Спутник», методист, г. Воронеж (Россия)

26. Радькова Ольга Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, г. Брест (Республика Беларусь)

27. Смирнов Дмитрий Александрович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Ивановского политехнического университета, г. Иваново (Россия)

28. Стрелец Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор, г. Брест (Республика Беларусь)

29. Талашова Валентина Александровна, кандидат исторических наук, доцент, г. Вологда (Россия)

30. Терехов Олег Эдуардович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, г. Кемерово (Россия)
31. Тимофеева Наталья Петровна, кандидат исторических наук, доцент, руководитель Научно-образовательного центра устной истории в Воронежском институте высоких технологий, г. Воронеж (Россия)
32. Уваров Геннадий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк (Россия)
33. Черноперов Василий Львович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета, г. Иваново (Россия)
34. Хавкин Борис Львович, доктор исторических наук, профессор факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (Россия)

Научное издание

**РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ В СУДЬБАХ
РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ**

**К 90-летию со дня рождения
профессора Александра Ивановича Борозняка**

Материалы Международной научной конференции
Липецк, 3 февраля 2023 г.

Подписано в печать 31.01. 2023 г.

Формат 60x84 1/16.

Гарнитура Times New Roman.

Бумага для копировальной техники.

Усл.- печ. 19,9. Тираж 100 экз.

Заказ № 1923.

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42

Отпечатано в отделе редакционно-печатной деятельности
ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42